

ЛАЙОНЕЛ РОББИНС

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Лекции в Лондонской школе экономики

LONDON SCHOOL
OF ECONOMICS &
POLITICAL SCIENCE

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

**ИСТОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ**

Lionel Robbins

A History of Economic Thought

The LSE Lectures

Edited by

STEVEN G. MEDEMA *and*

WARREN J. SAMUELS

PRINCETON UNIVERSITY PRESS

1998

Лайонел Роббинс

История экономической мысли

Лекции в Лондонской
школе экономики

Перевод с английского

Натали В. Автономовой

под редакцией

Владимира Автономова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА • 2013

УДК 330.8
ББК 65.02
Р58

Роббинс, Л.

Р58 История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики / пер. с англ. Н. В. Автономовой под ред. В. С. Автономова. — М.: Изд. Института Гайдара, 2013. — 496 с.

ISBN 978-5-93255-365-7

Наибольшую известность Лайонелу Роббинсу (1898–1984) принесли его работы по экономической теории, методологии и анализу экономической политики. Во время Второй мировой войны он возглавлял экономическую часть кабинета Уинстона Черчилля, а после ее окончания долгое время руководил газетой «Financial Times». Как историк экономических идей он может сравниться с Йозефом Шумпетером.

Публикуемые лекции, читавшиеся в Лондонской школе экономики в 1979–1981 годах и записанные на магнитофон внуком Роббинса, показывают его глубокое знание истории экономической мысли, заразительную увлеченность предметом, красноречие и остроумие. В лекциях освещаются экономические идеи многих мыслителей, начиная с Платона, Аристотеля и Фомы Аквинского. Роббинс подробно останавливается на работах Адама Смита, Томаса Мальтуса, представителей классической политической экономии, Карла Маркса и Альфреда Маршалла. Лекции объединены убежденностью Роббинса в том, что современные институты и общественные науки невозможно по-настоящему понять без осознания идей, стоявших за их развитием.

УДК 330.8

ББК 65.02

© Издательство Института Гайдара, 2013

Copyright © 1998 by Princeton University Press

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, поиск и хранение информации, без письменного разрешения издателя

ISBN 978-5-93255-365-7

Содержание

Предисловие · 9

Введение · 12

А. ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Лекция 1. Введение — Платон · 33

Лекция 2. Платон и Аристотель · 47

Лекция 3. Фома Аквинский и схоласты · 61

Лекция 4. Памфлетисты о деньгах (Орезм, Боден, «У. С.») · 73

Лекция 5. Памфлетисты: меркантилизм (Малин, Мисселден, Ман) · 86

Лекция 6. Сэр Уильям Петти · 98

Лекция 7. Чайлд и Локк (процент) · 112

Б. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Лекция 8. Кантильон · 123

Лекция 9. Кантильон (окончание) — физиократы · 135

Лекция 10. Физиократы — Тюрго · 147

Лекция 11. Локк и Юм о собственности —
Юм о деньгах · 158

Лекция 12. Юм о проценте и торговле — предшественники
Адама Смита · 170

Лекция 13. Общий обзор намерений Смита — «Богатство
народов»: аналитическая часть (I) · 183

Лекция 14. «Богатство народов»: аналитическая
часть (II) · 193

Лекция 15. «Богатство народов»: аналитическая
часть (III) — экономическая политика (I) · 206

Лекция 16. «Богатство народов»: экономическая
политика (II) · 219

В. КЛАССИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ XIX ВЕКА

- Лекция 17. Общий обзор — Мальтус о населении · 235
Лекция 18. Ценность и распределение: происхождение —
аналитическая часть (I) · 247
Лекция 19. Теория ценности и распределения:
аналитическая часть (II) · 258
Лекция 20. Теория ценности и распределения:
аналитическая часть (III) · 268
Лекция 21. Равновесие во всей экономике · 279
Лекция 22. Международная торговля · 290
Лекция 23. Джон Стюарт Милль · 301

Г. ПРОЧИЕ ЭКОНОМИСТЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

- Лекция 24. Милль (продолжение) — Сен-Симон
и Маркс · 315
Лекция 25. Маркс (продолжение) — Лист
и историческая школа · 324

Д. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОГО АНАЛИЗА

- Лекция 26. Историческая школа (продолжение) —
Предвестники перемен: Курно, фон Тюнен и Рэ · 337
Лекция 27. Маржиналистская революция (I):
Джевонс · 349
Лекция 28. Маржиналистская революция (II): Джевонс
и Менгер · 360
Лекция 29. Маржиналистская революция (III): издержки
(Визер) — ценообразование факторных услуг (Визер,
Кларк, Уикстид) · 371
Лекция 30. Теория капитала: Бём-Баверк и Фишер · 381
Лекция 31. Вальрас — Парето · 392
Лекция 32. Маршалл · 402
Лекция 33. Деньги: Фишер, Маршалл, Виксель · 414

Послесловие. Дальнейшая эволюция предмета · 425

- Список литературы · 441
Приложение А. Список книг для чтения
Лайонела Роббинса · 448
Приложение Б. Труды Роббинса по истории
экономической мысли · 463
Библиография · 470

*Памяти леди Роббинс
(1896–1997)*

Предисловие

БЛЕСТЯЩИЕ лекции, собранные в этой книге, не нуждаются в представлении, а кропотливый труд работавших над ними редакторов — в комментариях. Зачем же я пишу это предисловие, что ценного я надеюсь добавить к содержанию книги? Дело в том, что мне, как и многим другим до и после меня, когда-то повезло сидеть в аудитории и слушать, как эти лекции читает их автор, выдающийся человек, мой учитель, а впоследствии и близкий друг. Любой, кто прочтет эти лекции, несомненно оценит по заслугам их стиль, объем охваченного материала, ослепительно яркий ум их автора и то стимулирующее воздействие, которое они оказывают на читателя. Я могу только попытаться рассказать о том незабываемом опыте, который получил, слушая эти лекции из уст автора.

Главной составляющей этого опыта был сам лектор. Высокий, крупный, осанистый, он обладал гулким голосом и львиной гривой, которые заставляли всех его студентов изумляться тому, как счастливо соединились в нем гены его предков. Назвать его сильной личностью означало бы ничего не сказать о его характере. Студенты постоянно бессознательно копировали его стиль, характерные черты и особенности речи, принадлежавшие прежнему веку, не столь механизированному, как нынешний. Однако при ближайшем знакомстве любому становилось понятно, что Роббинс не был властным человеком. Он обладал отличным чувством юмора и был прекрасным рассказчиком. Он был неизменно добр и заботлив, особенно по отношению к молодым людям и особенно в отсутствие свидетелей его добрых поступков. Но больше всего в нем поражали владение языком, ясность ума и потрясающая эрудиция, которой сопутствовала изумительная память.

Чтобы проиллюстрировать эти черты, я расскажу одну историю, хотя мог бы привести их множество. Как это иногда случалось, я обедал с Лайонелом, и к нам присоединился Гарольд Ласки. Я занимал в то время должность ассистента преподавателя, столь низкую, что в США у нее даже нет эквивалента. Вскоре разговор перерос в оживленную дискуссию о каких-то малоизвестных авторах XIX века и их еще менее известных критиках того же периода; я понятия не имел ни об одном из них. Однако я не был обречен на роль немого слушателя. Время от времени по ходу беседы, высказав какую-либо мысль, Лайонел поворачивался ко мне и спрашивал: «Не так ли, мой дорогой Уильям?» Затем он делал паузу, достаточно долгую для того, чтобы я мог что-то сказать, если хотел, но недостаточно долгую для того, чтобы поставить меня в неудобное положение, если мне нечего было сказать.

Он знал бесконечно много, помимо экономической теории, об изящных искусствах, опере, литературе и истории, однако тот объем информации, которым он располагал в области экономической науки, поистине поражал. Значительную часть этих знаний он изложил в своих лекциях. Эти лекции читались в большой аудитории, называвшейся «старый театр», комнате, обшитой темными панелями, слабо освещенной и весьма слабо отапливаемой. Я учился в Лондонской школе экономики в 1946–1949 годах, сразу после окончания Второй мировой войны. Лондон еще хранил следы разрушительных бомбежек. Топлива и еды было мало, и они строго дозировались. Студенческая братия, наряженная в поношенную одежду, полученную по карточкам, являла собой толпу, неряшливую настолько, насколько только можно себе представить. Однако все невзгоды забывались, когда студенты и аспиранты слушали, зачарованные, гулкий голос лектора, который оживлял не только идеи, но и дух наших предшественников в сфере экономического анализа.

Во время моих более поздних визитов в Лондон Роббинс обычно водил свою очаровательную жену, личность не менее сильную, чем он сам, а также мою жену и меня заодно в Национальную галерею воскресным утром, когда музей был закрыт для посетителей, но открыт для него как члена попечительского совета. В один из последних таких походов он пожаловался мне, что ему начала изменять память.

Затем мы отправились бродить по галерее, и какая бы картина ни привлекла мое внимание, он неизменно сообщал, как она была приобретена в коллекцию музея, известен ли ее первый владелец и кто он, рассказывал о состоянии картины и о том, какие слои обнаружило на ней рентгеновское исследование.

Защитив диссертацию в Лондонской школе, я отправился в Принстонский университет вести собственный семинар по истории экономической мысли и занимался этим около двадцати лет. Получив экземпляр этой книги от семейства Роббинсов, которые и сегодня остаются моими близкими друзьями, я задумался о том, насколько полезной она может оказаться для меня сегодня. Я наугад открыл том и попал на главу о Мандевиле, в которой Лайонел хвалит стиль и мудрость этого пришельца из иной страны (Голландии) и иной научной области (медицины). Меня охватило столь сильное желание перечитать Мандевиля, что следующие несколько недель я наслаждался, самостоятельно убеждаясь в верности этих наблюдений одного блестящего ума за другим.

В последние годы все письма, которыми обменивались я, Лайонел и его жена Айрис, неизменно заканчивались словами «с любовью». Надеюсь, что сумел в своем предисловии передать какую-то часть этого чувства.

Уильям Дж. Баумаль

Введение

ЭТИ ЛЕКЦИИ, которые впервые издаются в печатном виде, Лайонел Роббинс читал в Лондонской школе экономики в 1979–1980 и 1980–1981 годы.

В Великобритании XX века Лайонел Роббинс был одним из гигантов в области университетского образования вообще и в области экономической теории в частности. Он сделал выдающуюся политическую карьеру, став экономическим советником правительства, а также добился успеха как покровитель искусств, журналист и реформатор системы высшего образования¹. Возможно, Роббинс лучше известен в экономической науке благодаря своей работе в области экономической теории и методологии (отметим работу «Эссе о природе и значении экономической науки», 1932) и в области теории экономической политики, но Роббинс к тому же был ведущим английским историком экономической мысли. Он написал основополагающие труды по нескольким темам. Среди них «Теория экономической политики в английской классической политической экономии» (1952), «Роберт Торренс и эволюция классической экономи-

---

1. См.: *Lionel Robbins, Autobiography of an Economist* (London: Macmillan, 1971), а также биографические и прочие материалы в: *D. P. O'Brien, Lionel Robbins* (New York: St. Martin's Press, 1988) и «Lionel Charles Robbins, 1898–1984», *Economic Journal* 98 (March 1988): 104–125; *Mark Blaug, Great Economists since Keynes* (Totowa, N.J.: Barnes & Noble Books, 1985); *Марк Блауг*. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2008; *T. W. Hutchison, Robbins, Lionel*, in D. L. Sills, ed., *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 18 (New York: Free Press, 1979); *M. Peston, «Lionel Robbins: Methodology, Policy and Modern Theory»*, in J. R. Shackleton and G. Locksley, eds., *Twelve Contemporary Economists* (London: Macmillan, 1981); *B. A. Corry, «Robbins, Lionel Charles»*, in J. Eatwell, M. Milgate, and P. Newman, *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 4 (London: Macmillan, 1987).

ческой науки» (1958), «Теория экономического развития в истории экономической мысли» (1968) и «Эволюция современной экономической теории» (1970).

Существует несколько знаменитых курсов лекций по истории экономической мысли. К наиболее известным и уважаемым принадлежат лекции Уэсли К. Митчелла, прочитанные в Колумбийском университете, Джейкоба Вайнера в Чикаго и Принстоне, Йозефа Шумпетера в Гарварде, а также Эдвина Р. А. Селигмена в Колумбийском университете. К ним же принадлежат лекции, прочитанные Лайонелом Роббинсом в Лондонской школе экономики. Эти лекции, равно как и печатные работы Роббинса, повлияли на многих, если не на всех, ведущих историков экономической мысли следующего поколения в Англии и других странах.

Приведенные в этой книге лекции, читавшиеся Роббинсом, когда ему было уже за восемьдесят, производили на аудиторию неизгладимое впечатление. Роббинс обладал недюжинной эрудицией и ораторским даром, а кроме того, мотивацией, для того чтобы преподавать свой любимый предмет интересно и основательно. Его лекции являются образчиком точности, яркости и красоты изложения. Однако это всего лишь лекции — они ограничены манерой изложения, временными рамками и языковым стилем, в них опущено немало содержательной информации и подробностей. Если бы Роббинс писал трактат, он написал бы совсем другой текст, хотя лекции в некоторой мере представляют его мнение по тем вопросам, которые он освещает.

Из лекций Роббинса можно многое узнать об истории экономической мысли. Хотя они, возможно, и не лучшее пособие для человека, только начинающего знакомиться с этой областью, это все равно полезное и интересное чтение. Наибольшую ценность лекции имеют для тех, кому интересен либо Роббинс сам по себе, либо его манера преподавать историю экономической мысли и его интерпретация различных спорных вопросов.

История экономической мысли не пишет себя сама. Экономика, развитие экономической мысли и экономической науки как профессиональной дисциплины, равно как и рассказ об истории этого развития, являются социально творимыми артефактами, поэтому читателю будет интересно узнать, как творил историю экономической мысли Роббинс.

В первой лекции Роббинс рассказывает о своем предмете и о том, как он планирует его излагать. Роббинс считает, что история экономической мысли может быть полезна как для понимания того, что происходит в современном мире, так и для понимания интеллигентной беседы на экономические темы. Хотя история естественных наук не слишком важна для понимания современной физики и биологии, об экономической науке нельзя сказать того же. «Современные институты и современное мышление пронизаны наследием прошлого, и знать, как родилась та или иная идея, какие перипетии она претерпела, внутренне, в ходе развития предмета, и внешне, в смысле влияния, оказанного ей на теории об обществе, как она изменилась сегодня, какой смысл имеет в ежедневном общении», — все это важно для того, чтобы иметь глубокое, а не поверхностное понимание происходящего. В связи с этим Роббинс весьма к месту использует цитаты из Марка Паттисона и Джона Мейнарда Кейнса: «Я бы настаивал, что современные идеи в области экономического анализа сложно понять, не имея некоторого понимания о том, как они развивались», — говорит он. Один из примеров, которые приводит Роббинс, это политика *laissez-faire*, и в нескольких своих публикациях, особенно в «Теории экономической политики в английской классической политической экономии», он существенно расширяет наше понимание основ экономической роли правительства. Если бы те, кто сегодня спорят об этой политике, были лучше ознакомлены с фактами, которые приводит Роббинс в своей работе, их дискурс был бы куда глубже и тоньше, и меньше страдал бы от идеологических манипуляций, чем теперь. Нужно понимать, что глубокий дискурс не предполагает изначальных допущений относительно того, чьи интересы имеют больший вес в правительственной политике; он просто проясняет природу изменений политики.

Далее Роббинс рассказывает о том, как будет излагать свой предмет. Он отстаивает широкий подход, рекомендуя избегать крайностей: не выдавать экономические идеи за побочный продукт современных социоэкономических условий, но и не обращаться с ними как с единственными примерами чистой теории. В качестве примера такого подхода Роббинс приводит Давида Рикардо, идеи которого стимулировали насущные проблемы его времени, но который

рассматривал их как чисто абстрактную теорию, «теорию, более чистую и более отстраненную от окружающей действительности, чем у любого другого экономиста, не считая современных математических экономистов». Роббинс также следует широкому, или эклектическому, подходу к организации своего курса: «Я пойду своим путем — иногда буду говорить о доктрине, иногда о людях, иногда о периодах». В том же, что касается возможности ученого «беспристрастно рассматривать проблемы, столь тесно связанные с его интересами и повседневной жизнью», Роббинс солидарен с Гуннаром Мюрдалем, который считает необходимым разоблачать свою необъективность, как только заметишь ее.

Организация и содержание лекций отражают Роббинсово понимание того, что такое экономическая теория и экономика. Как и большинство экономистов мейнстрима, Роббинс фокусирует свое внимание на обмене, ценообразовании (ценности) и распределении ресурсов, а следовательно, на ценовом механизме и функционировании чисто концептуальных рынков. Более широкие соображения, такие как организация экономической системы и контроль за ней, отношения между теорией знания и социальной политикой, а также проблема порядка (отношения между свободой и контролем, непрерывностью и изменениями, иерархией и равенством), теории, которые были центральными в работах таких экономистов мейнстрима, как Фрэнк Х. Найт и Джозеф Дж. Спенглер, зачастую затрагиваются Роббинсом лишь проходя. Например, рассматривая Платона и Аристотеля, Роббинс концентрируется на проблеме коммунизма среди правителей-стражей и на рабстве, хотя упоминает и более широкие последствия распределения труда, а о Риме говорит, что в нем не было никакой существенной экономической мысли. Несмотря на это, вопросы правосудия (что Роббинс признает), системной организации и контроля бурно обсуждались как в Афинах, так и в Риме, и Платон с Аристотелем известны как представители разного отношения к проблеме знания как основы политики (проблема идеализма и реализма).

Таким образом, подход к истории экономической мысли зависит от понимания лектором предмета экономической науки. Когда Роббинс рассказывает о древних авторах как о предвестниках экономической науки в исторической лите-

ратуре и моральной философии, вместо того, чтобы рассматривать самостоятельную раннюю экономическую мысль, он явно отождествляет экономическую мысль с современным мейнстримом, несмотря на то что экономическая теория после XVIII века всегда была разнообразна и включала немало ортодоксальных и гетеродоксальных школ и отдельных авторов. Тема предвестников в истории экономической мысли во многом типична для либерального подхода². Идеи прошлого в основном оцениваются по тому, насколько они значимы в отношении к современной экономической теории, причем к ее более или менее единственной вариации. Ранняя экономическая мысль занималась вопросами, которые неоклассические теоретики не считают собственно вопросами экономической науки, хотя эти проблемы были основными для марксистов, представителей австрийской школы и экономистов-институционалистов, а иногда и для самого Роббинса (например, в работах «Теория экономической политики в английской классической политической экономии» (1952); «Роберт Торренс и эволюция классической экономической науки» (1958), «Политика и экономика: работы по политической экономии» (1963); «Теория экономического развития в истории экономической мысли» (1968); «Эволюция современной экономической теории» (1970), а также «Политическая экономия: прошлое и настоящее» (1976)). Несмотря на это, Роббинс признает, что «экономическая теория и то, что я называю политической экономией, пошли разными путями» и что сам он больше интересуется вопросами, изложенными в «Основах политической экономии» Джона Стюарта Милля — хотя он также отмечает, что Миллева работа «Некоторые нерешенные вопросы политической экономии» является «экономической наукой в строгом смысле слова, в узком смысле слова».

Мнение Роббинса о сути экономической науки можно определить по тем выражениям, которые он использует, переходя от рассказа о Юмовой теории собственности к его

---

2. «Виговский» либеральный подход анализирует историю экономической мысли с точки зрения ее прогресса от ошибочных идей к истинным. Идеи прошлого считаются важными только в сравнении с современными идеями, они не рассматриваются самостоятельно в том историческом контексте, в котором развивались.

теории денег. Довольно подробно рассказав о теории собственности Локка и еще подробнее (с длинными цитатами) о Юмовой теории собственности, он говорит: «Вклад Юма в аналитическую экономическую науку, а не в основы политической экономии, о которых мы говорили до сих пор...» Еще более явно он выражает свою позицию несколько раньше, перед рассказом о Локке, когда говорит, что собирается «начать с размышлений Юма о собственности, а потом перейти к более аналитическим частям тех его эссе, в которых говорится об экономических вопросах». Роббинс не случайно повторяет эту мысль. Некоторые сказали бы, что теория собственности, столь фундаментальная для организации экономики и контроля за ней, действительно является частью экономической науки, даже «аналитической» экономической науки. В любом случае все это мы говорим только для того, чтобы лучше понять Роббинсово видение экономики и влияние этого видения на то, что и как он рассказывал студентам.

Иногда Роббинс демонстрировал свое напряженное отношение к подобным вопросам. Что, например, мы должны думать, когда он говорит: «Притом что Джевонс занимает очень высокое положение в истории экономического анализа, еще больших успехов он добился в области общественных наук в целом?» Ответ можно предположить по его словам, сказанным чуть позже: «С вашей точки зрения (не с точки зрения этих лекций), у Джевонса есть четыре важнейшие работы...». Такое ощущение, что Роббинсу нелегко ограничивать содержание своих лекций заданными рамками, но он делает это, чтобы они не разрастались чрезмерно. Похоже, что разделение на аналитическую экономическую теорию (которую иногда он приравнивает к экономической теории вообще) и политическую экономию, прикладную экономическую теорию, общественные науки и так далее нужно были ему в основном для сохранения этой компактности, так что его уточнения можно не принимать всерьез, с научной точки зрения. Роббинс однажды произносит и многократно подразумевает следующее: «Все это я игнорирую как выходящее за рамки того предмета, который я вам читаю». Конечно, стремление к компактности влияет на то, как организованы лекции Роббинса, и до некоторой степени на их содержание. Тем не менее, обсуждая Визерову теорию вме-

нения, Роббинс утверждает, что «социальные и моральные обстоятельства», хотя это и очень «скучно», могут быть существенны и важны для того, чтобы сделать вывод о причине события. Аналогичное замечание он делает в лекции по теории предельной производительности:

Представьте, что вы говорите очень умному работнику, который получает очень маленькую зарплату, что его зарплата определяется его предельной производительностью и потому справедлива. Этот умный, но зарабатывающий мало человек мог бы вам ответить: «Я согласен, что получаю вознаграждение согласно предельной ценности моего продукта для работодателя, но вы не объяснили причин, по которым моя предельная производительность так низка; вы ничего не сказали о том, почему мои родители не смогли накопить капитал, который позволил бы сделать мою предельную производительность выше, не говоря уже обо всех институциональных причинах, которые мешают моей мобильности, широте возможностей и доступу к местам, где заработная плата, определяемая предельной производительностью, выше».

Это, я думаю, ставит крест на предположении Дж. Б. Кларка³.

-
3. Этот отрывок перекликается с работой «Эволюция современной экономической теории», в которой Роббинс пишет: «В связи с этим я хотел бы здесь и сейчас отречься от некоторых способов применения этого анализа. Иногда утверждалось, — главный виновник этого, скорее всего, Дж. Б. Кларк — что доказательство того, что в конкурентной среде производственные агенты получают плату согласно ценности своего предельного физического продукта, является также доказательством того, что подобная система справедлива. Это, конечно, совершенно *non sequitur*, кроме того, такой вывод может и, скорее всего, будет применяться пристрастно. Прежде чем начинать обсуждать справедливость распределения, мы должны исследовать условия: распределение собственности, доступность необходимого образования, доступ к информации и так далее, которые приводят к тому, что человек производит именно такой предельный продукт, какой производит, а для этого нам понадобится учесть множество обстоятельств, не входящих в рамки предмета того анализа, который я обсуждаю. Однако нужно отметить, что ведущие сторонники этой идеи, не считая фон Тюнена, таких утверждений не делали. Если вспомнить Маршаллово осторожное применение этой идеи, *locus classicus*, мы обнаружим, что он решительно отрицает, что она позволяет построить полную теорию распределения, даже в узком ее смысле, и справедливо классифицирует ее как частичное объяснение производного спроса и необходимый компонент идеи замещения» (*Lionel Robbins, The Evolution of Modern Economic Theory. Chicago: Aldine, 1970, p. 19–20*). Роббинс дважды отмечает, как существенна кри-

Мы рекомендуем читателю не делать быстрых и опрометчивых выводов на основании замечаний Роббинса. Например, обсуждая, как Смит заметил, что после изобретения пороха и большей специализации в оборонной сфере издержки на оборону начали расти, Роббинс заключает: «В этом отрывке нет экономического анализа, так что мы двигаемся дальше». Это крайне странно слышать от автора, опубликовавшего книги «Экономические причины войны» (1939) и «Экономическая проблема мира и войны» (1947). В другой лекции, обсудив Мальтусову теорию народонаселения и ее последствия, Роббинс говорит, что «это скорее эпизод из истории политической экономии, чем из истории экономической теории»; однако вскоре после этого он подчеркивает, что теория населения «вместе с трудами Адама Смита была фундаментальной предпосылкой» классической экономической теории XIX века. Мы не уверены, что таким высказываниям стоит придавать аналитическое или историографическое значение. Как бы то ни было, Роббинс читал курс по истории экономической мысли, а не по экономической теории.

Примечательно также замечание Роббинса о «Федералисте», который он считает «лучшей книгой по политологии и ее широким практическим аспектам, написанной за последнюю тысячу лет». Роббинс восхищается этой классической американской работой и говорит, что «учебники истории экономической мысли не пишут о Гамильтоне столько, сколько он заслуживает».

В свете того, что Роббинс постоянно пытается сузить область, о которой рассказывает, интересно его предостережение о том, что «вы должны не просто быть экономистами, но иметь какое-то общее понимание о социальных исследованиях. А любой, кто всерьез воспринимает социальные науки, должен ознакомиться с Максом Вебером, даже если в конечном итоге вы и не сойдетесь с ним во мнениях»⁴.

тика использования Сениором слова «воздержание» при объяснении процента. Еще о частичных теориях см. далее.

4. Кстати об истории экономической науки — не путать с историей экономической мысли — Роббинс делает интересное замечание о том, что «Экономическая наука в том виде, в котором она развивалась в XIX веке, не была предметом, книги по которому входили в программу обязательного чтения всякого образованного человека».

Интересно также, что в начале третьей лекции Роббинс, похоже, хочет сказать, что развитие экономической науки в том виде, в котором мы ее знаем, не могло произойти до развития преимущественно денежной экономики, характеризующейся наличием торговли и промышленности. В свете этой идеи интересен его подход к некоторым аспектам справедливой цены в терминах противопоставления изоляции и организованного социального обмена. Читая лекции Роббинса, мы невольно восхищаемся его широтой взглядов и корректностью. Не раз он предупреждает, что его собственный или чей-то еще комментарий предвзят. Он также честно признает, что в своих лекциях по экономической мысли Средневековья во многом опирался на вторичные источники. Иногда он цитирует собственные труды, но и в этом случае предлагает слушателям варианты толкования и не называет их истиной в последней инстанции. Роббинс также отмечает, что получает небольшие авторские отчисления за написанное им предисловие к книге, но при этом не рекомендует студентам покупать ее.

Курсы по истории экономической мысли призваны расширить кругозор студентов⁵. Роббинс великолепно справляется с этой задачей. Можно отметить сразу несколько типичных черт, позволяющих ему это делать: он всесторонне подходит к истории экономической мысли. Он призывает слушателей быть внимательными к появлению в экономической теории слова, а значит, и понятия «естественный», позволяя студентам распознать его проблематику, вместо того чтобы позволить им приписать его авторство кому-либо. Он разделяет меркантилизм в его узком и широком понимании. Он подчеркивает, что сказанное автором может быть исторически важным, независимо от того, согласен ли с ним читатель. Он отделяет аргументы ситуативные

---

5. Возможно, это объясняет следующие слова Роббинса: «Мне рассказывали о заседании Американской экономической ассоциации... На этих заседаниях толпы американцев собираются в небоскребах столичных городов разных штатов в США, читаются доклады, а экономисты постарше присматривают себе экономистов помоложе, чтобы забрать их на свои кафедры. Это совсем не такая плохая система, не стоит смотреть на нее свысока. В этом веке она хорошо повлияла на систему производства экономистов в Соединенных Штатах». Конечно, это весьма неполное описание рынков работников научного труда.

от доктринальных и абсолютных. Он настаивает на разделении количественной и неколичественной версий утилитаризма и на разделении упрощенной и сложной интерпретации понятия естественного права. Он предостерегает нас по поводу Локковой контрактной теории денег, говоря, что ему такое объяснение «не кажется слишком убедительным, но оно постоянно звучало в политическом дискурсе XVIII века, и вы должны о нем знать». Он критикует моделирование: «Используя экономический жаргон, мы часто называем моделями совершенные банальности». Он привлекает внимание к важности дефинитивных различий при сравнении разных авторов. Он защищает Сэя: «Дурная слава держится крепко. Вероятно, закон Сэя так и останется законом Сэя, хотя история экономической мысли показывает, что Сэй виноват не больше остальных». Он отстаивает необходимость сочетать природную одаренность с образованием, говоря, что «не смог бы так долго работать преподавателем, если бы не верил, что образование иногда тоже бывает бесполезно». Он сожалеет о некоторых интерпретациях, говоря, что «иногда, для того чтобы узнать истину, нужно вернуться к исходному тексту». Он показывает, что преэминентность в истории экономической мысли зависит от того, как автор формулирует фундаментальные понятия, а также показывает, что любой вопрос «остается открытым и разумные люди вправе причислять Милля к своим сторонникам, если только они при этом оговаривают все условия».

В лекциях встречаются некоторые странности. Например, Роббинс защищает Адама Смита от обвинений Теренса Хатчисона в том, что Смит не сослался в своей книге на труд Джеймса Стюарта. Роббинс пишет, что «Смит имел полное право не рекламировать своего оппонента, который в то время вернулся в Шотландию и вращался с ним в одних кругах».

Роббинс также утверждает, что одной из задач историка экономической мысли является исправление ошибок, связанных с неверным толкованием и пониманием старых текстов. Эта работа наиболее важна в случае классической экономической теории:

Время шло, и меня все больше стала беспокоить грубость и ошибочность многих современных концепций относительно истоков сегодняшнего спора, особенно в отношении

знаменитой классической системы. Я помню, как Кэннан привлек мое внимание к высказыванию тогдашнего декана Баллиольского колледжа о том, что классические экономисты «защищали» минимальные зарплаты — предположение совершенно не научное и ошибочное. По мере развития современных дебатов о теориях политики, я все сильнее чувствовал, что классическая система вообще, исковерканная до невероятного предела, стала удобной мишенью для нападок любого автора, желающего создать негативный фон, на котором выигрышно смотрелись бы его якобы просвещенные идсы. Мне это казалось крайне прискорбным. Я был далек от того, чтобы считать классическую теорию непогрешимой, и не думал также, что она сказала последнее слово по поводу поднятых ей вопросов. Но мне казалось, что современные концепции классической теории не только фальсифицировали историю, но и снижали качество того, что должно было быть серьезным и важным спором, делая его менее интересным вследствие крайней неточности и поверхностности» (Robbins, 1971, p. 226; см. прим. 1).

Эти рассуждения привели его к написанию «Теории экономической политики в английской классической политической экономии».

Если одной постоянной темой лекций Роббинса является мысль о том, что студенты и ученые должны пытаться верно понять мысли авторов, а не искажать их, то другая постоянная тема — это то, что конкретные экономические теории (например, теория процента, теория ценности и количественная теория) формулировались в разные времена по-разному, и задача курса истории экономической мысли заключается в том, чтобы предупредить студентов о богатстве теории, лежащей за пределами принятой сегодня формулировки. Более того, его подход к ценности, капиталу, деньгам и проценту предполагает, что каждая конкретная теория каждого из этих понятий освещает лишь какой-то один аспект, так что для полного их понимания необходимо существование и понимание многих теорий. Экономический национализм был единственной темой, к которой было применимо предостережение Роббинса о том, что все простые обобщения в этой области обыкновенно бывают ошибочными.

Роббинс делает несколько интересных заявлений по поводу математизации экономической науки. О «Теории по-

литической экономии» Джевонса он говорит, что «его математика хромает, так что Маршалл, я думаю, был прав, когда сказал, что лучше бы Джевонсу было не использовать математику вообще». Обсуждая Фишера, Роббинс отмечает, что «он не ограничивает себя геометрическим представлением своих идей. Он продолжает осторожно использовать математику». (Великие математические экономисты всегда используют математику довольно скромно. Они не делают выводов, которые нельзя было бы изложить в экономических терминах.) По поводу же метода кривых безразличия Роббинс замечает, что «Бог знает, какие понадобились бы наблюдения, чтобы обнаружить хоть сколько-то обширный набор кривых безразличия». Из уст теоретика это звучит несколько странно.

В своей «Автобиографии» Роббинс вспоминает о том, как готовился и читал лекции, во всяком случае в молодости: «Я полностью записывал текст своих лекций и проводил немало времени за заучиванием их наизусть. Спешу заметить, что я никогда не читал их по бумажке. В качестве подспорья я пользовался только краткими конспектами, написанными на полях» (Robbins, 1971, p. 104). Роббинс не только был образован и не просто владел материалом, он четко планировал свои лекции заранее. В лекции о Локке он замечает, что, «верный своему правилу освежать в памяти темы, о которых я собираюсь говорить, сам я прочел это эссе всего за полчаса». Кроме того, Роббинс всегда приносил на занятия экземпляры тех книг, о которых рассказывал.

Среди слушателей Роббинса были студенты, докторанты и магистранты, англичане и иностранцы. Роббинс ожидал от своих учеников значительного интереса к предмету, в том числе существенной внеклассной работы, особенно от докторантов и магистрантов. Однако он готов был признать, что в его аудитории присутствуют серьезные и несерьезные слушатели.

Роббинс заслуженно пользовался благоговейным уважением среди многих своих бывших студентов. Однако он нравился не всем, хотя, возможно, в этом не было его вины. Так, Герберт Саймонс пишет о знакомстве с Роббинсом в 1974 году в греческом Напфлионе: «Лорд Роббинс напомнил мне обо всем том, что я не любил в заносчивой экономической науке, с ее отстраненностью от фактов. Раз-

драженный его напыщенностью, я ответил на один из его комментариев в ходе дискуссии очевидно грубо, за что меня впоследствии, когда мы остались наедине, отругал Джон Хикс⁶. В то же время Марк Перлман, у которого осталось куда лучшее впечатление от Роббинса, пишет о его «аристократичном лордстве»⁷, а Джеймс Мид о его «приятной манере общения, заразительном наслаждении всем, что его окружало, великолепном чувстве юмора и таланте добродушного рассказчика о своих собственных и чужих причудах»⁸. Говоря словами Уильяма Баумоля, «лорд Роббинс был воплощением всех достоинств цивилизованного поведения и цивилизованной научной практики»⁹.

Что говорят нам о манере поведения Роббинса его лекции? Он излучал серьезность, уверенность в себе и авторитетность, но при этом был скромен и сдержан. Он привлекает внимание аудитории к другим авторитетам, к проблемам толкования, по которым он не смог достичь убедительного решения, к ограниченности своих знаний, а также к тому, что из-за жестких временных рамок он постоянно вынужден жестко сокращать идеи, о которых рассказывает. Он демонстрирует мастерское владение материалом в своей области, особенно тем материалом, который он считает важным. Его толкования обычно разумны, хотя, как он сам отмечает, не лишены спорности. Как и все курсы по истории экономической мысли, курс Роббинс читал не только будущим специалистам в этой области. Но с этого курса, благодаря его авторитетному подходу к предмету, будущий специалист начинал строить свою карьеру в области, значимой и полной приключений.

В остальном Роббинс был представительным человеком и интеллектуалом, который, как и все люди, кому-то нравился, а кому-то нет. Возможно, он был даже более привлекательным для обывателя, чем большинство ученых-экономистов. Для нас, специалистов, эти лекции, которые

---

6. *Herbert A. Simon, Models of My Life* (New York: Basic Books, 1991), p. 321.

7. *Mark Perlman, «What Makes My Mind Tick», American Economist* 39, no. 2 (fall 1995): 12.

8. Некролог Мида о Роббинсе, *Economica* 52 (February 1985): 5.

9. Некролог Баумоля о Роббинсе, *Economica* 52 (February 1985): 5.

к тому же полны обаяния и такта, говорят сами за себя. Они демонстрируют не только мастерское владение предметом, но и тактичное стремление избежать доктринерских заявлений. Курс лекций Роббинса охватывал более или менее традиционный материал, был богатым и глубоким, сопровождался глубокими комментариями. Что касается студентов, которых Роббинс иногда высмеивает за то, что они недостаточно много читают (однажды он сказал им: «Я знаю, вы не радуетесь, когда я рекомендую вам читать книги полностью»)¹⁰, то конечно, они любили его: об этом говорит поздравительная открытка к дню рождения — явление, редкое для университетской среды. Уильям Баумоль писал о «мощном впечатлении, которое Роббинс производил на нас, студентов», в частности благодаря «своей потрясающей эрудиции, глубокой и истинной скромности и преподавательским талантам»¹¹. Без сомнения, все студенты, слушавшие эти лекции, находились под сильным впечатлением.

Лейтмотив лекций Роббинса — это его уверенность, что у каждого студента будет собственная библиотека экономической литературы. Личная библиотека Роббинса, значительная часть которой сейчас принадлежит Банку Италии, насчитывала около трех тысяч томов, охватывая экономическую мысль со времен Древней Греции и до конца XX века. Интересно отметить роль Роббинса в переиздании работы Торренса «*Letters on Commercial Policy*» («Письма по политической экономии»): «Это исключительно редкая книга, и я убедил Лондонскую школу экономики ее переиздать отчасти потому, что сам не мог найти ни одного ее экземпляра, только в музеях»¹². Мы поддерживаем Роббинса: выпускаемая серия переизданий классических работ «*Classics in*

---

10. Он сам указывает на то, что все прочесть невозможно. Говоря о Бём-Баверковой теории околных методов производства, он говорит, что «это предположение вызвало такое количество печатных отзывов, что мне больно думать о том, сколько из них я не прочел».

11. Некролог Баумоля о Роббинсе, *Economica* 52 (February 1985): 5.

12. Говоря о редкости книги Джона Рэ «Новые начала политической экономии», Роббинс признается, что «часто видел экземпляр этой книги в клубе, к которому раньше принадлежал, и испытывал огромный соблазн украсть его. Никто его не читал с момента публикации, но, будучи слишком хорошо воспитанным, я удержался от кражи».

Economics» и выступая редакторами, мы отчасти руководствовались аналогичным желанием.

У Роббинса очаровательная манера защищать цитаты, которые он приводит: «Адам Смит говорил об оксфордских профессорах, что они давно перестали делать вид, будто учат студентов, но иногда, чтобы сохранить остатки самоуважения, читают им вслух скучные книги. Надеюсь, я не читаю вам вслух скучные книги. Я читаю вам вслух, а не пересказываю тексты своими словами, только потому, что оригинальные цитаты куда ярче тех слов, которыми я мог бы рассказать о них». Любому преподавателю, особенно преподавателю истории экономической мысли, понятно это чувство.

Особенно ярко свидетельствуют о скромности и обаянии Роббинса два его высказывания. Комментарий на рецензию Джона Стюарта Милля на трактат Уильяма Торнтона «О труде»: «Эта рецензия была сердечной и дружелюбной, как и подобало рецензии, написанной на книгу друга (и как подобает рецензии, написанной на книгу врага)». Второе высказывание касается Маркса: «Должен вам сказать, что Маркс, независимо от того, согласны вы с его идеями или нет, был лучшим историком экономической мысли своего времени, хотя я думаю (это оценочное суждение), что Маркс был ужасно несправедлив к некоторым из тех, кого критиковал».

Вспомним прелестный и информативный пример, который Роббинс приводит, чтобы проиллюстрировать возможность обмена при сравнительных издержках. Обычно американские преподаватели приводят в пример работодателя, который печатает лучше своей секретарши, а Роббинс говорит об ученом, который готовит лучше своего камердинера. Как сказал Джефф Биддл, оба примера показательны с точки зрения не только сравнительных издержек, но и иерархии (а американский пример еще и гендерного разделения труда). Конечно, можно было привести в пример плотника и сантехника, но первые два примера куда сильнее захватывают воображение.

В рассказе Роббинса о репутации Джона Стюарта Милля содержится намек на то, откуда берется мода на то или иное толкование экономической мысли: «Когда я был молодым, в этом университете было принято (причем пошло это

явно от Кэннана) смотреть на Джона Стюарта Милля свысока. Я не сомневаюсь, что такое отношение сформировалось у Кэннана в молодости, когда теории Джона Стюарта Милля вколачивали ему в голову в Оксфорде как теории человека, который сказал последнее слово в экономической науке». Роббинс кратко и метко пересказывает составленный Джорджем Стиглером перечень вкладов, внесенный Миллем в экономическую теорию. Значительно позже Роббинс писал о курсе, который Кэннан читал в ЛШЭ, что он «предохранял от погружения с головой в доктрину какой-то отдельной школы и от пренебрежения доктринами, которые были открыты ранее¹³».

* * *

Эти лекции были записаны на магнитофон внуком Роббинса, Филипом Роббинсом, студентом ЛШЭ¹⁴. Первоначальную стенограмму записи сделала Розмари Педдер. Получившийся текст с рукописными пометками леди Роббинс и Кристофера Джонсона, зятя Роббинса, хранится в архивах Лондонской школы экономики, куда его отдала семья Роббинсов в 1989 году. Когда Медема наткнулся на этот документ в архиве ЛШЭ в 1995 году, он сразу понял, что это выдающиеся лекции, которые заслуживают широкого внимания. Когда мы связались с семейством Роббинсов, чтобы поговорить об их издании, нам предложили воспользоваться оригинальными записями. Вооруженные кассетами, мы приступили к длительному процессу редактирования лекций и их подготовки к публикации.

Первый машинописный текст содержит многочисленные ошибки и пропуски, допущенные из-за слабого знакомства стенографистки с историей экономической мысли. Копия оригинального текста была отсканирована и отредактирована Медемой в соответствии с текстом, записанным на кассетах, а затем полученный текст редактировали мы оба. Лекции Роббинса воспроизводятся в том виде, в каком читались, с незначительными стилистическими и прочими

13. *Lionel Robbins*, «A Student's Recollections of Edwin Cannan», *Economic Journal* 45 (June 1935): 396.

14. Большая часть лекций была записана в 1979–1980 гг., однако некоторые были записаны в 1980–1981 гг.

поправками. Мы не пытались исправить мнимые ошибки. Все примечания в конце глав добавлены редакторами. Если не указано иное, все слова, выделенные курсивом, выделены потому, что Роббинс выделял их интонационно.

Копия списка для чтения, составленного Роббинсом, приводится в приложении А и содержит план лекций. Однако, поскольку некоторые из этих лекций не были прочитаны, а две не были записаны, мы решили пронумеровать лекции по порядку, а не по плану Роббинса. Из-за того что тема одной лекции часто перетекает в следующую, мы переименовали некоторые лекции, чтобы их названия лучше соответствовали содержанию. При этом мы все же пытались максимально сохранить названия, данные им Роббинсом.

Кристофер Джонсон помог нам найти цитаты, которые приводит Роббинс в своих лекциях, и мы дополнили их ссылками на источники и полным списком использованной литературы. Когда это было возможно, мы использовали книги из собственной библиотеки Роббинса или идентичные им.

В процессе подготовки лекций Роббинса к печати мы пользовались помощью и поддержкой многочисленных организаций и отдельных людей. Американское философское общество профинансировало поездку Медемы в ЛШЭ, в ходе которой он нашел рукопись лекций, а также последующую поездку в Рим для сверки цитат с книгами из личной библиотеки Роббинса. Отдельная благодарность Элинон Роуч и Милдред Коун, членам совета директоров научно-исследовательского отдела Американского философского общества, за их помощь в этом финансировании. Дополнительную финансовую поддержку предоставил Колорадский университет.

Мы также благодарим др. Анджелу Распин и работников архива ЛШЭ, особенно Сью Доннелли и Брендю Лис, за их бесценную помощь во время посещения Медемой ЛШЭ.

Мы благодарим Банк Италии и работников отдела научных исследований, подразделение библиотеки и публикаций, которые все сделали для того, чтобы облегчить процесс поиска цитат во время визита Медемы в Рим. Мария Тереза Пандольфи, главный библиотекарь, Патриция Пальяно, Антонио Рубиу, Пьерино Дарми, Роберто Пизани, Романо Манчинелли, Роберто Марцинотто и Ренцо де Франческо

сделали все возможное и невозможное, помогая нам разыскивать необходимые материалы. Все это делалось с жизне-
радостным энтузиазмом, который позволил справиться как с жесткими ограничениями по времени, так и с почти полным незнанием Медемой итальянского языка. Особая благодарность Патриции и Антонио, которые за две недели работы в библиотеке практически стали нам друзьями.

Работники библиотеки *Augaria Library* Колорадского университета в Денвере, особенно работники отдела межбиблиотечных обменов, неизменно помогали нам в поиске работ, процитированных или упомянутых Роббинсом.

Многие люди помогали нам в подготовке этой книги к печати. Кейт Деннинг занималась сканированием манускрипта, его распознаванием и вычиткой. Тереза Когеос вычистила отсканированные файлы, составила список цитат и ссылок. Иллюстрации были подготовлены Тимоти Поттером, а Линн Фергюсон оказывала секретарскую помощь, как всегда эффективную. Дебра Медема оказала бесценную помощь в поиске цитат во время нашего визита в Банк Италии, взяв на себя не слишком вдохновляющую задачу по пролистыванию книги за книгой в поисках отрывков, иногда всего из пары слов. Кроме того, она непрерывно вдохновляла своего мужа.

Уильям Барбер помог нам разобраться с историей об Ирвинге Фишере, которую Роббинс рассказывает в тридцатой лекции. Доналд Моггридж помог собрать некоторый материал о Кейнсе, а Доналд Уокер — о Вальрасе. Андреа Саланти перевел с итальянского диаграмму теории торговли Бароне, снабдив ее комментариями. Денис О'Брайен и Сюзан Хоусон, официальный биограф Роббинса, помогли нам подготовить библиографию трудов Роббинса. Отдельное спасибо Уильяму Баумолю и Марку Перлману за их поддержку и предложения по редактированию текста. Питер Догерти и другие работники издательства Принстонского университета поддерживали нас в ходе всего процесса подготовки этих лекций к печати. Мы также благодарны им за то, что они взялись издать эти лекции и за помощь в завершении проекта.

Наконец мы хотели бы выразить главную благодарность семье Роббинсов за разрешение заняться этим проектом, за предоставление нам записей лекций Роббинса, а также

за всю ту помощь, которую они оказывали нам в процессе создания этой книги. Кристофер и Энн Джонсон обеспечили нас огромным количеством информации и открыли нам множество дверей.

Одним из самых ярких впечатлений в ходе подготовки этой книги к печати была та радость, с которой леди Роббинс восприняла известие о будущей публикации лекций своего мужа. В январе 1997 года, в возрасте ста лет, леди Роббинс скончалась. Для Роббинса она была «тонко чувствующей, воодушевленной и умной спутницей жизни»¹⁵. Эта книга посвящается ее памяти.

*Стивен Дж. Медема
и Уоррен Дж. Сэмюэлс*

---

15. *Lionel Robbins, Autobiography of an Economist* (London: Macmillan, 1971), p. 97.

**А. Истоки
экономической
мысли**

Лекция 1

Введение — Платон

КАК ПРАВИЛО, я не начинаю лекцию, пока от начала пары не пройдет шесть минут. Я поступаю так отчасти потому, что некоторым из вас требуется время, чтобы перебраться из одной аудитории в другую, а отчасти потому, что пятьдесят пять минут истории экономической мысли, как мне кажется, это тот максимум, который большинство из вас способны вынести зараз. Поэтому если сегодня я и начинаю несколько раньше, то это только из-за того, что вас собралось уже достаточно много, и я хочу сделать несколько вводных замечаний.

Во-первых, о тех материалах, которые я вам раздал (см. приложение А). Пусть они вас не пугают. Если вы прочтете первый абзац, вы поймете, что это *не* список книг для чтения в американском понимании — я подчеркиваю, это *не* список того, что вы обязаны прочесть. Более того, я не ожидаю, что вы прочтете даже одну двадцатую часть книг и статей, здесь перечисленных. Я раздал вам этот список только для того, чтобы уберечь вас от некоторой головной боли. В дни моей юности, когда литературы по экономике было написано куда меньше, первый профессор экономической теории в ЛШЭ — знаменитый Эдвин Кэннан — вообще отказывался рекомендовать студентам какие-либо материалы для чтения. Он говорил: «Забросим их в дальний угол библиотеки — пусть учатся плавать самостоятельно». Вне всяких сомнений, в те дни это был превосходный совет, потому что книги по экономике умещались в двух открытых стеллажах, их было примерно столько, сколько профессиональный экономист мог бы собрать за первые годы работы. Было интересно и полезно снимать их с полки, вдыхать их запах, решать, какую из них стоит прочесть — в те дни это была своеобразная часть образовательного процесса. Но се-

годня экономической литературы намного больше. В магазине экономической книги мне сказали, что каждые три минуты в мире издается новая книга по экономике, и если бы я оставил вас безо всяких рекомендаций по поводу чтения, вам впору было бы пожаловаться в организацию по защите молодежи на жестокое обращение. Так что этот список, который я ежегодно обновляю согласно своему представлению о ценной литературе и новинкам, появившимся за последние двенадцать месяцев, просто воссоздает, так сказать, те условия, когда-то существовавшие в библиотеке. Это список работ по темам, которым вы собираетесь посвятить (если выдержите!) тридцать пять академических часов, список книг, которые стоят потраченного на них времени.

Однако мне кажется, что я вижу перед собой собрание высокоинтеллектуальных магистрантов и не менее высокоинтеллектуальных третьекурсников. Требования в отношении чтения для вас, конечно, будут разными. Третьекурсники так перегружены, в самых разных смыслах, что было бы жестоко требовать, чтобы они прочли что-либо, кроме основных книг, даже некоторые основополагающие работы им разрешается пропустить. По мере нашего продвижения я скажу, какие именно. Что же касается магистрантов, то, конечно, если вы стремитесь стать преподавателями или экспертами в какой-то области, в которой вам может пригодиться история экономической мысли (я вернусь к этому вопросу через минуту), то в следующие десять лет вам следует прочесть большую часть рекомендованных мной книг. Однако поскольку магистратура занимает всего год или два, вы тоже не обязаны прямо сейчас прочесть все то, что перечислено в этом списке. Все, достаточно об этом.

Я хочу посвятить остаток этой лекции некоторым общим замечаниям по предмету нашего изучения, а затем, если только за август я не утратил чувство времени, я хотел бы поговорить о первом из великих авторов, которых нам предстоит изучить — о Платоне. Но сначала несколько общих замечаний.

Возможно, у некоторых из вас возник вопрос: почему разумные люди, изучающие экономическую теорию, придают значение истории этого предмета? История нашего предмета, скорее всего, будет важна для вашей профессиональной деятельности, только в том случае, если вы планируе-

те в будущем преподавать экономическую теорию. Не стоит питать иллюзий на этот счет. Однако для понимания того, что происходит в современном мире, для понимания того, о чем говорят умные люди, обсуждая нашу науку, наш предмет, она имеет некоторую важность. Это предмет, который можно описать, используя модное слово «релевантный» для вашего интереса к окружающему миру.

Теперь позвольте мне озвучить возражения против той позиции, которые вы встретите в неглубоких книжках и поверхностных наблюдениях. Зачем уделять внимание истории экономики, ведь мы не уделяем такого внимания истории естественных наук? История естественных наук, как вы узнаете, если посетите лекции кафедры философии и научного метода, — это захватывающе интересный предмет. Но он интересен не совсем в том смысле, в каком интересна история нашего предмета. Как бы ни было интересно понять астрономические системы тысяче- или пятисотлетней давности, чтобы стать первоклассным астрономом, необязательно знать все о Птолемеи или Копернике. Обо всем, что осталось в сегодняшней науке от системы Коперника, вам будет рассказано в ходе общих лекций. Точно так же и с историей биологии, и с историей других предметов. Но в отношении предметов, которые занимаются толкованием общественной жизни, смею утверждать, дело обстоит иначе.

Современные институты и современное мышление пронизаны наследием прошлого, и знать, как родилась та или иная идея, какие перипетии она претерпела внутренне, в ходе развития предмета, и внешне, в смысле влияния, которое она оказала на социальные теории, как она изменилась сегодня, какой смысл имеет в ежедневном общении — все это, если вы хотите называться экономистами, вы должны хотя бы немного представлять. На самом деле я бы даже сказал, что, не имея такого представления, вы лишаетесь широкого понимания предмета экономической науки. Позвольте процитировать вам выдающегося мыслителя викторианской эпохи Марка Паттисона (поднимите руки, кто читал мемуары Марка Паттисона. На первых лекциях я часто задаю подобные вопросы, чтобы понять, о чем нужно рассказывать, а что будет скучным повторением уже известного). Марк Паттисон — знаменитый историк и автор одной из четырех лучших автобиографий в лите-

ратуре XIX века. И он сказал, довольно напыщенно: «Человек, который не знает, что думали его предшественники, обречен переоценивать свои собственные идеи» (Pattison, 1885, p. 78).

А великий представитель нашего предмета, наш современник (он умер более двадцати лет назад), Кейнс, великий интеллектуальный революционер, сказал: «Изучение истории идей предшествует освобождению мысли. Я не знаю, от чего человек становится более консервативным (а это слово в его устах было весьма уничижительным!) — от того, что не знает ни о чем, кроме настоящего, или ни о чем, кроме прошлого (Keynes, 1926, p. 277; Кейнс, 2007, с. 371). Некоторые из вас, наверное, уже знакомы с «Общей теорией» Кейнса; она заканчивается знаменитыми словами о «безумцах, которые слышат голоса с неба» (книга писалась во времена Гитлера): «Безумцы... которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад» (ibid., p. 383; там же, с. 339). Далее он пишет, что убежден, что именно идеи, а не корыстные интересы в долгосрочной перспективе бывают опасными.

Впрочем, помимо того, что некоторые знания о Петти, Локке, физиократах, Адаме Смите, Рикардо являются поводом для гордости, я бы настаивал, что современные идеи в области экономического анализа сложно понять, не имея некоторого понимания того, как эти идеи развивались. Возьмем, к примеру, чистую теорию ценности. Сколько я в свое время проверил письменных работ (это меня так расстраивает, что ваши работы я читать не стану; я буду задавать вам вопросы), сколько прочел работ о теории квазирент, не верных только потому, что те, кто их писали, не были знакомы с историей эволюции этого термина, введенного Маршаллом. Если же вы немного расширите свой кругозор и задумаетесь не только об истории анализа, но и об истории экономической мысли, как называет ее Шумпетер (Schumpeter, 1954; Шумпетер, 2004) — истории взаимосвязи анализа и оценки происходящего в мире, того, что считать правильной экономической политикой, как можно понимать современное мышление, современный язык в этой области, *laissez-faire*, коллективизм, если не знать, что происходило в прошлом?

Далее (я уже почти закончил свои вводные замечания), изучение того, как развивалась теория в разных социальных контекстах, дает вам, так сказать, новое измерение для мыслительных экспериментов. Вы знаете, что одна из сложностей экономической науки состоит в том, что мы не можем часто проводить лабораторные эксперименты. Это вынуждает нас обращаться к мысленным экспериментам, а мысленный эксперимент без ошибки провести гораздо сложнее, чем лабораторный. История предмета предлагает вам конкретные случаи мысленных экспериментов, о которых благодаря истории уже многое известно. Возьмем теорию денег. Изучая так называемый буллионистский спор времен наполеоновских войн между Англией и Францией, вы можете оценить успешность мысленных экспериментов по объяснению инфляции, происходившей в те дни, и последовавшей за ней дефляции. Если вы обратитесь к середине XIX века и станете исследовать так называемый спор между банковской и денежной школами (я не стану сейчас углубляться в имена конкретных ученых), вы окажетесь в центре спора, который не разрешен и по сей день. Но при этом вы окажетесь у истоков этого спора, благодаря чему он станет вам намного понятней.

Итак, довольно слов в защиту нашего предмета, поговорим о том, как я предлагаю вам его изучать. Я вижу две крайности, которых следует избегать. Первая крайность — ограничиться изучением истории чистой экономической мысли, безо всяких пояснений относительно контекста. История такого рода зачастую вводит нас в заблуждение. Вы, например, составите весьма ошибочное мнение о том, как эволюция теологической мысли повлияла на экономическую мысль Средневековья, если не станете последовательно изучать стадии эволюции самой теологии. Вторая ошибка, и вы с большей вероятностью совершите именно ее, потому что ежедневно сталкиваетесь с ее многочисленными бессмысленными версиями, — это обсуждение эволюции теории как продукта исключительно современных (или современных этой теории) социологических условий, как эпифеномена обстоятельств своего времени. Это классический случай чрезмерного усердия. Нет никаких сомнений, и в этом вы вскоре убедитесь, что экономическая мысль всегда находится под влиянием современных ей общественных и экономических условий.

В этом нет сомнений, как нет сомнений в том, что по мере нашего курса я буду опускать подобные замечания. Но если вы будете изучать наш предмет хоть сколько-то внимательно, вы поймете, что очень часто в процессе развития науки наступает стадия, когда социальные условия уже не имеют значение и на передний план выходит чистая теория: логические умозаключения и их проверка.

Приведу ярчайший пример: работы Давида Рикардо. Его «Начала» (Ricardo, 1817), некоторые их главы (сложные главы!) должен прочесть каждый из вас — они представляют теорию, более чистую и отстраненную от окружающей действительности, чем у любого другого экономиста, не считая современных математических экономистов. Но не может быть сомнений и в том, что теорию Рикардо породила беспорядочная ситуация в денежной сфере, характерная для его времени (периода буллионистского спора): долговременная непрерывная инфляция и споры о том, нужно ли вновь вводить Хлебные законы после окончания наполеоновских войн. Нет ни малейших сомнений, что в этом смысле Рикардо находился под определенным влиянием времени и места жизни. Точно так же нет сомнений, что, когда он уступил своим друзьям и начал писать принципы экономической науки, логическое мышление владело и унесло его далеко прочь от этих конкретных обстоятельств. И те выводы, к которым Рикардо пришел, верные или нет, были получены путем логики и периодической ее проверки тем, что он видел вокруг себя. Я выбрал для примера Рикардо, потому что теория его «Начал» между первым и третьим изданием претерпела одно изменение (Ricardo, 1821), которое превозносил Карл Маркс¹: в первом издании книги Рикардо утверждал, что появление станков не может принести рабочему ничего, кроме преимуществ. Однако поразмыслив над этим вопросом еще некоторое время, в третьем издании Рикардо привел очень сложную аргументацию, чтобы показать, как в некоторых обстоятельствах (во всяком случае в переходный период) станки могут быть вредны для рабочих. Он сделал это к неудовольствию некоторых своих друзей, которым

---

1. См.: Marx, «David Ricardo», in Marx (1952, pp. 199–427).

была больше по душе простота первого издания «Начал». Но он стоял на своем; он, как ему казалось, узрел истину. Стало быть, мораль всего сказанного такова: к истории экономической мысли нужно применять весьма разносторонний подход, избегая чистого анализа и чисто социологического толкования.

А может ли ученый беспристрастно рассматривать проблемы, столь тесно связанные с его интересами и повседневной жизнью? Вероятно, нет. Я говорю это не к тому, что пытаться быть беспристрастным не нужно. Я говорю это к тому, что, заметив чью-то необъективность, ее нужно разоблачить, и именно так я буду поступать в ходе своих лекций. А затем вы сами решите, является ли эта необъективность недостатком или она только укрепляет теорию. В любом случае, как бы далеко вы ни углубились в историю, в нашем предмете, как и во всех остальных общественных науках, вы должны быть открыты для критики и дебатов. Если университет и должен вас чему-то научить, так это отсутствию предубеждений и непрерывной критике собственных идей, хотя далеко не все университеты этому учат.

А теперь я перечислю, каким образом можно изучать наш предмет. Во-первых, можно обсуждать отдельные теории и их историю. Классический пример такого подхода — «Теория международной торговли» Вайнера (Viner, 1937). «Производство и распределение» Кэннана (Cannan, 1924) — тоже хороший пример. Во-вторых, можно изучать эволюцию индивидуальной мысли, как это делается, причем превосходно, в работе выпускника этой школы, Сэмюэла Холландера, ныне профессора Торонтского университета. Его книга об Адаме Смите (Hollander, 1973) — ответ на молитвы всех тех, кого ставит в тупик Смитово «Богатство народов», а его новая книга о Рикардо (Hollander, 1979) — ответ на коллективные молитвы. Эта книга так хороша, что положит конец спорам о Рикардо. К этой же категории относится, например, еще одна очень хорошая книга по классической экономической теории, книга профессора Даремского университета О'Брайена о Маккуллохе (O'Brien, 1970), и многие другие. Или же можно изучать отдельные периоды. Можно изучать, например, экономическую мысль Средневековья, о которой я буду рассказать вам через одну лекцию. Можно изучать период, который некоторые называют

периодом меркантилизма, весьма двусмысленно, поскольку у слова «меркантилизм» не одно значение — так делают Эшли (Ashley, 1901) или Хекшер (Heckscher, 1935).

Я не собираюсь следовать ни одному из этих методов; я пойду своим путем: иногда я буду говорить о доктринах, иногда — о людях, иногда — о периодах. Мой план лекций делится на четыре или пять частей. На первых шести или семи лекциях мы будем говорить об истоках, о предвосхищении экономической науки в исторической литературе. Затем более подробно я расскажу о зарождении экономической науки в XIX веке. Какое-то время я посвящу классической экономической науке XIX века, а также истокам современного экономического анализа, а затем на протяжении пяти или шести лекций буду говорить о зарождении и развитии до, скажем, 1914 года того анализа, который вы подробно изучаете на других лекциях под руководством своих уважаемых преподавателей.

Итак, истоки. Истоки экономической мысли прослеживаются с двух сторон: с одной стороны, предвестники экономической теории есть в моральной философии греков, затем они встречаются у схоластов, юристов и философов начала нового времени. С другой стороны, ее предвосхищают памфлеты *ad hoc* — памфлеты, монографии, а иногда даже довольно тяжелые книги, написанные государственными чиновниками, купцами, теологами, которые пытались изложить какой-то конкретный аргумент или пожаловаться на конкретное злодеяние. Они писали об уменьшении ценности денег, или о защите определенной отрасли или о конкретных мерах по поддержанию платежного баланса. Такой литературы огромное множество; за две-три лекции я смогу лишь опустить ведро в бездонное море памфлетов и достать оттуда репрезентативные образцы. Это деление не абсолютно. Например, средневековые теологи в основном писали об общих экономических вопросах в рамках моральной философии, но иногда они обращались и к конкретным проблемам, поэтому через одну-две лекции мы будем обсуждать знаменитый трактат о деньгах Николая Орезма (Oresme, 1360/1956), возглавлявшего монашескую обитель и писавшего труды по моральной философии. Это довольно сложная схема, но она кажется мне полезной, так что приступим к ее первой части.

Первую ступень занимают два знаменитых греческих философа — Платон и Аристотель. За ними следуют схоласты и прочие философы, на которых повлиял Аристотель. Но сегодняшнюю и следующую лекции я хотел бы посвятить именно грекам и почти исключительно Платону и Аристотелю. Итак, и Платон, и Аристотель прославились как философы вообще, моральные философы, а также философы, изучавшие метафизику, природу мира, эпистемологию... И их экономические воззрения (что в случае Аристотеля чрезвычайно важно, а в случае Платона значительно), их интерес как моральных философов к вопросам экономического характера возник из их интереса к хорошему государству. Что такое хорошее государство? Этим вопросом Платон задается в знаменитом «Государстве» (Plato, 1953b; Платон, 1971) и в своих печально известных «Законах» (Plato, 1953a; Платон, 1972), которые я вам не особенно рекомендую читать (позже я процитирую отрывок из них). Так вот, подходя к хорошему государству с точки зрения того, что такое в хорошем государстве справедливость, Платон и Аристотель вынуждены были рассмотреть экономические отношения, существовавшие в реальных государствах, и сравнить их с теми отношениями, которые, как они надеялись, будут превалировать в хорошем государстве.

Давайте не будем слишком многого требовать от Платона и Аристотеля. В некотором смысле, со всем уважением к их наследию, они были обращены в прошлое. В то время когда они писали свои труды, Афины были центром немаленькой империи и, безусловно, центром процветающей торговли. Если вы прочтете короткий отрывок из книги Монро, рекомендованной мной в списке как пособие по ранней экономической мысли (к сожалению, ее довольно трудно раздобыть), если вы прочтете, что говорит Ксенофонт (Xenophon, 1948) об условиях жизни в Афинах, вы получите представление о взглядах современника и даже предшественника Аристотеля. Но и Платон, и Аристотель смотрели в прошлое. Платон решительно ненавидел демократию. Профессор Поппер в своей замечательной книге «Открытое общество и его враги» (Popper, 1952; Поппер, 1992) (которой нет в моем списке, но которую должны прочесть все студенты этого заведения независимо от их специализации) обвиняет Платона в закоренелой нелюбви к переменам. Об этой не-

любви говорит нам восхищение Платона Спартой, а не Афинами. Аристотель не столь категоричен, но и он прохладно относится к переменам. В конце концов это самая выдающаяся черта Аристотелевой «Политики» (Aristotle, 1948; Аристотель, 1983). Кто-нибудь в аудитории читал «Политику» Аристотеля? Те, кто читали, помнят, что, хотя Аристотель был наставником Александра Македонского, в его «Политике» ничто не предполагает, что мир может измениться и что победы Александра сотворили новый мир, центром которого была уже не Греция. Однако, хотя то, что я собираюсь сказать, можно счесть несколько непочтительным по отношению к Платону и Аристотелю, а я бы не хотел, чтобы вы считали, что я непочтительно воспринимаю этих великих людей. И Платон, и Аристотель принадлежат к превосходнейшим умам, когда-либо рожденным на этой планете, и их вклад в развитие наук, их влияние на более поздних ученых, было колоссальным.

Начнем с Платона, который жил в 428–348 годах до н. э. Сосредоточим свое внимание на очень небольшой части «Государства», в котором Платон описывает идеальное государство таким, каким он представлял его себе в относительно молодом возрасте. Этот трактат написан в форме диалога между Сократом и его учениками. Платонов «Государство» в некотором смысле можно назвать самым красноречивым из когда-либо написанных призывов к определенной форме коммунизма. «Законы» Платона были написаны уже после того, как он разочаровался в человеке, а также после того, как он попробовал давать советы разным политикам и не вполне преуспел в этом, так что «Законы» — книга куда менее приятная. Если «Государство» Платона можно назвать коммунистическим, то его «Законы» можно назвать фашистскими; но давайте вернемся к этому вопросу позже.

Для нас важно, что Платон был первым человеком или первым известным писателем (если считать, что нам известны все когда-либо написанные книги), который сформулировал принцип разделения труда. Этот вопрос он поднимает в ходе захватывающего обсуждения справедливости в первой книге «Государства». Участники диалога весьма претенциозно и возвышенно обсуждают справедливость, а затем их беседу прерывает софист, который, в общих чертах, говорит, что все их разговоры о справедливости в идеа-

листическом смысле — ерунда и что справедливость — это то, что работает. Затем во второй книге, чтобы хотя бы отчасти приблизиться к реальности, Сократ предлагает обсуждать справедливость в государстве, что приводит его к предположениям о том, каковы основы государства и справедливости в идеальном государстве. Позвольте прочесть вам главный отрывок; вы найдете его в диалогах Платона, многие из них это чистая поэзия, причем лучшие тексты обычно достаются Сократу. Ответы, которые я прочту вслух, в этом случае довольно банальны:

— Государство, — сказал я, —

(это говорит Сократ)

— возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?

Ответ:

— Нет, ничему иному.

— Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь...

— Конечно,

а дальше начинается экономическая теория.

— Таким образом, они кое-что уделяют друг другу и кое-что получают, и каждый считает, что так ему будет лучше.

— Конечно.

— Так давай же, — сказал я, — займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности, которые порождают изобретательность.

— Несомненно.

— А первая и самая большая потребность — это добыча пищи для существования и жизни.

— Безусловно.

— Вторая потребность — жилье, трегья — одежда и так далее.

— Это верно.

— Смотри же, — сказал я, — каким образом государство может обеспечить себя всем этим: не так ли, что кто-нибудь будет земледельцем, другой — строителем, третий — ткачом? И не добавить ли нам к этому сапожника и еще кого-нибудь из тех, кто обслуживает телесные наши нужды?

— Да, надо добавить.

— Самое меньшее, государству необходимо состоять из четырех или пяти человек.

— По-видимому.

— Так что же? Должен ли каждый из них выполнять свою работу с расчетом на всех вообще? Например, земледelec, хотя он один, должен ли выращивать хлеб на четверых, тратить вчетверо больше времени и трудов и уделять другим от того, что он произвел, или же, не заботясь о них, он должен производить лишь четвертую долю этого хлеба только для самого себя и тратить на это всего лишь четвертую часть своего времени, а остальные три его части употребить на постройку дома, изготовление одежды, обуви и не хлопотать о других, а производить все своими силами и лишь для себя?

— Пожалуй, Сократ, — сказал Адимант

(один из учеников Сократа), —

первое будет легче, чем это.

— Здесь нет ничего странного, клянусь Зевсом. Я еще раньше обратил внимание на твои слова, что сначала люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, да и способности к тому или иному делу также. Разве не таково твое мнение?

— Да, таково.

— Так что же? Кто лучше работает — тот, кто владеет многими искусствами или же только одним?

— Тот, кто владеет одним.

— Ясно, по-моему, и то, что стоит упустить время для какой-нибудь работы, и ничего не выйдет.

— Конечно, ясно.

— И по-моему, никакая работа не захочет ждать, когда у работника появится досуг; наоборот, он непременно должен следить за работой, а не заниматься ею так, между прочим.

— Непременно.

— Поэтому можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять только одну работу соответственно

своим природным задаткам, вовремя, не отвлекаясь на другие дела (Plato, 1953b, p. 211–212; Платон, 1994б, с. 130–131).

Это более или менее верное изложение принципов, на которых основывается разделение труда. Затем Сократ (я не стану этого зачитывать) объясняет, что приведенный им пример очень узок, что будут и другие люди, которые станут заниматься другими вещами, но перечисленных им занятий так мало, что Главкон (еще один его ученик) пытается возразить своему учителю. Он говорит примерно следующее (и это знаменитые слова): «Ты создаешь государство свиней, людей, которые живут крайне примитивно». А Сократ отвечает: «Если ты хочешь создать общество, которое лихорадит, то в данный момент я не возражаю, но я считаю, что при более примитивном образе жизни общество создается более здоровым». И продолжает свои рассуждения. Вы видите, какая огромная разница между принципами разделения труда у Платона и у Адама Смита, в его знаменитой первой главе «Богатства народов» (Smith, 1776; Смит, 2007). В «Богатстве народов» абсолютное или почти абсолютное значение придается образованию. Смит считает, что при рождении разница между философом и носильщиком незаметна. Разделение труда становится возможно благодаря тому, что происходит с ними после рождения. Платон же в этом диалоге об образовании не говорит (он обсуждает образование правителей далее), он говорит о природных склонностях. Нам известно, что под предлогом природных склонностей, во всяком случае по моему мнению, часто делаются аморальные и жестокие вещи. Как мы убедимся на следующей лекции, Аристотель оправдывал природными склонностями рабство. Но хотя почти все, кто говорит о природных склонностях, включая профессиональных ученых-естественников, болтает ерунду, причем такую, которая легко превращается в аморальные действия, крайне важно понять, что Сократ в чем-то прав. В самом деле, если бы все лучшие наставники мира сконцентрировали свои усилия (чтобы никого не обидеть, я не скажу «на любом из вас») на образовании большинства людей, они не смогли бы воспитать Эйнштейна или Моцарта. Природные склонности существуют, хотя в данный момент мы не так уж много о них знаем. Это наводит Сократа на обсуждение моральности того, чтобы каж-

дый человек занимал в обществе подобающее ему место согласно своей природе. И если бы вы прочли «Республику» целиком, то узнали бы, что правителям — весьма выдающимся людям — полагается выяснять, каковы природные различия людей, и определять, какие места они будут занимать в идеальной республике, что некоторым из вас может показаться не очень-то совершенной системой. Хватит о Платоне и разделении труда. В начале завтрашней лекции я скажу буквально несколько слов о «Законах», а основная часть лекции будет посвящена Аристотелю, который имеет куда больше отношения к экономическому анализу, чем замечания Платона о разделении труда.

Лекция 2

Платон и Аристотель

НЕ СТОИТ тратить время, напоминая вам, о чем я рассказывал вчера, во всяком случае не в подробностях. Первая половина лекции была посвящена общим рекомендациям и апологии нашего предмета. Во второй части лекции я приступил к рассказу об истоках экономической мысли в моральной философии, начав с древних греков. Я говорил о Платоне, в «Государстве» которого кратко обрисована та роль, которую играет в становлении любого общества разделение труда. Платон, в сущности, описывал свое идеальное общество, для того чтобы исследовать его и узнать, какова в нем справедливость. Но обрисовывая идеальное общество, он дал выдающееся и, кроме того, первое описание в известном литературном произведении того, как разделение труда благотворно влияет на производительность. Но на этом он остановился. Далее он сделал выводы, моральные и политические, которые к нам не имеют отношения: о том, как важно, чтобы каждый человек занял подобающее ему место, при этом подобающее место определялось правителями.

Я не хочу вслед за Платоном углубляться в этот вопрос, но хочу прочесть вам отрывок из «Законов», которые, как я говорил вчера, куда реалистичней описывают Платонову концепцию лучшего из всех возможных государств. Учитывая обстоятельства реальной жизни, эта концепция является скорее фашистской, а не коммунистической, как та, что содержится в «Государстве». Это отрывок случайный, но очень показательный. Платон обсуждает средства обмена и связанные с ним законы:

Никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром. Однако для повседневного обмена должна быть монета

(Платонова монета для повседневного обмена, вероятнее всего, должна была быть сделана из кожи),

потому что обмен почти неизбежен для ремесленников и всех тех, кому надо выплачивать жалованье, — для наемников, рабов и чужеземных пришельцев. Ради этого надо иметь монету, но она будет ценной лишь внутри страны, для остальных же людей не будет иметь никакого значения. Общей же эллинской монетой государство будет обладать лишь для оплаты военных походов или путешествий в иные государства посольств либо (если это будет нужно государству) всевозможных вестников. Словом, всякий раз, как надо кого-то послать в чужие земли, государству необходимо для этой цели обладать действительной по всей Элладе монетой. Если частному лицу понадобится выехать за пределы родины, оно может это сделать лишь с разрешения властей; по возвращении домой оно должно сдать государству имеющиеся у него чужеземные деньги, получив взамен местные, согласно расчету. Если обнаружится, что кто-либо присвоил чужеземные деньги, они забираются в пользу казны; знавший же об этом и не сообщивший подвергается вместе с тем, кто ввез эти деньги, порицанию и проклятию, а также пене в размере не менее количества ввезенных чужеземных денег (Plato, 1953a, p. 310–311; Платон, 1994a, с. 193–194).

Знакомо, не правда ли? Имейте это в виду, изучая Аристотеля, которому я намерен посвятить большую часть этой лекции.

Аристотель в юные годы был учеником Платона. Он жил в 384–322 годы до н. э. и, как это бывает с учениками, не всегда был согласен со своим учителем, так что разные его труды ставят под сомнение сочинения Платона и предложенные им меры.

Очень трудно переоценить важность Аристотеля в истории экономической мысли, в чем я надеюсь убедить вас к концу этой лекции. Но я не могу обещать вам, что, читая Аристотеля, вы получите такое же наслаждение, как если станете читать Платона, потому что Платон был одним из величайшим писателей всех времен. К тому же он был известным поэтом, и, независимо от того, согласны вы с Платоном или нет, читать его одно удовольствие. В случае Аристотеля мы не располагаем исходными лекциями; у нас есть только записи его учеников, а они не всегда достоверно передают сказанное учителем и совсем не всегда столь же крас-

норечивы. Но, несмотря на это, из греков именно Аристотель, а не Платон, оказал заметное влияние на последующих мыслителей. Средневековые теологи называли Аристотеля просто «Философ». До Возрождения Платон не был широко известен, в то время как к «Философу» апеллировало большинство авторов, писавших о моральной философии, — от Фомы Аквинского и далее. Даже по сей день в анализе, который вам преподают, можно найти остатки тех предположений, которые когда-то высказал Аристотель в «Политике» и труде по этике.

В какой-то момент Аристотель начал вызывать у ученых противоположную реакцию — реакцию отторжения. Вплоть до XVI и даже в XVII веке он доминировал в философской мысли, моральной философии и так далее. Затем наступило отторжение. Поэт Джон Драйден выразил эту реакцию в весьма запоминающихся строках. Прежде чем прочесть вам эти строки, я должен объяснить, что Аристотель родился в месте Стагира, и поэтому его называли Стагиритом. Драйден пишет:

The longest Tyranny that ever sway'd,
Was that wherein our Ancestors betray'd
Their free-born Reason to the Stagirite,
And made his Torch their universal Light.

Величайшая тирания из известных миру наступила,
Когда наши предки уступили
Свой природный рассудок Стагириту
И провозгласили его факел универсальным светом...

(Dryden, 1663/1961, p. 43).

Должен сказать, что факел Аристотеля (хотя я бы не хотел, чтобы вы считали меня убежденным его последователем во всем) был не так уж плох, особенно для того исторического периода.

Он обсуждает ряд вопросов, которые Платон упомянул в «Государстве», но о которых я не собираюсь долго распространяться. Платон предположил, что хотя бы у правителей (людей, занимавших высшее положение в идеальном обществе и правивших остальными) жены и дети должны быть общими. Никто не должен был знать своих детей, и никто не должен был знать, кто какого ребенка родил или зачал.

Аристотель не считал этот план удачным. Аристотелю показалось, что такой план может привести — непредумышленно — к инцесту, который он, очевидно, считал отвратительным преступлением. Он счел, что люди в любом случае будут пытаться опознать своих детей и оказывать им предпочтение. Аристотель выступал за нормальное семейное устройство и понятное положение детей, рожденных и зачатых в семье.

И в отношении материальной собственности, которую Платон в своем «Государстве» запрещал иметь, во всяком случае правителям, Аристотель с ним не соглашался. Если вы прочтете соответствующую часть Аристотелевой «Политики» (я не собираюсь подробно о ней рассказывать), то найдете в ней предвидение идей тех философов и экономистов, которые поддерживали институт частной собственности как имеющий отношение к полезности права и общественного устройства. Аристотель считал, что если собственность будет кому-то принадлежать и приносить прибыль, за ней будут следить лучше, чем в том случае, когда она будет считаться всеобщей. Он сказал, и сегодня это звучит весьма тенденциозно:

Рассмотренное нами законодательство

(он пишет о предложениях Платона)

может показаться благовидным и основанным на человеколюбии. Познакомившийся с ним радостно ухватится за него, думая, что при таком законодательстве наступит у всех достойная удивления любовь ко всем, особенно когда кто-либо станет изобличать то зло, какое существует в современных государствах из-за отсутствия в них общности имущества: я имею в виду процессы по взысканию долгов, судебные дела по обвинению в лжесвидетельствах, лесть перед богатыми — все это происходит не из-за отсутствия общности имущества, а вследствие нравственной испорченности людей, так как мы видим, что и те, которые чем-либо владеют и пользуются сообща, ссорятся друг с другом гораздо больше тех, которые имеют частную собственность; нам представляется, однако, что число тех, кто ведет тяжбы из-за совместного владения имуществом, невелико в сравнении с той массой людей, которые владеют частной собственностью (Aristotle, 1948, p. 25; Аристотель, 1983б, с. 411).

Здесь Аристотель высказал идею, оказавшую существенное влияние на мыслителей всех времен, но я не собираюсь обсуждать ее дальше.

С нашей точки зрения, влияние Аристотеля было особенно значительным не в области экономической мысли, как ее определял Шумпетер (Schumpeter, 1954, p. 38–40; Шумпетер, 2004, с. 45–48), разделивший общие идеи об экономическом устройстве и экономический анализ; по-настоящему стойким влияние Аристотеля оказалось в сфере экономического *анализа*. Однако обратите внимание, что Аристотель не называл свои мысли по этому поводу политической экономией или экономической теорией в нашем понимании этого термина. Для Аристотеля слово «экономия» относилось к ведению хозяйства, и свои важнейшие замечания он делает в ходе дискуссии о ведении хозяйства и его связи с остальным обществом.

Но перед тем как рассказать об этих важнейших замечаниях, я должен привлечь ваше внимание к тому факту, что, обсуждая ведение хозяйства, Аристотель пытается оправдать рабство. Оправдание рабства в его глазах (и по моему мнению, весьма слабое оправдание) заключается в том, что одни люди рождаются, чтобы быть рабами, чтобы подчиняться, а другие — чтобы приказывать. Аристотель подробно обсуждает этот вопрос. Очевидно, в Афинах уже тогда начали задумываться о нем. Появились просвещенные люди (слово «просвещенные» я употребляю с некоторой иронией), которые усомнились в институте рабства, и Аристотель считал, что как моральный философ он должен как-то оправдать рабство. Боюсь, что я сам считаю его теорию весьма слабой и недалекой, учитывая, что по странному стечению обстоятельств большинство греков (причем, подозреваю, и сам Аристотель тоже) считали, что они рождены, чтобы приказывать, а население всего остального мира (варвары, как выражается Аристотель) по природе своей более подходит для того, чтобы выполнять приказы.

Однако в рассуждениях Аристотеля звучит одна исключительно умная мысль. Он довольно пространно обсуждает, сомневаясь в убедительности новомодных идей, необходимость иметь в собственности не только вещи, но и людей, которые служат инструментами для исполнения желаний своих хозяев. Но затем ему приходит в голову мысль, что,

если бы материальные инструменты вдруг стали бы достаточно сложными для выполнения скромной и простой работы, которой обычно занимаются рабы, если бы машины стали достаточно умными, как самодвижущиеся треножники (очевидно, какие-то ритуальные инструменты), которые самостоятельно могли входить в храм, так вот если бы машины были такими же умными и могли двигаться самостоятельно, то нужда в рабстве отпала бы. Это одно из самых мудрых замечаний Аристотеля.

Впрочем, нас больше всего интересует, что говорил Аристотель о ценности и деньгах, о которых он вспоминает, обсуждая ведение хозяйства. По его мнению, скромные хозяйства в примитивных условиях еще могут обойтись натуральным обменом, но как только ситуация усложнится, обмен станет непрямым: блага будут обмениваться на деньги, которые, в свою очередь, будут обмениваться на другие блага, которые участнику обмена были нужны больше, чем те, которыми он располагал изначально. Аристотель также понимает (и в этом причина, *raison d'être* его изысканий; он говорит от лица морального философа, но вынужден углубиться в то, что мы назвали бы экономической наукой), что непрямой обмен может не только послужить ведению хозяйства (покупке ботинок, мяса, одежды и т. д.), но может дать начало торговле и тем сложным механизмам, которые Аристотель в целом не одобряет.

Однако он чувствует, что должен обсудить этот вопрос, и говорит (он обсуждает искусство приобретения в домашнем хозяйстве):

Итак, один из видов искусства приобретения является по природе своей

(как видите, слова «природа» и «природный» стали использоваться в экономической теории на очень ранней стадии)

частью науки о домохозяйстве, и мы должны допустить, что либо он существует сам по себе, либо существование его обеспечивается теми, кто занят накоплением средств, необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины. Истинное богатство, по-видимому, состоит в совокупности этих средств.

(тут в размышления Аристотеля закрадывается оценочное суждение)

Ведь мера обладания собственностью, которая достаточна для хорошей жизни, не беспредельна; хотя, как говорит Солон в одном из своих стихотворений, «людям не указан никакой предел богатства» (Aristotle, 1948, p. 15; Аристотель, 1983б, с. 390).

Однако он продолжает так:

Существует другой род

(неестественный)

искусства приобретения, который обыкновенно называют, и с полным правом, искусством наживать состояние; с этим искусством и связано представление, будто богатство и наживать не имеют никакого предела.

(отсылка к Солону)

Многие полагают, что это искусство вследствие его близкого соседства с искусством приобретения тождественно с последним; на самом деле оно не тождественно с названным

(то есть искусством приобретения при ведении домашнего хозяйства),

но не является и далеким от него: одно из них существует по природе, другое — не по природе, но больше за счет известной опытности и технического приспособления (ibid., p. 16; там же).

А затем он говорит:

При рассмотрении этого искусства будем исходить из следующего положения

(я немного почитаю).

Пользование каждым объектом владения бывает двоякое; в обоих случаях пользуются объектом как таковым, но не одинаковым образом; в одном случае объектом пользуются по его назначению, в другом — не по назначению; например, обувью

пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивает обувь имеющему в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не по назначению, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения — все они могут быть предметом обмена. Первоначальное развитие меновой торговли было обусловлено естественными причинами, так как люди обладают необходимыми для жизни предметами, одними в большем, другими — в меньшем количестве. Отсюда также ясно, что мелкая торговля не имеет по природе никакого отношения к искусству наживать состояние, потому что вначале обмен ограничивался исключительно предметами первой необходимости. В первой общине, т. е. в семье, явно не было надобности в обмене; он сделался необходимым, когда община стала обнимать уже большее количество членов. В самом деле, в первоначальной семье все было общим; разделившись, стали нуждаться во многом из того, что принадлежало другим, и неизбежно приходилось прибегать к взаимному обмену. Такой способ обмена и в настоящее время практикуется у многих варварских народов. Они обмениваются между собой только предметами необходимыми и больше ничем: например, они обменивают вино на хлеб и наоборот и т. п. Такого рода меновая торговля не против природы, но не является разновидностью искусства наживать состояние, ведь ее назначение — восполнять то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни. Однако из указанной меновой торговли развилось все-таки вполне логически и искусство наживать состояние. Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости легко перевозить. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например железо, серебро или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, а в конце концов, чтобы освободиться от их измерения, стали отмечать их чеканом, служившим показателем их ценности (*ibid.*, pp. 16–17; там же, с. 390–391).

Вот так в литературе впервые, насколько мне известно, прозвучали элементарные предположения о происхожде-

нии денег, которым вас учат и сегодня. Аристотель продолжает:

После того как в силу необходимости обмена возникли деньги, появился другой вид искусства наживать достояние — именно торговля. Сначала она, быть может, велась совершенно просто, но затем по мере развития опытности стала совершенствоваться в смысле источников и способов, какими торговые обороты могли бы принести наибольшую прибыль. Вот почему создалось представление, будто предметом искусства наживать состояние служат главным образом деньги и будто главной его задачей является исследование того источника, из которого возможно почерпнуть наибольшее их количество, ведь оно рассматривается как искусство, создающее богатство и деньги. И под богатством зачастую понимают именно преизобилие денег, вследствие того, что будто бы искусство наживать состояние и торговля направлены к этой цели. Иногда, впрочем, деньги кажутся людям пустым звуком и вещью вполне условной, по существу ничем, так как стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе (*ibid.*, p. 17; там же, с. 392).

Это, очевидно, отсылка к Платонову не имеющему ценности материалу, из которого сделаны монеты.

Аристотель говорит: это не так. «Человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу». Он приводит один из самых знаменитых примеров в истории экономической мысли: «Такого рода богатство может не иметь смысла, и человек, обладающий им в преизобилии, может умереть голодной смертью, подобно легендарному Мидасу, у которого вследствие ненасытности его желаний все предлагавшиеся ему яства превращались в золото». Вам известна легенда о царе Мидасе, которому боги пообещали исполнить любое желание, и он попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Когда это желание исполнилось, Мидас умер от голода. Аристотель продолжает: «На правильном пути исследования стоят те, кто определяет богатство и искусство наживать состояние как нечто, отличное одно от другого. В самом деле, искусство наживать состояние и сообразное с природой богатство суть вещи различ-

ные». Нормально использовать деньги, чтобы обеспечить себе все то, что вам необходимо при ведении хозяйства. Но если вы займетесь торговлей, которую Аристотель несколько презирает, и попытаетесь получить от нее прибыль, вы выйдете за грани нормального и морального, и ваша деятельность не будет представлять собой ценности, как искусство домохозяйства:

Некоторые считают это конечной целью в области домохозяйства и настаивают на том, что нужно или сохранять имеющиеся денежные средства, или даже стремиться приумножить их до беспредельности. В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично (*ibid.*; там же).

Но наслаждение, считает Аристотель, может быть чрезмерным:

...такие люди ищут средств, которые доставляли бы им этот прирост наслаждений; если люди не в состоянии достигнуть своей цели при помощи искусства наживать состояние, они стремятся к ней иными путями и для этого пускают в ход все свои способности вопреки даже голосу природы. Так, например, мужество заключается в отваге, а не в наживании денег; точно так же военное и врачебное искусства имеют в виду не наживу, но первое — одержание победы, второе — доставление здоровья. Однако эти люди обращают все свои способности на наживу денег, будто это является целью, а для достижения цели приходится идти на все (*ibid.*, p. 19; там же, с. 393).

Некоторое время Аристотель продолжает развивать эту мысль, а затем подводит итог размышлениям. Его вывод имеет необычайную важность для того предмета, к которому я вскоре собираюсь перейти — для истории экономической мысли Средневековья. Аристотель говорит о наживании денег:

Это искусство, как мы сказали, бывает двояким: с одной стороны, оно относится к области торговли, с другой — к области домохозяйства, причем последнее обусловлено необходимостью и заслуживает похвалы, обменная же деятельность

по справедливости вызывает порицание, как деятельность, обусловленная не естественными причинами, но (возникшая в силу необходимости взаимного) обмена (между людьми). Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег. Отсюда это и получило свое название; как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных же знаков. Этот род наживы оказывается противным природе (*ibid.*, p. 20; там же, с. 395).

Изучая историю экономической мысли Средневековья, вы обнаружите, что она может быть весьма просвещенной в любом другом отношении, но это суждение Аристотеля и некоторые (не все!) тексты из Библии неизменно применяются в ней для оправдания жесточайших законов против взимания любых процентов с заемного капитала. Подробнее мы обсудим этот вопрос позже.

Мы достаточно поговорили о «Политике» Аристотеля. В своей «Этике» он продолжает обсуждать функции денег и их наживание, как будто он не предупреждал читателей весьма сурово о границах наживания денег в «Политике». Отрывок из «Этики» цитирует в своей книге Монро (вы также найдете его в переводе «Этики», поскольку книги Монро в магазинах нет), в котором изложен глубокий экономический анализ денег. В «Этике» же Аристотель рассуждает о справедливости и справедливом обмене — взаимном обмене. Он говорит, для того чтобы обмен был справедливым, необходимо, чтобы предметы обмена были равноценны, а чтобы предметы обмена были равноценны, необходима общая мера ценности.

Для этого появилась монета, она служит в известном смысле посредницей, ибо сю все измеряется, а значит, переизбыток и недостаток, а значит, и то, сколько башмаков равно дому или еде. Соответственно отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или к еде. А если этого нет, не будет ни обмена, ни (общественных) взаимоотношений (Aristotle, 1948, p. 27; Аристотель, 1983а, с. 156).

Основная глава учебника, который использовался в этом заведении в мои студенческие годы — «Богатство» Эдвина Кэннана (Cannan, 1919) — называется «Контролирующая сила спроса». Аристотель пишет: «Словно замена потребности, по общему уговору появилась монета», — без которой не будет общественных отношений. Затем этот выдающийся человек говорит о том, что деньги служат не только для моментального обмена, но и залогом:

Монета служит нам как бы залогом возможности обмена в будущем, если возникнет нужда, ибо нужно, чтобы у того, кто приносит (деньги), была возможность приобрести (на них что-либо) ... монета, словно мера, делая вещи соизмеримыми, приравнивает; и как без обмена не было бы (общественных) взаимоотношений, так без приравнивания — обмена, а без соизмеримости — приравнивания (*ibid.*, p. 27; там же, с. 157).

Эти идеи Аристотеля оставались влиятельными на протяжении всей истории экономической мысли. Более того, до тех пор пока в конце XVIII века не появились Петти, Адам Смит и Юм, ничего более определенного о функциях денег сказано не было. Так что, я думаю, вы должны по достоинству оценить Аристотеля за то, что он первым сформулировал эти (для вас довольно банальные) предположения.

Ему также приписывают некоторые соображения по поводу принципа убывающей предельной полезности, которые звучат в малоизвестном его произведении «Тописка» и которые цитировал после подъема австрийской экономической школы немецкий ученый Краус (Kraus, 1905). Но это замечание по ходу. Аристотель определенно имел некоторое представление об этом предмете, которое, возможно, передалось более поздним авторам, хотя и неявным образом. По моему мнению, это не то, за что мы прежде всего должны благодарить Аристотеля, а вот его разделение потребительной и меновой ценности, его осуждение торговли и ростовщичества, независимо от того, верны они были или нет, имели впоследствии огромное влияние.

Итак, в рамках нашего курса мы достаточно подробно обсудили экономическую мысль древних греков. В Древнем Риме экономической мысли было совсем мало. Удивительно, что Рим, в отличие от Афин, которые свою относительно небольшую империю потеряли, стал главной империей за-

падной цивилизации, перед тем как пережил упадок и распад. Он правил многими расами, многими областями, где использовались разные языки; все их граждане в той или иной форме стали либо гражданами Рима, либо рабами римлян. Римляне занимались обширной государственной деятельностью, строили дороги, мосты, активно пользовались деньгами и кредитом, но они не занимались экономическими рассуждениями. У римлян можно почерпнуть весьма глубокие и влиятельные идеи об институте собственности, которые проистекают преимущественно от римских юристов, а не от мыслителей, рассуждавших об экономических отношениях в обществе.

А что же христианство? Ранние христиане не предлагают нам новых рассуждений на экономические темы по той простой причине, что они верили, что близится конец света: им сказал об этом сам основатель христианства. Они не видели нужды думать о завтрашнем дне и размышлять об экономическом устройстве общества. В начальных главах «Деяний апостолов» звучит некоторое описание аскетизма, следуя которому христиане объединяют свою собственность. Вам знакома правдивая история Анания и Сапфиры, которые сделали вид, что отдали свою собственность в общее пользование, а сами скрыли часть ее, и небеса за эту ложь поразили их смертью. Но в целом ранние христиане экономическими изысканиями не занимались.

В следующие века коммерция почти прекратилась, вместе с денежной экономикой, благодаря захвату Римской империи азиатскими народами, а также захвату Северной Африки мусульманами, который отрезал Средиземноморью возможности для ведения морской торговли. Однако постепенно, уже после окончания периода раннего Средневековья, то есть к X–XIII векам, общество стабилизировалось. При этом торговля, а с ней и сложные экономические рассуждения, пережили возрождение.

Однако христианские мыслители того времени исходили из иных идей, чем греческие философы. Греки находились в поиске лучшего государства — Платон идеального, а Аристотель наилучшего из возможно достижимых. Схоласты были куда больше озабочены (поскольку государства в их современной форме в те дни только начинали формироваться) долгом человека. Их волновало, что должен и чего

не должен делать христианин. Если вы раскроете великую «Сумму теологии» Св. Фомы Аквинского, которую многие католики до сих пор считают полным и конечным источником теологической мудрости, вы найдете в ней раздел, посвященный экономическим вопросам. Однако этот раздел для нас звучит очень странно. Он открывается предложением: «Далее надлежит рассмотреть грехи, которые имеют место при добровольных сделках» (Aquinas, 1948, p. 53; *перевод на русский А. Анполонова*).

Об этих грехах, связанных с добровольными сделками, я расскажу вам на следующей лекции.

Лекция 3

Фома Аквинский и схоласты

ЗАКАНЧИВАЯ прошлую лекцию, мы кратко обсудили знаменательное отсутствие в светской литературе Римской империи экономических рассуждений, а также скудость этих рассуждений в трудах ранних христианских апостолов или теологов периода до начала Раннего Средневековья. Затем я перешел к моменту возрождения денежной экономики и развития процветающей торговли и небольших производств, которое происходило в Италии. Я привлек ваше внимание к тому, что цели моральных философов в этот период изменились. В то время как греки концентрировались на обсуждении экономических характеристик хорошего государства, христианские философы сконцентрировались на обязанностях индивида: как должен вести себя христианин? Кажется, я завершил лекцию, процитировав первое предложение той части «Суммы теологии» Фомы Аквинского, в которой он предлагает обсудить грехи, связанные с обменом.

Я хотел бы посвятить этот час краткому и весьма поверхностному рассказу о тех редких комментариях на тему ценности и распределения, которые попадают в трудах христианских теологов, начиная с XIII века и заканчивая Реформацией. Я должен вас предупредить, что эта лекция, в отличие от остальных тридцати четырех лекций моего курса, основывается на вторичных источниках. Мое непосредственное знакомство с трудами католических теологов Средневековья можно назвать ограниченным. Я должен был вам это сказать, поскольку наша сегодняшняя тема довольно противоречива. Что же, давайте начнем разбираться в противоречиях.

В те дни, когда история экономической мысли впервые стала объектом серьезного внимания, рассмотрение соот-

ветствующих теологических трудов авторов Средневековья было весьма поверхностным и, как свидетельствуют последние исследования, в некоторой степени недостоверным. В молодости я был увлеченным сторонником «Гильдейского социализма», движения, которое было популярно во время Первой мировой войны и незадолго до ее начала. Я помню книгу достойного восхищения человека по имени А. Дж. Пенти (Penty, 1917), который исследовал гильдейскую систему Средневековья и пытался применить свои выводы к современному обществу, которое хотел изменить. По мнению Пенти, центром притяжения в том обсуждении ценности и обмена, которое вели средневековые теологи, была справедливая цена. В этом заявлении нет ничего противоречивого. Однако противоречиво толкование того, что такое справедливая цена. По мнению великих авторитетов прошлого, справедливая цена была непосредственно связана с иерархическим статусом человека в обществе. Считалось, что справедливая цена — это цена, которую можно установить более или менее объективно, что она зависит от издержек производства блага, особенно от затрат труда, затраченного на его производство, что, в свою очередь, связывалось с определенным устройством общественной иерархии. Справедливой ценой считалась такая, которая, учитывая объем вложенного труда и тому подобное, позволяла вам сохранить свой статус в иерархической системе. Исходя из этого (и вот мы вернулись к г-ну Пенти) считалось, что организация производства зависит от гильдий, ассоциаций производителей, которые следили за тем, чтобы за блага взималась справедливая цена.

Однако не стоит переоценивать авторитетность такого толкования средневековых трудов моральных философов. Действительно, в какой-то момент оно вдохновило не кого-нибудь, а самого Макса Вебера, величайшего социолога XX века. Вы еще убедитесь, что это толкование легло в основу глав по экономике Средневековья в книге Эшли «Экономическая история» (Ashley, 1901); книги Тони «Религия и становление социализма» (Tawney, 1926), которая имела колоссальную популярность и продолжает вызывать огромное уважение одним только стилем изложения, а также книги авторитетного итальянского политика Фанфани (Fanfani, 1961). Все эти авторы поддерживали такое

толкование. Однако, насколько я могу судить (и позвольте мне в этом воздержаться от догматичности), это толкование во многом надуманное. Если вы прочтете рекомендованную мной работу Шумпетера (Schumpeter, 1954; Шумпетер, 2004), который очень хорошо описывает этот период (помните, я не рекомендую начинающим читать всю тысячу страниц Шумпетеровой работы, но вы можете прочесть только главу о философах-схоластах), вы увидите, что он утверждает ровно противоположное — и я вскоре расскажу, какую он занимает позицию по этому вопросу.

Еще влиятельней, чем Шумпетер, в этом вопросе стал автор этой монографии, и я подозреваю, что мнение Шумпетера отчасти основано на его работе. Я считаю эту монографию лучшим известным мне введением в предмет, она написана недавно скончавшимся историком экономики, который, кажется, начинал свою карьеру в Лондонской школе экономики, Реймондом де Рувером (Raymond de Roover). Она издана гарвардской библиотекой Кресса и называется «Св. Бернардин Сиенский и св. Антонин Флорентийский: два великих экономических мыслителя Средневековья» (de Roover, 1967). Я считаю эту книгу лучшим из всего, что Рувер написал на эту тему, но если кому-то из вас будет трудно добыть экземпляр для ознакомления (они должны быть в библиотеке), вы можете прочесть более раннюю статью де Рувера о справедливых ценах и их определении, она есть в том сборнике эссе, который указан на последней странице вашего списка литературы.

Главная идея статьи Рувера о справедливых ценах (de Roover, 1958, pp. 24–26), равно как и его статьи о Св. Бернардине и прочих, заключается в том, что почти все те авторитеты, на мнение которых я обратил ваше внимание, в своих рассуждениях опираются на высказывания некоего Генриха фон Лангенштайна, жившего в 1327–1397 годах. Этот Лангенштайн заявлял, что если власти не фиксируют цены, то производитель не должен требовать ничего сверх той суммы, которая позволит ему сохранить свой статус. Это высказывание Лангенштайна было впервые процитировано великим немецким экономистом и историком экономической мысли Рошером в его истории немецкой экономической мысли 1874 года издания. Все остальные позаимствовали его, как пишет де Рувер, именно у Рошера. Однако, по мнению

де Рувера и Шумпетера, Лангенштайн был весьма незначительной фигурой, не имевшей особого веса в обширной средневековой литературе по моральной философии. Рувер также считает, что наиболее авторитетные ученые-схоласты придерживались совсем другого мнения.

Начнем со Св. Фомы Аквинского, отрывки из трудов которого вы найдете в чрезвычайно полезной книге Монро по истории ранней экономической мысли. Рассуждение Св. Фомы о грехах, которые возникают в ходе обмена, несколько топорно и довольно педантично, а в некоторых местах очень трудно понять, что он имеет в виду. Время от времени читателю кажется, что автор «Суммы» пишет об изолированном обмене, и, конечно, изолированный обмен ставит нас перед совсем иными моральными вопросами, чем более высокоорганизованные формы общественного обмена. Этот аргумент в поддержку мнения де Рувера приводит Эшли.

Св. Фома цитирует самого Св. Августина, превозносящего поведение человека, которому было предложено купить книгу по цене, более низкой, чем, предположительно, ему пришлось бы заплатить за нее у другого продавца, и который отказался заплатить запрошенную цену и предложил вместо нее более высокую. Не думайте, что в данном контексте я не согласен со Св. Августином. Предположим, что любой, или почти любой, из вас (а среди вас могут оказаться люди весьма подкованные в области истории экономической мысли) пришел бы ко мне, предложил, допустим, экземпляр Кантильона эссе о природе торговли, и попросил бы за него пять фунтов. Я был бы подлецом, если бы дал вам пять фунтов, зная, что опытный продавец мог бы заплатить за оригинальный экземпляр первого издания «Эссе о природе торговли» Кантильона (Cantillon, 1755) — о котором я еще расскажу вам в отдельной лекции — до сотни фунтов. Однако на обсуждении индивидуальных отношений далеко не уедешь. Если бы я пришел, допустим, к Фрэнсису Эдвардсу, в один из лучших антикварных магазинов Лондона, что на Мэрилебон-Хай-Стрит, и мне предложили там «Эссе» Кантильона за пять фунтов, я бы его отхватил с руками. Я бы посчитал, что Фрэнсис Эдвардс должен знать свое дело, а если я знаю его дело лучше, чем он, мне вовсе не стыдно заключить с ним выгодную сделку. Многие пре-

подаватели истории экономической мысли собрали весьма внушительные библиотеки благодаря тому, что знали о своем предмете больше, чем букинисты.

Но де Рувер (de Roover, 1965, p. 28) утверждает, что, за исключением случаев, когда Св. Фома обсуждает изолированный обмен, под справедливой ценой он подразумевает такую цену, которая могла бы установиться на более или менее конкурентном рынке. Он подкрепляет свое мнение цитатой из Фомы Аквинского, в которой говорится, что, если торговец прибыл куда-то, где его товар в дефиците, и знает, что примерно через неделю после него туда же должны прибыть и другие торговцы, которые снизят на этот товар цену, он не совершит смертного греха, продав товар по цене, преобладающей в данном месте. При этом Св. Фома все же добавляет, что со стороны торговца более добродетельно было бы все же рассказать местным жителям, что за ним спешат другие.

Экономическую мысль Св. Фомы приходится собирать по кусочкам. В одном месте он как будто является предвестником теории ценности, основанной на полезности, потому что утверждает, что в противном случае мыш, в которой есть принцип жизни, ценилась бы выше жемчуга, являющегося мертвой материей. Эти слова предполагают, что он имел некое понятие о том, о чем говорят современные экономисты, обсуждая связь между полезностью и ценой¹. Впрочем, я полагаю, что думать так большая ошибка, особенно учитывая, что Св. Фома не жалеет сил вслед за главным философом Аристотелем, чтобы опорочить торговлю, целью которой не является естественное обеспечение домохозяйства. Лучше, я думаю, обратиться к более поздним авторам-схоластам, особенно к Св. Бернардину Сиенскому (1380–1444) и его проповедям, которые в переводе называются «Вечное Евангелие» (San Bernardino of Siena, 1484). Всего этих проповедей шестьдесят пять, четырнадцать из них посвящаются проблемам контрактов, обмена, цены и так далее.

Де Рувер весьма подробно описывает труды Св. Бернардина, которые не так-то просто раздобыть. Если вы прочтете, что пишет о них де Рувер, вы сразу отметите опреде-

1. См.: De Roover, 1967, p. 17.

ленный контраст со Св. Фомой. Св. Фома, как я только что говорил, перенял у Аристотеля пренебрежительное отношение к торговле в качестве профессии — к торговле, выходящей за пределы естественного обеспечения нужд домохозяйства. Св. Бернардин же признает торговлю и обрабатывающую промышленность полезными занятиями. Он превозносит их. Он превозносит честного торговца. В одном месте сурово порицает уловки бесчестных торговцев. Он также очень строго критикует беззаконие путешествующих торговцев. Интересно, что мишенью его критики стали именно они. Адам Смит в «Богатстве народов» (Smith, 1776; Смит, 2007) затрагивает вопрос моральности торговли. По его мнению, там, где есть обширные рынки, люди узнают те уловки, к которым могут быть склонны отдельные торговцы, и стремятся не попадаться на них, так что с этой точки зрения, считает Адам Смит, в местах широкого распространения торговли честность — это лучшая политика. В этом отношении, как мне кажется, мнения Адама Смита и Св. Бернардина не слишком расходились, но Св. Бернардин со всей тяжестью обрушивается на обман и нечестную конкуренцию. Затем он констатирует, что хорошая предпринимательская деятельность, хорошие управленческие умения, весьма редко встречаются, так что он не против того, чтобы они были вознаграждены. Он также солидарен с Аристотелем в осуждении Платона, проповедовавшего коммунизм в классе стражей. Как и Аристотель, он считает, что будет лучше, если за собственностью будут присматривать люди, напрямую заинтересованные в ее использовании с целью получения выгоды, а не если она будет принадлежать всем. Интересно (предупреждаю, что этот комментарий необъективен!) очень интересно, что все те средневековые теологи, которые поддерживали коммунистические, монастырские институты, вслед за Аристотелем осуждали общую собственность вне монастырских стен.

Однако самое интересно, что Св. Бернардин говорит о теории ценности и денег. Св. Фома, как я уже говорил, сравнивал ценность мышей и жемчужин. Де Рувер (de Roover, 1967, p. 17) пишет, что, хотя Тони и старается изобразить Карла Маркса последним из схоластов, всегда ставивших цену в зависимости от издержек труда, он, Рувер, прочесал соответствующую литературу и ничего похожего у Св. Фомы

не нашел. Св. Бернардин же очевидно избрал противоположный подход, утверждая, что ценность определяется тремя элементами. Первый из этих элементов — истинная полезность предмета, в том смысле, что предмет тем или иным образом служит на благо потребителю. Второй элемент — это редкость предмета, а третий — его желанность. Де Рувер (*ibid.*, p. 18) считает, что разделение полезности и желанности имеет определенное значение. Возможно, для моральной философии оно и имело значение, но, когда мы говорим о полезности в современной теории ценности, оно значения не имеет. В этом месте я немного расхожусь с де Рувером во взглядах на современное развитие экономической теории. Де Рувер считает, что было бы неплохо, если бы классификация Св. Бернардина сохранилась до наших времен.

А что можно сказать об оригинальности Св. Бернардина в этом вопросе? Де Рувер в своих ранних статьях писал, что изложение Св. Бернардина было не только самым мощным, но и самым оригинальным среди текстов других философов-схоластов. Однако теперь он обнаружил следы (*ibid.*, pp. 19–20) дискурса Св. Бернардина о ценности и полезности в трудах Пьера Оливи, жившего веком раньше — в 1248–1298 годах. Странно, что Св. Бернардин, человек добродетельный и педантичный, всегда или почти всегда указывавший, откуда взята та или иная цитата, не процитировал Оливи, своего предшественника в этом вопросе. Совершил ли Св. Бернардин смертный грех? Нет, говорит де Рувер, потому что Оливи после своей смерти был обвинен в смертной ереси, так что его останки были выкопаны из могилы и развеяны по ветру. И разумеется, Св. Бернардин, находившийся под влиянием итальянской церкви, не захотел написать о том, что на него повлиял еретик, чьи останки были развеяны по ветру.

Итак, Св. Бернардин пишет, что полезность или желанность в качестве фактора, определяющего ценность, не абсолютны. «В противном случае, — пишет он, — стакан воды был бы почти бесценен». Но вода имеется в избытке (*ibid.*, p. 20). Св. Бернардин не решает парадокса стоимости, в отличие от Адама Смита и некоторых классических экономистов, но он недалек от его решения. Доктор Боули (Bowley, 1973) в своем весьма интересном эссе говорит и о других об-

наруженных им авторам, писавших задолго до Адама Смита, а также приводит отрывки из самого Смита, предполагающие, что, возможно, парадокс ценности был вовсе не так неразрешим, как считали Рикардо и другие.

Согласно Св. Бернардину, цена определяется коллективным вычислением, то есть рыночной оценкой. Иногда продавец вынужден продать что-то дешевле либо дороже, чем купил. Все зависит от текущей рыночной оценки. Св. Бернардин признает, что бывают исключения из этого правила. Он может представить себе ситуацию (ситуацию крайнего дефицита), в которой власти будут вынуждены зафиксировать цены. Насколько мне известно, он не упоминает о том, что, если власти фиксируют цены, чего я не осуждаю в условиях крайнего дефицита, нужно вводить распределение товаров по карточкам, в противном случае дефицит только усиливается. Это современная точка зрения.

Св. Бернардин проклинает монополистический захват рынка во всех его проявлениях. Он считает монополистическую практику настолько безнравственной, что пишет, что она должна быть наказана бессрочной ссылкой в этой жизни и вечной мукой в пламени ада в жизни загробной. Вот примерно все, что он пишет о ценах на обычные товары.

О заработной плате Св. Бернардин говорит только то, что к ценам на услуги должны применяться те же правила, что и к ценам на товары. Эта сторона вопроса, согласно де Руверу (de Roover, 1967, pp. 24–27), гораздо лучше проработана другим великим экономистом Средневековья — Св. Антонином Флорентийским (1389–1459), автором «Суммы теологии» (Sant' Antonino of Florence, 1511). Он принимает теорию ценности Св. Бернардина и активно порицает нечестных работодателей, равно как и работодателей, которые платят работникам товарами вместо денег или обрезанными монетами вместо полноценных. В его времена во Флоренции некоторые работодатели поступали именно так. Он также порицает работников, которые портят рабочие материалы. И хотя философы-схоласты, как утверждает де Рувер, очень мало писали о гильдиях, Св. Антонин упоминает гильдию торговцев тканями. Он осуждает ее за то, что ее члены платят работникам товарами или неполноценными монетами.

Я мог бы и дальше развивать эту тему, но мы приблизились к вопросу, более интересному с аналитической точ-

ки зрения. Каковы бы ни были мнения поздних схоластов (а поздние схоласты определенно следовали взглядам Св. Бернардина и Св. Антонина, а не Лангенштайна и его приверженцев), все они сходились с Аристотелем в его неприятии ростовщичества. Имеет смысл почитать Св. Фому, если сумеете раздобыть его книги, потому что Фома Аквинский об этом пишет много и ясно, и его точку зрения принимают многие моральные философы.

Вопрос номер 78 в «Сумме» посвящается греху ростовщичества, он озаглавлен «О грехе ростовщичества, который имеет место при займах». Вы знаете, что ростовщичество в полемике средневековых философов понимается как процент с займов. Они не возражали против прибылей партнерств. Но они, во всяком случае вначале, неслибавимо противостояли взиманию процентов с денег, выданных в качестве займа, так же как и Аристотель.

Св. Фома начинает, как это принято, с цитат. Я должен отметить, что не все тексты из Ветхого и Нового заветов, которые он цитирует, подтверждают его точку зрения. Он начинает с аргумента в пользу займов: «Кажется, нет греха в том, чтобы взимать проценты с денежных займов, ибо никто не может грешить, следуя примеру Христа. Но Господь говорит (Евангелие от Луки, 19:23)...» Все ли из вас знакомы со Священным Писанием? Я спрашиваю не как верующий человек, просто вы многое упустите, если не прочтете этот замечательный литературный памятник. В притче о недобросовестном домоправителе, которую я не стану повторять, чтобы не оскорблять тех, кто с ней уже знаком, Христос вкладывает в уста работодателя нечестного управителя упрек (управитель растратил деньги, которые ему доверили). «Для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, придя, получил его с прибылью?» (Aquinas, 1948, p. 65). Затем Св. Фома цитирует отрывок из Исхода (23:19), где последователям Моисея говорится: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдать в рост, иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (ibid.).

Но этому противоречат, — и на этот аргумент Св. Фома опирается очень веско — слова из Исхода (22:25): «если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (ibid., p. 66). Эту

цитату можно понимать как относящуюся к случаю изолированного займа, выданного кем-то, у кого с деньгами хорошо, кому-то, у кого с ними плохо, и именно так ее толкует Св. Фома. В этом случае, как и в случае изолированного обмена, может быть более одного мнения о том, что хорошо и правильно. Современный экономист не обвинит нас в глупости, если мы скажем, что богатый человек, одалживая деньги очень бедному человеку в момент нужды или затруднения, не должен брать с него процентов.

Но после этого Св. Фома (именно поэтому я так подробно на нем останавливаюсь) переходит к аналитической аргументации. Слушайте внимательно, я собираюсь прочесть вам эту аргументацию, потому что в ней содержится аналитическая ошибка.

Для того чтобы это [т.е. то, что ростовщичество — грех] стало очевидным, надлежит знать, что имеются такие вещи, пользование которыми ведет к их уничтожению (так, мы уничтожаем вино, используя его как напиток, и равным образом уничтожаем пшеницу, используя ее как пищу). И потому в подобных случаях одалживание [вещей] предполагает передачу владения (*dominum*). Поэтому если некто желает продать отдельно вино и отдельно использование вина, он продает одну и ту же вещь дважды, или продает то, чего не существует. И потому ясно, что он совершает грех несправедливости. И равным образом грешит против справедливости тот, кто одалживает вино или пшеницу, ожидая двойного возмещения [одного — за счет возврата взятой взаймы вещи, а другого — за счет цены ее использования, что и называется ростовщичеством] (*ibid*; перевод А. Анполонова).

A fortiori, согласно своей классификации денег как потребляемого предмета, Фома утверждает, что брать деньги за займ грешно.

Однако в следующем абзаце он подробно излагает идею, которая, в сущности, опровергает этот довод:

А есть такие вещи, использование которых не подразумевает их уничтожения (так, использование дома подразумевает проживание в нем, но не его разрушение). И потому в подобного рода случаях использование и владение могут быть разделены: так, например, некто может передать другому [право] на владение домом, оставив себе [право] пользоваться им

некоторое время; или, наоборот, передать [право] пользования, оставив за собой [право] на владение. И потому в данном случае человеку позволительно получать деньги за использование дома, и при этом требовать возвращения самого сданного дома, что очевидно при [сделках по] сдаче жилья в наем (ibid., p. 67; перевод А. Аполонова).

Удивительно, что такой великий философ как Фома Аквинский опровергает собственный аргумент, изложенный абзацем раньше. Если вы платите за вино сразу после того, как выпили его, то вы не платите процентов, вы оплачиваете только цену вина. Но если вы пьете вино целый год и не платите за него, вы окажетесь в положении человека, который арендовал дом и не платит арендную плату до конца года. Более того, Св. Фома и его единомышленники среди средневековых схоластов разрешали продавать право на взимание арендной платы. Продажа права на взимание арендной платы, то есть на получение приведенной ценности будущих арендных платежей, предполагает наличие процентной ставки, в противном случае капитальная ценность постоянной арендной платы была бы бесконечной. Чтобы получить капитальную ценность, более отдаленные по времени арендные платежи нужно дисконтировать. Так что, разрешая продавать право на взимание арендной платы, схоласты в неявной форме разрешали и процентные ставки.

А допускали ли они исключения? Да. Исключение называлось *damnum emergens*, реальный ущерб. Если человек терпел ущерб вследствие невыплаты займа, он мог требовать возмещения этого ущерба, но суть исключения не в этом. Настоящий спор шел вокруг того, мог ли этот человек требовать возмещения не только своего займа, но и того, что он мог бы заработать, если бы прибыльно использовал эти деньги. По латыни это называлось *lucrum cessans*, упущенная выгода. Св. Фома запрещал эту практику. Но к тому времени, когда Св. Антонин писал свои труды, во Флоренции развился весьма процветающий банковский бизнес, и займы — займы наличных денег — становились частью торговли. Так что с неохотой, но Св. Антонин постепенно начинает их допускать.

И с этого момента в умы некоторых мыслителей начинают закрадываться сомнения. Эти мыслители принадле-

жат к разным теологическим школам. Во времена Реформации Лютер так же громко протестовал против процентов, как и последователи Св. Фомы Аквинского. Кальвин, наоборот, не видел ничего дурного в том, чтобы взимать разумные проценты. В конечном счете по-настоящему положить конец спорам о взимании процента удалось католическому теологу Дюмулену (Dumoulin, 1546), работу которого Монро приводит в своей «Ранней экономической мысли²». Спор о проценте продолжался до времен королевы Елизаветы, но после Дюмулена, хотя запрет на проценты и продолжал существовать, битва с процентом была проиграна. С этого времени спор о проценте стал звучать иначе: нужно ли регулировать процентные ставки и должна ли законная ставка процента быть ниже, чем ставка, взимаемая в отдельных видах сделок. Это тоже весьма интересный спор.

Но время закончилось. Я рекомендую вам прочесть Дюмулена, хотя он, по моему, несколько необъективен. Кроме того, в своем списке литературы я рекомендую книгу автора, писавшего под псевдонимом Святой Отец (Father Divine, 1959) — это не тот довольно наглый персонаж, который вел известные радиозфиры, это экономист, в период между войнами писавший диссертацию в Лондонской школе экономики. Его докторская диссертация весьма интересна, и я рекомендую ее вам. Чтобы вы не подумали, что, не будучи католиком, я был необъективен, читая лекцию о схоластах, я предлагаю вам ознакомиться с мнением Святого Отца.

---

2. Шарль Дюмулен, по латыни *Carolus Molinaeus, Tractus Contractuum Et Usurarum Redituumque Pecunia Constitutorum* (1546), работа воспроизводится в сборнике Монро: Монро, 1948, pp. 103–120.

Лекция 4

Памфлетисты о деньгах (Орезм, Боден, «У. С.»)

НА ПРОШЛОЙ лекции в недостойной спешке я закончил излагать все, что хотел поведать вам в рамках нашего курса о зарождении экономической науки в трудах моральных философов. В конце лекции я затронул весьма захватывающий вопрос: революционную перемену в отношении французских мыслителей к ростовщичеству. Впоследствии мы еще вернемся к развитию темы процентной ставки в экономическом анализе и будем вспоминать то, что я вам уже рассказывал. Сейчас я не могу слишком долго задерживаться на этой теме, да и тех отрывков, которые я вам дал, пока вполне достаточно, чтобы составить о ней общее мнение.

Теперь же я хочу обратиться к зарождению жанра экономических памфлетов. Памфлеты писались на такое огромное количество тем, что все их совершенно невозможно было бы осветить в двух или более лекциях: о деньгах, регулировании торговли, облегчении бедности, трудовых отношениях, эмиграции, населении, обучении... Но мы можем запустить ведро в этот океан памфлетов и посмотреть, что в него попало.

Однако прежде всего несколько слов о происхождении памфлетов. Эпоха, о которой мы говорим сегодня, охватывает период уже после окончания Средневековья. Зарождение литературной традиции памфлета (памфлеты, разумеется, пишутся и сегодня, но это совсем другое дело) в значительной степени совпало с расцветом национального государства. Когда в Европе закончился период мрачного Средневековья и в разных частях западного мира стали постепенно восстанавливаться порядок и торговля, вместе с ними начало развиваться чувство национальной

принадлежности. В этом были свои плюсы и минусы. Те, кто видели пьесу Бернарда Шоу «Святая Иоанна», представляют себе, как национальное чувство зарождалось во Франции. Простые люди начинали чувствовать, что настоящим языком был их язык, а отнюдь не латынь, которая служила единым языком общения более образованных классов разных стран. Более того, появление огнестрельного оружия способствовало образованию феодальной системы, в которой любой мелкопоместный дворянин владел землей и мог более или менее тиранствовать на ней, как ему было угодно. В зависимости от времени и места этот дворянин был или не был лоялен вышестоящему дворянину. При этом предполагалось, что все феодальные дворяне так или иначе лояльны высшему феодальному владыке — королю.

Параллельно происходил распад более или менее единой версии христианской религии. Он начался во времена Реформации и в XVI—XVII веках привел к обильному кровопролитию. Кроме того, не будем забывать о Христофоре Колумбе, открывшем Новый Свет, а вместе с ним обильные залежи драгоценных металлов, что через два века при годовой ставке сложных процентов всего около 2% привело к очень серьезному падению покупательной силы денег.

В результате всего вышеназванного возникли новые административные проблемы. В начале этого периода король, высший феодальный владыка, жил сам по себе. Он владел обширными поместьями, у него было множество слуг и рабов, и налоговые поступления от подданных играли в его хозяйстве весьма маленькую роль. Но с появлением национальных государств и верховной власти монарха в этих государствах налогообложение приобрело больший вес, и приумножением доходов государства вплотную занялись амбициозные государственные деятели. Поскольку существовало много других вопросов, которые требовали личного внимания короля, эти государственные деятели всю пользовались возможностями, которую предоставляла им их власть в вопросах, связанных с деньгами и обменом.

Я должен сказать, что значительная часть памфлетов *ad hoc*, написанных государственными деятелями, довольно скучна. Немцы называли эту литературу камерализмом.

Kamer по-немецки означает «палата», а вы помните детский стишок:

Где король? В палате денежки считает,
Королева с маслом булку уплетает.

По большей части литература о налогообложении, созданная в этот ранний период, написана для специалистов, и в ней попадаются великолепные произведения. Монро, например, приводит отрывки из немецкого автора XVIII века Юсти, с которыми стоит ознакомиться. В Англии параллельно зарождалось то, что Адам Смит называл «политической арифметикой»: становление статистики — науки, в которую Адам Смит верил весьма слабо.

Кроме того, на общем фоне развивалась литературная полемика в защиту интересов разных групп, которые присутствовали в зарождающихся национальных государствах. Торговцы жаждали прибыли, кто-то требовал субсидий, кто-то призывал ввести защитные тарифы — все это, разумеется, на благо общества. Слово «меркантилизм» не стоит воспринимать буквально — это двусмысленный термин, о его двусмысленности я расскажу в следующей лекции.

Я хочу рассмотреть явление экономического памфлета, разделив все памфлеты на две основные группы. В этой лекции я расскажу о развитии денежного анализа, а в следующей — о меркантилизме в узком смысле слова. Как я вас уже предупредил, у этого слова есть и более широкое значение.

Итак, деньги. Сегодня я хотел бы обсудить два основных направления: труды, посвященные уменьшению содержания драгоценных металлов в монетах (порче монет), а также раннюю литературу, посвященную последствиям изменений объема денежных средств. С моей точки зрения, весьма удобно, что первый памфлет, о котором я говорю, был написан не правительственным чиновником или купцом, жаждущим набить свой карман, а беспристрастным монахом. В этом связь с морально-философской литературой, которую мы обсуждали на предыдущих лекциях. Работа, к которой я хочу привлечь ваше внимание, частично приведена в сборнике Монро, но существует ее полный текст на латыни и на английском — «De Moneta» (Oresme, 1360; 1956). Перевод этой книги вышел под

названием «Монетный двор», и я думаю, что его еще можно купить. Вряд ли эти книги расхватали, как горячие пирожки.

Автор «De Moneta» француз Николай Орезм — типичный представитель философии схоластов, о которых мы уже говорили. Однако эта книга представляет собой прикладную схоластику, схоластику *ad hoc*. Ей не присущи недостатки памфлетов, напротив, она представляет их лучшие качества. Орезм был выдающейся личностью, я должен рассказать вам о нем подробнее. Он жил в 1320–1382 годах. Пожалуйста, не думайте, что я придаю большое значение датам; я называю их лишь для того, чтобы дать вам некую общую перспективу. В моем понимании, университетское образование требует не того, чтобы вы помнили подобные мелкие детали (хотя, если вы называете даты, они должны быть точными), но того, чтобы вы имели широкий кругозор. Орезм был французским священнослужителем. Он писал о теологии и о математике, переводил Аристотеля, был директором Наваррского колледжа, что на юге Франции; в 1377 году его сделали епископом Лизье. Он написал свой опус приблизительно в 1360 году. Книга написана в форме трактата, что указано в подзаголовке — «Трактат о происхождении, сущности, законах и обращении денег, написанный Николаем Орезмом, *Sacre Theologie Professore*», то есть профессором священной теологии.

Однако, несмотря на то что «De Moneta» написана как трактат, это произведение является полемическим, что очевидно из предисловия. Поскольку предисловие краткое, я зачитаю его:

Некоторые люди считают, что любой король или правитель может своей властью, по праву или исключительно праву, свободно изменять деньги, находящиеся в обращении в его владениях, регулировать их, как ему угодно, и забирать себе любую прибыль или выгоду, получившуюся в результате, но другие люди придерживаются противоположного мнения. Поэтому я решил написать о том, что считаю, с философской и Аристотелевой точки зрения правильным, необходимым, начав с происхождения денег. Я не выношу поспешных суждений, но предоставляю делать заключения тем, кто стоит выше меня. Возможно, мои слова сподвигнут их на то, чтобы установить истину в этом вопросе

(какая прекрасная скромность, — отмечает Кейнс),

так, чтобы все эксперты сошлись во мнениях, и прийти к заключению, которое будет выгодно как князьям и гражданам, так и всему государству в целом.

Этот текст был написан в 1360 году, а экономисты до сих пор не сошлись во мнениях относительно обсуждаемых в нем вопросов.

Это весьма интересная книга, и аспирантам определенно стоит в нее заглянуть. Я не скажу, что все студенты обязательно должны ее прочесть, но вы можете составить мнение о ней, просто пробежавшись по оглавлению. Я хотел бы сейчас зачитать вам это содержание, или хотя бы его часть.

1. Зачем были изобретены деньги.
2. Материалы, из которых делаются деньги.
3. О разнообразии материалов и сплавов.
4. О виде или форме денег.

(Тут он приближается к интересующим его вопросам.)

5. Кто должен чеканить монеты?
6. Кто владеет деньгами?
7. Кто несет затраты по чеканке монет?

В восьмой главе указана главная причина написания этого псевдоаристотелианского трактата:

8. Об общих изменениях в политике чеканки монет.

Я хотел бы остановиться и пояснить кое-что. Если вы, как и я, не являетесь экспертом по экономической истории Средневековья, то не знаете, что в то время главы государств весьма часто прибегали к порче монет. Они могли, например, уменьшить содержание благородного металла в монете, не меняя ее названия — фунт стерлингов носит сегодня то же название, что и много веков назад, но его покупательная сила изменилась. Если князь мог обесценить металлические деньги, изменив либо их вес, либо состав, и сохранить название, он мог получить *pro tem* прибыль. При этом только те, кто понимал, что происходит — менялы, которые быстро

просекли, что их надувают — могли избежать выплаты налога на население, которым по сути своей является порча монет.

Итак, в восьмой главе рассказывается об общих изменениях политики чеканки монет. В следующих главах говорится об изменении формы, соотношения, названия, веса, материала, смешанных изменениях денег¹. Затем в пятнадцатой главе, перед тем как приступить к основной своей задаче, Николай говорит, что «прибыль, которую получает правитель вследствие изменения политики чеканки монет, неправомерна». В шестнадцатой он пишет, что такая прибыль неестественна, а в семнадцатой — что получение прибыли в результате изменения чеканки хуже ростовщичества. Мы помним, что требовавшие запрета ростовщичества считали, что оно заслуживает пожизненной ссылки и пламени ада после смерти. В восемнадцатой главе Орезм говорит о том, что подобные изменения денег недопустимы. В девятнадцатой же главе он хитроумно пишет:

19. Об определенном убытке, который наносит правителю изменение политики чеканки монет.
20. Об убытках, которые терпит все общество.
21. Об убытках, которые терпит часть общества.
22. Может ли общество вносить подобные изменения?
23. Аргумент в пользу изменения политики чеканки монет правителем.
24. Ответ на предыдущую главу и основной вывод.

И наконец:

25. О том, что власть тирана не может быть долгой.
26. О том, что получение прибыли путем изменения политики чеканки монет вредит всему королевскому престолу.

Мы достаточно поговорили о Николае Орезме. Суть его аргумента заключается в том, что порча монет аморальна. Он упоминает о путанице, но суть его аргумента все же в том, что порча аморальна, неправомерна и хуже ростовщичества. Поэтому [*говорит неразборчиво*] так сказать, сути нашего предмета — это оценочное суждение — я лично весьма высоко оцениваю Николая.

---

1. На самом деле глава 14 называется «Сложное изменение денег».

Интересно, заглянул ли кто-нибудь в тот сборник трактатов на французском языке, который я рекомендовал в списке литературы, — в сборник Ле Браншю (Le Branchu, 1934). Если да, то вы видели в нем кое-что, о существовании чего я не знал, пока не прочел Ле Браншю около двадцати лет назад. В этом сборнике напечатано исследование об обесценивании монет и изменении покупательной силы денег одного автора, которого я предлагаю вам угадать. Кто изменил все наше понимание происхождения Вселенной? Предлагайте варианты. [Студенты выкрикивают имя Галилея.] Почти. У Галилея был уважаемый предшественник. Не будем тратить время: я говорю о Копернике.

Нельзя сказать, что Коперник оказал значительное влияние на экономическую мысль, поскольку его исследование на эту тему не было напечатано, оставшись рукописью. Есть основания подозревать, что этот документ, написанный, вероятно, около 1538 года, хранился у правителя той части Северной Европы, где жил Коперник. Он был издан только в 1810 году, поэтому не будем долго задерживаться на нем, он не является для вас обязательным чтением. Коперник куда больше, чем Николай Орезм двумя веками ранее, уделяет внимания экономическим последствиям обесценивания монет. Коперник размышляет об обесценивании и активно выступает против него, а также против изменений в политике распределения, которые он называет не только неправомерными, но и экономически нецелесообразными. Более того, на странице девять манускрипта, воспроизведенного в сборнике Ле Браншю, Коперник формулирует примитивную версию закона Грешема: худшие деньги вытесняют из обращения лучшие.

Не будем больше задерживаться на обесценивании денег, хотя оно продолжало происходить. Генрих VIII обесценил деньги в Англии, что стало причиной всевозможных бедствий, о которых я расскажу вам в последние пять минут лекции.

Однако сейчас мы рассматриваем период, когда мир наслаждается открытием Северной Америки и Карибских островов Колумбом, и в Испанию течет река драгоценных металлов. В это время в Испании жил малоизвестный Аспилькуэта Наваррский (Azpilcueta de Navarro), он упоминается в превосходной книге мисс Грейс-Хатчинсон «Early

Economic Thought in Spain» («Ранняя экономическая мысль в Испании») (Grice-Hutchinson, 1978). Он стал первым человеком, сформулировавшим количественную теорию денег. Зачитаю вам отрывок из его произведения:

При прочих равных условиях в странах, где существует сильный дефицит денег, все прочие продаваемые товары, даже руки и труд человека, отдаются за меньшие деньги, чем в странах, где денег много. Таким образом, мы видим на опыте, что во Франции, где денег меньше, чем в Испании, хлеб, вино, ткани и труд стоят гораздо меньше (Grice-Hutchinson, 1978, p. 104).

В некотором смысле этот человек — редкость. Хотя об Аспилькуэте Наваррском пишет мисс Грайс-Хатчинсон в своей книге о Саламанкской школе (эта книга еще продается, она была издана только в прошлом году), о нем не упоминается в ваших учебниках, поэтому ограничусь тем, что привлеку ваше внимание к нему и к мисс Грайс-Хатчинсон, и мы перейдем к произведению куда более значимому в истории экономической мысли. Я говорю о знаменитых «Парадоксах Сеньора де Мальтруа», которые впервые были изданы в 1566 году.

О Мальтруа известно немного. Те, кто захотят узнать о нем больше, обнаружат, что его труд «Парадокс изменений ценности денег» (Malestroict, 1566), в свое время не вызвавший никакого интереса во Франции, в наши дни вышел под редакцией не кого-нибудь, а первого президента Италии. Ныне покойный Луиджи Эйнауди, замечательный человек, до того как стать президентом, был знаменитым экономистом и во времена Муссолини был вынужден скрываться.

Эйнауди может рассказать вам все о Мальтруа. Мы мало знаем о нем; он был чиновником так называемого *Cour des Monnaies*, монетного двора Франции, и похоже, что ему поручили изучить причину роста цен. В результате его исследования появился документ, крайне любопытный и не лишенный остроумия. Мальтруа вначале утверждает, что реальная обменная ценность золота и серебра, в отличие от обменной ценности монет, которые пострадали от обесценивания, не изменилась. Это обесценивание монет привело к росту цен, но реальная ценность золота и серебра не изменилась. Затем он рассказывает, почему причина произошедшего лежит в обесценивании монет, и его книга является образцом

общепринятого мнения того времени. Однако я не стал бы так подробно рассказывать о Мальтруа даже столь избранной аудитории, как вы, ради одного его парадокса, но этот парадокс вызвал реакцию человека, о котором некоторые из вас слышали — знаменитого юриста Жана Бодена.

Ответ Бодена Мальтруа напечатан в уже известном вам сборнике Монро (Монрое, 1948). Поскольку Монро довольно сложно достать, я нашел перевод Бодена на английский язык, выпущенный издательством «Блэкуэллз» сразу после войны (Bodin, 1576); это перевод великой книги Бодена «Шесть книг о государстве». Для тех из вас, кто не знакомы с именем Бодена (я наблюдал за вами, чтобы понять, кому это имя знакомо), я скажу, что Боден был автором знаменитой доктрины о суверенитете государства. После XVII века по этой теме было написано множество книг. Боден написал знаменитые «Шесть книг о государстве» и провозгласил в этой книге доктрину, которая, по мнению многих, стала причиной многих зол, но прославилась не этим. Она знаменита, потому что стала основой конституционного права и сохраняла свой статус до тех пор, пока в ней не стали сомневаться, что произошло лишь в последние сто лет.

Боден также написал памфлет, воспроизведенный в «Ранней экономической мысли» Монро (Монрое, 1948), — «Ответ Жана Бодена на парадоксы мсье де Мальтруа относительно возрастающей дороговизны всех товаров и средств борьбы с ней». Этот памфлет был издан в 1568 году. Прочтите его, это весьма важно. Боден сразу ставит под сомнение предпосылку Мальтруа о том, что отношение между товарной массой в целом и количеством золота и серебра с учетом их содержания в монетах не изменилось. Боден не отрицает слов Мальтруа о том, что денежные средства обесценились — об этом знали все. Однако он отрицает, что определенные изменения в относительных ценах некоторых товаров и некоторых земельных участков можно объяснить лишь обесцениванием французских монет.

Затем Боден перечисляет, что, кроме обесценивания монет, привело к росту цен. Он приводит всевозможные причины, и, без сомнения, некоторые из них весьма вески — монополии и их дурное влияние, расточительность некоторых людей, щедрые траты на определенные товары или определенные земельные участки и так далее. Однако основная

причина, говорит он (и вы можете прочесть это на странице 127 сборника Монро, если сумеете его достать):

Основная причина вздорожания всего во всех странах заключается в обилии того, что определяет ценность и цену вещей. Плутарх и Плиний свидетельствуют, что после завоевания Македонского царства, находившегося под властью персидского царя, командующий Эмилий Павел доставил в Рим столько золота и серебра, что люди были освобождены от выплаты налогов, а цена на землю в Романье в один момент выросла на две трети.

Я не верю, что цены взлетели на две трети в один момент, но произошло это все же довольно быстро. А Светоний, продолжает Боден, готовясь пустить в ход свое главное оружие:

Светоний пишет, что император Август привез из Египта столько богатств, что ростовщические проценты сократились, а цена земли стала намного выше, чем раньше. Дело тут было не в дефиците земли, количество которой не может ни вырасти, ни сократиться; дело было не в монополии, которой в подобном случае не может существовать; дело было в обилии золота и серебра, которое привело к их обесцениванию и подорожанию оцениваемых предметов... Так же произошло

(тут он возвращается к историческим примерам)

во время прибытия царицы Савской в город Иерусалим

(вы, конечно же, слышали о царице Савской и ее визите к царю Соломону),

куда она привезла так много драгоценных камней, что люди топтали их ногами.

(В это я не верю. но тут Боден приближается к своей основной мысли.)

И когда испанцы стали хозяевами нового мира, топоры и ножи продавались куда дороже, чем жемчуг и драгоценные камни, ибо там были лишь деревянные и каменные ножи и много жемчуга. Таким образом, именно обилие приводит к обесцениванию. Следовательно, император Тиберий был неправ, когда велел обезглавить человека, сумевшего сделать стекло мягким и податливым, опасаясь, как пишет Плиний,

если бы об этом узнали, золото бы потеряло свою популярность; ибо обилие стекла, которое делается почти из любых камней и из некоторых растений, неминуемо привело бы к его обесцениванию. Так же и со всем остальным.

Поэтому необходимо продемонстрировать, что триста лет назад, в то время, о котором пишет Мальтруа, в этом королевстве было не так много золота и серебра, как сегодня; что очевидно с первого взгляда (Bodin, 1568/1948, pp. 127–128).

Теперь я хотел бы привлечь ваше внимание к одной вполне доступной книге (во всяком случае, я надеюсь, что эта книга доступна; никогда неизвестно, каких книг может не быть в библиотеке). Она хорошо написана. Я не сказал бы, что авторы тех книг, о которых я рассказывал сегодня, обладают особенно хорошим слогом, хотя серьезные умы ими зачитываются. Однако я держу в руке знаменитое произведение английской литературы. Оно называется (я не жду, что многие из вас о нем слышали, разве только те из вас, кто является историками экономической мысли) «Рассуждение об общем благе в Английском королевстве» (W.S., 1581). Ее переиздала в «Юниверсити пресс» ученая дама мисс Ламонд, вначале в 1883, а затем в 1929 году, и в любой уважающей себя библиотеке эта книга должна присутствовать в разделе исторической литературы.

Впервые «Рассуждение» было издано в 1581 году, и его редактором был некто, подписавшийся «У.С.» [англ. W.S., совпадает с инициалами Уильяма Шекспира. — *Прим. пер.*]. На какую мысль вас наводят эти инициалы? Я вижу, вы поняли, на что я намекаю. Так же рассудил один издатель в середине XVIII века и перепечатал книгу, указав в качестве автора Уильяма Шекспира. Однако в то время, когда эта книга была написана, Шекспир был совсем юн, ему было всего семнадцать лет. Нет причин верить, что это Шекспир написал «Рассуждение».

Я задержался на этом факте, потому что мисс Ламонд снабдила книгу весьма заумным предисловием, написанным под руководством архидиакона Каннингема, знаменитого историком экономики начала XX века. Ламонд приписывает авторство книги общественному деятелю по имени Джон Хейлз, и большинство историков следуют ее примеру.

Однако Ле Браншю, который не поленился перевести «Рассуждение» на французский и внимательно изучить источники мисс Ламонд, оспорил авторство Хейлза. По его мнению, книга скорее могла быть написана знаменитым (среди вас есть политологи?) знаменитым сэром Томасом Смитом, главное произведение которого посвящается конституции Англии. В журнале «Economic History Review» (я настоятельно рекомендую этот журнал всем экономистам, которые хотят быть больше, чем просто экономистами) в августе 1966 года была напечатана статья мисс Мэри Дьюар, доказывающая авторство сэра Томаса Смита. За инициалами «У. С.» скрывался, вероятно, его не слишком образованный племянник Уильям Смит, который после смерти дяди в 1570-е годы нашел рукопись в его бумагах и обнаружил ее.

Итак, я рекомендую вам «Рассуждение» не только потому, что в нем (в примечании, вероятно, добавленном сэром Томасом Смитом) содержится первая английская формулировка количественной теории денег. Дело не только в этом. «Рассуждение» — это захватывающая дискуссия в форме платоновского диалога между несколькими гражданами: профессором теологии, землепашцем, ремесленником и общественным деятелем, который называет себя рыцарем. Эти люди встречаются и начинают жаловаться на возрастающую дороговизну вещей. Некоторые винят в ней огораживания, другие — монополию, а третьи — обесценивание денег. Наконец теолог приводит их к общему выводу, но только после долгих споров о природе денег, прекрасной дискуссии, в которой упоминаются даже предшественники Аристотеля. Эта книга — превосходное чтение для собственного удовольствия.

Сэр Томас Смит, или кто-то другой, написавший эту книгу, захватывающе описал насущные проблемы. Читая ее, вы живо интересуетесь личностями рыцаря, ремесленника, землепашца и, особенно, профессора теологии, который объясняет существование университетов так убедительно, что согревает сердца всех тех, кто с ними как-то связан. Я хотел бы зачитать вам одно примечание, содержащееся в этой книге. Оно, скорее всего, принадлежит перу самого сэра Томаса Смита, поскольку «У.С.», по мнению мисс Дью-

ар, не обладал достаточными способностями, чтобы его написать. Мисс Ламонд опускает ту часть диалога, в которой находится это примечание, и приводит его в приложении.

Доктор теологии считает обесценивание причиной догровизны вещей. В ходе трех увлекательных бесед доктор признает существование всевозможных зол, а затем в последнем диалоге он выступает за ревальвацию. Пусть сегодняшнее правительство, говорит доктор, поступит честно и исправит то бесчестное решение, которое принял Генрих VIII... А в конце этой тирады он говорит:

Другая причина, которую я вижу, заключается в большом запасае и обилии богатства, которое разгуливает по этим частям света, это сегодня куда большее богатство, чем то, какое когда-либо в прошлом случалось видеть нашим предкам. Кто не знает о бесчисленном количестве золота и серебра, собираемого в Индиях и прочих странах и ежегодно переправляемого на берега нашей страны? Это не вызывает никаких сомнений, а также подтверждается свидетельством ныне живущих стариков.

(Имеются в виду люди за восемьдесят.)

Они утверждают, что в прежние времена, еще на их памяти, человек считался богатым и способным достойно содержать дом, если имел доход в 30, 40, 50 или 60 фунтов стерлингов, но в наши дни человек с таким доходом настолько далек (в глазах общества) от порядочного домовладельца или обеспеченного человека, что считается чуть ли не попрошайкой. Таким образом, эти обстоятельства, как мне кажется, с большой вероятностью являются причиной всеобщего подорожания (W.S., 1581, p. 187).

Так заканчивается первая известная мне формулировка количественной теории денег в Англии.

Я не хотел бы, чтобы вы ушли сегодня с чувством, что я пытаюсь продать вам какую-то версию монетаризма. Я не настоящий монетарист, однако я верю в то, что отношение между количеством денег (неважно, металлические это деньги или бумажные) и валовым внутренним продуктом связано с покупательной силой денег. Об этом иногда забывают люди, весьма уважаемые общественностью.

Лекция 5

Памфлетисты: меркантилизм (Малин, Мисселден, Ман)

НЕ СТАНУ тратить ваше время, повторяя содержание предыдущей лекции. Достаточно сказать, что я перешел от общих соображений моральной философии, связанных с основными экономическими понятиями обмена и процента, к тому вкладу, который внесли в раннюю экономическую мысль памфлетисты. Последняя лекция была посвящена ранним размышлениям на тему теории денег и обесценивания денег, а также первым формулировкам количественной теории денег. Сегодня же я хочу обсудить с вами авторов-меркантилистов, причем это слово я буду употреблять в узком смысле.

Сразу предупреждаю вас, что тема меркантилизма крайне сложна и вызывает немало споров. В прошлый четверг, когда я рассказывал вам о Николае Орезме, Копернике, Бодене или авторе «Рассуждения об общем благе», мне не нужно было предупреждать вас ни о чем подобном. Однако даже само значение слова «меркантилизм» до сих пор является предметом ученых споров, хотя оно широко употребляется с 1776 года, когда его ввел в обиход сам Адам Смит.

Поэтому я должен начать с того, что под словом «меркантилизм» подразумевается меркантилистская политика. Впервые этот термин, насколько мне известно, употреблял Мирабо, лучший ученик Кенэ, лидера физиократов, о которых мы поговорим с вами позже. Мирабо был отцом знаменитого французского государственного деятеля, опубликовавшего книгу «Друг людей» (Mirabeau, 1883), в честь которой его так и прозвали. Со временем, по семейным обстоятельствам, к этому народному прозвищу добавился титул «враг своей жены и семьи». Итак, Мирабо в своей книге «Сельская философия» (Mirabeau, 1764), написанной в соав-

торстве с Кенэ, походя упоминает меркантилистскую систему. Но вам не следует забивать этим голову. Термин «меркантилизм» начал активно использоваться Адамом Смитом и стал темой четвертой, самой длинной книги «Богатства народов». И Адам Смит, и Мирабо недвусмысленно называли меркантилизмом любую политическую меру, направленную на достижение благоприятного торгового, или платежного, баланса: поощрение экспорта, сокращение импорта, введение ограничений на колониальные товары и так далее. Смит называл такую политику «меркантилистской системой» и сурово порицал ее, что, как минимум, на сто лет вперед повлияло на отношение к подобным мерам.

Проблема зародилась следующим образом. Примеру Адама Смита последовали классические экономисты XIX века. Некоторые из них, особенно Сениор и Маккуллох, были склонны считать сутью меркантилизма веру в то, что богатство заключается в драгоценных металлах. Но мне трудно поверить, что они искренне считали, что авторы-меркантилисты придерживались подобного мнения. В конце концов так называемая Мидасова ошибка — ошибочное представление о том, что богатство заключается лишь в золоте и серебре, была разоблачена еще Аристотелем. Трудно поверить, что авторы памфлетов забыли об этом. Классические экономисты вслед за Смитом рассматривали меркантилизм как систему мышления или рекомендаций, касающуюся платежного баланса. И это соответствует действительности. Возможно, такое мнение было не слишком справедливо по отношению к авторам-меркантилистам, но оно было вполне однозначно. Обвинениям насчет богатства, заключающегося в драгоценных металлах, я особого значения не придаю.

Сложность возникла одновременно с развитием в конце XIX века знаменитой немецкой исторической школы, лидером которой был печально известный экономист Густав фон Шмоллер. Фон Шмоллер был исключительно авторитарной личностью. Поговаривали, что нельзя было устроиться на работу ни на один экономический факультет, не будучи одобренным фон Шмоллером, чей штаб располагался в Берлинском университете, в сердце Пруссии. Шмоллер, как и многие его прусские современники, был склонен глубоко изучать и объяснять вещи. В своем рассуждении о меркантилизме, которое стало очень влиятельным, он охватил

вопросы куда более широкие, чем рекомендации относительно регулирования платежного баланса.

Давайте посмотрим, что пишет Шмоллер в своем эссе «Меркантилистская система и ее историческое значение», впервые изданном в 1884 году, но недавно переизданном в Гарвардской серии, так что его можно найти и оно, безусловно, есть в библиотеке. Итак, Шмоллер пишет:

Суть системы заключается не в какой-то доктрине о деньгах, не в торговом балансе

(как мы видим, он совершенно не согласен с классиками),

не в тарифных барьерах, не в протекционистских пошлинах или навигационных актах, но в чем-то куда более великом, а именно в полной трансформации общества и его организации, равно как и государства и его институтов, в замещении местной и территориальной экономической политики политикой национального государства (Schmoller, 1902, p. 51).

Шмоллер, как мы видим, расширил смысл слова «меркантилизм». Его примеру последовал влиятельный историк экономики архидиакон Уильям Каннингем, главный специалист по систематической экономической истории в конце XIX — начале XX века. Ему же последовал Ульям Эшли, профессор торговли из Бирмингема, чье введение в экономическую историю (Ashley, 1901) по-прежнему заслуживает внимания.

Однако эту практику перенял и человек, куда более великий, чем Шмоллер, Каннингем, Эшли или любой из их последователей — относительно недавно скончавшийся скандинавский экономист Эли Хекшер. Хекшер написал труд в двух томах «Меркантилизм», который был переведен на английский язык, он есть в любой уважающей себя библиотеке (Heckscher, 1935). Унаследовав терминологию, точку зрения и широкий взгляд Шмоллера, Хекшер называл меркантилизмом систему взглядов, связанную с развитием наций — трансформацией средневековой системы в систему национальных государств.

Вероятно, вы поняли, что Шмоллер не принадлежит к моим любимым ученым. Возможно, я был не вполне справедлив, сравнивая его и Хекшера, приятнейшего человека

и великого историка экономической мысли и великого члена того избранного кружка скандинавских экономистов, которые так много сделали, чтобы принести мягкость и свет в практику нашего предмета в XX веке.

Несмотря на все это, я склонен считать, что, узаконив практику Шмоллера, Хекшер сослужил меркантилизму дурную службу. Совершенно не очевидно, что развитие разных национальных государств имело между собой что-то общее или что это развитие хоть в какой-то степени подчинялось систематической экономической мысли. Об этом пишут ученые, более молодые, чем Хекшер, среди прочих профессор Коулмен, недавно работавший в нашем учебном заведении, а ныне профессор экономики в Кембриджском университете. Вам непременно следует пролистать его сборник статей «Пересматривая меркантилизм» (Coleman, 1969). Коулмен сомневается в существовании столь влиятельной системы мышления. Он предлагает вернуться к истокам экономической истории и посмотреть, до какой степени различные направления экономической мысли повлияли на политику разных национальных государств в разные периоды времени. Конечно, этот трудоемкий подход не так удобен, как концепция Мирабо-Смита. Идея Смита и Мирабо касалась главным образом регулирования торговли и денег. Неудобно расширять значение термина «меркантилизм» до такой степени, чтобы оно покрывало регулирование производства, если не рассматривать регулирование производства как побочный продукт рекомендаций, успешных или нет, по регулированию платежного баланса. Разговор о промышленном или даже аграрном меркантилизме, как мне кажется, не способствует ясности мысли.

В любом случае в своих сегодняшних наблюдениях я намерен вернуться к Смитовому, узкому определению слова «меркантилизм» и попытаться несколько упростить предмет. А предмет этот совершенно не прост, и даже анализ меркантилизма и трудов меркантилистов в духе Смита, в узком понимании термина, вызывает немало споров.

Меркантилистская литература всегда была широко распространена. Концепцию меркантилизма как набора действий, направленных на достижение благоприятного платежного баланса, вы найдете в одном из самых знаменитых международных трактатов в сборнике Монро (Monroe,

1948, pp. 143–167) — в «Кратком трактате о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников», написанном неаполитанцем Антонио Серра в неаполитанской тюрьме в 1613 году. Я прочел вам только это длинное название, отрывки вы сами прочтете в сборнике Монро. Название же я прочел потому, что оно очень точно отражает концепцию Смита использования слова «меркантилизм». Также у Монро (Монрое, 1948, pp. 221–243) вы найдете куда менее тонкий, куда менее интеллектуальный, более взрывной и вульгарный текст. Этот образец континентального меркантилизма — трактат, написанный фон Хорнигом, озаглавленный «Австрия превыше всего, если только у нее хватит на это смелости» (Hornick, 1684). В трактате отстаивается крайняя политика самообеспечения в отношении контактов с другими нациями, даже если она требует временных жертв.

Я предлагаю удовольствоваться обсуждением репрезентативных экономистов-англичан: Жерара Малина, Мисселдена и Томаса Мана. Вы найдете немало других имен в сборнике под редакцией Маккуллоха (McCulloch, 1859), он указан в моем списке литературы.

Скажу сразу, нам неизвестны годы жизни Малина. Он был англичанином, рожден, вероятно, в Бельгии, и в 1586 году занимал пост уполномоченного по торговым вопросам в Бельгии, Нидерландах и Люксембурге. Однако в начале XVII века он вернулся в Англию и в 1601 году опубликовал существенный «Трактат о том, что разъедает общее богатство Англии». Вы найдете этот трактат в третьем томе сборника «Экономические документы эпохи Тюдоров» под редакцией Тони и Пауэра (Tawney, Power, 1951, pp. 386–404). Малин издал много других работ: «Lex Mercatoria» (1686), компиляцию международных торговых законов, а также вызвавший немало споров трактат «The Maintenance of Free Trade» («Сохранение свободной торговли») в 1622 году, который недавно был переиздан издательством «Келли».

Малин был в первую очередь сторонником валютного контроля. Некоторые считали, что он надеялся, если институт королевского валютного контролера будет восстановлен, то он, Малин, сможет претендовать на этот пост. В истории экономической мысли Малин считается главным сторонником запрета валютных спекуляций, из-за которых курсы

иностранных валют отклонялись от заданной нормы. Однако в своей книге он признает, что «обилие денег обыкновенно приводит к дороговизне вещей, равно как нехватка денег обыкновенно приводит к их дешевизне». «При этом, — продолжает он, — вещи также бывают дорогими или дешевыми вследствие обилия или нехватки самих этих вещей» (Malynes, 1601, p. 387).

Малин до некоторой степени признавал (он упоминает в своих трудах Бодена, о котором мы говорили на прошлой лекции) эффект изобилия или дефицита драгоценных металлов. Однако он считал, что положение в стране в отношении ограниченного запаса драгоценных металлов зависело главным образом от валютных спекуляций. Он думал, что идеальные условия — это некоторый приток золота в страну, который благоприятствует экспорту и может улучшить торговые условия (хотя Малин и не употребляет этот термин), а также увеличить доходность промышленности и количество рабочих мест.

В то время когда Малин писал свои труды, в развитых западных странах существовал страх дефицита денег, поэтому в период, предшествовавший расцвету тех авторов, о которых мы с вами говорим, движение золота и серебра регулировалось исключительно строго. В Англии существовали законы, запрещающие людям вывозить из страны золото и серебро. Другие законы регулировали торговлю с зарубежными странами, и если платежный баланс с этими странами был неблагоприятным, специальные законы ее ограничивали.

Главное убеждение Малина состояло в том, что в недостаточных поступлениях золота были виноваты манипуляции банкиров, которые зарабатывали мошенничеством на валютном рынке. (Доводилось ли вам слышать словосочетание «цюрихские гномы»? Такого рода явления время от времени возникают. Существует некая преемственность между историей экономической мысли и историей экономических ошибок.) Малин винил во всем манипуляции банкиров и утверждал, что те получают прибыль, вкладывая деньги в любое предприятие, которое кажется им выгодным, не принимая в расчет интересы страны, поэтому он выступал за возвращение королевского валютного контролера, который бы держал курсы валют в пределах разрешенных границ, а также отвечал за приведение в исполнение за-

конов о труде, которые требовали от иностранцев оплаты английского экспорта наличными металлическими деньгам.

Такой подход Малина, независимо от его правильности или неправильности, крайне не нравился торговцам, и в конце второго десятилетия XVII века было проведено немало различных исследований тех сложностей, с которыми торговцы сталкивались в ходе своей деятельности. В 1621 году была организована Валютная комиссия, в которую входили некоторые заметные личности, весьма критически относившиеся к Малину, в частности Мисселден и Ман. Последние имели коммерческие связи с Ост-Индской компанией, которая в следующие двести лет занимала весьма заметное место в полемике относительно торговой политики.

Дело в том, что Ост-Индская компания отправила куда больше золота и серебра в Индию и на Восток, чем привезла оттуда в виде золота и серебра, вырученного за те экспортные товары, которые ее корабли отвезли в Индию. Это, равно как и то, что Ост-Индская компания была практически монополией, способствовало распространению идеи, что операции компании должны быть ограничены, чтобы решить проблему недостаточного притока денег в Англию. Мисселден (Misselden, 1622, 1623) писал трактаты против Малина, в которые вам необязательно глубоко погружаться. Эта стадия спора о меркантилизме достаточно хорошо описана в предисловии к книге 1892 года, написанной Хьюинсом (Hewins, 1892), первым директором Лондонской школы экономики. Со временем Хьюинс оставил эту должность и стал политическим консультантом Джозефа Чемберлена, провозгласившего в начале нашего века доктрину имперских преференций. Однако политическая карьера Хьюинса не должна отвлекать вас от его достижений в области экономической истории, особенно от того предисловия, в котором речь идет о теме нашей сегодняшней лекции.

Мисселден выступал за увеличение денежной массы и был, откровенно говоря, сторонником инфляционной политики. Он считал, что периодическое обесценивание денег стимулирует экспортную деятельность. Он соглашался, что обесценивание приводит к росту цен на товары, но писал:

Это будет сполна возмещено всем людям большим количеством денег и ускорением торговли... Для королевства гораздо

лучше иметь дорогие товары и много денег, вследствие чего люди могут жить и заниматься своим ремеслом, чем иметь дешевые товары и недостаток *денег*, что сейчас вызывает жалобы всех людей (Misselden, 1622, pp. 106–107; курсив автора. — Прим. пер.)

Вам необязательно уделять слишком много внимания Мисселдену; аспиранты могут пролистать его книгу. Однако всем следует обратить внимание на Томаса Мана, чью книгу я сейчас держу в руках; ее легко найти, поскольку она не раз переиздавалась. Она называется «Богатство Англии во внешней торговле», экземпляр, который я держу в руках, выпущен издательством «Blackwells» по заказу Общества экономической истории (Mun, 1664).

Книга Мана имеет колоссальное значение, отчасти из-за своего содержания, а отчасти из-за того, что Адам Смит назвал ее библией меркантилизма. В «Богатстве народов» Смит пишет: «Заглавие книги Мана — «Богатство Англии во внешней торговле» — стало основным положением политической экономии не только в Англии, но и во всех других торговых странах». Это, возможно, было некоторым преувеличением, но таково было мнение Адама Смита. И если вы прочтете книгу Мана, вы можете согласиться или не согласиться со Смитом, но вы признаете, что его доводы намного превосходят труды современных Ману авторов, писавших на ту же тему. Я бы даже сказал, что, увлекшись критикой меркантилизма, Адам Смит упустил из виду некоторые наиболее важные моменты в книге Мана.

Вам немного нужно знать о жизни Мана, я расскажу вам о ней очень коротко. Ман родился в 1571, а умер в 1641 году. Он поступил на службу в Ост-Индскую компанию и постепенно стал ее главой. В 1621 году, когда была организована Валютная комиссия, он написал памфлет, также переизданный Обществом экономической истории: «Размышления о торговле Англии с Ост-Индиями». Целью памфлета было показать, что Англия выиграла от деятельности Ост-Индской компании, несмотря на то что золотом и серебром заплатила Индии гораздо больше, чем Индия заплатила Ост-Индской компании. Англия выиграла, писал Ман, поскольку Ост-Индская компания привезла из Индии специи и ткани, которые сумела с большой выгодой продать в кон-

тинентальной Европе и Средиземноморье, так что в конечном счете приток денег в Англию возрос.

Книга «Богатство Англии во внешней торговле» была, вероятно, написана в конце 1620–1630-х годов, но увидела свет намного позже, когда Мана уже не было в живых. Его сын, обратив внимание на полемику вокруг этой темы, счел своим долгом издать «Богатство Англии...».

Я очень кратко ознакомлю вас с содержанием этой книги. Должен отметить, что с академической точки зрения она куда примечательней, чем ранний трактат Мана, который я не счел нужным пересказывать, хотя и передал его общий смысл. Очевидно, эта книга написана на досуге стариком, черпавшим вдохновение в своем опыте и преданности Ост-Индской компании, но и стремившемся подкрепить свои доводы здравым смыслом. В первой главе говорится о «Знаниях и качествах, которые требуются идеальному купцу для занятий внешней торговлей» (Mun, 1664, p. 3). Если вы прочтете эту главу, вас посетит мысль о том, что если бы вы подумывали податься во внешнюю торговлю, вам не достало бы многих из тех качеств, которые перечисляет Ман. Но это просто к слову.

Основная часть аргументации Мана начинается во второй главе, которая называется «Средства обогатить наше королевство и увеличить наше богатство». Вот что он пишет:

Хотя королевство может обогатиться за счет полученных даров или покупок у других стран, это случается нерегулярно, а когда случается, не имеет большого значения. Поэтому обычный способ увеличить наше богатство и благосостояние — это внешняя торговля, в ходе которой мы всегда должны следовать одному правилу: ежегодно продавать чужестранцам товаров на большую стоимость, чем мы сами потребляем их товаров (ibid., p. 5).

Ман развивает эту мысль. Он сравнивает страну с индивидом: индивид обогащается, если не тратит меньше, чем зарабатывает, и великая страна должна взять это за правило.

В третьей главе Ман продолжает рассказывать о политических мерах, среди которых он рекомендует разработку природных ископаемых, чтобы Англии не приходилось так много их импортировать, развитие национальной промышленности и так далее. Все эти меры вам должны быть

хорошо известны, если вы знакомы с экономической историей того времени, и все они достаточно очевидны, принимаемая во внимание позиция Мана.

В четвертой главе он говорит, что «экспорт наших денег в обмен на товары является способом увеличения нашего богатства» (*ibid.*, p. 14). Он разбирает пример торговли с Ост-Индией и утверждает, как и в своем раннем трактате, что, хотя Ост-Индская компания и тратила в Индии больше золота и серебра, чем привозила, те товары, которые она привозила вместо них, можно было выгодно продать в других местах. Тем самым богатство Англии увеличивалось. Глава заканчивается весьма веским сравнением:

Таким образом, мы ясно видим, что должным образом рассмотрев эту объемную деятельность... так взвешенно, как должна рассматриваться любая человеческая деятельность, мы видим, что она совсем не такая, какой ее считает большинство людей, поскольку они не смотрят дальше начала работы

(то есть экспорта золота и серебра Ост-Индской компанией),

что приводит их к неверным выводам. Если бы мы наблюдали за действиями крестьянина только при посеве, когда он закапывает в землю немало хорошего зерна, мы сочли бы его безумцем. Но оценив его труды после жатвы — конечной ступени его усилий, мы видим, что его действия были разумны и выгодны (*ibid.*, p. 19).

Далее до конца книги Ман подобным образом атакует меры, направленные на регулирование затрат за рубежом как в отношении торгового баланса с отдельными странами, так и в отношении общего баланса.

Он также возражает против хранения денег дома, и его аргументы почти предвосхищают идею количественной теории. В этот момент вы задаетесь вопросом: почему Томасу Ману не пришла в голову идея саморегулирующегося механизма металлических денег, которую развил Давид Юм во второй половине того же века? Так далеко Ман не заходит, но в последней части книги (*ibid.*, chaps. 16–18, pp. 62–70) он пишет, что, конечно, государь обогатится от притока денег и может отложить определенную сумму, если этот приток достаточно велик, но он не должен откладывать слишком много, чтобы в стране не начался дефляционный

процесс (Ман не использует этот термин) — расстройство торговли. Государь также не должен тратить слишком большую часть этих денег, иначе наступит обратная ситуация.

Далее следуют главы, направленные против запрета экспорта золота и серебра в Испанию (*ibid.*, ch. 6, pp. 22–24), против обесценивания денег (*ibid.*, ch. 8, pp. 28–31), а также длинная и очень саркастическая глава против Малина, озаглавленная «Достойные восхищения трюки, которые должны совершать банкиры» (*ibid.*, ch. 14, pp. 45–57)¹. Ман считает, что Малин пошел по неверному следу и все, что он пишет, — чепуха.

Читая книгу Мана, мы видим, что он был выдающейся личностью. Однако как нам резюмировать сегодняшнюю лекцию? Меркантилизм в узком понимании слова не был идеей, что золото и серебро — это единственные формы богатства, хотя временами в текстах разных авторов попадаются намеки на то, что определенные защитные меры предположительно могли бы (а мы знаем, что теоретически они действительно могли бы) развернуть факторные условия торговли в пользу Англии. Эти авторы, безусловно, придавали большое значение накоплению средств на случай ведения войны. Национальные государства, как и сегодня, к действию побуждала не только жажда обогатиться, но и необходимость защитить себя на случай военной атаки или ведения захватнической войны. И то и другое требовало немедленных вложений. В имперской Германии вплоть до 1914 года существовал специальный фонд на случай военных действий. Идея такого фонда весьма живуча. Но главная причина появления меркантилизма, как мне кажется, кроется в страхе, что утечка драгоценных металлов окажет на трудовую занятость населения давление в сторону понижения.

Насколько эти опасения были верны, мы обсудим позже, когда дойдем до теории саморегулирующегося механизма, появившейся в XVIII веке. Раньше считалось абсурдным, что в случае притока золота, благоприятного баланса экспорта и импорта процветание было большим, чем в случае оттока. Ман весьма осторожно высказывался об этом,

---

1. На самом деле название этой главы звучит как «Достойные восхищения трюки, которые должны совершаться банкирами и торговой биржей» (Mun, 1664, p. 45).

но даже в трудах самого Джона Ло (автора XVII–XVIII веков, о котором я буду рассказывать вам несколько позднее) звучат опасения, что объем торговли увеличивается быстрее, чем количество денег, и следовательно, деньги должны основываться не на драгоценных металлах, а на чем-то еще. Со временем это мнение привело к появлению земельных банков, а затем, в XVIII веке — к катастрофическому провалу миссисипского бума и кризису во Франции.

Я думаю, что Смит и классические экономисты слишком резко критиковали меркантилизм. Пожалуй, они были правы, критикуя отдельные меры, рекомендованные меркантилистами, к примеру, протекционизм в отношении одних стран и колониальная эксплуатация в отношении других. Однако они были слишком строги к более просвещенным меркантилистам в узком смысле этого слова. Если вы сомневаетесь в этом, прочтите книгу Мана. Не думайте, однако, что я соглашаюсь с Маном, даже в контексте его исторического периода; я просто пытаюсь быть справедливым.

Завтра я начну тему влияния научной мысли на развитие экономической науки. Мы посвятим почти всю лекцию трудам знаменитого сэра Уильяма Петти.

Лекция 6

Сэр Уильям Петти

ЭТА ЛЕКЦИЯ (хотя я и считаю, что интереснее темы мы еще не поднимали), имеет неясный статус. Она подпадает под рубрику «Предвестники экономической мысли», но отличается от всего, о чем я вам до сих пор рассказывал, и имеет куда более высокий ранг. До сегодняшнего дня, когда мы говорили о моральных философах и памфлетистах, мы пытались влезть в шкуру авторов прежних времен. В чем-то их идеи схожи с нашими, но у них иной образ мышления.

XVII век был одним из великих веков в истории человечества. Этот век увидел чудовищную бойню Тридцатилетней войны, которая отбросила Центральную Европу на пятьдесят или даже сто лет назад в развитии. Но он стал и веком потрясающих открытий в естественных науках, и на последствия этих открытий я хочу обратить ваше внимание. Во второй половине XVII века, во время правления Карла II вошли в моду естественные науки. Им покровительствовал сам монарх, а образование Королевского общества еще повысило их статус. Но для XVII века характерно не только развитие естественных наук в том смысле, в котором мы понимаем их сегодня. В этом веке произошел разрыв с Философом. Декарт во Франции и Гоббс в Англии ознаменовали конец царствования Аристотеля, и последствия этого разрыва мы еще увидим.

Однако для нас с вами важнее перемена в стиле изложения мыслей. Мы не знаем доподлинно, как разговаривали люди в XVI—XVII веках. Специалисты до сих пор спорят, говорил ли Шекспир на кокни или на диалекте южного Кентукки, который звучит более мягко. Возможно, он говорил еще на каком-то наречии, нам неизвестном.

В любом случае перемена в стиле письма произошла в Англии и Франции примерно в одно время. Бессмертные тру-

ды Паскаля — пример того прекрасного стиля, который преобладает во Франции и по сегодняшний день. В Англии таким примером служат прежде всего предисловия к пьесам Драйдена: превосходные, четкие, относительно короткие предложения. Драйден говорил на нашем языке (хотя говорил и писал он на нем лучше нас), так же как Аддисон, Стил, Свифт и прочие.

Языковые изменения отразились и в некоторых экономических трудах того времени. В частности в книгах сэра Уильяма Петти, предмета нашей сегодняшней лекции, и философа Локка. Петти был известен своей связью с естественными науками, как мы вскоре убедимся; Локк прославился трудами по эпистемологии и политической философии. О развитии экономической мысли, которое происходило в этот период, вы можете почитать в «Истоках экономической науки» профессора Летуина (Letwin, 1963). Это первоклассная научная работа, проливающая яркий свет на работу тех людей, имена которых вы будете слышать на протяжении последующих двух лекций.

Сегодня же я хочу поговорить с вами о Петти, сэре Уильяме Петти (1623–1687). Поскольку он был человеком очень известным, вам следует знать кое-что о его жизни, которую не назовешь скучной. Петти родился в семье бедного торговца тканями на юге Англии. В очень молодом возрасте он стал моряком. Переплывая Ла-Манш, он сломал ногу, и корабль высадил его на берег в городе Кан, где во время Второй мировой войны шли знаменитые бои. В те дни в Кане находился иезуитский колледж. Там Петти учился несколько лет, насыщаясь интеллектуальной пищей; он был очень умным мальчиком. Затем он присоединился к беженцам, спасавшимся от гражданской войны в Голландии в 1643 году, и служил секретарем у великого философа Томаса Гоббса. В конце 1640-х годов он вернулся в Англию с идеей копировального аппарата. В те годы все рукописи приходилось утомительно копировать вручную, а Петти изобрел аппарат, позволявший писать по две строчки одновременно.

Это изобретение, а также связь Петти с Гоббсом и его острый ум стали для него пропуском в тогдашнее интеллектуальное общество. В 1648 году он преподавал медицину в Оксфордском университете. В 1650 году — но тут давайте сделаем паузу и немного расслабимся, позвольте мне зачи-

тать вам отрывок из книги Фицмориса «Жизнь сэра Уильяма Петти» (Fitzmaurice, Life of Sir William Petty, 1895), в которую имеет смысл заглянуть тем из вас, кто интересуется биографиями знаменитостей. Фицморис пишет:

В 1650 году произошло событие, которое сделало имя Петти знаменитым на всю страну и открыло ему большие карьерные возможности. Некая Энн Грин предстала перед судом, она была осуждена и казнена в Оксфорде 14 декабря 1651 года за убийство своего незаконнорожденного ребенка. Ее казнь была проведена неумело и жестоко, что было довольно типично для того времени. Наблюдатели отмечали, что «она долго не могла умереть, так что ее друзья пытались помочь ей, некоторые ударяя ее по груди, другие повисая у нее на ногах всей своей тяжестью, иногда приподнимая ее, а затем внезапно дергая вниз». Наконец шериф был удовлетворен, и несчастная женщина была признана мертвой. Ее тело сняли с виселицы, положили в гроб и отнесли в прозекторскую.

(На случай, если в аудитории есть нежные сердца, предупреждаю, что у этой истории счастливый конец.)

Когда же крышку гроба подняли, оказалось, что женщина все еще дышит и «трясется». Заметив это, крепкий мужчина, стоявший рядом, «хотел освободить ее от страданий и несколько раз со всей силой топнул ногой по ее груди и животу». Однако в этот момент вошли доктора Петти и Уилкинс, которые увидели несомненные признаки жизни и решили попробовать оживить предполагаемый труп. Они разжали зубы Энн Грин, влили ей в глотку горячительные напитки и убедили другую женщину лечь с ней с кровать, чтобы согреть ее. Вскоре она начала проявлять признаки жизни. Врачи сделали ей кровопускание

(я сомневаюсь, что это могло ей),

заказали ей джулеп и в таком виде оставили ее на ночь. Через два часа к ней вернулась речь. Мертвая вернулась к жизни. Официально покойная, женщина, как говорят, прожила достаточно долго, чтобы выйти замуж и стать матерью, несмотря на шерифа и к замешательству палача (Fitzmaurice, 1895, p. 19).

Как вы видите, у некоторых экономистов был весьма насыщенный образ жизни. В качестве врача Петти был направлен на военную службу в Ирландии, а надо сказать, что

Кромвель увлек за собой немало военных обещаниями выдать им в случае победы захваченные земельные участки. Однако после победы выяснилось, что завоеванные ирландские земли не были достаточным образом изучены и измерены. Тогда Петти, бывший многосторонней личностью, предложил взяться за их исследование. Он нанял людей, которых считал достаточно компетентными, обучил их и отправил трудиться. Вследствие этого Петти стал уполномоченным по распределению тех земель, которые исследовали его люди, и оказался вовлечен в бесконечные споры о справедливости этого распределения, которые продолжались вплоть до самой его смерти. В 1660 году, после лекции, прочитанной самим сэром Кристофером Реном, Петти стал одним из основателей знаменитого Королевского общества — общества, которое, как многим из вас известно, существует и сегодня и является предметом гордости английской интеллектуальной истории.

Петти умер, оставив после себя состояние в пятнадцать тысяч фунтов, — немалые деньги по тем временам. Его сын получил титул лорда Шелбернского, а со временем Шелберны превратились в Лансдаунов, которые процветают и по сей день. Так что Петти стал основателем знаменитого рода Лансдаунов.

Сборник трудов Петти, посвященных экономике, вышел в издательстве Кембриджского университета в 1899 году под названием «The Economic Writings of Sir William Petty» («Экономические труды сэра Уильяма Петти»), под редакцией американского ученого Халла. Книга весьма высоко ценилась у букинистов, пока ее не переиздало одно японское издательство. Я предполагаю, что этот сборник нетрудно раздобыть, если кого-то заинтересовали работы Петти.

При жизни Петти прославился не только как экономист-аналитик, но и как один из основателей систематической статистики, в те дни называемой политической арифметикой. Вместе с неким Гронтом Петти исследовал статистику смертности в Лондоне, причем, вероятно, Гронт выполнил большую часть этого исследования. Петти также провел много различных исследований экономических условий в Англии и Ирландии самостоятельно, и, что бы мы ни думали о его статистических методах, результаты этих иссле-

дований весьма интересны в качестве приблизительных экономических показателей того времени. В этом отношении, мне думается, профессор Летуин был слишком суров к Петти. В конце концов, он был первопроходцем, и его статистические методы были не вполне надежны. Адама Смита тоже не впечатлили успехи Петти. Смит писал, что мало верит в политическую арифметику.

Петти придавал очень большое значение количественным измерениям. Он следовал бэкониианской философии (или считал, что следует ей), которая однозначно утверждала, что если собрать достаточно фактов, они сами систематизируются в классы, и в результате получится систематическая наука. Благодаря Хьюэлу, Попперу и прочим уважаемым авторам нам известно, что бэкониианцы перевернули научный метод с ног на голову. В науке вы сначала выдвигаете гипотезы и проверяете их логичность, а затем уже проверяете их на практике — пытаетесь опровергнуть или подтвердить, собирая соответствующие факты.

Но, с моей точки зрения, в наследии Петти по-настоящему важны те экономические идеи, которые он время от времени высказывал. Они кардинально отличаются от его политической арифметики, с точки зрения современности и аналитических методов. Его главным достижением в области экономической науки была книга, которой он не слишком сильно гордился, поскольку она осталась не замеченной его современниками. Это «*A Treatise of Taxes and Contributions*» («Трактат о налогах и сборах»), опубликованный в 1662 году. В сегодняшней лекции я расскажу вам об идеях, которые он изложил в этой работе.

Первая глава, в духе современного учебника, начинается с рассказа о статьях расходов. Он упоминает расходы на оборону, на правосудие, а затем «третью ветвь государственных поборов» — «расходы на содержание пастырей человеческих душ и руководителей их совести» (Petty, 1662, p. 19; Петти, 1940, с. 15). Трудно сказать, иронизирует ли Петти, когда это пишет. Я склонен считать, что нет, поскольку его предсмертные работы предполагают, что он был человеком верующим. Он пишет:

Если мы учтем, как легко обходить людские законы, совершать недоказуемые преступления, подкупать свидетелей

и опровергать свидетельские показания, искажать дух и значение законов и т. д., то поймем необходимость ввести в государственные расходы средства на обучение людей законам Бога; он ведь замечает злые помыслы и намерения, и еще больше тайные дела и налагает в ином мире на вечные времена наказания за такие проступки, за которые люди в этом мире могут присудить только к легкой каре (*ibid.*; там же).

Петти, проявив широту взглядов, предлагает взять на государственное попечение школы и университеты, содержание сирот и бедняков, «в то время как мы считаем правильным ограничивать заработную плату бедняков» (в правильности этого у него явно были сомнения), «так что они ничего не могут отложить на время своей инвалидности и отсутствия работы» (*ibid.*; там же, с. 16). Иными словами, Петти предполагает, что естественный закон требует от государства не давать людям умирать от голода. Затем он упоминает траты на дороги, судоходные реки, акведуки, мосты, гавани и т. д.

Во второй главе Петти обсуждает «причины, которые увеличивают и делают более тягостными различные виды государственных расходов» (*ibid.*; там же). Среди причин он называет «нежелание населения их оплачивать», как мы видим, типичное отнюдь не только для XX века, «каковое проистекает от убеждения, что проволочкой и сопротивлением можно вовсе избавиться от оплаты их... Другая причина, усугубляющая тяжесть налогов, — это необходимость платить их деньгами в определенное время». Кроме того, он указывает на сомнения населения относительно права государства облагать его налогами...

«Причины возрастания военных расходов те же, что и причины, увеличивающие войны или угрозу войн, бывают внешними и гражданскими» (*ibid.*; там же, с. 17). Петти различает захватнические войны, которые осуждает, и оборонительные войны, которые, как он считает, навязывает стране сама природа мира в его понимании. Он не жалеет сил и слов, объясняя, что «причиной гражданских войн здесь, в Европе (трактат писался во время жестокой Тридцатилетней войны) очень часто служат религиозные верования»: стремление наказать «лиц, исповедующих не получившую государственного признания веру», и т. д.

Петти считает, что на службе церкви слишком много народу, и предлагает ввести национальное планирование бу-

дущих учителей закона божия, объединив разные приходы и сэкономив общественные средства. В конце главы он выступает за трудовую занятость безработных и пишет, что лучше иметь работу, чем не иметь ее, даже если люди будут строить «бесполезную пирамиду на Салисберийской равнине», носить камни от Стоунхенджа к Тауэрскому холму или делать что-то другое в том же роде, «ибо в худшем случае это приучит сознание этих людей к дисциплине и повиновению, а их тела — к выносливости, которая потребуется от них при более полезной работе, когда в ней появится нужда» (*ibid.*, p. 31; там же, с. 24).

В третьей главе Петти предлагает различные способы уменьшить тревогу людей по поводу необходимости платить налоги, в том числе с помощью политической арифметики. Если бы люди по-настоящему понимали всю величину стоимости продуктов, то они, возможно, менее негативно относились бы к выплате налогов. Не станем задерживаться на этой главе, отметим только, что Петти указывает на то, какой малой частью богатства страны являются металлические деньги. Петти не попал в ловушку Мидасовой ошибки.

Однако вернемся к четвертой главе, которая по всем меркам имеет критическое значение. Петти пользуется уважением не только у экономистов-неоклассиков, Карл Маркс не скупится на комплименты его интуиции¹. Четвертая глава называется «О разных способах взимания налогов» и начинается с обсуждения необходимости выделить часть дохода с земли и труда, «которую надо выделить и использовать для покрытия государственных потребностей» (*ibid.*, p. 38; там же, с. 30). Согласно некоторым современным идеям, взгляды Петти были весьма прогрессивными. От своего предложения он переходит к необходимости взимания налога с недвижимости, в частности с земли. Развивая эту мысль, Петти высказывает удивительные предложения относительно экономического анализа, которые возносят его на совершенно новый уровень, выше тех авторов, которых мы упоминали на предыдущих лекциях.

Итак, Петти начинает с замечаний об обложении налогами домов. Он считает, что такой способ взимать налоги куда

1. См.: *Marx*, «Sir William Petty», in *Marx* (1952, pp. 15–23).

менее стабилен, чем обложение налогами непосредственно земли. Он добавляет, что иногда дома облагаются налогами неравномерно, что затрудняет строительство, особенно на новом фундаменте. Далее же Петти делает совершенно необыкновенное экономическое предсказание. Как вы знаете, в экономике не принято верить предсказаниям. Если человек подробно рассказывает вам, что случится в следующем году, и называет соответствующие цифры, вы можете смело записать его в простаки или пустомели. Но предсказание Петти касается Лондона и его будущих перемещений. Имейте в виду, что под Лондоном Петти подразумевает Сити. Вестминстер в те дни стоял отдельно от Лондона, хотя между ними уже начинали налаживаться связи:

Если же большие города имеют, естественно, свойство изменять свое местоположение, возникает вопрос: в каком направлении? Я утверждаю, что если речь идет о Лондоне, то он должен перемещаться в западном направлении, поскольку здесь на протяжении почти трех четвертей года ветры дуют с запада, строения, расположенные на западных участках, значительно меньше страдают от копоты, пара и зловоний, выделяемых всем скопищем домов восточной его части (*ibid.*, р. 41; там же, с. 32).

В те дни каменный уголь только входил в моду.

Отсюда следует, что дворцы вельмож будут передвигаться к западу; естественно, вслед за ними потянутся жилища других лиц, зависящих от них. Это мы наблюдаем в Лондоне, где старые дома знати превратились сейчас в помещения для торговых компаний или сдаются внаем жильцам, а все дворцы переместились к западу. Это происходит так явственно, что через 500 лет (в этом нет сомнения) королевский дворец очутится вблизи Челси, а старое строение на Уайтхолле будет использоваться в целях, более соответствующих его качествам (*ibid.*, р. 41–42; там же, с. 33).

Далее Петти пишет:

Я готов признать, что это отступление не имеет никакого отношения к проблеме налогов и само по себе почти бесполезно. Ибо к чему нам беспокоиться о том, что будет через 500 лет, если мы не знаем, что нам принесет следующий день; ведь нет ничего невероятного в том, что еще до истечения

этого срока мы все, возможно, переселимся в Америку, а эти страны подвергнутся нашествию турок и превратятся в пустыню, подобно теперешнему состоянию тех местностей, которые входили в состав знаменитых восточных империй (ibid.; там же).

Наконец мы добрались до экономического анализа:

Прежде чем распространяться о ренте, мы должны попытаться объяснить таинственную природу как денежной ренты, называемой процентом, так и ренты с земель и домов (ibid.; там же).

Я хочу, чтобы каждый из вас прочел то, что написано на следующей странице трактата. Во-первых, Петти обсуждает ренты как излишек. Послушайте, почему.

Допустим, кто-нибудь может собственными руками возделывать, окопать, вспахать, взборонить, засеять, сжать определенную поверхность земли и, как этого требует земледелие, свезти, вымолотить, вывезть хлеб, на ней выросший, и, допустим, он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года; и среднее из семи лет или, вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаем, даст в виде *зернового хлеба* обычную ренту (ibid., p. 43; там же, с. 34; курсив в конце добавлен Роббинсом. — Прим. ред.).

Это довольно близко идеям Рикардо, не так ли? Но Петти продолжает:

Возникает соподчиненный вопрос: какому количеству английских денег может равняться по своей стоимости этот хлеб или эта рента?

(Сейчас слушайте внимательно.)

Такому количеству денег, которое в течение одинакового времени приобретает за вычетом своих издержек производства кто-нибудь другой, если он всецело отдается производству денег, т. е. предположим, что кто-нибудь другой отправляется

в страну серебра, добывает там этот металл, очищает его, доставляет его на место производства хлеба первым, чеканит тут из этого серебра монету и т. д. Предположим далее, что этот индивидуум в течение того времени, которое он посвящает добыванию серебра, приобретает средства, нужные для своего пропитания, одежду и т. д. Тогда серебро одного должно быть равно по своей стоимости хлебу другого, если первого имеется, например, 20 унций, а последнего 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собой цену бушеля хлеба (*ibid.*; там же).

Что это, как не предвестник теории ценности, основанной на труде? Неудивительно, что Карл Маркс так хвалил Петти.

Далее он обсуждает рискованное дело добычи и очистки серебра и

правильное соотношение между стоимостью золота и серебра, которое часто устанавливается только на основании народного заблуждения, более или менее распространенного на свете... Это заблуждение является, кстати сказать, причиной того, что раньше мы были наводнены излишним количеством золота, а теперь страдаем от его недостатка (*ibid.*; там же).

Он продолжает:

Мир измеряет вещи при помощи золота и серебра, главным же образом при помощи последнего

(в те дни золото в качестве меры стоимости имело меньшую ценность, чем серебро),

и, следовательно, лучшее из многих должно стать единственным из всех. Таким мерилom и является чистое серебро определенного веса.

Он развивает свою мысль о правильной оценке серебра и говорит:

по этому поводу мне хочется сказать вот что

(и это будет чрезвычайно важно, когда мы дойдем до XVIII века):

оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям — к земле и труду.

(Вот оно!)

Нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба — и корабль, и сюртук — произведены землей и человеческим трудом. А раз это так

(пишет Петти, верный истинно научному духу),

то нам очень желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих.

(Говорить, что что-то стоит столько-то единиц труда или столько-то единиц земли, то есть открыть соотношение между землей и трудом!)

Мы были бы очень довольны, если бы смогли определить естественную стоимость свободной продажной земли, хотя бы и не лучше, чем мы определили вышеупомянутый *usus fructus* (ibid., p. 44–45; там же, с. 35).

Он подбирается к капитальной стоимости земли, естественной стоимости свободной продажной земли. Следующий абзац начинается так:

После того как найдена рента или стоимость *usus fructus* за год, возникает вопрос, какой сумме годовых рент равноценна свободная земля? (ibid., p. 45; там же).

Как вы видите, Петти двигался — так же как Вальрас — от меновой ценности товаров и пытался найти ценность услуг земли и труда и естественное уравнение между ними, а теперь он переходит к проблеме капитализации, притом что ценность ренты не ограничена во времени. Здесь он натывается на проблему, о которой, мне кажется, вы меня спрашивали на днях. Он наталкивается на тот факт, что если бы будущую ренту с земли нельзя было дисконтировать (предполагается, что земля сохраняет свой уровень урожайности), если бы ренты распространялись на бесконечное число лет,

то стоимость одного акра земли будет равна стоимости тысячи акров такой же почвы, что нелепо: бесконечность единиц

равна бесконечности тысяч. Следовательно, мы должны принять более ограниченное число лет, и я думаю

(эту мысль я считаю самым потрясающим открытием Петти),

что это такое их число, которое могут рассчитывать прожить одновременно живущие: человек пятидесяти лет, другой — двадцати восьми и ребенок семи лет, т. е. дед, отец и сын. Немногие имеют основание заботиться о более отдаленном потомстве: когда человек становится прадедом, он приближается к концу своей жизни. Почти всегда одновременно живут только три члена непрерывного ряда нисходящих потомков; и если некоторые становятся дедами в сорок лет, то другие только в возрасте свыше шестидесяти.

Поэтому я принимаю, что сумма годовых рент, составляющая стоимость данного участка земли, равна естественной продолжительности жизни трех таких лиц (*ibid.*; там же, с. 36).

Если кто-то из вас держал в руках превосходную книгу Густава Касселя «Nature and Necessity of Interest» («Природу и причины существования процента») (Cassel, 1903), то вы знаете, что Кассель определяет нижний предел реального процента на уровне примерно 2%². Почему? Потому что если бы он упал сильно ниже этой цифры, то, вместо того чтобы превращать доход в капитал, имело бы смысл превращать капитал в доход и жить на доход с капитала, при условии, что мы рассматриваем три поколения. У меня нет причин думать, что Кассель почерпнул эту идею у Петти, а также что Петти взял ее у Касселя, который жил на двести лет позже.

Далее Петти переходит к проблеме ростовщичества и развенчивает ее в том виде, в котором она рассматривалась раньше: как грех, преступление против заветов, изложенных в «Исходе», греховность которого была доказана самим Св. Фомой Аквинским. Петти пишет:

Что же касается процентов, то они, по меньшей мере, должны быть равны ренте с такого количества земли, которое может быть куплено на те же данные в ссуду деньги при условии полной общественной безопасности. Но там, где это условие

2. См.: Cassel (1903, p. 94; chap. 4, pp. 149–51, 156).

ставят под сомнение, обычный естественный процент сплетается с чем-то вроде страховой премии, что может весьма справедливо повысить процент до любого размера в пределах самой одолженной суммы (Petty, 1662, p. 48; Петти, 1940, с. 38).

И затем в этой замечательной аналитической главе он возвращается к цене земли возле городов:

Нечто похожее на это представляет один момент, который мы опустили, говоря о цене земли. Сильный спрос на деньги повышает процент

(он знал о спросе на деньги),

так же как сильный спрос на хлеб повышает его цену, а потому и ренту с земли, на которой растет хлеб, и в заключение цену самой земли. Если, например, хлеб, которым питается Лондон или какая-нибудь армия, нужно подвозить из мест, отстоящих на 40 миль, то хлеб, растущий на расстоянии одной мили от Лондона или от места квартирования этой армии, принесет столько сверх своей естественной цены, сколько составляют издержки перевозки на 39 миль (*ibid.*; там же).

Надеюсь, я рассказал достаточно, чтобы убедить вас в том, что Петти был исключительной личностью. Оставшуюся часть книги он посвящает разным типам налогов. В целом он выступает против налогов на импорт, за исключением тех случаев, когда импорт наносит местной экономике особо серьезный вред (глава 6). В этих случаях он предлагает использовать подушный налог (глава 7) — прямое налогообложение каждого гражданина:

Я буду говорить о подушном налоге и в первую очередь о простом подушном налоге, накладываемом на каждого человека в одинаковом размере. При этом приход уплачивает за тех, кто живет подаванием, родители — за своих малолетних детей, хозяева — за своих учеников и других лиц, не получающих заработной платы (*ibid.*, p. 62; там же, с. 50).

Он продолжает, не используя псевдопринцип убывающей предельной полезности суммарных доходов разных людей:

Недостаток этого метода состоит в том, что налог весьма неравномерен: лица, имеющие неодинаковые средства, платят

одинаково, и те, которым приходится нести наибольшие расходы на детей, платят больше всего, т. е. чем они беднее, тем сильнее облагаются (ibid.; там же).

В пятнадцатой главе он рекомендует фантастическую меру, увлечение которой с тех пор разделили с ним многие другие экономисты: в некоторой степени Джон Стюарт Милль, в некоторой степени Альфред Маршалл, а также сам лорд Калдор (Kaldor, 1955), написавший об этом весьма интересную книгу. Он рекомендует ввести налог на потребление, который предлагает взysкивать путем акциза. Калдор и профессор Мид предлагают более сложные пути взysкания этого налога.

Надеюсь, я рассказал достаточно, чтобы убедить вас взглянуть в «Трактат о налогах и сборах». Это весьма глубокая работа, но в ней нет системы. Вот почему я отношу Петти к предвестникам экономической мысли, не причисляя его к тем, кто способствовал появлению экономической системы в XVIII веке. Я рассказал вам только о «Трактате о налогах и сборах», хотя в своей «Политической арифметике» (Petty, 1676; Петти, 1940, с. 154–205) и «Verbum Sapienti» (Petty, 1664; Петти, 1940, с. 79–89), а также в своей причудливо названной работе «Quantulumcunque» («Разное о деньгах») (Petty, 1682; Петти, 1940, с. 209–234) Петти продолжает свои исследования. Сочетая денежную теорию и политическую арифметику, он предполагает, какая сумма денег необходима для поддержания торговли. Он жил в эпоху дочисловых индексов, но в его оценке количества денег, необходимых для поддержания торговли, вполне видно количество денег, необходимое для поддержания торговли при относительно полной занятости и постоянных ценах.

Работа «Quantulumcunque», которую вы найдете во втором томе трудов Петти, состоит из серий коротких вопросов (наподобие экзаменационных) и ответов, которые дает на них Петти. Она не больше десяти страниц, но она подтверждает то, в чем я пытался вас убедить сегодня: Петти обладал незаурядной экономической интуицией.

Лекция 7

Чайлд и Локк (процент)

СЕГОДНЯ я завершаю первую серию лекций, посвященную зарождению систематической экономической мысли, вначале в трудах моральных философов, затем в трактатах и памфлетах *ad hoc*, блестящим примером которых является трактат Петти о налогообложении. Многие сотни трактатов и памфлетов *ad hoc*, которые попадают в этот раздел, не выдерживают сравнения с более или менее систематическим исследованием государственных финансов, проведенным Петти.

Но теперь я должен вернуться к авторам, которые, по моему мнению, интеллектуально несколько уступают Петти и которых интерпретировать труднее, чем последнего. Я хочу поговорить о работах философа Локка, но перед этим позвольте мне рассказать о связи между одним из двух основных предметов исследования Локка (ссудного процента) с тем, что я уже рассказывал вам об Аристотеле и о средневековых теологах.

Я уже обращал ваше внимание на крайнее неодобрение, с которым Аристотель относился к искусству наживать состояние, «самому неестественному» из всех видов искусств. Мы проследили, как эта идея развивалась в трудах ранних средневековых теологов. В частности, я проанализировал высказывания Св. Фомы Аквинского на этот счет, приведенные им цитаты из Священного Писания и его попытки аналитически подтвердить мнение, что брать процент с займов неестественно. Затем я рассказывал вам, как со временем, по мере развития коммерческих институтов (особенно в Италии) теологи начали делать уступки коммерческой практике, то есть некоторые практики в отношении займов перестали считаться греховными. Так что к началу Реформации существовала, как минимум, одна католическая школа мысли, готовая признать, что человек, одалживающий деньги под ну-

левой процент, хотя мог бы использовать их для получения прибыли, несет убытки. Я также рассказывал вам, что среди католических теологов наиболее систематически эта переменная отношения к ростовщичеству выражена у Молинея, а протестанты разошлись во мнениях: Кальвин не видел вреда в честном взимании процентов с займов, Лютер же выступал против процентов так же резко, как и ранние средневековые теологи. Таким образом, спор продолжался. В Англии главным, самым радикальным противником процента был Томас Уилсон (Wilson, 1572), чей трактат прекрасно отредактировал и снабдил длинным предисловием Ричард Тони. Как я уже говорил в лекции о проценте, к XVII веку у процента оставалось очень немного радикальных противников, и спор переместился в плоскость, какой должна быть допустимая законная ставка процента и должна ли она быть снижена.

Теперь давайте кратко ознакомимся с тем, как развивался спор о проценте в Англии. Ко второму десятилетию XVII века законная норма процента в этой стране составляла 6%, и спор шел о том, должна ли она понижаться далее. Наиболее влиятельный и знаменитый призыв к понижению ставки принадлежал перу некоего сэра Томаса Калпеппера, который в 1621 году написал трактат против ростовщичества. Этот трактат невероятно сложно достать, но он был переиздан в приложении к более известной работе, о которой я позже расскажу. Спор затихал и вновь возобновлялся, став особенно ожесточенным в конце 1660-х годов. В то время главным сторонником понижения законной нормы процента был сэр Джозайя Чайлд, в 1668 году опубликовавший памфлет «Краткие наблюдения относительно торговли и денежного процента». К этому трактату он присовокупил убедительный памфлет Калпеппера.

Многие люди считали, что вследствие тогдашней политической ситуации предложение понизить процентную ставку будет отвергнуто. Его действительно не приняла Палата лордов, по причинам, в которые мы не будем вдаваться, и спор угас. Однако он возобновился с новой, еще большей силой в начале 1690-х годов, когда Джозайя Чайлд (по стечению обстоятельств ставший главой Ост-Индской компании) переиздал свой старый труд о торговле вместе с приложениями под заголовком «Новый трактат о торговле» (Child, 1693), включив в него новые аргументы и материалы.

Новый трактат о торговле переиздавался не раз и пользовался большой популярностью. С этой работой должны ознакомиться все присутствующие в аудитории магистранты. С моей точки зрения, она важна главным образом потому, что в ней утверждается, что снижение законной ставки процента позволит улучшить экономические условия. Однако «Новый трактат о торговле» представляет собой обширный набор рекомендаций и наблюдений. Чайлд рассуждает о пособиях для бедняков, о законах, регулирующих деятельность компаний, обсуждает Навигационный акт и торговую задолженность. Труд Чайлда не слишком хорош с точки зрения экономической теории, но он поднимает в нем, причем с весьма просвещенной позиции, проблему натурализации и рекомендует упростить ее условия. Тем из вас, кто интересуется этой социологической проблемой, будет полезно ознакомиться с его наблюдениями, которые для того времени были весьма прогрессивными. Я даже готов простить ему плохую экономическую теорию за либеральное отношение к евреям, весьма редкое среди английских авторов того времени. Чайлд также пишет о торговом балансе и торговле шерстью. Особой же редкостью делает его трактат тот факт, что он пишет о плантациях: о колониях, которые в то время разрастались на восточном побережье Северной Америки. Таким образом, труд Чайлда — это не только редкая книга по экономике, но и редкая книга по истории Соединенных Штатов.

Однако нет сомнений в том, что, несмотря на многочисленные второстепенные наблюдения (некоторые из них весьма многословны), переиздавая свою книгу, Чайлд преследовал главную цель: он хотел, чтобы законная норма процента была снижена. К сожалению, его аргументы слабы. Он приводит в пример процветание Нидерландов, где норма процента была действительно ниже, и полагает, что если Англия последует этому примеру и принудительно снизит норму процента, она достигнет того же процветания, как и Голландия. Он обращается к историческим примерам и утверждает, что снижение законной нормы процента в Англии всегда влекло за собой процветание страны.

Книга Чайлда важна еще потому, что спровоцировала философа Локка написать на нее ответ. Я не собираюсь расписывать значимость Локка как философа, внесшего важный вклад в эпистемологию и политическую философию.

Первое эссе Локка о правлении написано в виде спора с неким Филмером. Его читать вам необязательно, но если вы не читали второе эссе о правлении, вам должно быть стыдно, потому что добрые полвека после того, как оно было написано, и даже дольше, это эссе было в Англии влиятельней любой другой работы. Если вы хотите узнать подробности жизни Локка, профессор Крэнстон написал об этом превосходную книгу (Cranston, 1957).

Сам я считаю, что Локка недооценивают как экономиста. Я согласен с ним по всем вопросам, потому что его работа намного превосходит работы всех его современников, кроме двух, в частности Петти. Локк подробно рассуждает об определенных проблемах, которые до него никто так подробно не обсуждал, и я считаю, что он заслуживает более заметного места в учебниках по истории экономической мысли. Вклад Локка в экономическую науку связан с темами денежной системы, нормы процента и собственности. Я не собираюсь обсуждать его вклад в теорию собственности, потому что ее удобнее будет рассмотреть, когда мы дойдем до Давида Юма и сможем сравнить теорию Локка с теорией Юма, намного более совершенной. Так что я собираюсь привлечь ваше внимание ко вкладу Локка в другие экономические вопросы.

Итак, идеи Локка о денежной системе имеют громадное историческое значение. К 1680–1690-м годам денежная система Англии, по большей части состоявшая из серебряных монет, была в довольно неприглядном состоянии. Деньги были изношены и обрезаны по краям, их ценность не соответствовала весу, они не соответствовали ценности серебра, заявленной на монете. В те времена система чеканки монет, которая позволяет любому здравомыслящему человеку моментально определить, была ли монета обрезана по краям, существовала еще не везде. Возник спор, что делать. Мнения разделились. Одни считали, что нужно провести перечеканку серебряных монет, другие — что, сплав, из которого отливаются монеты, менять не нужно, а нужно «повысить ценность денег». Нас это название путает, поскольку для нас оно означает нечто совершенно иное. На самом деле они имели в виду обесценивание, то есть они предлагали заявить, что шиллинговая монета равна пятнадцати пенсам. Я привожу этот пример только потому, что Локк упоминает его в своих трудах (Locke, 1695, p. 177).

Локк был очень влиятельным лидером группы, призывавшей перечеканить монеты с сохранением их прежней ценности. Его взгляды отчасти изложены в памфлете «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышении ценности денег», опубликованном в 1691 году. Основная часть этого обширного текста посвящена проценту, о котором мы поговорим чуть позже, однако в нем Локк исследует вопрос повышения ценности денег, то есть обесценивания или, если хотите, девальвации.

Спор об обесценивании денег был крайне интересным и имел некоторые последствия, важные для современных проблем. Основным оппонентом Локка в этом споре был Лоундс, первый секретарь Министерства финансов, сыгравший весьма значительную роль в основании Банка Англии и в том крайне осторожном обращении с финансами, которое было принято в стране в то время. Лоундс написал «Эссе в поддержку корректировки серебряных монет» (Lowndes, 1695), опубликованный в середине 1690-х годов, на который Локк ответил длинным трактатом «Дальнейшие соображения о повышении ценности денег» (Locke, 1695). В отличие от большинства споров того времени, о которых я вам рассказывал, этот спор проходил совершенно дипломатично, спокойно. «Дальнейшие соображения...» Локка открываются введением, в котором он пишет о превосходных работах Лоундса, его замечательном гражданском чувстве, о том, как он любезно поделился с Локком некоторыми своими мыслями до их опубликования. Этот спор мог бы послужить образцом хороших манер для всех будущих экономистов XX века.

Позиция Локка крайне проста: он был сторонником металлических денег. Он считал, что ценность денег должна совпадать с ценностью металла, в них содержащегося, то есть что деньги должны оцениваться по весу металла, а не по штампу или сертификату, удостоверяющему, что они содержат столько-то металла. Поэтому, утверждал Локк, нет смысла менять обозначения на монетах, как предлагал сделать Лоундс. Лоундс выступал за девальвацию существенно масштаба — примерно на 20%. Однако, по мнению Локка, это предложение было сравнимо с предложением «удлинить фут, разделив его на пятнадцать частей вместо двенадцати и назвав их дюймами» (Locke, 1695, p. 145).

В этом есть некий здравый смысл. Но и точка зрения Лоундса не была лишена здравомыслия, потому что он считал, что ущерб деньгам уже нанесен, что износ и обрезание монет уже привели к тому, что на них теперь можно купить меньше товаров, чем раньше, то есть к повышению рыночных цен. С современных позиций нам очевидно, что Лоундс боялся дефляции, которая последовала бы за переканкой, а также всех непременно сопутствующих ей сложностей и социальной напряженности. Поэтому читая спор Лоундса и Локка сегодня, мы чувствуем невольную симпатию к Лоундсу и его неопровержимым аргументам.

Ральф Хоутри пишет об этом споре в своей работе «Деньги и кредит» (Hawtrey, 1919), которую каждый из вас должен прочесть, потому что эта книга наравне с некоторыми трудами Робертсона и Кейнса способствовала прогрессу понимания денежных явлений в XX веке. Я не скажу, что до нее не было признаков начинающегося прогресса, но «Деньги и кредит» Хоутри — это эпохальная книга. Сэр Джон Хикс недавно написал статью, в которой расхваливает отрывки из Хоутри и обращает внимание читателя на то, как несправедливо была забыта эта знаменитая книга. В ней действительно разбираются самые разные исторические эпизоды, включая переканку серебряных монет. Хоутри явно симпатизирует идеям Лоундса, но пишет, что Локк, вероятно, был прав в том, что основание Банка Англии было государственным экспериментом в области бумажного денежного обращения. И, пишет Хоутри (Hawtrey, 1950, pp. 238–244), если бы девальвация Лоундса произошла, люди бы сказали: «Когда же это закончится? У нас нет ничего, кроме гарантии конвертируемости этих бумажек, которые появились в обращении в результате основания Банка Англии», — и предложение Лоундса, в остальном достаточно убедительное, пробудило бы в них недоверие.

Это невероятно поверхностный рассказ, но даже потратив на него несколько минут, я выбился из графика. О денежных экспериментах вы прочтете в превосходной книге Хорсфилда (Horsefield, 1960), которая есть в моем списке литературы. В главах о споре относительно денежной реформы в Англии в 1650–1710 годах вы прочтете не только о Локке и Лоундсе, но и об остальных авторах, писавших на эту тему. Там же вы найдете обширную библиографию памфлетов.

Наконец мы добрались до процента. Труды Локка на эту тему также были весьма популярны. Когда Чайлд впервые издал свою книгу в конце 1660-х годов, Локк уже имел дружеские отношения с различными политическими фигурами, бывшими в силе во время правления Карла II. Один из этих политиков попросил его написать эссе о Чайлде и его выступлениях в поддержку снижения законной нормы процента. Это эссе воспроизводится в приложении к превосходной книге профессора Летуина «Истоки экономической науки»¹. Когда же в 1690-е годы спор возобновился, на следующий год Локк опубликовал свой знаменитый длинный памфлет «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышении ценности денег». Эта книга направлена против идей Чайлда, против фальшивого снижения нормы процента при помощи снижения законной нормы, однако в ней говорится и о других вещах, и я хотел бы привлечь ваше внимание к шести важным проблемам, которые Локк поднимает, рассуждая о проценте.

Прежде всего он жестко выступает против снижения законной нормы процента. В самом начале книги он перечисляет свои возражения против снижения законной нормы:

1. Оно сильно усложнит предоставление ссуд и их заимствование, что... станет препятствием для торговли.

2. Оно не нанесет ущерба никому, кроме тех, кто больше всех нуждается в поддержке и помощи; я имею в виду вдов и сирот, а также остальных, не искушенных в умениях, приносящих более опытным людям, но владеющих состоянием в деньгах. Такие люди, особенно сироты, будут непременно получать со своих денег не больше дохода, чем тот минимальный процент, который разрешен законом (Locke, 1691, p. 5).

В-третьих, Локк считает, что снижение нормы процента «увеличит преимущество банкиров и ростовщиков». В-четвертых, он полагает «одним из возможных последствий подобного закона» рост преступности и пространно размышляет о вреде административных актов, которые в той или иной форме поощряют преступность. Под преступностью в данном случае Локк подразумевает дачу ложных показаний о проценте, под который бралась ссуда.

1. См.: Letwin (1963, app. 5, pp. 273-300).

Затем он переходит к тому, что нет причины полагать, что законная норма процента не находится в гармонии с тем, что Локк называет естественной нормой процента. Он высмеивает все аргументы Чайлда о процветании Голландии. Он не отрицает, что Голландия — процветающая страна, но меняет местами причину и следствие. Ставка процента в Голландии низка благодаря обилию наличного капитала и тому, что Голландия — процветающая страна, а не Голландия процветает благодаря тому, что искусственно снизила норму процента. Так Локк приходит к предположению, что если законодательно снижать норму процента, в то время как условия спроса и предложения не оправдывают этого снижения, то можно причинить немало вреда. Торговля будет затруднена, и благосостояние, вместо того, чтобы расти, уменьшится.

Но что же представляет естественная норма процента Локка? Вынужден признаться вам, что достоверно не знаю этого, так же как этого не знают авторитетные источники. Локк говорит, что естественный процент растет двумя способами: когда денег мало по отношению к долгу и когда денег мало по отношению к торговому обороту. В этих условиях, утверждает Локк, все попытки эффективного снижения нормы процента весьма самонадеянны.

Возникает вопрос: что Локк имел в виду, говоря «деньги»? Я процитирую вам два современных источника на эту тему. Первый — это книга австралийского профессора Таккера «Прогресс и прибыль в британской экономической мысли 1650–1850 гг.» (Tucker, 1960), одна из лучших из известных мне книг в истории этого аспекта. Таккер (Tucker, 1960, pp. 27, 35) считает, что под словом «деньги» Локк имел в виду «доступные и могущие быть ссуженными средства», что наводит нас на мысли о Робертсоне и подходит для толкования многого из того, что говорит Локк. Однако профессор Виккерс, который преподает в Пенсильванском университете, в своей книге «Исследования по теории денег» (Vickers, 1960), кропотливой исторической работе, в которой он пытается проследить элементы кейнсианской экономической теории в трудах предшественников Кейнса, утверждает иное. Виккерс (Vickers, 1960, chap. 4, pp. 43–73) утверждает, что Локк был предшественником Кейнса и в примитивной форме говорил о том, что процент зависит от предпочтения ликвидности и количества денег.

Вопрос в том, какую из этих версий выбрать. Признаюсь, что Таккер кажется мне несколько более убедительным, чем Виккерс. Однако я могу себе представить, если бы Виккерс был сейчас здесь, он процитировал бы те отрывки из книги Локка, которые доказали бы, что тот имел в виду именно общее количество денег, а не фонды, доступные для займов в будущем. Мне кажется, что Локк в этом вопросе не определился. Можно подумать, что его аргументы склоняются к версии фондов для ссуды, но мне кажется (уточню, что мне так кажется в 1970 году, на случай, если в следующем году я перемену свое мнение), что в глазах Локка общее большое количество денег положительно влияло и на количество средств, доступных для ссуд.

Безусловно, до появления трудов Юма о проценте монетарная интерпретация Локка, монетарная теория процента, была верна, независимо от того, что именно имел в виду Локк. Юм не называл имени Локка, но выступал против чистой монетарной теории процента, и помимо Юма против нее выступал также Мэсси (Massie, 1750), о котором я еще буду говорить, когда дойду до Юма.

Итак, получается, что наиболее важная часть рассуждений Локка о проценте оставляет нас в некоторых сомнениях, и я думаю, что с моей стороны было бы нечестно однозначно поддержать ту или иную интерпретацию.

Перед тем как закончить лекцию о Локке, я процитирую отрывок, в котором он оправдывает существование процента, возвращаясь к ранним спорам о законности процента как такового. Он пишет: «Мы видим, что деньги, с точки зрения продажи и покупки, совершенно равноценны другим товарам и подчиняются тем же законам ценности, что и они. Теперь же давайте убедимся, что деньги имеют общую природу с землей, с той точки зрения, что приносят определенный ежегодный доход, который мы называем рентой, или процентом» (Locke, 1691, p. 36). Далее он утверждает, как и многие до него, что если мы оправдываем ренту с земли, то почему мы должны считать греховным или неоправданным займ, который приносит ренту.

Однако я уже задерживаю вас, так что остальные аргументы Локка я приведу в начале следующей лекции.

**Б. Становление
системной экономической
мысли**

Лекция 8

Кантильон

Я ПЛОХО спланировал вчерашнюю лекцию и не успел рассказать вам еще три вещи о Локке, которые заслуживают вашего внимания. Буду максимально краток, потому что мне, как и вам, не терпится добраться до по-настоящему интересной части курса.

Как я уже говорил, в размышлениях Локка о проценте есть шесть заслуживающих внимания моментов: во-первых, его порицание тезиса Чайлда (прямого предложения снизить норму процента), во-вторых, его не вполне понятное рассуждение об определении естественной нормы процента, верную интерпретацию которого я затрудняюсь привести; в-третьих, обоснование законности процента путем сравнения его с рентой с земли. Итого, нам остается еще три пункта и одно общее замечание. В-четвертых, в ходе своих довольно бессвязных рассуждений о проблеме процента в целом Локк разрабатывает количественную теорию денег и метод определения ценового уровня (я использую сейчас современную терминологию), которые превосходят все, что мы можем найти по этой теме в ранней экономической литературе, за исключением, разве что, кратких замечаний в «*Quantulumcunque*» Петти (Petty, 1682; Петти, 1940, с. 209–234). В трудах Локка вы найдете анализ скорости обращения денег, который превосходит все то, что было написано об этом ранее.

В-пятых, в трактате «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышении ценности денег» (Locke, 1691) вы найдете обсуждение тех факторов, которые влияют на стоимость: о влиянии спроса и предложения на цену и общие размышления о том, как сложно достичь неподвижности цен. Его занимает исключительно рыночная цена, о которой он делает несколько крайне проница-

тельных замечаний. И наконец, в-шестых, в том же трактате Локк подробно обсуждает охват населения налоговым обложением и присоединяется к утверждавшим, что в конечном итоге основное налоговое бремя того времени ложилось на землевладельцев.

Теперь, завершив свой крайне поверхностный рассказ об этой сфере деятельности Локка, я оставляю ее. Напоследок я упомяну еще одно достоинство Локка, которое превозносит в своей книге «Истоки экономической науки» профессор Летуин (Letwin, 1963, pp. 160–162, 167–171): общий подход к экономическим вопросам за то, что Локк, рассказывая о естественной норме процента и естественных факторах влияния на цены и ценность денег, имеет некое представление о неких мощных силах, лежащих в основе этих явлений. Таким образом Локк приближает нас к той теме, которую мы сейчас будем с вами обсуждать.

Критика Локка законодательного снижения нормы процента и повышения ценности денег (в значении девальвации) уступает трактату сэра Дадли Норта «Рассуждения о торговле» (North, 1691). В этой очень короткой работе Норт лаконично и успешно разрушает все озвученные до него аргументы в пользу понижения процента и обесценивания денег. Летуин (Letwin, 1963, pp. 189–204) в своей книге пишет, что «Рассуждения о торговле», воспроизведенные в сборнике «Ранние трактаты о торговле Общества экономической истории», заслуживает величайшего уважения. Я рассказываю о Норте так кратко только потому, что его трактат очень приятно читать, и даже самые медленные читатели легко справятся с ним за пятьдесят минут. Он написан очень живо и содержит предисловие, вероятно, принадлежащее перу Роберта Норта, брата Дадли Норта и автора знаменитой биографии семьи Нортов. Найти его можно не только в серии переизданий издательства Johns Hopkins, но и в сборнике Общества экономической истории «Early Tracts on Commerce», который впервые вышел под редакцией Маккуллоха.

Однако как бы мне ни хотелось посвятить Норту целую лекцию, я не хочу далее откладывать следующую часть своего курса: появление систематической экономической науки в XVIII веке. Ни Петти, ни Локк, ни Норт не смотрели на экономическую систему как на единое целое, хотя и ис-

пользовали термины, более или менее нам знакомые, говорили с нами на одном языке. Намеки на единую систему встречаются в памфлете Норта, как утверждает профессор Летуин (Letwin, 1963, pp. 189–204), но явно систематический подход к общим экономическим отношениям появился лишь в XVIII веке. Его зарождение можно проследить в трудах французских экономистов, впоследствии названных физиократами, а также в трудах шотландских философов, в частности величайших британских философов, Давида Юма и Адама Смита.

Впрочем, был еще один автор, о котором мы знаем очень немного и который написал научный трактат, превосходящий все, написанное физиократами и выдерживающий сравнение с самим «Богатством народов». Это Ричард Кантильон, автор «Эссе о природе торговли» (Cantillon, 1755). Каждому из вас следует знать о Кантильоне. Литературу о нем найти нелегко, поэтому, перед тем как рассказать вам о системе, изложенной в его книге, я расскажу вам немного о его жизни и публикациях.

Ричард Кантильон (французы, разумеется, называли бы Кантийон), ирландец по происхождению, в раннем возрасте стал банкиром в Париже. Похоже, он был исключительно проницательным и сообразительным банкиром. Когда Джон Ло, о котором я вскоре буду рассказывать вам в связи с физиократами, запустил свою обреченную миссисипскую схему — французский аналог нашей Компании южных морей начала 1720-х годов, Кантильон ее раскусил. Вероятно, в частной беседе он проговорился об этом, и был вызван к Джону Ло, который жил в Париже в королевской роскоши и почете. Ло сказал ему: «Вы знаете, что я могу выставить вас из этого города в течение суток?» А Кантильон ответил: «Вы не сделаете этого — я могу сделать вашу схему успешной¹». И какое-то время Кантильон выступал быком для акций Миссисипской компании, но успел вовремя их продать и сколотить огромное состояние. Затем в 1734 году он был убит своим слугой в своем доме рядом с Ковент-Гарден, дом его был подожжен, и в огне сгорело множество ценных бумаг.

---

1. Это утверждение в переводе с французского появляется на с. 336 *Essai* в переиздании эссе Джеворса о Кантильоне: *W. S. Jevons* (1881), «Richard Cantillon and the Nationality of Political Economy».

Нам известно некоторые подробности о том, как Кантильон работал с клиентами, и о многочисленных судебных тяжбах, в которые он был вовлечен. Нам также известно кое-что о привычках Кантильона как экономиста. Например, в путешествия он всегда брал с собой секретаря, который ехал вместе с ним в экипаже и записывал его наблюдения о попадавшихся на глаза экономических явлениях. Время от времени он выходил из своей кареты и, как пишет Мирабо, пробовал землю на вкус, чтобы составить впечатление о ее плодородности и химическом составе, а затем диктовал данные секретарю. Со временем Кантильон собрал большое количество ценной экономической и статистической информации (однако никто не видел ее ни в этом, ни в прошлом веке), которую в «Эссе о природе торговли» он называет «the Supplement» («Дополнение»). До сих пор не обнаружено никаких его следов. Впрочем, в нашем предмете до сих пор иногда делаются очень интересные открытия. Например, вся правда о происхождении знаменитой Экономической таблицы Кенэ, на которой была основана вся система физиократов, выяснилась только в последние двадцать лет, так что найти «Дополнения» Кантильона еще остается надежда.

Составить свое мнение о Кантильоне как о человеке мы можем только через его книгу. Его портреты до нас не дошли, а г-н Хиггс, издатель «Эссе» на французском и английском языках в одной книге, напечатал в ней, точнее убедил Королевское экономическое общество напечатать в ней портрет жены Кантильона и его дочери. По-видимому, господин Хиггс считал, что, отняв от черт дочери черты матери, читатель сможет составить некоторое представление об отце.

Но вернемся к сложностям, сопровождавшим первое издание книги. Оно вышло через двадцать один год после убийства Кантильона, в 1755 году, в издательском доме Флетчера Джайлса из Холборна, что в Лондоне. Книга вышла на французском языке с уточнением «перевод с английского». Мирабо, о котором вы еще немало услышите (отец знаменитого государственного деятеля-революционера), имел доступ к рукописи Кантильона и снял с нее копию, а затем вставил обширные отрывки из нее в свой труд о населении. Мирабо утверждал, что перевел книгу на французский язык по предложению друга. Другие французские современники

Кантильона, когда книга была издана с пометкой «перевод с английского языка», возражали, что текст не был переводным. Но удивительнее всего было то, что Кэннан и Хиггс обнаружили длинные отрывки из «Эссе» на английском языке в трудах Послтуэйта, автора трудов о промышленности и словаря торговых терминов в двух томах (Postlethwayt 1757a, b), который в своих работах воспроизводит существенную часть «Эссе о торговле», особенно длинный кусок «Эссе» цитируется в его словаре (Postlethwayt, 1757b). Хиггс в своем издании вставил этот кусок в переводе с французского языка, причем оригинальный текст напечатан на соседней странице. Можно долго говорить об этом. Профессор Ями только на прошлой неделе прислал мне новое издание эссе Кантильона (Cantillon, 1979) с библиографическими замечками японского профессора Цуда, и это издание на прошлой неделе два вечера подряд отвлекало меня от более насущных дел. Но я должен продолжать свой рассказ.

Когда эссе было опубликовано, отдельно и в книге Мирабо, вокруг него поднялась большая шумиха. О его влиянии на физиократов я еще расскажу подробнее в лекции, посвященной им. Эссе упоминается во всевозможных работах того периода. Однако спустя некоторое время оно оказалось полностью забыто: за исключением невнятной ссылки у Карла Маркса², оно не цитировалось и не обсуждалось в течение ста лет. А затем Стэнли Джевонс наткнулся на экземпляр эссе, понял, что это произведение выдающегося человека, и в 1881 году опубликовал статью о нем «Ричард Кантильон и национальность политической экономики». Эта статья воспроизводится в книге Хиггса, которая была издана Королевским экономическим обществом, так что вы еще сможете ее купить. А затем Хиггс, поклонник открытия Джевонса, сам взялся за исследования, и нашел новые факты об «Эссе» и его авторе, опубликовав статьи о них сначала в первом номере «Economic Journal», а затем в 1892 году в «Quarterly Journal of Economics».

В наши дни эссе Кантильона прекрасно издал Сови (Cantillon, 1952). «Эссе» теперь общепризнанно является одним

---

2. См.: Marx, «Adam Smith and the Theory of Productive Labor» в: Marx (1952, p. 105–97, at iii), где Маркс цитирует Смита, цитирующего Кантильона.

из самых необыкновенных документов в истории нашей науки. Вы скажете, что я преувеличиваю, однако я тщательно подбираю слова и не отказываюсь от них: это один из самых необыкновенных документов в истории нашей науки. Это произведение принципиально новое. Это трактат о том, как работает экономическая система — систематический, абстрактный трактат, основанный на близком знакомстве автора с торговой и финансовой сферой своего времени. Я сожалею, что в нашем распоряжении нет «Дополнения», на котором основываются многие предположения Кантильонова.

Этот трактат не похож на трактаты физиократов, в которых содержались рекомендации относительно экономической политики, и не похож на «Богатство народов», одновременно являющееся трактатом и полемическим произведением. Адам Смит написал «Богатство народов» отчасти с образовательными целями, а отчасти, чтобы раскрыть принципы меркантилистской системы, точнее принципы меркантилистской системы в своем понимании. Кантильон не преследует политических целей, разве что в последнем параграфе трактата есть намек на опасную деятельность Джона Ло и производство кредита. Остальная часть трактата настолько беспристрастна, насколько это вообще возможно. В первой части трактата Кантильон рассуждает о проблеме населения. Он предвосхищает идею Мальтуса о том, что население имеет тенденцию расти, пока не достигнет прожиточного минимума. Он говорит, что «люди плодятся, как мыши в амбаре», при условии, что у них есть пропитание (Cantillon, 1755, p. 83). Главу о населении он заканчивает словами о том, что не его дело исследовать, хорошо ли иметь экономику с относительно небольшим населением, живущим в достатке, или же, наоборот, иметь экономику с населением побольше, но живущим более или менее на уровне выживания. Это довольно пикантное замечание, даже если вам уже несколько надоели экономисты XX века, которые постоянно указывают, что то или это является оценочным суждением, в то время как это и так очевидно.

Эссе Кантильона делится на три части. Первая — это общий анализ того, как работает экономика. Вторая — более подробное обсуждение денежной системы и теории процента, а третья часть — это хорошо обоснованная дискуссия

о торговле и банковском деле. Я кратко перескажу вам это эссе. Я ожидаю, что каждый из вас найдет издание Хиггса и прочтет его, и для вас это будет самый удобный вариант, поскольку на правой странице каждого разворота у Хиггса размещен оригинальный текст на английском языке.

Эссе открывается короткой главой «О богатстве». Вот ее первые предложения: «Земля является источником или материей, из которой производится все богатство. Труд человека является формой, которая его производит; богатство же само по себе есть не что иное, как поддержание, удобства и излишества жизни». Главы со второй по шестую посвящены экономической социологии. Во второй главе обсуждаются человеческие сообщества в целом, и в ней же Кантильон поднимает вопрос функции собственности, поскольку приходит к выводу, что собственность существует в любом сложном человеческом обществе. В третьей главе он обсуждает деревни, утверждая, что как бы ни обрабатывалась земля, людям удобно жить вместе возле источника своих сельскохозяйственных трудов. В четвертой главе Кантильон переходит к «городам-ярмаркам», говоря, что деревня недостаточно велика, чтобы стать рынком для всех тех вещей, которые могут понадобиться людям даже в относительно примитивном сельскохозяйственном обществе, поэтому центры торговли удобно размещать в городах-ярмарках.

Эта мысль приводит его к пятой главе, «О городах». Здесь он проводит различие между городами и городами-ярмарками: в городах селятся богатые землевладельцы, и поскольку они богаче крестьян и земледельцев, их нужды будут сложнее, а значит, торговля в городе по природе своей будет более сложной. В шестой главе Кантильон пишет о «столичных городах», определяя последние как места заседания правительства (резиденцию князя или короля), что наводит его на крайне интересные замечания об особенностях географического расположения столичных городов. В более ранней литературе ничего подобного не встречается. Кантильон проявил потрясающую оригинальность, спланировав свою книгу подобным образом.

В четвертой главе «Труд землепашца стоит меньше, чем труд ремесленника» Кантильон погружается в тему экономических отношений. Он объясняет, почему сын сельскохозяйственного работника «в возрасте семи или двенадцати

лет начинает помогать своему отцу либо пасти стадо и рыть землю, либо в ином сельскохозяйственном труде, для которого не требуется умения или мастерства». Однако «если отец отправит сына заниматься ремеслом, он потеряет помощника на все время его обучения и будет вынужден одевать его и оплачивать его обучение в течение нескольких лет». Таким образом, чтобы поток учеников не иссякал, экономические силы требуют, чтобы финансовое вознаграждение ремесленников — людей, прошедших обучение, превышало финансовое вознаграждение сельскохозяйственного работника.

В восьмой главе Кантильон развивает эту тему. Надо сказать, что его книгу очень легко читать, поскольку главы в ней очень короткие. Название главы раскрывает ее содержание: «Одни ремесленники зарабатывают больше, другие меньше, в зависимости от разных условий и обстоятельств». Автор рассуждает о том, что обучение разным ремеслам требует различного времени и несет в себе разные риски: «Эти и еще сотни примеров из жизни показывают, что цена одного дня работы различается в силу естественных и очевидных причин». Затем он приступает к собственно анализу и в девятой главе утверждает, что «количество работников, ремесленников и остальных, работающих в государстве, естественным образом пропорционально спросу на них». Если в деревне спрос падает, происходит сокращение рабочей силы вследствие миграции и, соответственно, сокращение населения. Если же, напротив, спрос превышает предложение, происходит приток рабочей силы и населения. Так была озвучена идея о том, что количество представителей разных ремесел находится в равновесии со спросом.

Дойдя до этого места, Кантильон сталкивается с проблемой цен. В десятой главе он принимается обсуждать то, что он называет «внутренней ценностью вещи»: цену, вокруг которой будет колебаться рыночная цена товара. «Цена или внутренняя ценность вещи — это мера количества земли и труда, задействованных в ее производстве» (*ibid.*, p. 29). В этом и заключается суть главы.

Кантильон, этот необыкновенный человек, читал труды Петти, как минимум его «Трактат о налогах и сборах» (Petty, 1662). В одиннадцатой главе он обращается к проблеме уравнения земли и труда: как привести количество затраченных

земли и труда к единому знаменателю в ходе определения внутренней ценности той или иной вещи? Ссылаясь на Петти, Кантильон строит весьма сложную аргументацию, говоря, что решить проблему можно, обратившись к площади земли. Речь идет не о той земле, которая необходима, чтобы произвести вещь, это само собой разумеется, речь о дополнительной земле, о той, которая производит пропитание для работников, необходимых для производства этой вещи. Кантильон признает, что пропитание будет разным в различных обстоятельствах и что предложенный метод не является абсолютно точным. Но это лучший метод, который он может предложить, и это лучшая из когда-либо предпринимавшихся попыток решить поднятую Петти проблему уравнивания земли и труда. Этот метод не слишком поможет вам при определении нормального уровня цен в развитых сообществах, но это доблестная попытка решить проблему, поднятую Петти в «Трактате о налогах и сборах» и в «Политической анатомии Ирландии» (Petty, 1672; Петти, 1940, с. 267–320), на которую Кантильон также ссылается.

Далее, в двенадцатой главе, Кантильон пишет, что «все классы и индивиды в государстве существуют или богатеют за счет собственников земли» (Cantillon, 1755, p. 43). Здесь он проявляет некоторый физиократизм, однако у Кантильона это утверждение ситуативно. Оно не догматично, как заявление физиократов о том, что только сельскохозяйственный труд и добыча полезных ископаемых — это виды производительного труда, а весь остальной труд непроизводителен. В этой части эссе Кантильона неоднократно предвосхищает доктрину физиократов, но, повторяюсь, мне Кантильон кажется куда менее догматичным, чем физиократы.

В тринадцатой главе Кантильон задается вопросом о том, как происходит оборот товаров и как организовано производство. Ответ дан уже в самом названии главы, хотя глава стоит того, чтобы ее прочесть: «Оборот и обмен товаров, а также их производство в Европе осуществляются при помощи предпринимателей и связаны с риском». Кантильон употребляет французское слово «entrepreneur», и это первый из известных мне случаев использования слова «антрепренер» в подобном узком смысле. Он рассуждает о роли предпринимателя в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и торговле в реалиях своего времени. Он

делит общество на две группы: тех, кто нанимается на работу по заранее фиксированной цене (договорное вознаграждение), и тех, кто не нанимается на работу и спекулирует, в том или ином смысле слова, на будущем тех рынков, для которых производит товары. История не знает более полезного разграничения разных групп в обществе в этом конкретном аспекте. Экономистам понадобилось дожить до XX века, чтобы вновь открыть то, что так четко и доступно было изложено Кантильоном. Продолжая свое повествование, в четырнадцатой главе Кантильон переходит к спросу и утверждает, что «прихоти, манера и образ жизни князя, особенно землевладельцев, определяют то, как в государстве используется земля, и приводят к изменениям рыночных цен всех вещей».

В пятнадцатой главе Кантильон обращается к проблеме населения, о которой я уже упоминал. Глава называется «Рост и уменьшение количества людей в государстве зависят главным образом от вкуса, манеры и образа жизни собственников земли». Он ссылается на «Дополнение», в котором

вы найдете примерные оценки количества земли, необходимой для прокормления человека в зависимости от его образа жизни. Можно убедиться, что человек, питающийся хлебом, чесноком и корнеплодами, носящий лишь пеньковую одежду, грубые ткани и деревянные башмаки, пьющий лишь воду, как многие крестьяне на юге Франции, может прокормиться за счет производства с полутора акров земли средней плодородности, приносящей шестикратный урожай и отдыхающей раз в три года (*ibid.*, p. 71).

Примерно в таком ключе Кантильон обсуждает эту проблему. Согласно капризам собственников и знатных дам:

Если дамы Парижа хотят носить брюссельское кружево и если Франция платит за это кружево шампанским вином, то продукт одного акра земли, засеянной льном, должен быть оплачен продуктом 16 000 акров земли, засаженной виноградниками, если я не ошибаюсь в своих вычислениях. Более подробно эта мысль поясняется в другом месте, а цифры приводятся в «Дополнении» (*ibid.*, p. 77).

Затем он цитирует наблюдения, сделанные знаменитым Эдмундом Халли (Галлеем) во Вроцлаве, столице Силезии:

Было обнаружено, что из всех женщин, способных к деторождению, в возрасте от 16 до 45 лет, в реальности менее чем одна из шести рождает ребенка каждый год, в то время как, говорит г-н. Халли, должно быть не менее четырех или шести женщин, рожающих по ребенку каждый год, не считая бесплодных или рождающих мертвых младенцев (*ibid.*, p. 79).

Кантильон обсуждает причины этого явления и в конце концов говорит:

Сэр У. Петти, а следом за ним мистер Дэвенант, инспектор английской таможни, похоже, не учитывают законов природы, когда пытаются оценить рост человеческой расы со времен праотца Адама. Их расчеты выглядят совершенно безосновательными и сделанными наугад. На основании того реального уровня рождаемости, который они наблюдали в определенных районах, как они могли объяснить сокращение численности тех бесчисленных народов, которые ранее обитали в Азии, Египте и даже в Европе? (*ibid.*, p. 83)

Далее следует знаменитое заявление:

Люди плодятся, как мыши в амбаре, если у них есть неограниченные средства к существованию; английское население в колониях увеличится за три поколения пропорционально тому, насколько оно увеличится в Англии за тридцать поколений, потому что в колониях англичане располагают новыми участками земли для возделывания, с которых они прогоняют местных жителей (*ibid.*)³.

Глава заканчивается так:

Вопрос о том, что лучше — иметь многочисленное население, но бедное и плохо обеспеченное, или меньшее, население, но живущее в достатке, — лежит вне предмета моего исследования (*ibid.*, p. 85).

В шестнадцатой главе Кантильон присоединяется к распространенному мнению о том, что «чем больше в государстве труда, тем более естественно богатым считается такое

---

3. Кантильон здесь использует слово «дикари». Роббинс говорит «местные жители», не желая звучать оскорбительно, как это принято в наш более просвещенный век. См. также примечание 2 к лекции 13.

государство». В последней главе первой части, «О металле и деньгах, особенно о золоте и серебре», он более или менее точно воспроизводит стандартное объяснение Аристотеля о происхождении и назначении денег, особенно золота и серебра. На этом заканчивается первая часть.

На этом я собираюсь закончить сегодняшнюю лекцию, потому что вторая часть эссе еще удивительнее с точки зрения экономического анализа, чем та часть, которую я вам сегодня пересказывал. Во второй части содержится не только теория рыночной цены, но и детальное рассуждение о количественной теории денег. Далее Кантильон обсуждает, почему количественной теории денег недостаточно, чтобы объяснить изменения ценности денег в динамических условиях. Пройдет очень много лет, прежде чем в экономической науке появится сравнимый с Кантильоным анализ этой проблемы. Но об этом я расскажу вам в следующий раз, хотя мы и не станем слишком подробно останавливаться на второй части эссе, потому что третья часть, посвященная торговле и банковскому делу, переполнена подробностями ремесла, которым занимался сам Кантильон, и является бесценным документом. Я бы сказал, что это лучшая книга о деньгах, торговле и банковском деле из всего, что было написано до XX века, не считая «Бумажного кредита» Торнтона (Thornton, 1802), написанной в начале XIX века. Однако и третью часть я не стану подробно пересказывать, рассчитывая, что разжег в вас достаточный интерес к тому, чтобы прочесть Кантильона самостоятельно.

Лекция 9

Кантильон (окончание) — физиократы

ПОЗВОЛЬТЕ мне сразу перейти к тому, что я еще должен рассказать вам о Кантильоне (Cantillon, 1755). Я надеюсь, что тех отрывков из первой части эссе Кантильона, которые я прочел вам, хватило, чтобы вы почувствовали, каким важным персонажем он был. Первая часть «Эссе», как вы, наверное, поняли, посвящена общему описанию экономической организации общества: власти спроса, природе того, что он называет внутренней ценностью и ее отношению к рыночным ценам и доходам. Часть заканчивается описанием обычной денежной теории, которую я не стал вам пересказывать, потому что закончилось время лекции и потому что я не считаю, что эта глава о деньгах проливает свет на что-то особенно важное, хотя написана в типичном для него стиле и демонстрирует прекрасное практическое знание предмета.

Приступим ко второй части, в которой говорится о ценах, деньгах и проценте. Хотя мне было бы проще пересказать ее вам кратко, она куда важнее первой части книги, не в смысле формы и охвата материала, а в смысле оригинальности анализа и теоретических предположений. Вторая часть открывается главой об обмене, и сказать о ней особенно нечего. Кантильон описывает причины возникновения натурального обмена, а также несколько раз ссылается на Локка по поводу рыночных цен и возникновения денег.

Зато вторая глава чрезвычайно важна. В ней говорится о формировании рыночных цен. В первой главе Кантильон осуждает Локка за ориентацию только на рыночные цены, а во второй сам делает оригинальнейший вклад в теорию рыночных цен. Я называю эту теорию оригинальной; вам, разумеется, она покажется старьем. Однако в этой главе впервые в истории экономической литературы обсуждается

механизм, при помощи которого изменяющаяся склонность к спросу и предложению постепенно приводит к образованию рыночных цен. Кантильон пишет о натуральном обмене и утверждает, что некоторым людям

...лучше удастся зависить цену на свои товары, а другим распродать их по сниженной цене. Хотя у этого метода установления рыночных цен нет точного или геометрического основания, поскольку он часто зависит от рвения или способностей нескольких покупателей или продавцов, похоже, никакого более удобного метода не существует (Cantillon, 1755, p. 119).

Затем он описывает фактически аналог ранней австрийской модели рыночного процесса. Я зачитаю вам это место:

Нескольким парижским метрдотелям было велено с утра купить зеленого горошка. Один хозяин велел купить 10 кварт за 60 ливров, другой — 10 кварт за 50 ливров, третий — 10 кварт за 40 ливров, а четвертый — 10 за 30 ливров. Чтобы выполнить эти приказания, на рынке должно быть 40 кварт зеленого горошка. Предположим, что их всего 20. Продавцы, увидев, что покупателей много, будут держать свои цены, а покупатели поднимут оплату до цен, которые у них запрашивают. Таким образом, тот, кто предложит 60 ливров за 10 кварт, будет обслужен первым. Продавцы, увидев затем, что никто не поднимает цену выше 50, отдадут оставшиеся 10 кварт по этой цене. Те, кому было велено не платить больше 40 и 30 ливров, уйдут ни с чем.

Если же вместо 40 кварт на рынке имеется 400, то не только метрдотели купят горошек гораздо дешевле тех цен, которые были для них установлены хозяевами, но и продавцы, ради того чтобы их предпочли другим, снизят цены на свой горошек почти до уровня его внутренней ценности, и в этом случае многие метрдотели купят немного горошка без специальных указаний (ibid., pp. 119–121).

Кантильон заканчивает главу замечанием о том, что, конечно, отдаленные рынки всегда будут влиять на цену исследуемого рынка, причем оно зависит от их удаленности, и если цена на конкретном рынке будет особенно низка, некоторые продавцы решат отправиться в другое место.

В третьей главе Кантильон обращается к теме денежного обращения. В первых строках сказано:

В Англии считается, что фермер должен зарабатывать три ренты. Главная и истинная рента, которую он платит собственнику, предполагается равной стоимости одной трети продукта, произведенного на его ферме. Вторая рента идет на его содержание, а также на содержание людей и лошадей, задействованных в возделывании земли на его ферме. Третья рента должна оставаться у фермера, для того чтобы его деятельность была прибыльной (*ibid.*).

Кантильон обсуждает эту тему, причем развивает свою мысль очень осторожно, оговариваясь, что это только первое приближение. Однако эта часть его рассуждений не лишена смысла и в четвертой главе приводит его к дальнейшей дискуссии о циркуляции денег.

Кантильон обсуждает разные общественные классы и то, как каждый из них использует деньги. Он рассматривает спрос на деньги, имеющий целью ограждение индивида от непредвиденных рисков. Он описывает привычки землевладельцев и тех людей, у которых они покупают товары в деревне, а также то, как тратят свои деньги городские жители, занятые в обрабатывающей промышленности. Он говорит о существовании банков и ювелиров, которые в то время превращались в банкиров, и утверждает, что существование банков экономит спрос на деньги и ускоряет их обращение.

В пятой главе Кантильон обсуждает географическое местонахождение центров концентрации наличных денег, что приводит его к отступлению на тему теории местоположения. Он считает, что цены бывают ниже в населенных пунктах, расположенных далеко от городов-ярмарок и городов-столиц. Поэтому, пишет он, определенным производствам, которым не нужно дорого платить за перевозку товаров, может быть выгодно располагаться в таких местах, а не вблизи городов, где ренты выше и существует много других затрат.

В шестой главе Кантильон обращается к «увеличению и уменьшению количества металлических денег в государстве». В связи с этим он цитирует труды Локка, который, как вы помните, разработал некое подобие количественной теории денег, а также исследовал причины изменений спроса на деньги, хотя и не так подробно, как Кантильон. В шестой главе Кантильон пишет:

Мсье Локк полагает фундаментальным принципом, что количество товаров в пропорции к количеству денег регулирует рыночные цены. Я попытался пролить свет на его идею в предыдущих главах: он очевидно считал, что изобилие денег удорожает все товары, но не задумывался о том, каким образом это происходит. Сложность этого вопроса состоит в том, чтобы знать, каким образом и в какой пропорции увеличение количества денег повышает цены (*ibid.*, p. 161).

На следующих двадцати страницах Кантильон более или менее подробно исследует различные способы увеличения количества денег, находящихся в обращении: приток драгоценных металлов с рудников, благоприятный платежный баланс и т. д.

После этого он изучает, как распределяются деньги в обществе при увеличении их количества описанными способами. Согласно своему пониманию разных видов спроса на деньги, Кантильон считает, что на изменение цен влияет то, в чьих руках деньги окажутся прежде всего. Если они окажутся в руках людей, спрос которых на деньги невелик, они быстро будут переданы дальше, и цены начнут расти. Если они окажутся в руках людей, склонных запасать деньги, влияние на цены будет не столь мгновенным, хотя рано или поздно отложенные деньги также будут потрачены, то есть повлияют на цены. Это на удивление оригинальный анализ — в экономической литературе не встречается ничего подобного даже у Юма или Адама Смита. Анализ на подобном динамическом уровне встречается только в 1802 году, у Торнтона в «Бумажном кредите». И после этого оригинального анализа Кантильон заключает: «Из всего этого я делаю вывод, что, увеличив количество денег в государстве вдвое, мы не всегда достигаем удвоения цен на товары и продукты. Река, текущая по извилистому руслу, не станет течь с двойной скоростью, если количество воды в ней увеличится вдвое» (*ibid.*, p. 177).

Уже почти в конце книги (главы 9 и 10) Кантильон обращается к проблеме процента, и на этой части его эссе нам не стоит задерживаться надолго. Он не согласен с мнением, что количество денег влияет на норму процента. Люди, пишет Кантильон, могут считать, что увеличение количества денег способно мгновенно снизить норму процента. Однако затем он приводит примеры того, как норма процента под-

нималась вместе с увеличением количества денег. Кантильон описывает рынок денег практически по теории ссудных фондов, отдавая должное всей его сложности — различные нормы процента, подходящие для разных покупателей и продавцов. Он упоминает потребительские ссуды, но подчеркивает, что в данном случае не они составляют основной спрос на ссуды. Основной спрос на фонды происходит от прибыли, которую получают предприниматели в обрабатывающей промышленности и родственных ей отраслях. Все это Кантильон описывает очень живо и доходчиво, но я думаю, что мне необязательно пересказывать вам эту часть «Эссе».

Далее начинается третья часть, посвященная торговле, международной торговле и банковскому делу. Я не буду даже пытаться пересказать ее вам. Эта часть написана человеком, ближе знакомым с торговлей и международной торговлей (мы помним, что Кантильон сделал состояние в банковском деле и международной торговле), чем любой из авторов, писавших после него. Любой, кто пожелает заново обсудить эту тему, сначала должен прочесть Кантильона.

Говоря о банковском деле, Кантильон подчеркивает, что существование банков и банковских кредитов экономит спрос на твердую валюту, а затем следует единственный страстный абзац во всем эссе. Кантильон утверждает, что

Нет сомнений, что банк при соучастии министра способен поднять и поддерживать на определенном уровне цену государственных ценных бумаг и снизить норму процента в государстве по желанию этого министра, если эти шаги предпринимаются тайно, и тем самым выплатить долг государства. Но эти поправки, открывающие возможности для обогащения, редко вносятся ради одного лишь блага государства, и те, кто принимают в них участие, обыкновенно бывают коррумпированы. Избыточные банкноты, которые печатаются и выпускаются в таких случаях, не нарушают денежный оборот, поскольку используются лишь для покупки и продажи ценных бумаг, а не для ежедневных хозяйственных нужд, и не обмениваются на серебро. Однако

(последнее предложение),

если паника или непредвиденный кризис вынудят держателей бумаг потребовать от банка выдать им серебро, бомба взорвется, и все увидят, что это опасные манипуляции (*ibid.*, p. 323).

Вот и все о Джоне Ло и миссисипской схеме. Но не все о Кантильоне, который заслуживает прочтения не меньше, чем основные части «Богатства народов» или эссе Юма, о котором речь пойдет позже.

Во второй части сегодняшней лекции я хочу начать рассказ о зарождении систематического экономического анализа усилиями французских экономистов, которых впоследствии, в честь названия одной из книг Кенэ (Quesnay, 1888) стали называть физиократами.

Для этого нам понадобится некоторое знание контекста, того, как жилось людям во Франции в конце XVII — начале XVIII веков. Прежде всего вы должны осознать, какая чудовищная и повсеместная бедность царила среди большинства жителей Франции, подданных Короля-Солнца, великого Людовика XIV. Кто читал «Характеры» Лабрюйера (La Bruyère, 1698)? Это один из прекраснейших образцов французской прозы. В одном его эссе встречается изумительный отрывок, посвященный сельской местности. Лабрюйер пишет, что в деревне можно увидеть ослабленных, потрепанных животных, равнодушных ко всему, что растет вокруг них, одно из животных поднимает голову — и смотрите-ка! — это человек! Я не знаю другого описания бедности того времени, которое сравнилось бы по силе с этим коротеньким абзацем Лабрюйера. Люди обнищали из-за войны, незаконного налогообложения, из-за того, что привилегированные вельможи были освобождены от выплаты налогов. Король-Солнце пестовал живопись, литературу, поэзию, театральное искусство — все это процветало во время его правления. Однако к людям он относился совсем не так бережно.

Кроме того, вы должны немного представлять коммерческую политику тех дней, которой руководил Кольбер. Я уверен, что в этой аудитории найдутся люди, которые пробовали камбалу а-ля Кольбер, вкуснейшее блюдо. Так вот оно было названо в честь великого министра торговли Людовика XIV, Жана-Батиста Кольбера. В «Богатстве народов» Адама Смита есть краткое описание Кольбера, которое лучше прочитать, чем пересказывать:

Кольбер, знаменитый министр Людовика XIV, был человеком честным, трудолюбивым и обладавшим знанием житейской практики, человеком большой опытности и сведущим

в государственных финансах, — одним словом, отличавшимся способностями, во всех отношениях подходящими для установления метода и надлежащего порядка при собирании и расходовании государственных доходов. Этот министр, к несчастью, воспринял все предрассудки меркантилистической системы, являющейся по своей природе и сущности системой ограничений и стеснений; она не могла не быть по душе столь трудолюбивому и старательному деловому человеку, привыкшему заведовать различными отраслями государственного управления и устанавливать необходимые ограничения и контроль, чтобы удерживать каждую из них в предоставленной ей сфере. Промышленность и торговлю великой страны он пытался регулировать по тому же образцу, что и деятельность различных отраслей государственного управления, и вместо того чтобы предоставить каждому человеку преследовать свои интересы по собственному разумению при соблюдении равенства, свободы и справедливости, он наделял одни отрасли промышленности чрезвычайными привилегиями, тогда как другие подвергал чрезвычайным стеснениям (Смит, 2007, с. 625).

Вы наверняка заметили некоторую предвзятость в этом описании. Тем не менее оно частично объясняет, против чего протестовали физиократы и что было основной темой полемической части «Богатства народов» Адама Смита.

Итак, в описанном мной контексте экономические дискуссии на тему состояния общества не поощрялись. Знаменитый маршал Вобан (1633–1707), бывший, похоже, гуманным и щедрым человеком, а не только прекрасным солдатом, был обеспокоен ситуацией в стране. Его сердце щемило при виде нищеты, и он написал книгу «Королевская десятина» (Vauben, 1710), в которой предлагал полную реорганизацию налоговой системы. Он вручил эту книгу королю, но она была встречена без малейшего удовольствия. Вобан впал в немилость и вскоре умер, как считается, от разбитого сердца.

Однако история Вобана важна только для магистрантов, для нас куда важнее Пьер Буагильбер (1646–1714). Он написал несколько книг, собранных под одной обложкой под названием «Подробности о Франции» (Boisguilbert, 1707). Если кто-нибудь из вас увидит в продаже экземпляр этой книги, покажите ее специалисту — сегодня она стоит очень приличных денег. Буагильбер был судьей и так же, как и Вобан, считал, что французское государство находится в бед-

ственном положении. Об этом состоянии свидетельствуют его труды, что делает их весьма ценными для изучения экономической истории Франции. Буагильбер также критикует кольбертизм — оказание поддержки обрабатывающей промышленности в ущерб сельскому хозяйству, которым занималась большая часть населения. Имя Буагильбера не слишком часто упоминается в экономической литературе, но можно утверждать, что он предвосхищает позицию Кантильона в том, насколько спрос землевладельцев важен для экономики, то есть предвосхищает физиократию.

Мы добрались до Джона Ло и Миссисипской схемы. Джон Ло был шотландцем. Он родился в 1671 году и был вынужден покинуть Шотландию из-за участия в дуэли. Перед отъездом он опубликовал крайне интересную книгу на английском языке — «Соображения о деньгах и торговле» (1705). В этой книге много весьма точных замечаний о ценности и редкости, которые в некотором отношении почти предвосхищают Маршаллову революцию. По убеждениям Ло был инфляционистом. Он хотел, чтобы деньги выпускались в соответствии с ценностью земли, что почти наверняка привело бы к инфляции. Хотя Ло не смог убедить в своей правоте шотландских коллег, он сумел втереться в доверие к французскому регенту, и вместе они открыли «Миссисипскую компанию». Они спланировали и осуществили финансирование, необходимое для запуска компании, крах которой затмил по масштабу и последствиям даже крушение «Компании Южных морей», случившееся примерно в то же время в Англии. Так что, хотя Людовик XIV был мертв, провал этой схемы способствовал продлению моратория на публичное обсуждение экономических вопросов.

Во Франции того времени было несколько незначительных авторов-экономистов — Мелон (Melon, 1739), Дюто (Dutot, 1738), книги которых не представляют особого интереса, если вы не собираетесь писать по ним диссертацию. Монтескье в своем трактате «О духе законов» (Montesquieu, 1748; Монтескье, 1999), делает несколько разрозненных замечаний на экономические темы, но в целом можно сказать, что до середины 1750-х — начала 1760-х годов во Франции очень мало было написано стоящих экономических трудов. Исключением является Кантильон, но и его размышления были изданы лишь в 1755 году.

Однако во второй половине 1750-х — в 1760-е годы благодаря деятельности физиократов — доктора Кенэ и его друзей — в стране произошел огромный всплеск экономических теорий. Если вы помните, я обещал предупреждать вас о случаях, когда от меня можно ожидать некоторой пристрастности. Я уважаю физиократов меньше, чем шотландских философов, писавших в то же время. Я согласен с Давидом Юмом, который, описывая физиократов в письме другу, назвал их «самыми большими фантазерами из всех»¹. Это, конечно, было преувеличением; физиократы внесли ценный вклад в экономическую теорию. И все же я предупреждаю вас, что рассказ о них я начинаю с меньшим энтузиазмом, чем рассказ о Кантильоне, Юме или об Адаме Смите.

Кто такие физиократы? Зачитаю вам отрывок из надгробной речи, произнесенной 10 декабря 1774 года в комнате, полной людей в траурных одеждах. В одном конце комнаты стоял высокий пьедестал, увенчанный мраморным бюстом, и все собравшиеся стояли лицом к нему с выражением крайней скорби и уважения на лицах. Хозяин дома читал следующую речь:

Господа, мы потеряли нашего мастера, истинного благодетеля человечества, который оставил на земле память о своих добрых делах и нетленный перечень своих достижений. Говорят, что Сократ принес этику с небес. Наш мастер заставил ее дать ростки на земле. Небесная этика управляла лишь несколькими избранными душами. Доктрина чистого продукта обеспечивает пропитание детям человеческим, оберегает их от насилия и мошенничества, определяет принципы распределения пропитания и обеспечивает его воспроизводство. О бюст! О почтенный бюст, представляющий нам черты нашего общего мастера. Перед тобой мы приносим клятву верности вселенскому братству, которую требует соблюдать наша совесть, просвещенная учением этого великого человека. О мастер, взгляни на нас со своих небесных высот. Улыбнись нашим словам и трудам и нашим слезам, пока моя дрожащая рука опускает на твою могилу лавры, которые никогда не увянут.

---

1. Письмо Юма к Морелле от 10 июля 1769 года, цит. по: Нуме (1955, р. 214–216).

Это был бюст Кенэ, предводителя физиократов; речь произносил маркиз Мирабо, отец знаменитого Мирабо, первый, кого Кенэ обратил в свою веру, и первый его последователь. Люди в комнате были многочисленными членами той школы, которую создали Кенэ и Мирабо.

Несколько слов о Франсуа Кенэ. Не считая Тюрго, которого мы рассмотрим отдельно, Кенэ был главным мыслителем среди физиократов. Он родился в скромной крестьянской семье в 1694 году. По профессии он был хирургом, но позже переквалифицировался в терапевта из-за проблем со зрением. Он достиг достаточно высокого положения в медицинской профессии, написав книгу «О кровообращении»² (обратите внимание на это название!). Однако главных высот в своей профессии он достиг, скорее, благодаря своим коммуникативным, а не медицинским талантам. Став известным врачом, Кенэ получил доступ в модные круги Версаля, который был центром французской монархии. Однажды, когда на балу с одной из высокопоставленных придворных дам случился эпилептический припадок. Кенэ был призван к ней и понял (это говорит о нем как о весьма проницательном человеке), что дама хотела бы скрыть природу своего недомогания от остальных гостей, и попросил всех удалиться из комнаты, пока припадок не прошел. Его тактичность и то лечение, которое он провел, так расположили к нему даму, что она порекомендовала его в качестве личного ассистента мадам де Помпадур, любовнице самого короля.

Кенэ в это время было пятьдесят пять лет, и с этого возраста до самой смерти он оставался в Версале, вращаясь в высших кругах под персональной защитой мадам де Помпадур. Вероятно, вы знаете, что два года назад Национальная галерея приобрела великолепный портрет мадам де Помпадур в зрелом возрасте. Если вы хотите посмотреть на главного покровителя физиократов, сходите в соответствующий зал Национальной галереи.

Отличительной чертой кольбертизма было то, что эта политика поддерживала обрабатывающую промышленность в ущерб сельскому хозяйству. Кенэ благодаря своему проис-

2. См. собрание сочинений Кенэ в: Quesnay (1958).

хождению и состоянию купил некий участок земли и увлекся сельским хозяйством и сельскохозяйственной политикой, а также заинтересовался техническими усовершенствованиями. Вполне естественно, что рано или поздно он должен был заняться и более широкими вопросами сельскохозяйственной реформы. Для «Энциклопедии» Дидро³ Кенэ написал две статьи — о крестьянах и зерне. Изучение этих проблем, в свою очередь, привело его сначала к общему экономическому анализу, а затем к его знаменитой таблице (Quesnay, 1758), о которой каждый из вас должен знать — в ней говорится о циркуляции, но уже не крови, а богатства, и это не случайно.

Однако несмотря на все свое мастерство, Кенэ мог бы стать отдельно стоящей фигурой наподобие Кантильона, если бы у него не было последователей. Перед тем как завершить эту лекцию, я должен рассказать, откуда взялись эти последователи. Случилось так, что Мирабо, интересовавшийся экономическими вопросами, раздобыл экземпляр эссе Кантильона. Прежде чем вернуть книгу владельцу, он сделал с нее несколько копий, а затем написал книгу, названию которой он обязан своим прозвищем «друг людей» (Mirabeau, 1883). Из-за вздорного характера Мирабо к этому прозвищу добавили продолжение «и враг своей жены и детей».

Мирабо достал адрес Кенэ и отправил ему свою рукопись. Кенэ прочел ее и написал на полях: «Дитя пило дурное молоко. Сила его темперамента впечатляет, но он не умеет думать⁴». Первая встреча Мирабо и Кенэ тоже прошла не слишком успешно. Кенэ начал с того, что назвал Кантильона ослом и сказал, что Мирабо запрягает лошадь позади телеги⁵. Мирабо был сильно раздосадован, потому что очень уважал Кантильона и не считал, что был неправ. Он ушел, но очарованный Кенэ вскоре вернулся. Во время второй встречи Кенэ сумел обратить Мирабо в свою веру, и Ми-

3. См.: Quesnay (1958) и отрывки из трудов Кенэ в: Meek (1962).

4. Здесь Роббинс перефразирует слова Кенэ, процитированные Мирабо в письме к Руссо: «Дитя вскормлено дурным молоком; сила его темперамента часто приводит его к правильным результатам, но он ничего не знает о принципах» (цитата по: Meek, 1962, p. 17).

5. Мирабо использует тут слово «дурак»; см.: Meek (1962, p. 17).

рабо оказался именно тем человеком, который был нужен Кенэ для популяризации его идей. Мирабо был очень общителен. Он собрал вокруг себя людей и заразил их идеями Кенэ: это были Мерсье де ля Ривьер, Вобан и прочие. Этот круг стал основой настоящей школы. Они издавали журнал «Ephémérides du Citoyen», книги, регулярно собирались дома у Мирабо и стали чрезвычайно популярны. Ими интересовались царственные особы: король Швеции приезжал в Париж, чтобы с ними побеседовать; Екатерина Великая посылала за Мерсье де ля Ривьером, хотя его визит в Россию был не слишком удачным; маркграф Баденский даже написал книгу о доктрине физиократов, и говорят, хотя я не очень в это верю, что сам австрийский император однажды провел день за плугом в полях Моравии в знак сочувствия их системе. Однако факт остается фактом: самые разные люди преисполнились по поводу физиократии того же энтузиазма, что и основатели доктрины. Внезапно они осознали, что появилась новая отрасль знания, которая сможет сделать всех людей счастливыми, а мир справедливым.

На завтрашней лекции мы приступим к обсуждению собственно доктрины физиократов, в частности Кенэ.

Лекция 10

Физиократы — Тюрго

ПРОШЛАЯ лекция состояла из двух частей: сначала я кратко обсудил с вами вторую часть «Эссе» Кантильона и обрисовал содержание его третьей части. Во второй половине лекции я описал вам условия развития и успеха физиократии во Франции: бедность народа при Людовике XIV, отличительные черты кольбертизма и мнение Адама Смита об этой политике. Я немного рассказал вам о Вобане и Буагильбере, от которых мы перешли к Джону Ло, его роли в крахе Миссисипской компании и влиянии этого краха на ограничение разумной экономической дискуссии в обществе. Затем мы обсудили, как во второй половине 1750–1760-х годов экономическая дискуссия, разумная или не слишком, наконец вырвалась на свободу усилиями физиократов. Я зачитал вам надгробную речь Мирабо на похоронах Кенэ, чтобы вы прониклись той атмосферой энтузиазма и волнения, которая царила среди физиократов, а закончили мы рассказом о том, как Мирабо объединил последователей Кенэ в школу.

Все это контекст. Сегодняшнюю лекцию я хочу посвятить поверхностному анализу собственно идей физиократов. Вчера я предупреждал вас, что мой энтузиазм по поводу физиократов не так велик, как по поводу некоторых других ученых. Если вы хотите почитать научную и хорошо обоснованную работу автора, по-настоящему восхищавшегося физиократами, прочтите работу «Economics of Physiocracy» («Экономическая теория физиократии») профессора Мика (Meek, 1962). Это первоклассная книга. Когда около года назад профессор Мик умер, история экономической науки понесла большую утрату.

Но обратимся к сути дела. На что были нацелены физиократы прежде всего? Прежде всего (не по значимости,

но по старшинству идеи) они выступали за сельское хозяйство, были против лоббирования интересов обрабатывающей промышленности и остальной политики а-ля Кольбер.

Во-вторых, отношение физиократов к роли правительства в экономической жизни страны в большинстве случаев можно описать как *laissez-faire*. Я должен отметить, что вы должны научиться четко различать *laissez-faire* физиократов и *laissez-faire* шотландских философов (Юма и Адама Смита), идеи которых были куда сложнее. Сейчас я предупредил вас об этом, точку зрения Юма и Адама Смита мы еще рассмотрим.

В-третьих (и эта черта определенно отличает физиократов от Юма и, по моему мнению, от Адама Смита), что, хотя основные предпосылки Юма и Адама Смита можно приблизительно описать как утилитаристские (в широком смысле слова, а не в том, в котором утилитаризм проповедовали Бентам, Джеймс Милль и в некоторой степени Джон Стюарт Милль), философию физиократов утилитаристской назвать нельзя. Их философия опиралась на то, что я считаю довольно упрощенной концепцией естественного права. Говорят, Екатерина Великая как-то спросила выдающегося физиократа Мерсье де Ривьера, что ей сделать, чтобы ее государство стало процветающим и счастливым. Он ответил ей, что надо лишь следовать естественному закону. Когда же она попыталась добиться от него подробностей, разговор стал весьма туманным. Возможно, эта история выдумана, но читая труды физиократов, я не думаю, что почти все они, включая Кенэ, считали, что естественное право — это нечто, что можно уместить на двух каменных табличках. Можно считать естественное право непреложным или же *ignis fatuus*, блуждающим огнем, но все же естественное право не настолько просто. Толкование естественного права — очень непростой вопрос.

Какой же экономический анализ физиократы использовали для подкрепления своих основных философских идей? Первое их явное изобретение — это классификация членов общества, основанная на идее, что производительным трудом является только сельское хозяйство. Впоследствии к производительным отраслям добавилась добывающая промышленность. Все остальные виды труда считались бесплодными. Физиократы не отрицали, что и другие виды

труда весьма полезны, но они придавали огромное значение (аналитическое значение!) этому разделению на производительный и непроизводительный, или бесплодный, труд. Таким образом, к производительным классам общества принадлежали, с одной стороны, работники, а с другой — землевладельцы. Землевладельцы были удостоены определения «производительные», потому что их «изначальные авансы» способствовали тому, чтобы земля приносила плоды. В то время как работники получали заработную плату, которая, как правило, стремилась к прожиточному минимуму, землевладельцы в награду за свой «изначальный аванс» становились получателями чистого продукта. Однако прежде, чем вы заключите, что Кенэ и его друзьям просто было выгодно лоббировать интересы землевладельцев, я хочу, чтобы вы обратили внимание на то, что в результате их анализа землевладельцы были обязаны нести все налоговое бремя, независимо от размера своих земель, а все остальные налоги предлагалось отменить. И это решение было не в пользу землевладельцев.

На основании своей классификации физиократы вывели теорию распределения. Результаты труда производительных классов они рассматривали как годовой поток, и соответственно тому, как этот годовой поток делился на дальнейшие авансы производительным классам и покупку товаров у непроизводительных классов, состояние общества считалось здоровым или нездоровым. По мнению физиократов, было фундаментально важно, чтобы деньги, выплачиваемые бесплодным классам, которые, по определению, обеспечивались за счет чистого продукта производительных классов, не брались из авансов, получаемых земледельцами. Если это происходило, общий продукт уменьшался и в обществе начинался кризис.

Концепция годового потока продукции и ее распределения, здорового или нездорового, развивается в знаменитой Экономической таблице. Мирабо, склонный к преувеличениям, говорил, что изобретение Экономической таблицы можно сравнить с изобретением письменности или денег. Экономическая таблица — весьма загадочная вещь. Если вы захотите ее изучить, оригинальная ее версия была напечатана в книге карманного формата под редакцией профессора Мика и доктора Кучински (Quesnay, 1972). В отношении

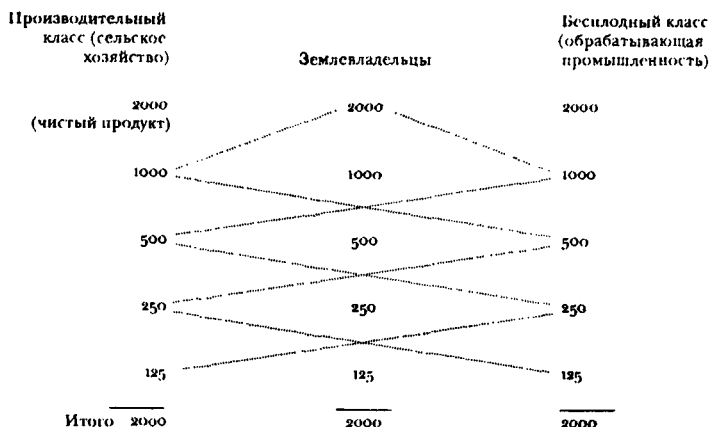

Рис. 1
Таблица Кенэ

истории Экономической таблицы были сделаны разнообразные открытия. В «Economics of Physiocracy» (Meek, 1962) Мика вы найдете весьма сложный и тщательный анализ тех предпосылок, на которых основывалась Экономическая таблица во всех ее сложных формах.

Приблизительный вид таблицы я вам представил (рис. 1). В ней было три колонки: производительный класс рабочих, землевладельцы, получавшие чистый продукт, и бесплодный класс. Землевладельцы тратили значительные средства на авансы в начале обращения потока: тысяча единиц чистого продукта выплачивалась производительным классам и тысяча непроизводительным. Затем непроизводительные классы тратили 500 на продукты производительных классов, а те тратили сколько-то денег на продукты бесплодных классов и т.д. Эта схема символически изображает содержание таблицы, она не отдает должного хитросплетениям мысли Кенэ. Я нарисовал ее на доске только для того, чтобы вы поняли общую природу таблицы.

Итак, первоначальная Экономическая таблица и ее описание изображали статичное состояние дел, в котором чи-

стый продукт распределялся так, чтобы постоянно сохранять годовой поток чистого продукта. В книге «*Philosophie rurale*», которую Кенэ и Мирабо (Mirabeau, 1764) написали в соавторстве, Экономическая таблица развивается, иллюстрируя регрессирующее и прогрессирующее состояния общества. Именно Экономическая таблица навела физиократов на мысль, что все налоги должны вычитаться из чистого продукта. Все промежуточные налоги предлагалось отменить, что было, конечно, чрезмерным упрощением, во всяком случае так считал Вольтер. Вы читали сатиру Вольтера на физиократов «Человек с сорока экю» (Voltaire, 1768; Вольтер, 1938, с. 279–345)¹? Жил-был человек, имевший крошечный клочок земли, который все же приносил ему немного чистого продукта. Он заплатил налоги, посмотрел по сторонам и увидел, как вокруг работают бесплодные производители, которые налогов не платят. Ему показалось, что это довольно странно.

Что же мы имеем в остатке? Во-первых, можно сказать, что разделение общества на производительные и бесплодные классы, а также разграничение продуктов сельского хозяйства и добывающей и обрабатывающей промышленности согласно Экономической таблице, это вопрос семантический. Предположим, что мы понимаем слово «производительный» как производящий еду и минералы, ведь о словах спорят только те, кому нечем заняться. Если мы считаем так, мы продолжаем эту дискуссию. Но физиократы имели в виду нечто большее. По их мнению, только продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности производили излишек. Все остальные виды труда в состоянии равновесия лишь покрывали производственные издержки. Только сельское хозяйство и добывающая промышленность производили нечто новое. Остальные отрасли, хотя и полезные, только перерабатывали новый материал, не добавляя к нему в состоянии равновесия новой ценности.

Однако это, согласно нашему образу мышления, ошибочно. Когда мы дойдем до Адама Смита, вы узнаете, что он отказался от использования термина «производительный» в применении к одному сельскохозяйственному труду, не-

---

1. Название по-французски звучит как *L'homme aux quarante écus*.

смотря на то что некоторые физиократы к производительным отраслям причисляли добывающую промышленность. Смит сохранил разделение на производительный и непроизводительный труд, но его разделение было иным, и я хочу сказать об этом сейчас, хотя мы еще вернемся к разделению Смита, которое и по сей день сохранилось в марксистской экономической теории и которое означает разделение на труд, приводящий к накоплению (производящий капитал), и труд, не приводящий к накоплению. Непроизводительный труд (в высших слоях это труд короля, а в низших труд балетных танцовщиков, если пользоваться красочными примерами Адама Смита) весьма полезен, но он ничего не прибавляет к богатству, то есть не увеличивает капитал. Вот в этом уже есть смысл. Сам я предпочитаю не использовать термин «непроизводительный» в этом значении, но оно куда полезнее для анализа, чем идея физиократов о том, что только сельское хозяйство и добывающая промышленность способны увеличить ценность годового продукта. Однако хватит о терминологии.

Поговорим о достоинствах физиократов. Они действительно изучали экономическую систему как единое целое. Именно поэтому они принадлежат к тем, кто сформировали экономическую теорию как науку об исследовании экономики как системы взаимоотношений. Вплоть до конца XVII века даже сложный анализ, такой как анализ Петти или Локка, был фрагментарным. Физиократы действительно изобрели Экономическую таблицу, хотя и использовали обманчивую терминологию, и действительно осознали экономику как единую систему. Конечно, Кантильон сделал то же раньше физиократов, но книга Кантильона была мало известна. И пусть эссе Кантильона было намного совершеннее трудов физиократов, он не оказал такого большого влияния на развитие экономической науки, в то время как физиократы оставались влиятельными до тех пор, пока их не вытеснила классическая система. Они понимали, что, глядя на систему в целом, можно пробовать гипотезы, которые объясняли бы вариации в отношениях внутри этой системы. Они даже пытались (Кенэ периодически пытался) придать своим рассуждениям некое количественное измерение.

В-третьих, что тоже является плюсом, физиократы осознали, как видно из Экономической таблицы, что система

едина не только в конкретный момент времени, но постоянно. Физиократы сместили фокус экономического анализа с рассмотрения богатства как такового. Состояло ли богатство в золоте и серебре, как думали некоторые простодушные, или же в капитальных активах — с точки зрения физиократов предметом анализа был поток богатства. И эта идея, хотя и не абсолютно новая, также была вкладом в развитие экономического анализа.

Что можно сказать об Экономической таблице? Это очень неоднозначная тема. Мирабо, как я уже говорил, сравнивал появление таблицы с изобретением денег. Адам Смит, который был дружен с Кенэ и одно время даже думал посвятить ему «Богатство народов», считал, что Экономическая таблица основана на ошибке: на неправильном делении общества на классы и неправильном понимании функций классов. В наше время все еще существуют соперничающие друг с другом способы толкования Экономической таблицы, которой в последние сорок лет уделялось больше внимания чем, скажем, через тридцать-сорок лет после ее обнародования.

Попытаюсь резюмировать собственные идеи по этому поводу, но помните, что это непростая тема, и читая тематическую литературу, вы встретите взгляды, отличные от моих. Я не считаю, что Кенэ принадлежит заслуга предвосхищения Вальраса с его системой взаимосвязанных экономических отношений. Экономическая таблица не была стабильной системой. Ее анализ не предполагал существования сил, которые непременно должны приводить систему в стабильное состояние. Физиократы считали, что если выплаты бесплодным классам превысят определенную цифру, в экономике начнутся проблемы, но у них не было, как у Вальраса, понимания связи между относительными ценами и аллокацией ресурсов, с одной стороны, и относительными ценами услуг и капитала, с другой.

Во-вторых, какое отношение имеет Экономическая таблица к Кейнсовой системе? При желании можно сказать, что она рассматривает макроэкономическую проблему — проблему доходов и расходов. Время от времени у физиократов попадаются намеки на неблагоприятные последствия накопления денег населением, но в системе нет мультипликатора, и я думаю, что рассматривать ее как предшественницу теории Кейнса может только большой фантазер.

Если мы посмотрим на посткейнсианскую экономическую мысль, что можно сказать о динамическом анализе в том понимании, в каком вас учат ему ваши преподаватели? Можно сказать, что у физиократов была концепция развития, в том смысле, что в «*Philosophie rurale*» таблицы, показывающие регрессирующее и процветающее общество, имеют динамический аспект. Но они не являются динамикой. На самом деле это сравнительная статика, в них не показана тесная связь между ценами конечных благ и факторных услуг.

Я думаю, что лучшее, что можно сделать с Экономической таблицей, это то, что делали с ней некоторые американские авторы: переписать ее в виде системы Леонтьева. Действительно, если не брать в расчет заголовки в первой строчке и посмотреть на отношения цифр, можно рассматривать таблицу как примитивную систему Леонтьева. Но конечно, система Леонтьева, изобретение XX века, бесполезна для разделения труда на производительный и непроизводительный, поэтому современные таблицы Леонтьева говорят о распределении чистого продукта, что весьма отличается от того распределения, о котором пишут Кенэ и его друзья.

Что касается предположения некоторых авторов о том, что Экономическая таблица была предвестницей теорий недопотребления, надо сказать, что физиократы не возражали против воспроизводства чистого продукта, а также против его увеличения. Они не возражали и против инвестиций в сельское хозяйство, которое привело бы к увеличению чистого продукта. Они придавали огромное значение сельскохозяйственным усовершенствованиям, но время от времени намекали, что возражают против накопления денег населением, и (что отличает их от Мальтуса и его последователей) выступали против расходов на предметы роскоши, если эти расходы делались в ущерб чистому продукту. Так что их сложно считать предшественниками как версии теории недопотребления Мальтуса, которая является скорее теорией избыточного инвестирования, так и более современной версии этой теории, в которой в том или ином смысле задействован процесс, который в широком смысле можно рассматривать как накопление Робертса.

Следующие пятнадцать минут я хочу посвятить человеку, который имеет отношение к физиократам, но при этом,

по моему, его рассуждения куда более конгениальны современной экономической теории, чем рассуждения физиократов. При всем уважении к Кенэ и его полным энтузиазма последователям, читая «Размышления о создании и распределении богатства» Тюрго (Turgot, 1770; Тюрго, 1961, с. 94–158) (эту книгу нетрудно достать, ее перевел и снабдил предисловием профессор Мик), нельзя не почувствовать, что он говорит на куда более понятном нам языке, чем физиократы. Его намного проще читать. Я нахожу Кенэ невыносимо сложным. Чтобы читать Кенэ, надо обмотать голову полотенцем, а адаптированные версии недостаточно хороши. Рано или поздно вам придется разобраться с Экономической таблицей.

Итак, Тюрго был дружен с физиократами, и его «Размышления о создании и распределении богатства» впервые были опубликованы Дюпоном де Немуром в журнале физиократов «*Ephemerides du Citoyen*» за 1769–1770 годы. Эта работа написана в форме замечаний для дискуссии об экономической системе в соавторстве с двумя молодыми китайскими учеными, якобы посетившими Францию.

Я очень быстро пробежусь по разным частям этой книги, которую рекомендую прочесть всем вдумчивым студентам. Прочесть ее можно за час с четвертью. Первая ее часть отдает физиократией. В ней говорится о земле, неравномерности ее распределения и значении крестьянина. В восьмой главе этой предполагаемой беседы с Ко и Яном вы можете найти «первое разделение общества на два класса: один — производительный, или [класс] земледельцев, другой — содержимый, или [класс] ремесленников» (Тюрго, 1961, с. 99). Далее Тюрго обсуждает разные аспекты неравенства и отношения между двумя классами. Он различает землепашца и собственника земли и пишет о разделении продукта между ними. На этой стадии он пишет о чистом продукте в терминах физиократов. Далее он отмечает черты, роднящие земледельцев с ремесленниками, и рассуждает о различиях между ними.

Однако главное достижение этой книги в более поздней ее части — той, где Тюрго отказывается от своих физиократических идей. В переводе профессора Мика это 134 страница, где говорится «о капиталах вообще и о доходах с денег». «Существует и другой способ, о котором я еще не говорил,

быть богатым, не трудясь и не обладая землями, — пишет Тюрго. — Необходимо объяснить происхождение этого способа и его связь с остальной частью системы распределения богатств в обществе, очерк которого я только что дал» (Turgot, 1770, pp. 134–135; Тюрго, 1961, с. 110). Затем он отклоняется от этой темы ради монетарной теории, потому что хочет должным образом подойти к вопросу капитала, и обсуждает «употребление золота и серебра в торговле». Он обсуждает «происхождение торговли» и «принципы оценки вещей». Затем, разобравшись с ценностью, он переходит к на удивление современно звучащему абзацу, где говорится: «...каждый из них может служить общей мерой, или шкалой, к которой приводятся ценности всех других [товаров]» (ibid., p. 137; там же, с. 113).

Далее Тюрго переходит к обсуждению того, какой могла бы быть идеальная валюта, и подчеркивает, что «не всякий товар представляет равно удобный масштаб ценностей. Пришлось предпочесть употребление тех, которые, не различаясь значительно по качеству, имеют ценность, зависящую главным образом от числа и количества». Подробно рассмотрев этот вопрос, Тюрго возвращается к золоту и серебру, а также их аналогам, которые достаточно хорошо известны. Но покончив со своими поистине оригинально сформулированными рассуждениями о деньгах, он возвращается к вопросу денег в экономической системе и их функции, чтобы сказать, что их употребление «сильно облегчило разделение разных работ между разными членами общества» (ibid., p. 145; там же, с. 121).

Далее Тюрго пишет о «запасе годичных продуктов, накопленных для образования капитала» (ibid.; там же), и переходит к обсуждению того, что «движимые богатства составляют необходимое предварительное условие всех прибыльных работ». Это предложение на странице 146 (там же, с. 122) является ответом на вопрос 51. Вопрос же 52 касается «необходимости предварительных затрат на обработку земли», без которых нельзя достичь чистого продукта. Тюрго обсуждает разные типы сельскохозяйственного капитала (домашний скот, рабы) и переходит к «оценке земель по отношению дохода к сумме движимых богатств», пропорции, которую он называет количеством лет, необходимым для того, чтобы участок окупил свою цену. А затем на 150-й странице он пи-

шет, что «всякий капитал в деньгах, или любая сумма какой-либо ценности, равен ценности земли, производящей доход, равный определенной доле этой суммы» (там же, с. 126).

Так что первым способом применения капитала может быть покупка земельного владения. Но другим способом применения капитала Тюрго называет авансы, необходимые для работы обрабатывающей промышленности и промышленных предприятий. Он поясняет природу этих авансов: «Дающий работу доставлял сам материал и выплачивал заработок работнику поденно». Тут он вводит дополнительное разделение общества, что странно, если принять во внимание то, что он пишет в начале книги под влиянием физиократов. Он подразделяет «промышленный наемный класс» (Тюрго не использует слова «бесплодный», он говорит «наемный класс») на «предпринимателей-капиталистов» и «простых рабочих». Так же он поступает с классом земледельцев (*ibid.*, р. 155; там же, с. 131). Все они имеют одну общую черту: «Все они покупают для перепродажи... и их торг основывается на авансах, которые должны возвратиться с прибылью, чтобы вновь поступить в дело» (*ibid.*, р. 157; там же, с. 133).

В конце книги Тюрго возвращается к возражениям против убеждений схоластов (осуждения ростовщичества) и критикует толкование, которое ставит процент в зависимость от количества денег в обращении.

Те четверть часа, которые я посвятил Тюрго, просто смехотворны в своей поверхностности и в том, как мало они соответствуют величию этого человека. Но вы можете прочитать «Рассуждения» самостоятельно, а также литературу о Тюрго. Чтобы не отставать от программы, на следующей лекции я расскажу о Давиде Юме. Его биографию я не стану вам пересказывать, потому что вы можете не знать биографии кого угодно, но вам нет оправдания, если вы не знаете биографии Давида Юма, величайшего англоязычного философа.

Лекция 11

Локк и Юм о собственности — Юм о деньгах

СЕГОДНЯ я приступаю к серии лекций, в ходе которых мы обсудим развитие классической экономической теории. Я кратко рассказал вам о становлении систематической экономической науки во Франции силами физиократов и обратил ваше внимание на труды Тюрго, который, по моему мнению, был во многом превосходной личностью. Сегодня мы займемся шотландскими философами.

В прошлый раз я сказал, что не стану рассказывать вам о жизни Давида Юма, героя нашей сегодняшней лекции, потому что вы, как образованные люди, должны быть знакомы с основными фактами его биографии. После занятия мне задали вопрос: где можно ознакомиться с этими фактами? Я был несколько удивлен этим совершенно справедливым вопросом и ответил, что лучшая биография Юма написана Мосснером (Mossner, 1954). Но потом подумал, что книга Мосснера довольно длинна, и тем из вас, над кем нависают экзамены, Мосснер не по зубам. Тогда я порекомендовал всем прочесть короткую автобиографию, которую Юм написал накануне смерти, «Моя жизнь». Она начинается так: «Человеку, который долго говорит о себе, трудно избежать тщеславия; поэтому я буду краток» (Hume, 1776, р. 1; Юм, 1996а, с. 44). И он действительно краток: его автобиография занимает всего восемь страниц.

Изучая творчество Юма, который не разработал собственной системы, хотя и думал о ней, я считаю, что правильно будет начать с его размышлений о собственности, а потом перейти к более аналитическим частям его эссе, в которых поднимаются экономические вопросы. Тогда мы должны вернуться к Локку. Я говорил, что замечания Локка о собственности мы отложим до тех пор, пока не начнем изучать

Юма. Я вновь воспользуюсь четвертым томом издания сочинений Локка, 1794 года издания. Та часть, к которой я хочу привлечь ваше внимание, — это второй из «Двух трактатов о правлении» (Locke, 1690; Локк, 1988, с. 137–405). Это одна из краеугольных работ в политической философии и политологии, великая апология принципов знаменитой бескровной революции 1688 года.

В первом трактате Локк обращается к некоему зануде Филмеру, который приводил всевозможные цитаты из Священного Писания, чтобы опровергнуть точку зрения вигов, к которым принадлежал и Локк. Вам необязательно читать этот трактат, если вы не занимаетесь политологией. Вторая книга трактата о правлении важна для нас, но я не уговариваю вас прочесть ее целиком. Кратко опишу взгляды Локка на собственность. Они изложены в пятой главе второго трактата о правлении. Если я оставляю книгу открытой, я заваляю вас цитатами. Верный своему правилу освежать в памяти темы, о которых собираюсь говорить, сам я перечитал эту главу всего за полчаса и даже меньше, потому что меня постоянно отвлекали мои домашние.

Суть главы на первый взгляд заключается в обосновании института собственности через понятие труда. Бог дал землю всему человечеству, говорит Локк в первом абзаце (Локк, 1988, с. 276). Как же объясняется, что люди владеют отдельными частями этой земли? В ответ на это Локк разработал теорию, которая ближе к концу главы стала похожа на теорию собственности, основанную на труде. Американский индеец, убивший оленя, имеет право на этого оленя (в дни Локка олени в Америке никому не принадлежали) — этот олень бродил по общей земле. Человек, собирающий плоды земли, например желуди, вправе оставить их себе. Но никто не имеет права ни на оленя, ни на желуди, если добывает их ради того, чтобы они испортились. Порча желудей, которых было запасено слишком много, — это общественно нежелательное явление; порча оленины также нежелательна. А как быть с землей? Вначале земли было так много, что нужно было только учесть вклад труда в произведенное благо. Однако тот, кто расчищал землю (Локк писал в конце XVII века, когда было много претендентов на земли Североамериканского континента) от деревьев, по мнению Локка, имел право оставить ее себе.

До этого момента Локк излагает трудовую теорию собственности. Он утверждает, что даже в развитых сообществах девять десятых основных товаров производится путем приложения труда к сырьевым материалам (*ibid.*, p. 361; там же, с. 285). Однако затем он совершенно напрасно привлекает наше внимание к тому, что золото и серебро могут храниться не портясь (*ibid.*, p. 365; там же, с. 290). Таким образом, говорит Локк (сторонник теории общественного договора, величайший из англоязычных авторов, писавших об этом), люди при молчаливом добровольном согласии и социальном договоре пришли к соглашению использовать деньги. Поэтому не может существовать возражений против накопления и использования денег для покупки земли. Мне это объяснение не кажется убедительным, но оно постоянно звучало в политическом дискурсе XVIII века, и вы должны его знать.

Теперь возьмем Юма. Юм развивает свои идеи о собственности в трактате «Исследования о принципах морали» (Hume, 1751; Юм, 1996б, с. 178–314), который сам он считал лучшей из своих книг. Конечно, наиболее знаменит из всего наследия Юма «Трактат о человеческой природе» (Hume, 1739–1740; Юм, 1996а, с. 54–655), именно он позволяет мне называть Юма лучшим англоязычным философом. Сам же Юм был крайне разочарован тем, как восприняли «Трактат» в обществе. Другие его труды были более популярны, в частности «Эссе о человеческом познании» (Hume, 1748; Юм, 1996б, с. 4–144) и весьма длинное «Исследование о принципах морали».

В «Исследовании о принципах морали», в третьем разделе, говорится о справедливости. Пусть вас не смущает, что Юм использует слово «справедливость». Под справедливостью он имеет в виду не наказание преступников. Не нужно думать, что если Юм говорит о справедливости применительно к собственности и договору, он забывает о том, что справедливость также означает преследование преступников по закону. И все же он использует слово «справедливость», и глава начинается так: «То, что справедливость полезна для общества и что, следовательно, по меньшей мере, часть ее достоинства должна проистекать из этого соображения, было бы излишне доказывать» (Hume, 1751, p. 179; Юм, 1996б, с. 189). Далее он говорит:

То же, что общественная полезность есть единственный источник справедливости и что соображения о полезных следствиях этой добродетели являются единственным основанием ее достоинства, — суждение, более любопытное и важное, в большей мере заслуживает нашего исследования и изучения (*ibid.*; там же).

Кто читал «Исследование о принципах морали»? Никто? В таком случае цитаты из Юма будут для вас интеллектуальным наслаждением.

Юм развивает свой аргумент при помощи нескольких моделей. При этом он не называет их моделями в том претенциозном смысле, в котором мы, используя экономический жаргон, часто называем моделями совершенные банальности. Из первой модели Юма исключен дефицит:

Допустим, что природа предоставила человеческому роду такое изобилие всех внешних удобств, что каждый индивид без неуверенности относительно последствий, заботы или усердия с нашей стороны находит себя полностью обеспеченным всем тем, что его самые алчные влечения только смогли бы потребовать, а его буйное воображение пожелать или захотеть (*wish or desire*). Допустим, его естественная красота превосходит всякие искусственные украшения. Постоянная мягкость времен года делает ненужными все одежды и покровы, дикие травы доставляют ему самые изысканные блюда, а чистый источник — вкуснейший напиток. Нет нужды в утомительных занятиях, обработке земли, мореплавании. Музыка, поэзия и размышления составляют его единственное занятие; беседы, веселье и дружба являются его единственными забавами (*ibid.*, 179–180; там же, с. 189–190).

Юм продолжает:

Очевидно, что при таком счастливом сочетании процветала и десятикратно умножалась бы всякая иная социальная добродетель, кроме осмотрительной, ревливой добродетели справедливости, о которой нечего было бы и мечтать. Какую цель преследовало бы разделение благ, если у каждого уже было бы более чем достаточно? Для чего вводить собственность там, где невозможна несправедливость? Зачем называть этот предмет моим, когда, если им завладевает кто-нибудь другой, мне стоит лишь протянуть руку, чтобы самому овладеть равноценным предметом? Справедливость в этом случае, будучи совершенно бесполезной, была бы пустой

формальностью и никогда не заняла бы места в перечне добродетелей (*ibid.*, p. 180; там же).

Он утверждает, что среди благ, от которых зависит человеческая жизнь, есть необходимые для жизни; они в избытке и они не считаются собственностью отдельных людей: воздух, например, или вода. Такие блага «не выступают в качестве собственности индивидов, и никто, самым интенсивным образом потребляя и используя эти блага, не может совершить несправедливость» (*ibid.*; там же). Юм оговаривается, что в случае воды из этого правила бывают исключения. Это модель номер один.

Далее следует модель номер два. Адам Смит говорил об оксфордских профессорах, что они давно «отказались от видимости преподавания» (Smith, 1776, 2:251; Смит, 2007, с. 707), но иногда, чтобы сохранить остатки самоуважения, читают вслух скучные книги. Надеюсь, я не читаю вам вслух скучные книги. Я не пересказываю тексты своими словами только потому, что оригинальные цитаты кажутся мне куда живее тех слов, которыми я мог бы рассказать о них.

Предположим далее, что хотя нужда человеческого рода должна быть такой же, как и в настоящее время

(т. е. нам нужна пища, одежда, жилье и пр.),

однако дух его настолько возвысился и так преисполнился дружелюбием и великодушием, что каждый человек испытывает величайшую нежность к другому и заботится о собственных интересах не больше, чем об интересах своих друзей. Очевидно, что в этом случае применение справедливости было бы приостановлено в силу столь широко простирающейся благожелательности, при которой вопрос о границах и пределах собственности и обязанностей даже не приходил бы на ум. Зачем должен я связывать другого письменным обязательством или устным обещанием делать мне добро, когда знаю, что сильнейшая склонность уже побуждает его искать моего счастья и он сам осуществит желаемую услугу. В тех же случаях, когда вред, который он наносит себе, больше выгоды, достаемой мне, он знает, что благодаря моему врожденному человеколюбию и дружелюбию я должен первым восстать против его опрометчивого великодушия (*ibid.*, p. 180–181; там же, с. 191).

(Прекрасно и тонко сказано!)

Зачем ставить межевые знаки между полем соседа и моим, когда мое сердце не проводит различия между нашими интересами, а разделяет все его радости и печали с той же самой силой и живостью, как если бы они были моими собственными? (ibid., p. 181; там же).

Он продолжает в том же духе:

При нынешних склонностях человеческого сердца было бы, может быть, трудно найти совершенные примеры столь широко простирающихся аффектов (ibid.; там же).

А затем он говорит, что в случае семей мы подходим довольно близко к этому примеру. Очевидно, семья самого Юма была весьма дружной. Он пишет:

Чем сильнее взаимная благожелательность индивидов, тем больше она приближается к таким аффектам, до тех пор пока среди этих индивидов не окажутся уничтожены все различия в собственности (ibid.; там же).

И опять же, хотя сам Юм не был женат, он весьма благожелательно смотрит на брак, эту многообразную область человеческой жизни, и пишет:

Законы предполагают, что узы дружбы между супругами столь сильны

(здесь он все же допускает небольшую оговорку),

что исключают всякое разделение имущества, и, действительно, они часто обладают приписываемой им силой (ibid.; там же).

Юм не ставит семейным узам и браку высшую оценку, но говорит, что в семьях, не считая самых эксцентричных случаев, случаются длительные периоды, когда люди пользуются вещами сообща. Это очевидно. В счастливых браках не бывает споров об имуществе, хотя понадобилось принять Закон об имуществе замужних женщин, продукт размышлений экономиста (Джона Стюарта Милля), чтобы популяризовать такое положение дел. Конец модели номер два.

Модель номер три является обратным случаем: «Доведя каждое явление до его противоположности, давайте рассмотрим, что было бы следствием этих новых ситуаций» (*ibid.*, p. 181–182; там же, с. 192).

Предположим, что общество испытывает такую нужду в удовлетворении всех своих обычных потребностей, что чрезвычайная бережливость и трудолюбие не могут спасти значительное количество людей от гибели, а все общество в целом — от крайней нищеты. Тогда легко допустить, что при таком затруднительном положении приостанавливается действие строгих законов справедливости, которые уступают место более сильным мотивам нужды и самосохранения. Если бы осажденный город погибал от голода, могли бы мы вообразить, что люди будут видеть какие-то средства спасения и терять жизнь из-за скрупулезного соблюдения того, что при других обстоятельствах составляло бы правила справедливости? (*ibid.*, p. 182; там же).

(Я пропущу кусок текста.)

Государство (*public*) и при менее безотлагательной нужде открывает амбары без согласия их хозяев, так как правильно полагает, что компетенция гражданских властей, согласуясь со справедливостью, может простирается настолько далеко. Но если бы некоторое число людей собралось, даже не будучи уполномочено законами или властями (и стало так поступать), разве рассматривалось бы равное распределение хлеба во время голода, пусть и посредством силы и даже насилия, как преступное и несправедливое? (*ibid.*; там же).

Конец модели номер три. Я зачитаю еще несколько абзацев:

Таким образом, правила воздаяния по заслугам, или справедливости (*equity or justice*), всецело зависят от частных положений и условий, в которых находятся люди, и обязаны своим происхождением и существованием той полезности, которая проистекает для народа от их строгого и неуклонного соблюдения. Внесите изменение в условия существования людей, изменив какие-нибудь значительные обстоятельства. Создайте чрезмерное изобилие или чрезвычайную бедность, вселите в человеческие души сугубую умеренность и человеколюбие или крайнюю жадность и злобу, и, сделав справедливость совершенно бесполезной, вы полностью уничтожите ее сущность и лишите ее обязательной силы по отношению к человечеству (*ibid.*, p. 183; там же, с. 194).

Однако:

Обычное состояние общества находится посреди всех этих крайностей. Мы, как правило, равнодушны к себе и нашим друзьям, но способны постигнуть преимущества, вытекающие из более справедливого поведения. Немного наслаждений дарует нам открытая и щедрая рука природы, но посредством искусства, труда и прилежания мы можем извлекать их в большем изобилии. В результате этого-то идеи собственности необходимы во всяком цивилизованном обществе, отсюда проистекает польза справедливости обществу (*public*), и только отсюда возникают ее ценность и ее нравственная обязательность (*ibid.*; там же).

На следующих страницах Юм отстаивает свое убеждение, что имущество в большинстве случаев будет сохранено лучше, если собственники или небольшие группы собственников будут напрямую заинтересованы в этой сохранности. Когда у людей нет прямого интереса сохранять имущество, они склонны относиться к ней более беспечно.

Далее Юм спорит (рекомендую всем вам этот отрывок на будущее, сейчас мы не будем на нем задержаться) с теми, кто считает, что людям присущи природные инстинкты собственности и правила поведения относительно собственности (Юм против идеи естественного закона в этом значении). «Посмотрите на общество вокруг себя. Посмотрите, как законы о собственности различаются в разных обществах». Действительно, понадобится сотня инстинктов, чтобы объяснить сотню вариаций в законодательстве о собственности, если вы, как многие философы, решите руководствоваться неким изначальным природным инстинктом. Затем Юм рассуждает о том, что законы о собственности подвержены изменениям вследствие эволюции, вследствие изменений в понимании общественной полезности. Обо всем этом он пишет превосходной прозой и куда подробнее, чем я могу рассказать вам, если хочу уложиться в оставшиеся двадцать минут сегодняшней лекции.

Вклад Юма в аналитическую экономическую науку, а не в основы политической экономии, вы найдете в его работах, написанных в зрелом возрасте. «Трактат» был написан им в очень юном возрасте; Юм был невероятно одаренным молодым человеком. Далее я буду цитировать текст «Эссе о морали, политике и литературе», под редакций Грина и Гроуза

(Hume, 1907). Кажется, в печати еще есть собрание экономических трактатов Юма, не те отрывки из «Принципов морали», о которых мы говорили до сих пор, но три эссе о деньгах, проценте и платежном балансе, а также прочие трактаты о государственном кредите и т. д. Это американское издание под редакцией Ротвейна (Hume, 1955). Он же написал длинное эссе о психологическом подходе Юма, но его нужно читать только тем, у кого много свободного времени. Вам необходимо прочитать трактаты о деньгах, проценте и платежном балансе, потому что это основополагающие работы по данным вопросам. В некоторых смыслах они превосходят предположения Адама Смита и большую часть мимолетных комментариев классических экономистов XIX века, за исключением незабвенного Торнтона, чей трактат «Paper Credit» (Thornton, 1802) был написан, так сказать, несвоевременно.

Не теряя времени, кратко перескажу вам основные гипотезы Юма о деньгах, проценте и платежном балансе. Эссе о деньгах начинается словами: «Деньги не составляют предмета торговли в собственном смысле слова; они — только орудие, которое люди, по общему соглашению, употребляют, чтобы облегчить обмен одного товара на другой. Это не одно из колес торговли, а масло, благодаря которому движение колес становится более плавным и свободным». Далее следует статичное предположение: «Рассматривая некое государство, мы заметим, что большее или меньшее количество денег, находящихся в нем, не имеет никакого значения, потому что цена товаров всегда пропорциональна количеству денег».

Я не считаю Юма примитивным монетаристом только потому, что он начинает свою аргументацию подобным образом. Обойду молчанием и тот факт, что совсем незадолго до начала эссе о деньгах в эссе о платежном балансе Юм пишет, что знает, как банковский кредит усложняет понимание человека о разных типах денег.

Пропущу некоторые наблюдения общего и исторического характера. После своего статического наблюдения о том, что количество денег находится в равновесии (я использую терминологию XX века), Юм говорит:

Скиф Анахарсис, который на своей родине никогда не видел денег, остроумно заметил, что, по его мнению, золото и се-

ребро не приносят грекам никакой пользы, разве только, что облегчают им счет и исчисление. В самом деле, очевидно, что деньги есть не что иное, как представители труда и товаров, и что они являются только средством вычисления и оценки последних. Так как при изобилии денег требуется большее количество их для представления того же количества товаров, для нации, взятой в ней самой, это изобилие не может быть ни полезно, ни вредно, — все равно как

(если вы записываете, запишите это обязательно)

ничего не изменилось бы в торговых книгах, если бы вместо арабских цифр, которые требуют небольшого числа знаков, стали употреблять римские. Мало того, изобилие денег, подобно римским цифрам, стеснительно и неудобно, так как затрудняет перевозку и хранение денег (Hume, 1907, 1:312–13; Юм, 2012, с. 24).

Если вы считаете слово «монетаризм» ругательным, обратите внимание на следующее предложение:

Но несмотря на этот вывод, правильность которого невозможно отрицать, со времени открытия американских рудников промышленность развилась у всех народов Европы, исключая самих владельцев этих рудников, что с полным правом можно приписать увеличению количества золота и серебра. Легко заметить, что в каждом государстве, куда деньги начинают стекаться обильнее, чем прежде, все принимает новый вид: труд и промышленность оживляются, купец становится предприимчивее, мануфактурист — деятельнее и искуснее, и даже фермер идет за своим плугом с большей охотой и вниманием. Это трудно объяснить (*ibid.*, 1:313; там же, с. 24–25).

Теперь вы видите, что бедный Юм не был простодушным монетаристом, если таковые вообще существуют. Затем следует крайне важный абзац:

Чтобы объяснить это явление, следует заметить, что хотя повышение цены товаров является неизбежным последствием увеличения количества золота и серебра, оно не следует непосредственно за этим увеличением

(весьма сомнительно, что Юм читал рукопись Кантильона, но здесь он рассуждает так же, как последний);

деньги должны известное время циркулировать в стране и дать почувствовать свое значение всем классам общества. В начале не замечается никакой перемены; постепенно цены возрастают сначала в одной отрасли торговли, потом в другой, пока они, наконец, не достигнут точного соответствия с новым количеством скопившейся в стране звонкой монеты (*ibid.*; там же, с. 25).

Мы помним, что Юм не пишет о бумажных деньгах. Этой теме посвящено другое эссе.

По моему мнению, только в этот промежуток между увеличением количества денег и повышением цен увеличение количества золота и серебра благоприятно для промышленности. Когда в страну ввезено известное количество денег, они сначала не распределены между большим числом рук, а помещаются в кассах немногих лиц, которые тотчас стараются употребить их выгодным образом. Предположим, что несколько фабрикантов или купцов в обмен на товары, вывезенные ими в Кадис, получили золото и серебро. Это даст им возможность употреблять больше рабочих, чем прежде

(Юм даже не предполагает (как это иногда утверждают о экономистах классической школы) возможности постоянной сверхполной занятости),

и этим рабочим не приходит в голову требовать более высокой платы — они довольны уже тем, что получают такое хорошее вознаграждение. Если рабочих недостаточно, фабрикант повышает плату, но вначале требует и большего количества труда, и рабочий охотно соглашается на это

(помните, это написано в XVIII веке!),

имея возможность ценою увеличения своего труда и усталости улучшить свое питание. Он несет свой заработок на рынок, где получает все товары по прежним ценам, и приносит своей семье больше припасов лучшего качества. Фермер и садовник, видя, что все их товары раскупаются, в свою очередь стараются увеличить свое производство; в то же время они получают возможность покупать у своих поставщиков больше платья и лучшего качества, по той же цене, как и прежде, и под влиянием этой новой выгоды их прилежание еще более возрастает (*ibid.*, 1:313–14; там же, с. 25–26).

Все эти соображения дают нам право сказать

(я пропускаю довольно большие отрывки текста),

что с точки зрения внутреннего благосостояния государства большее или меньшее количество звонкой монеты, обращающейся в стране, не имеет значения. Правильная государственная политика состоит исключительно в том, чтобы по возможности поддерживать непрерывный рост народного капитала

(Юм имеет в виду только золото и серебро, и Адам Смит считал, что он слишком сильно приблизился к меркантилистской системе),

потому что это даст ей средство держать в напряжении трудолюбие населения.

Затем Юм говорит, что

Нация, у которой количество звонкой монеты идет на убыль, в каждую минуту слабее и несчастнее другой нации (*ibid.*, 1:315; там же, с. 27).

И объясняет, как это происходит. В остальной части описаны появление денег в примитивных обществах и рост спроса на деньги по мере того, как полезность использования денег начинает признаваться все большим количеством населения, которое вначале не понимало преимуществ их использования. Юм считает, что в реальности цены не поднялись соразмерно распространению денежной экономики, которое произошло после открытия Вест-Индских островов и Северной Америки Христофором Колумбом и стало причиной существенной инфляции в разных западных странах. Но он считает, что цены не поднялись пропорционально увеличению количества денег, потому что спрос на деньги также возрос и занимать деньги стало все больше населения.

Я не стану поднимать тему процента в трудах Юма, хотя она гораздо короче. Платежный баланс займет некоторое время, но его мы тоже рассмотрим в следующий раз. Надеюсь, что зачитанные мной отрывки не отвратят вас от того, чтобы самостоятельно прочесть эти эссе Юма. Если вы поймете их суть э, считайте, что вы поняли суть значительной части классической экономической теории XIX века.

Лекция 12

Юм о проценте и торговле — предшественники Адама Смита

СЕГОДНЯ мы продолжим изучать Юма. Его работы так интересны, что вчера я потерял счет времени. Не стану повторяться, перейдем сразу к тому, что он говорил о проценте.

Хотя Юм не упоминает монетарное толкование теории процента Джона Локка, он критикует те идеи, которые некоторые люди приписывали Локку: идею о том, что на норму процента влияет количество денег, — фактически это чисто монетарная теория процента. Некоторые люди весьма несправедливо возмущались «Общей теорией» Кейнса, потому что ошибочно решили, что Кейнс предлагает их вниманию чисто монетарную теорию процента. Кейнс отчасти сам виноват в этом, потому что постоянно утверждает о предпочтении ликвидности и о количестве денег. У Кейнса вся загвоздка в том, что он всегда переводит количество денег в единицы заработной платы, исключая любое влияние на цены... Прав он или нет — это тема для другой лекции, и весьма непростая.

Однако вернемся к Юму, который говорит, что количество денег, не сведенное к единицам заработной платы, влияет на норму процента.

Если бы в Англии сразу исчезло все золото и каждую гинею заменили 21 шиллингом, увеличилось ли бы количество находящейся в обращении звонкой монеты или уменьшился ли бы размер процента? Конечно, нет; мы только стали бы употреблять серебро вместо золота. Если бы золото сделалось таким же обычным металлом, как серебро, и серебро, как медь, увеличилось ли бы количество денег или уменьшился ли бы размер процента? На этот вопрос можно с уверенностью дать тот же ответ. Тогда шиллинги были бы желтого цвета, а полу-

пенсы белого, не было бы гиней. Другой разницы не найти; если не придавать значения цвету металла, ничто не изменилось бы ни в торговле, ни в мануфактурах, ни в мореплавании, ни в таксе процентов.

То же, что наблюдается при крупных колебаниях количества драгоценных металлов, должно происходить при всех мелких переменах. Если увеличение количества золота и серебра в пятнадцать раз остается без всяких последствий, тем меньше изменений может произвести его увеличение в два-три раза. Единственным результатом всякого увеличения является повышение цены труда и товаров, да и эта перемена кажется больше имени (Hume, 1907, 1:321; Юм, 2012, с. 36–37).

В сущности, Юм говорит то, что мы сегодня можем сказать в ответ на жесткую монетарную теорию процента: увеличение количества денег влияет на цену дохода и капитальных благ, а процент является по сути соотношением между доходом и капитальными благами и в статичных условиях должен остаться неизменным. Обратите внимание, что я говорю «в статичных условиях» — как только условия меняются, сложностей становится гораздо больше.

Юм рассуждает о фиктивной стоимости денег, а затем переходит к изложению собственной теории процента, которая гласит, что «высокая норма процента обуславливается тремя причинами», а низкая — противоположными условиями. Три причины высокой нормы процента по Юму таковы: большой спрос на ссуды (потребительские займы), недостаток богатств для удовлетворения этого спроса и большая прибыльность торговли. «Все эти причины тесно связаны между собою и обуславливаются расширением торговли и промышленности, а не увеличением количества золота и серебра». Юм развивает аргументацию так: «Предположим, что в одну ночь в карман каждого гражданина Великобритании каким-нибудь чудом опущено по пяти фунтов стерлингов; это более чем удвоило бы количество денег, которое в настоящее время обращается в государстве. Между тем ни на другой день, ни в последующие дни число заимодавцев не увеличится и норма процента не изменится».

Это все, что я должен рассказать о теории процента Юма, хотя его эссе о проценте должны прочесть все. Я только добавлю, что, несмотря на всю мою любовь к Юму, его эссе о проценте меня разочаровало, в отличие от эссе о деньгах

и платежном балансе, о которых я расскажу далее. В эссе о проценте Юм не обсуждает влияние изменений, которое является одним из обязательных факторов при толковании структуры нормы процента в современных условиях. В некотором смысле прекрасная логика эссе о проценте отвлекла внимание многих классических экономистов XIX века от монетарных сложностей и заставила их сфокусировать внимание на реальных факторах, влияющих на норму процента (в нашей терминологии это предельная эффективность инвестиций и норма временных предпочтений; все это есть в книге Фишера о теории процента). Но даже с теми ограничениями, которые я озвучил в отношении жестких интерпретаций Кейнса, я думаю, то значение, которое Кейнс придавал этим факторам, можно рассматривать как некую реакцию на некоторые примитивные утверждения, звучавшие в XIX веке, о том, что ставка процента определяется только реальными факторами. Но это к слову.

Третье эссе, «О торговом балансе»¹, — самое интересное и оригинальное. Оно открывается замечанием о том, что

...нации, не знакомые с природой торговли, обыкновенно воспрещают вывоз товаров и стараются сохранить для себя все то, что они считают полезным и ценным. Они не замечают, что, поступая таким образом, делают противное тому, чего добиваются, и чем больше вывозят какой-то товар, тем значительнее становится его производство, причем он раньше всего предлагается им же самим (*ibid.*, 1:330–331; там же, с. 53).

Затем Юм переходит к «такому же завистливому страху в вопросе об (экспорте) денег», который «господствует» в некоторых странах — о меркантильной системе, как называл ее Адам Смит.

Далее он пишет обо «всех вычислениях, касающихся торгового баланса, основанных на крайне ненадежных фактах и предположениях», и высмеивает некоего Джошуа Ги, автора книги о состоянии государства. Сочинения Ги (иронизирует Юм)

---

1. Роббинс, вероятно, называет это эссе третьим, потому что это третье из экономических эссе Юма, которые он освещает в своей лекции. Однако в издании Грина и Гроуза это эссе приведено под номером пять.

вызвали у нас всеобщую панику, так как по его наблюдениям, подтвержденным множеством частных справок, сумма убытка нации в торговом балансе оказывалась настолько значительной, что по прошествии пяти или шести лет у нас не должно было бы остаться ни одного шиллинга. Между тем с тех пор прошло двадцать лет, мы перенесли дорого стоившую войну, и тем не менее можно, к счастью, с уверенностью сказать, что денег у нас теперь гораздо больше, чем в какой бы то ни было предшествовавший период.

Одним словом это представление о дурном состоянии торгового баланса имеет, кажется, то свойство, что оно возникает у всех, кто не ладит с министерством или вообще находится в дурном настроении, и так как его невозможно опровергнуть подробным перечислением всех видов вывоза, уравнивающих ввоз, то здесь будет уместно установить общее положение, которое покажет, что пока нация сохраняет свое население и свою промышленную деятельность, ей нечего бояться потери своего богатства (*ibid.*, 1:332; там же, с. 55–56).

Затем Юм доказывает невозможность дурного состояния торгового баланса в условиях, когда все платежи, как при внутренней, так и при внешней торговле, являются платежами в золоте и серебре. Вексельный кредит он не рассматривает, оставляя эту тему на потом.

Однако его теория потока металлических денег, в которой говорится о самокорректирующейся природе платежного баланса, крайне оригинальна и заслуживает того, чтобы иметь ее в виду всегда, когда вы думаете о платежном балансе и связанными с ним вопросами. Юм пишет: «Предположим, что в одну ночь исчезли четыре пятых всех денег Великобритании и нация, с точки зрения денег, очутилась в таком же положении, в каком она находилась во времена Генрихов и Эдуардов». Какая нация будет в состоянии конкурировать с нами, если считать, что цены товаров и услуг вследствие этого изъятия были снижены? Наш экспорт станет процветать, объем импорта уменьшится, и в страну потечет денежный поток, который будет наполнять ее до тех пор, пока Англия не окажется в тех же отношениях с другими странами, что и раньше.

Или (этот аргумент Юму очень нравится — он повторяет его несколько раз, взяв обратные условия)

Предположим, напротив, что в течение одной ночи количество денег в Великобритании упытерится; не произойдут ли отсюда противоположные последствия? Не поднимутся ли цены на труд и товары до такой высоты, что ни одна из соседних наций не будет в состоянии покупать у нас что-либо, между тем как, наоборот, их товары сделаются сравнительно настолько дешевыми, что, несмотря на всевозможные запретительные законы, они наводнят наш рынок и наши деньги будут уходить из страны, пока мы не сравнимся с соседями.

Далее следует знаменитый отрывок:

Что поддерживает баланс между различными провинциями одного и того же королевства (Великобритании), как не действие этого принципа, который не позволяет деньгам уклоняться от их естественного уровня, подниматься выше их пропорции с трудом и товарами, находящимися в каждой провинции, или падать ниже этой пропорции?

И Юм вновь иронизирует:

Если бы долгий опыт не успокаивал людей в этом отношении — к каким печальным выводам должен был бы прийти какой-нибудь преданный меланхолии житель Йоркшира, высчитав и сложив суммы, которые Лондон извлекает из его графства в виде податей, налогов на приезжих и на товары, и заметив, что соответствующий доход его графства несравненно ниже? (*ibid.*, 1:335; там же, с. 58–59).

«Без сомнения, — пишет Юм, — если бы Англия все еще состояла из семи королевств» (союз семи королевств, для тех, кто приехал из других стран, существовал более тысячи лет назад, когда Великобритания делилась на семь частей, причем каждой из них правил свой монарх)

Если бы Англия все еще состояла из семи королевств, то правительство каждого из них, без сомнения, находилось бы в постоянной тревоге вследствие невыгодности баланса; и так как взаимная ненависть этих государств, при их близком соседстве, была бы, вероятно, очень сильна, то они совершенно затормозили бы всякую торговлю своей завистливой и бесполезной осторожностью (*ibid.*; там же).

Вот оно. При условии, что бумажные заменители металлических денег свободно конвертируемы, а банки обязаны

сохранять часть выручки, чтобы обеспечить их конвертируемость, а также в случае отсутствия прочих сложностей, связанных с нормой валютных резервов других стран, анализ потока металлических денег Юма до сих пор хорош. Он объясняет сравнительное состояние равновесия, в котором находились многие страны мира в разные периоды XIX века.

Однако прежде чем вы скажете, что Юм не был чистым монетаристом в вопросах национальных условий (вспомним эссе о деньгах), но был чистым монетаристом в отношении международных денежных отношений, читайте дальше:

Единственный способ, которым может быть достигнуто понижение количества денег ниже естественного уровня

(речь идет о международных сделках),

состоит, насколько мне известно, в учреждении банков, фондов и бумажного кредита, столь распространенных в нашей стране. Благодаря этим средствам бумажные деньги уравниваются в цене со звонкой монетой, распространяются по всему государству и, вытесняя из обращения золото и серебро, соответственно повышают цены труда и товаров; в результате из страны уходит большое количество драгоценных металлов или, по крайней мере, их наличное количество перестает увеличиваться. Можно ли обнаруживать большую близорукость, чем обнаруживаем мы в своих рассуждениях по этому вопросу? Так как отдельный гражданин стал бы гораздо богаче, если бы его денежный капитал увеличился вдвое, то мы думаем, что такие же счастливые последствия повлечет за собою увеличение капитала всех граждан, и при этом забываем, что подобная перемена приведет и к соответственному повышению цен, так что с течением времени между деньгами и ценами восстановится то же отношение, какое существовало раньше (ibid., 1:337; там же, с. 62).

Далее Юм продолжает распространяться о следствиях неразумного использования бумажных денег, которое, как он говорит, является лучшим способом вывести из страны все запасы ценных металлов. Однако я слишком долго рассказываю вам о своем любимом философе XVIII века, а нам пора двигаться дальше.

В оставшиеся полчаса я хочу начать изучение «Богатства народов» Адама Смита. Эту тему мы будем проходить подробнее, чем предыдущие.

Позвольте сказать несколько слов о самостоятельном чтении, поскольку я знаю, как трудно у многих из вас со временем. Вы должны целиком прочесть первую часть «Богатства народов». Вы должны прочесть также вторую часть. В первой части можете пропустить отступление о серебре, а также некоторые отрывки о ренте. Вторая часть относительно невелика и должна быть прочитана целиком, не считая того раздела ближе к концу, где Смит подробно рассказывает об истории банковского дела. В третьей части изложены исторические взгляды Смита, поэтому она заслуживает прочтения. В четвертой части говорится о системах политической экономии, преимущественно о меркантилистской системе. Когда мы дойдем до этой части, я перечислю главы, обязательные для прочтения. Пятая часть посвящается функциям правительства, и, если у вас мало времени, необязательно читать ее целиком. Однако если вы серьезные студенты экономического факультета, вам необходимо прочесть хотя бы какую-то часть «Богатства народов», а от аспирантов требуется еще больше.

А теперь я хочу кратко поговорить о трех авторах: МанDEVИЛЕ, Стюарте и Хатчесоне.

Бернар МанDEVИЛЬ крайне важен для нас. Он был голландцем по происхождению, врачом, перебравшимся в Англию ближе к концу XVII века, дата точно не известна. Он открыл медицинскую практику в Лондоне и в 1705 году создал себе скандальную репутацию среди моральных философов. По скандальности с МанDEVИЛЕМ может сравниться только Макиавелли со своими рекомендациями о том, как сохранить порядок в государстве, победить врагов и т. д.

Книга, изданная МанDEVИЛЕМ в 1705 году, называлась «Возроптавший улей, или мошенники, ставшие честными». Это был шестипенсовый рифмованный памфлет, в котором МанDEVИЛЬ утверждал, что в обществе сохраняется порядок, некое разделение труда и рабочая занятость при помощи, скорее, людских пороков, а не добродетелей. Слово «пороки» МанDEVИЛЬ использовал в очень необычном смысле. У него оно означало нормальные желания среднестатистического человека из плоти и крови, мужчины или женщины. Все, что не укладывалось в рамки строгого аскетизма,

он (иронически, разумеется) объявлял порочным. Это терминологическое отступление необходимо, чтобы вы поняли то, что я буду говорить дальше.

Я собираюсь зачитать вам отрывок из памфлета Мандевилля. Возроптавший улей, процветавший, пока он был полон пороков, — это аллегория человеческого общества. «Улей» был переиздан в первом томе «Богатства народов» Кэнна (Smith, 1776), который до сих пор можно купить относительно недорого. В введении Кэннан цитирует следующий важный отрывок:

Даже самый худший из всей массы (пчел)
 Всегда предпринимал что-нибудь для общего блага.
 Посредством искусного управления в улье сохранялось
 единство;
 Хотя каждая из его частей и выражала недовольство,
 Он, как музыкальная гармония, звучал согласен.
 Прямо противоположные стороны
 Помогали друг другу как бы против своей воли,
 И воздержание вместе с трезвостью
 Служили пьянству и обжорству.
 Корень зла — алчность,
 Этот отвратительный и гибельный порок,
 Была рабом расточительности,
 Этого благородного греха;
 Роскошь давала работу миллиону бедняков,
 А непомерная гордость — еще миллиону.
 Зависть и тщеславие были слугами трудолюбия;
 Самый любимый каприз (обитателей улья) —
 Непостоянство в еде, мебели и одежде,
 Этот странный, нелепый обычай,
 Превратился в двигатель торговли.

(он имел в виду дамские моды)

Их законы и моды в равной мере были подвержены
 изменениям,
 Ибо то, что когда-то считалось хорошим,
 Через полгода становилось дурным,
 И, когда они таким образом изменяли свои порядки,
 Находя и исправляя ошибки,
 То своим непостоянством они в то же время
 Устраняли недостатки, которые не могло предвидеть само
 благоразумие.
 Так порок воспитывал изобретательность,

(слово «порок» здесь употребляется в том самом необычном смысле),

Которая в сочетании с трудолюбием с течением времени
Подняла жизненные удобства,
Истинные наслаждения, комфорт, покой
На такую высоту, что даже бедняки
Зажили лучше, чем иные богачи,
И этим сказано все (Мандевиль, 1974, с. 57).

Затем пчелы роптали, пока Юпитер в гневе не пообещал освободить улей от мошенничества, и улей не стал добродетельным в понимании этого слова Мандевилем. Пчелы отказались от непостоянства в еде и одежде, зажили просто и строго, и моментально их экономическая система рассыпалась на кусочки — случилась массовая безработица и т. д.

В 1714 году Мандевиль переиздал свой памфлет, сопроводив его прекрасной прозой. Ни один автор XVIII века, даже самый знаменитый, не писал на таком красивом и убедительном английском, как Мандевиль. Обновленный памфлет вышел под названием «Басня о пчелах, или пороки частных лиц — блага для общества». Мандевиль продолжал работу над этим произведением (последнее издание вышло в 1729 году), пока оно не разрослось до размера двух толстых томов, причем во втором содержался очень длинный и крайне занимательный диалог в Платоновой манере. Должен вам сказать, что это очень интересное чтение на ночь.

Книга была очевидно задумана для того, чтобы шокировать. В этом нет никаких сомнений. Мандевиль писал с насмешкой. Но каковы же были его намерения? Если бы вы прочли введение к прекрасному американскому изданию «Басни о пчелах», написанное Кзем (Mandeville, 1924), вы подумали бы, что Мандевиль был на самом деле идеалистом, который хотел шокировать людей до такой степени, чтобы они перестали роптать о поведении среднестатистического человека, и изобрел собственную терминологию, чтобы заставить людей думать. Мой большой друг фон Хайек до некоторой степени согласен с этим и считает, что Мандевиль таким образом хотел поощрить в людях самостоятельное мышление. Однако я с этим не согласен. У Мандевиля есть эссе о благотворительных школах, в котором он выступает против образования обездоленных мальчиков и девочек, от-

правленных в благотворительные школы после смерти родителей. И в этом эссе он выступает против образования этих несчастных. Я считаю, в Мандевиле было что-то зловещее, однако это не тема для серьезной академической дискуссии.

Мандевиль шокировал моральных философов, неважно, из добрых или из дурных побуждений. Этот шок был сравним с шоком, производимым по сей день чтением «Государя» Макиавелли (Machiavelli, 1950; Макиавелли, 2002). Кто читал «Государя»? Наверняка вы были слегка шокированы. Однако почти все моральные философы следующих веков, в том числе не слишком высокоморальный Фридрих Великий, король Пруссии, писали опровержения Макиавелли. Вот и моральные философы XVIII века, когда «Басня о пчелах» стала популярной, писали опровержения Мандевिला.

Адам Смит также упоминает его в своей «Теории нравственных чувств» (Smith, 1792; Смит, 1997) и опровергает идею о том, что пороки движут миром. Однако на Адама Смита, хитроумного человека, произвел огромное впечатление аргумент Мандевила о том, что среднестатистические желания, то есть спрос, людей (которых Мандевиль называл одержимыми и грешными) играют важную роль в поддержании разделения труда. Нет сомнений, что Мандевиль был одним из авторов, оказавших влияние на автора «Богатства народов».

Итак, Мандевиль — самый интересный персонаж из всех, о которых я хочу рассказать. Сэр Джеймс Стюарт был шотландским баронетом, он, к своему несчастью, принял участие в мятеже якобитов в 1745 году. Для иностранцев поясню, что после великой и славной революции, которая свергла с трона Якова II, его ближайшие родственники (сын и внук!) пытались вернуться на трон Великобритании и Шотландии. В 1715 году такую попытку предпринял сын Якова. В 1745 году внук Якова, весьма романтичный персонаж и любимец женщин, предпринял более успешную попытку: благодаря плачевному состоянию британской армии он сумел добраться до Дербишира, прежде чем армия наконец подавила восстание.

Бедный сэр Джеймс Стюарт был в окружении внука Якова в тот момент, когда тот взял Эдинбург. После провала мятежа он был выслан из королевства, путешествуя с одного континентального курорта на другой. Наконец, он получил

прощение, в основном усилиями леди Мэри Уортли Монтегю и других сочувствовавших ему людей, понимавших, что он был добропорядочным гражданином и не сыграл большой роли в мятеже. Годы ссылки Джеймс Стюарт провел за тщательными и интересными исследованиями экономических систем других народов, и в 1767 году издал двухтомник «Принципы политической экономии». Это был первый случай, когда это название прозвучало в английской литературе. Во французской литературе этот термин впервые использовался в XVII веке в названии бестолковой книги, о которой я не стану рассказывать.

Что можно сказать о «Принципах политической экономии» Джеймса Стюарта? Во многих отношениях это умная, скрупулезная и аргументированная книга. В некотором смысле она соединяет в себе многие принципы меркантилистской системы — не в узком, Смитовом понимании слова, но в более широком понимании — Хекшера, Шмоллера и других авторов, пишущих о меркантилистской системе как о национальной экономической политике прошлых веков. В некотором смысле это лучшее изложение широкой меркантилистской системы, но оно не оказало практического влияния. Бедный сэр Джеймс. Его труд затмило «Богатство народов» Смита, опубликованное в 1776 году. При этом Смит нарочно, как он писал в письме другу, избегал упоминаний о книге сэра Джеймса Стюарта, но при этом не пожалел сил на то, чтобы опровергнуть разные аргументы, изложенные в его работе.

Профессор Теренс Хатчисон (Hutchison, 1967), мой большой друг, которого я чрезвычайно уважаю как историка экономической мысли, написал рецензию на переиздание Стюарта вместе с современными статьями о нем. Профессор Хатчисон считает, что Адам Смит поступил некрасиво. Я не разделяю его мнение. Я считаю, что, разделившись с аргументами сэра Джеймса, Смит имел полное право не рекламировать своего оппонента, который в то время вернулся в Шотландию и вращался с ним в одних кругах. Но специалистам в этой аудитории (магистрантам), возможно, имеет смысл почитать современное издание сэра Джеймса Стюарта, которое сейчас продается в букинистическом магазине по сниженной цене. В этой книге вы найдете очень хорошее предисловие Эндрю Скиннера, а также все стоящее из написанного Стюартом.

У меня осталось времени только на то, чтобы рассказать вам о третьем авторе, оказавшем влияние на Смита, на этот раз положительное. Влияние Мандевиля тоже было положительным, но Смит сторонился той морали, которую он вынес из странной терминологии Мандевиля. Влияние Стюарта было негативным в том смысле, что Адам Смит всячески старался опровергнуть его аргументы. Однако сам Смит признавал влияние (не столько на «Богатство народов», но в целом на образ своего мышления) Фрэнсиса Хатчесона. Хатчесон был предшественником Смита на кафедре логики, которую Смит возглавлял, когда жил в Глазго.

Хатчесон, должно быть, был превосходным человеком. Он родился в 1694 году в Ирландии, образование получил в Глазго, а затем в 1730 году вернулся в Ирландию. Его ранние работы по моральной философии были написаны там. Тем, кто интересуется эстетикой или историей моральной философии, я рекомендую исследование Хатчесона о происхождении нашего понимания красоты и добродетели (Hutcheson, 1729). Оно не принадлежит к обязательной программе даже для аспирантов, но если вам нравится теория эстетики, вы оцените Фрэнсиса Хатчесона.

Хатчесон был назначен профессором в Университете Глазго в 1730 году и оказал огромное влияние на интеллектуальное возрождение шотландских университетов, которые тогда уступали только французским, в то время как Оксфорд и Кембридж (не считая Ньютоновой традиции в Кембридже) погрязли в праздности. Хатчесон отказался от традиции читать лекции на латыни и был дружелюбным и красноречивым преподавателем. Адам Смит называет его «незабвенным» Фрэнсисом Хатчесоном (Rae, 1895, p. 411). После смерти Хатчесона один из учеников опубликовал его лекции о моральной философии (Hutcheson, 1755) в двух томах, и если вы увидите это издание у букиниста, не покупайте его, не посоветовавшись со знающими людьми.

Хатчесон научил Адама Смита той части моральной философии, к которой принадлежали замечания об этике, передал значительную часть Аристотелевой философии, которая выжила после переработки средневековыми теологами и современными юристами, в частности Пуфендорфом. То, что сам Фрэнсис Хатчесон пишет об экономической науке в своей книге «System of Moral Philosophy» («Система мо-

ральной философии») (Hutcheson, 1755), весьма близко тем отрывочным замечаниям, которые можно найти об экономике у Аристотеля; Хатчесон следует Пуфендорфу.

Остальные его труды также не лишены интереса. Для своего времени Хатчесон был радикалом. В своих заметках о колониях он выражает симпатию к тем, кто роптал под гнетом правительства Великобритании. Хатчесон также заслуживает внимания как связующее звено между Аристотелем и аналитической экономической теорией Адама Смита. Обо всем этом написана книга Уильяма Тейлора, профессора в Солсберийском институте Родезии: «Francis Hutcheson and David Hume as Predecessors of Adam Smith» (Taylor, 1965) («Фрэнсис Хатчесон и Дэвид Юм как предшественники Адама Смита»). Это хорошая и продуманная книга. Тейлор не пишет о Юме так занимательно, как Юм того заслуживает, но его замечания прозорливы и крайне полезны всем вам, потому что я рассказал о них слишком кратко, слишком поверхностно и слишком отвлекаясь.

Лекция 13

Общий обзор намерений Смита — «Богатство народов»: аналитическая часть (I)

СЛЕДУЮЩИЕ две или три лекции я посвящу Адаму Сми-ту и началам классической экономической теории.

Я предполагаю, что все уважающие себя люди знакомы с биографией Адама Смита, но основные события его жизни я все же очень быстро перескажу. Смит родился в местечке Киркалди, к северу от залива Ферт-оф-Форт. Вероятно, в те дни это место было куда приятнее, чем сегодня. Однажды я там был; не могу сказать, чтобы тень Адама Смита маячила там на каждом углу. Смит родился в 1723 году. Его отец был мелким чиновником. Адам Смит учился в Университете Глазго у незабвенного Фрэнсиса Хатчесона, о котором я рассказывал вам на прошлой лекции. С 1737 по 1740 год он учился, а затем выиграл Снелловскую стипендию и отправился учиться в Баллиольский колледж в Оксфорде — с 1740 по 1747 год. Чем Смит там занимался, покрыто тайной — из его писем это не ясно. Нам известно, что он был крайне не высокого мнения об образовании в Оксфорде: как он впоследствии напишет в «Богатстве народов», «в Оксфордском университете многие профессора уже много лет совсем отказались даже от видимости преподавания».

Смит немало времени провел в библиотеках, потому что из Оксфорда он вышел исключительно начитанным человеком. С 1748 по 1750 год он читал лекции в Эдинбурге, который в то время был столицей Шотландии, местом, где простекало сорок процентов интеллектуальной жизни страны. Другие сорок процентов приходились на долю Глазго, а последние двадцать были разбросаны по стране. В 1751 году Смит возглавил кафедру логики в Университете Глазго,

но в 1752 году, когда освободилось кресло заведующего кафедрой моральной философии, он оставил логику ради моральной философии, и прочитанные им на этой кафедре лекции, дошедшие до нас в виде студенческих конспектов, затрагивали тему политической экономии вскользь.

Перед смертью Адам Смит собрал своих душеприказчиков и велел им сжечь все бумаги, кроме философских трудов. Но в 1896 году Кэннан обнаружил студенческий конспект лекций Смита, а потом еще один конспект был найден в Абердине в пятидесятые годы. Теперь эти записи опубликованы в очень дорогой и очень ученой книге, изданной Университетом Глазго по случаю двухсотлетия «Богатства народов» (Smith, 1978). В 1759 году (это важная дата!) Смит собрал воедино ту часть своих лекций, в которой говорилось о моральной философии. Получившаяся книга, знаменитая «Теория нравственных чувств», прославила бы его, даже не напиши он «Богатство народов».

В 1764 году Смит отказался от своей должности в середине учебного года. Таунсенд, знаменитый политик, во многом ответственный за конфликт с американскими колониями, убедил Адама Смита сопровождать молодого герцога Баклю в путешествии во Францию. В то время обеспеченные и благонамеренные люди среди аристократов, отчаявшись дать сыновьям хорошее образование в английских университетах, нередко посылали их в поездки по континенту на два-три года. Обыкновенно те возвращались домой нагруженными произведениями искусства. Значительная часть художественного наследия Англии привезена молодыми британскими аристократами из поездок по Италии и другим странам. Таунсенд считал, что молодой герцог Баклю, который был, похоже, славным парнем и щедрым человеком, может сбиться с пути, путешествуя без сопровождения, поэтому он предложил (это была великолепная идея с точки зрения герцога Баклю) сопровождать его знаменитому профессору Смиту.

Они некоторое время оставались во Франции, и именно там Адам Смит познакомился с физиократами. Он был с ними в хороших отношениях. Он уважал Кенэ, ходили слухи, что, если бы Кенэ не умер, Адам Смит посвятил бы ему «Богатство народов». Не то чтобы Смиту очень нравились идеи Кенэ, но он уважал его за характер и ум.

В 1766 году семейство Баклю назначило Адаму Смиту пенсию, и следующие десять лет он провел между Киркалди, Лондоном и Эдинбургом за работой над «Богатством народов», которое было издано в 1776 году (этот год важен совсем по другим причинам). Кроме того, в этом же году увидел свет первая публикация Иеремии Бентама; это был во многих смыслах *annus mirabilis*, год чудес. В 1778 году Адам Смит был назначен комиссаром шотландской таможни, а в 1790 году умер.

Как видите, Смит прожил жизнь, сравнительно не богатую событиями. Кажется, в детстве он однажды потерялся, но был найден живым и здоровым. Однако его академическая жизнь была весьма благополучной. Он был близким другом Давида Юма. Некоторые из лучших писем Юма адресованы Адаму Смиту, а лучшие письма Юма принадлежат к лучшим письмам, когда-либо написанным на английском языке¹. Адам Смит имел большое влияние в Университете Глазго. Он был весьма неплохим администратором, его высоко ценили и коллеги, и студенты.

Как я уже говорил, Смит уволился посреди учебного года, чтобы сопровождать герцога Баклю в поездке, и это обстоятельство камнем лежало на его совести. Смит договорился о замене (хорошей замене), но все же считал, что несправедливо обошелся со студентами, которые в те дни платили преподавателям за лекции, и поэтому на свою последнюю лекцию он притащил сумку с серебром. Смит объявил студентам, что веские причины требуют его увольнения и что его место займет другой лектор. Но при этом он чувствовал, что не отработал свои деньги, и поэтому предложил им забрать часть из оплаченного. Ученики сказали, что любят его и не хотят брать своих денег обратно, но Смит был так расстроен, что они согласились и Смит вернул каждому часть заплаченных денег.

Во многих отношениях Смит был рассеянным человеком. Он нерегулярно отвечал на письма. Он также был компанейским человеком. В Глазго он был членом нескольких клубов, где находил стоящую интеллектуальную компанию. В Эдинбурге он также был членом клубов и был склонен

1. См.: Нуме (1932; 1954).

прерывать беседу громкими заявлениями о том, что кто-то говорит ерунду.

Должен исправить то впечатление, которое вы можете составить себе, читая Шумпетера. Я высоко ценю книгу Шумпетера, однако он недостаточно аккуратно обращался с фактами. Кроме того, Шумпетер имел зуб на Адама Смита. Не то чтобы он не понимал всего значения «Богатства народов», но он хотел немного приуменьшить его, сказать, что в книге не было оригинальных мыслей (Schumpeter, 1954, p. 184–186; Шумпетер, 2004), а также что Адам Смит имел сложности в обращении с реальным миром. Шумпетер также пишет (*ibid.*, p. 182; там же, с. 239), что читателю заметно, что в жизни Смита не было никакой другой женщины, кроме его матери. Если бы Шумпетер потрудился прочесть биографический очерк Дугалда Стюарта (Stewart, 1811), опубликованный после смерти Адама Смита, он бы знал, что Смит долгие годы был очень привязан к некой даме, и его друзья удивлялись, почему это чувство не закончилось женитьбой. В молодости Смит встречался с девушкой Джини, но и эти отношения ничем не закончились. Однажды после расставания Адам Смит пришел со своей матерью на бал, где была и Джини, и не узнал ее. «Адам, разве ты не узнаешь свою Джини?» — спросила его мать. Вот каким он был, симпатичный человек, сумевший сделать политическую экономию серьезной областью на карте мира.

Читая французских авторов XIX века, вы обнаружите, что они склонны считать, будто Адам Смит позаимствовал свою систему у физиократов. Однако это было написано до того, как Кэннан обнаружил тот студенческий конспект, а потом и второй конспект был найден в Абердине. Это были очень хорошие конспекты; тот, что нашел Кэннан, был прекрасно написан. Дай бог, чтобы конспекты студентов этого учебного заведения были вполноту так же хороши, как студенческие конспекты лекций Адама Смита по юриспруденции и политической экономии. Эти лекции, прочитанные Смитом еще до того, как он отправился во Францию и познакомился с физиократами, а также другие доказательства, которые вы можете найти в книге Скотта «Адам Смит как студент и профессор» (Scott, 1937), свидетельствуют, что основные части своей системы Смит разработал до того, как узнал физиократов. Однако весьма возможно, что физио-

краты или Тюрго вдохновили Смита на написание второй книги, где капитал изображен в виде авансов. Возможно, Смит что-то еще взял у физиократов, которые, как он считал, несмотря на личную к ним симпатию, заблуждались. Возможно, он что-то взял и у Тюрго, хотя диалог Тюрго был опубликован только в конце 1760-х годов, а студенческие конспекты показывают, что система Смита была сформирована раньше.

Однако давайте приступим к «Богатству народов». Прежде всего я хочу, чтобы вы осознали, что «Богатство народов» имеет смешанную природу. Лучше всего этот факт передают заглавия пяти книг, составляющих эту работу. Первая книга называется «Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа». Книга вторая называется «О природе капитала, его накоплении и применении». Книга третья: «О развитии благосостояния у разных народов». Четвертая, огромная книга, называется «О системах политической экономии» — речь идет о меркантилистской системе и о сельскохозяйственной, как он называл ее, системе физиократов. Наконец, пятая книга озаглавлена «О доходах государя или государства».

Из всего вышеперечисленного следует, что «Богатство народов» не является чисто научной книгой в том смысле, в каком было, например, «Эссе о торговле» Кантильона, отстраненное и научное на 99 процентов. Третья книга, «О развитии благосостояния у разных народов», полна подтекста. Из нее ясно, каким, по мнению Смита, должен был быть прогресс и как он тормозился на разных стадиях. Четвертая же книга, «О системах политической экономии», откровенно полемична. Адам Смит был нацелен на уничтожение меркантилистской системы и всех связанных с ней законов. Научная часть книги, довольно беспристрастная, все же имеет оттенок полемичности. Поскольку Смит стремился разделаться с меркантилистской системой и избавиться от определенных законов, он пытался систематически описать, как работает экономическая система в отсутствие меркантилистской или сельскохозяйственной системы. Правда, становление сельскохозяйственной системы, по мнению Адама Смита, было маловероятно.

Я хочу заметить, что в дискуссии о началах классической экономической системы, я мало уделяю внимания контексту, породившему полемические разделы «Богатства народов». Я не хочу, чтобы вы ошибочно считали «Богатство народов» исключительно полемическим произведением, апологией молодого буржуазного общества и т. д. Эта книга была написана глубоким мыслителем, который стремился дойти до сути вещей. Когда он совершал открытие, желание поделиться с людьми истиной, приятной или нет, побуждало его писать. И последнее, что я хочу сказать вам о сочетании полемического и научного в «Богатстве народов». Обратите внимание, что к Смиту обращаются не только классические экономисты, но и экономисты-марксисты, и экономисты-националисты — почти все школы экономической мысли, образованные после написания «Богатства народов».

А теперь займемся научной стороной книги. Не все историки экономической мысли согласились бы с моей формулировкой, но, по-моему, основное содержание «Богатства народов» — это теория производственной организации и теория причин экономического роста. Некоторые исследователи обращают внимание только на теорию ценности и распределения. Действительно, теория ценности и распределения, содержащаяся в первой книге, а также отрывки теории денег и капитала, приведенные во второй, привлекают много внимания экономистов-теоретиков. Но я всегда был уверен, а с годами, перечитывая и обдумывая «Богатство народов», только укрепляюсь в том, что с точки зрения перспективы неправильно слишком концентрироваться на теории ценности и распределения, хотя сейчас я собираюсь выдать вам солидную порцию именно ее.

Научное содержание первой книги можно представлять достаточно широко: в ней утверждается, что экономический рост зависит от разделения труда, а оно, в свою очередь, организуется при помощи рынка и силы того, что Смит называет собственным интересом. Вторая книга объясняет, как обладание капиталом облегчает разделение труда и способствует ему, а накопление капитала способствует экономическому росту. Во второй книге также содержится анализ денег, которые Смит маскирует словом «stock». А теперь мы должны подробнее пройти по первой и вто-

рой книгам, я постараюсь сделать свой рассказ максимально интересным.

«Богатство народов» открывается введением и планом, который я советую всем вам прочесть и зачитывать который не стану. Первая же книга, в которой говорится об улучшении производительных сил труда и порядке, согласно которому труд распределяется, открывается самой знаменитой главой в истории политической экономии: «Глава 1. О разделении труда». Первое предложение звучит так: «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, стали, по-видимому, следствием разделения труда» (Smith, 1776, 1:5; Смит, 2007, с. 70).

Далее следует знаменитый пример, который Смит, вероятно, взял из французской энциклопедии. Он берет для примера производство булавок и показывает, как труд распределяется на изготовление самой булавки, изготовление головки, их соединение и что при распределении труда можно произвести гораздо больше булавок на человека, чем если каждый человек один будет производить все необходимые операции. Впрочем, вы еще прочтете этот отрывок.

Далее Смит перечисляет причины, благодаря которым разделение труда приводит к увеличению количества работы, которое может выполнить одно и то же количество людей. Оно

зависит от трех различных условий: во-первых, от увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от экономии времени, которое обыкновенно теряется на переход от одного вида труда к другому; и, наконец, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких (ibid., 1:9; там же, с. 72).

К этому перечню у меня есть два комментария. Во-первых, сравните Смита с Платоном, который подчеркивает значение генетического фактора — врожденные различия между людьми. Я подробно рассказывал об этом. Адам Смит, следуя просвещенной традиции XVIII века, а также соглашаясь с Локком, считал, что все мы приходим в этот мир с равными возможностями, а все остальное — это дело образования

и опыта. Эта мысль делает ему честь, но не является абсолютно верной. Только не думайте, что я недооцениваю важность опыта и образования и хочу накормить вас историей о генетических различиях. Об этих различиях мы знаем крайне мало, а большинство людей, которые о них рассуждают, — это мошенники. Но я все же считаю, что некоторые врожденные различия существуют.

Второй мой комментарий касается того, о чем Смит умалчивает и что малоизвестный классический экономист Торренс (Torrens, 1833) называет территориальным разделением труда: о различиях в разделении труда, проистекающих от того, что разные части поверхности земли по-разному подходят для различных видов деятельности (сельскохозяйственной, промышленной, торговой и т.д.). Однако Смит подробно исследует этот вопрос впоследствии, когда исследует меркантилистскую систему.

Далее Смит переходит от частного к общему и подробно описывает, что означает разделение труда в обществе. Пример булавочной фабрики часто цитируют для доказательства преимуществ разделения труда, но последний абзац первой главы намного важнее этого примера, и я зачитаю вам несколько отрывков из него:

Присмотритесь к домашней обстановке большинства простых ремесленников или поденщиков в цивилизованной и богатейшей стране, вы увидите, что невозможно даже перечислить количество людей, труд которых, хотя бы в малом размере, был затрачен на доставление всего необходимого им. Шерстяная куртка, которую носит поденный рабочий, как бы груба и проста она ни была, представляет собою продукт соединенного труда большого количества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, аппертурщик и многие другие — все должны соединить свои специальности, чтобы выработать даже такую грубую вещь. А сколько, кроме того, купцов и грузчиков должно быть занято для доставки материалов от одних рабочих к другим, часто живущим в весьма отдаленных частях страны! Сколько нужно торговых сделок и водных перевозок, сколько, в частности, нужно судостроителей, матросов, мастеров, делающих паруса и канаты, чтобы доставить различные материалы, употребляемые красильщиком и нередко привозимые из самых отдаленных концов земли! (Smith, 1776, 1:13; Смит, 2007, с. 74–75).

(Я опускаю часть текста, чтобы сберечь время.)

1. Если мы рассмотрим все это и подумаем, какой разнообразный труд затрачен, мы поймем, что без содействия и сотрудничества многих тысяч людей самый бедный обитатель цивилизованной страны не мог бы вести тот образ жизни, который он обычно ведет теперь и который мы неправильно считаем весьма простым и обыкновенным. Конечно, в сравнении с чрезвычайной роскошью богача его обстановка должна казаться крайне простой и обыкновенной, и тем не менее может оказаться, что обстановка европейского государя не всегда настолько превосходит обстановку трудолюбивого и бережливого крестьянина, насколько обстановка последнего превосходит обстановку многих царей иных земель, абсолютных владык жизни и свободы десятков тысяч своих подданных (*ibid.*, 1:14; там же, с. 75).

Последнее предложение я слегка перефразировал, чтобы не оскорбить чужих чувств — мы все же находимся в международном учебном заведении, а Смит писал в XVIII веке².

Глава вторая так же важна, как и первая. Смит считает, что разделение труда, которое дает так много преимуществ, скрепляет общество, благодаря которому, мы имеем аппарат правосудия, закона и т. д., является основой экономического аспекта цивилизации. По мнению Смита, разделением труда мы обязаны склонностью человеческой природы «к торговле, к обмену одного предмета на другой» (*ibid.* 1:15, там же, с. 76). Далее Смит делает весьма сомнительное замечание о том, что «никому не приходилось видеть, чтобы одна собака сознательно менялась костью с другой» (*ibid.*; там же), на что Кэннан со свойственным ему юмором пишет в примечании: «Неясно, с какой целью собака могла бы обменивать одну кость на другую» (*ibid.*, note 2).

Затем Смит продолжает:

Щенок ласкается к своей матери, а болонка старается бесчисленными уловками привлечь внимание своего обедающего хозяина, когда хочет, чтобы он накормил ее. Человек иногда прибегает к таким же уловкам со своими ближними, и если у него нет другого средства побудить их действовать

---

2. В оригинальном тексте Смит пишет: «...превосходит обстановку многих африканских царьков, абсолютных владык жизни и свободы десятков тысяч нагих дикарей».

в соответствии с его желаниями, он пытается приобрести их расположение угодничеством и всяческой лестью. Однако у него не хватило бы времени действовать так во всех случаях. В цивилизованном обществе он непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц. Почти у всех других видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно не зависимой и в своем естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их интересах сделать для него то, что он требует от них (*ibid.*, 1:15–16; там же, с. 76–77).

Отметим, что речь идет об эгоизме того мужчины или той женщины, от которых человек предполагает что-то получить. «Их расположение», очевидно, относится к ближнему кругу, семье.

Как пишет Уикстид в своей книге «Здравый смысл политической экономии» (Wicksteed, 1910), важным аспектом Смитова акцента на эгоизме является нон-туизм (англ. *non-tuism*) человека, с которым он заключает сделку. Он не обязан интересоваться тем, что тот человек, с которым он заключает сделку, будет делать со своей семьей. В то же время он может быть заинтересован в тех благах, которые сам предоставляет своей семье и более широким общественным слоям.

Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, — таков смысл подобного предложения. Именно таким путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и всегда говорим не о наших нуждах, а лишь об их выгодах (Smith, 1776, 1:16; Смит, 2007, с. 77).

У нас закончилось время. Пожалуй, это даже пикантный способ завершить лекцию, а завтра мы продолжим обсуждение «Богатства народов» и поговорим об эгоизме, рынке и его размере, а затем перейдем к ценности и распределению.

Лекция 14

Богатство народов: аналитическая часть (II)

МНЕ ПРИШЛОСЬ прерваться как раз в тот момент, когда мы подоברались вплотную к самым интересным идеям «Богатства народов». Позвольте мне напомнить вам, что вторая глава первой книги озаглавлена «О причине, вызывающей разделение труда», и самый знаменитый ее отрывок посвящен тому, что, хотя благодаря близким отношениям с семьей или друзьями редкие блага можно получить в виде дара или предмета общего пользования, но в основном в цивилизованном обществе большинство людей испытывает нужду в редких товарах, благах и услугах, произведенных усилиями тысяч и тысяч людей. Смит утверждает, что именно безличные отношения обмена способствуют разделению труда: «Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе... Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и всегда говорим не о наших нуждах, а лишь об их выгоде» (Smith, 1776, 1:16; Смит, 2007, с. 77). Давайте еще поговорим об этом.

На последней лекции я говорил вам об Уикстиде и его мыслях о значимости эгоизма для этого раздела классического анализа. Мы обсудили, что человек, договаривающийся об условиях покупки, может быть заинтересован в своем благосостоянии (эгоизм), в благосостоянии своей семьи (любовь к семье), друзей (дружба) либо же он может защищать интересы людей, с которыми не делит общих дружеских интересов. Общеизвестно, что в современном мире самыми жесткими переговорщиками бывают либо душеприказчики чужих завещаний, либо доверенные лица благотворительных фондов. Потому что эти люди не могут позволить себе незаинтересованных действий — они должны

выполнять условия завещания или условия доверенности. Этот вид отношений (отношения безличного обмена, описанные Адамом Смитом) был описан Уикстидом как нон-ту-изм. Вот и все, что вам нужно об этом знать.

Однако в прошлый раз мне задали вопрос: действительно ли Адам Смит считал, что действия всех людей в обществе предпринимаются на основании расширенного понятия личного и семейного интереса либо интереса по доверенности. Ответ отрицательный. Если вы прочтете (чего большинство из вас не сделает) другую знаменитую книгу Смита, «Теория нравственных чувств» (Smith, 1759/1792; Смит, 1997), вы узнаете, что критерием моральности действий человека по отношению к его близким для Адама Смита была симпатия. Критерием верных с точки зрения морали действий он считает оценку безличным наблюдателем мотивов и следствий этих действий. Он представляет себе воображаемого беспристрастного наблюдателя, который не заинтересован ни в каком исходе дела. Этот беспристрастный наблюдатель в ходе этического анализа ситуации повинуетс я чему-то вроде божественных заветов (в отличие от Давида Юма Адам Смит верил в божественные заветы). Повинующийся божественным заветам бесстрастный наблюдатель является критерием моральных действий.

Нет, между «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народов» нет противоречий. Если бы Адама Смита спросили, что сказал бы беспристрастный наблюдатель об организации производства и разделении труда, я уверен, он бы сказал, что, по мнению беспристрастного наблюдателя, общественной пользе лучше всего служат отношения обмена, которые я описал чуть раньше. В любом случае этот вопрос вызвал немало споров среди экономистов, и моя точка зрения может быть неверной, но я не очень ей дорожу.

Далее в главе Смит обсуждает, как возможность обмена способствует разделению труда, а затем отклоняется от темы и пишет о разных способностях, присущих людям от природы, которые в первой главе он упоминает как одну из причин разделения труда. Он пишет: «Различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым уличным носильщиком, например, создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием» (Smith, 1776, 1:17; Смит, 2007, с. 78). Пропущу

значительную часть текста. «Ученый по своему уму и способностям и вполнину не отличается так от уличного носильщика, как дворовая собака от гончей, гончая от болонки или последняя от овчарки».

Когда я задумываюсь о том, как сильно отличаюсь от Эйнштейна, я вовсе не уверен, что Смит прав. Я не считаю, что гений Эйнштейна или Ньютона и других людей развился благодаря одним лишь обстоятельствам их жизни и образованию, хотя, конечно, они тоже сыграли определенную роль. Я бы не смог так долго работать преподавателем, если бы не верил, что образование иногда бывает небесполезным.

Перейдем к третьей главе. Я считаю, что это одна из важнейших глав в истории политической экономии, но пересказать ее можно чрезвычайно кратко. В сущности, содержание этой главы заключено в ее названии: «Разделение труда ограничивается размерами рынка». Представьте себе маленькую деревенскую общину, изолированную от остального мира. В ней нет смысла тратить время на скрупулезное разделение труда или изобретать дорогие станки для обслуживания широкого рынка. Для того чтобы воспользоваться преимуществами того, что мы сегодня называем неделимостью оборудования, нужно иметь обширный рынок. Это важный момент. Я не сомневаюсь, что классические экономисты XIX века считали это умозаключение очевидным и всегда имели его в виду. Однако в XX веке, во времена моей молодости, в 1920–1930-е годы, среди экономистов зазвучали дискуссии о природе фирмы, начавшиеся с публикации важнейшей статьи Пьеро Сраффы в «Economic Journal» (1926). Дискуссий о понятии возрастающей отдачи (об убывающей кривой предложения для фирмы) было бесконечно много. Многие экономисты, например Маршалл, проявили потрясающую изобретательность, критикуя предположение Курно, о котором мы будем говорить впоследствии. Однако все эти дискуссии шли совершенно вне перспективы до появления Эллина Янга, великого американского профессора, возглавлявшего экономический факультет Школы экономики с 1927 по 1929 год, до момента своей внезапной смерти. Он был профессором Гарвардского университета.

Кто слышал об Эллине Янге? Очень немногие. Однако его влияние на американскую экономическую теорию при жиз-

ни было огромным. Чтобы это понять, достаточно прочесть введение в «Экономику монополистической конкуренции» Чемберлина (Chamberlin, 1933). Янг издал очень немного работ и не был популярен как лектор. Он делал в речи большие паузы, во время которых студенты выполняли домашние задания. Но он был поистине великим человеком и написал одну из важнейших статей, опубликованную в «Economic Journal». Эта статья содержала обращение Янга к членам Британской экономической ассоциации, произнесенное незадолго до его смерти, которое называлось «Возрастающая отдача и экономический прогресс» (Young, 1928). В ней говорилось о третьей главе «Богатства народов». Янг обращал внимание аудитории на то, что важные примеры возрастающей отдачи в современной обрабатывающей промышленности часто являются примерами дробления фирм. Только подумайте об истории автомобильной промышленности, о первопроходцах того способа передвижения, который позволяет нам стремительно перемещаться по воскресеньям и так затрудняет передвижение по будням. Когда-то первопроходцы сами сначала собирали все необходимые детали, а затем соединяли их. Сегодня же автомобильная промышленность насчитывает множество разных фирм, причем каждая из них производит один-два компонента тех сложных устройств, на которых мы ездим. И конечно, узкая теория фирмы (геометрическая теория происходящего внутри фирмы) не демонстрирует возрастающую отдачу, которая наблюдается в обществе благодаря разделению труда. Янг привлек к этому общее внимание и восстановил перспективу, о которой экономисты должны были бы помнить сами, если они читали Адама Смита.

Третья глава продолжается дополнительными примерами, как размер рынка ограничивает разделение труда. Я не буду подробно об этом рассказывать. В четвертой главе говорится «О происхождении и употреблении денег», и хотя это весьма интересная и важная глава (особенно если вы изучаете теорию денег Адама Смита), я ограничусь упоминанием о ней.

Пятая глава куда важнее. В ней говорится о различии между действительной и номинальной ценой товаров; под номинальной ценой имеется в виду цена в деньгах. Вы помните, что изменение ценности денег экономисты осознали еще несколько веков назад. Мы весьма несовершенно различаем

реальную цену и цену в деньгах при помощи индексов, которые, как вы знаете, даже при самой высокой точности содержат в себе элемент оценочности и приблизительности. Это, по сути, выборка, к которой применимы все те оговорки, обычно применяемые к выборкам. Однако во времена Адама Смита индексы еще не были изобретены. Первый намек на них прозвучал вскоре после его смерти, а в обиход они вошли не раньше середины XIX века, так что Адам Смит в этой главе взял за меру реальной цены, в противовес цене товаров в деньгах, цену товаров в труде со всеми сопутствующими этому выбору ограничениями и со всеми спорами, которые возникли вокруг него во времена классической экономической теории Рикардо. Рикардо предлагал измерять реальную цену товаров количеством затраченного на их производство труда. Адам Смит же предлагал измерять реальную цену благ количеством труда, необходимого для их приобретения. Как подчеркивал сам Рикардо, разница между этими двумя подходами огромна. Но это эзотерическая тема для беседы, я не хочу сейчас отвлекаться на нее. Мы вернемся к ней, когда дойдем до Рикардо. Сейчас я привлек ваше внимание к тому, какое место тема реальной цены и труда занимает в рассуждениях Адама Смита.

Гораздо важнее рассказать немного о теории ценности и распределения Смита, так что перейдем к шестой главе «Богатства народов». Оставив позади главное достижение первой книги (доказательство важности рынка и его связи с разделением труда), Адам Смит переходит к рассказу «О составных частях цены товаров». Будьте очень внимательны, читая эту главу, потому что она открывается описанием примитивных условий существования человека:

В обществе первобытном и малоразвитом, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между количеством труда, необходимым для приобретения разных предметов, было, по-видимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена.

Далее идет знаменитый пример с бобром и оленем.

Например, если у охотничьего народа обычно приходится затратить вдвое больше труда, для того чтобы убить бобра,

чем на то, чтобы убить оленя, один бобр будет обмениваться на двух оленей, или будет иметь стоимость двух оленей (Smith, 1776, 1:49; Смит, 2007, с. 103).

Надеюсь, это для всех очевидно. Если в экономике единственным редким фактором является неквалифицированный труд, то соотношение количества затраченного труда является ключом к тому, что Адам Смит называет природной, хотя должен бы называть нормальной, ценой. Те, кто любят геометрические иллюстрации, легко нарисуют график. Если изобразить количество труда, необходимое, чтобы убить бобра, на одной оси, а количество труда, необходимое, чтобы убить оленя, на другой, а потом соединить эти две точки на разных осях прямой линией, вы получите производственную функцию, а там, где она пересекается с кривой безразличия, вы получите одинаковую цену.

Затем Адам Смит обсуждает разную степень мастерства. Он считает, что в развитом обществе особо искусный или тяжелый труд должен цениться выше. Небрежно обходясь с этой проблемой, Адам Смит, безусловно, не решил ее, но мы пойдем дальше.

При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обыкновенно затрачиваемого на приобретение или производство какого-нибудь товара, представляет единственное условие, определяющее количество труда, которое может быть куплено, приобретено в распоряжение или обменено на него (*ibid.*; там же).

Далее Смит рассматривает развитое общество, в котором реальный капитал накоплен в той или иной форме: потребительских благ, станков или другого, а земля обращена в собственность, а затем он переключается на определение ценности через издержки производства, теорию естественной цены: «Только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, причем некоторые из них стремятся использовать их, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов» (*ibid.*; там же). У обладателя капитала при этом «не было бы никакого интереса

нанимать этих рабочих, если бы он не мог рассчитывать получить от продажи изготовленных ими произведений что-нибудь сверх суммы, достаточной лишь на возмещение его капитала», то есть речь идет о получении прибыли.

С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность

(а значит, стала редким благом),

землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренты даже за естественные плоды земли... Эта часть, или цена этой части, составляет земельную ренту, и эта рента образует третью составную часть цены большей части товаров (*ibid.*, 1:51; там же, с. 105).

Я как-то упоминал, как только Адам Смит углубляется в теорию, он перестает отстаивать конкретные интересы конкретного класса людей. Этот отрывок, как мне кажется, демонстрирует это как нельзя лучше. Смит далее развивает свою мысль. Он разделяет выручку и прибыль простых фермеров и выделяет в выручке элемент вознаграждения за их труд, равно как элемент вознаграждения за использованный ими капитал и т. д. Повторюсь, каждую из этих глав вы должны внимательно прочесть.

В седьмой главе не говорится о реальных или номинальных ценах товаров (с этой проблемой Смит уже разделался, не имея себе в помощь даже индексов), в ней говорится «О естественной и рыночной цене товаров». В прошлой главе Смит начал объяснять, что такое естественная цена товаров, и продолжает так:

Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченный при добыче, обработке и доставке его на рынок

(намек на будущую теорию распределения),

товар этот продается по его естественной цене. Товар в таком случае продан за столько, сколько он стоит, т. е. сколько он

обошелся тому лицу, которое доставило его на рынок (*ibid.*, 1:57; там же, с. 109).

Однако цены не всегда находятся на естественном уровне, и остаток главы посвящен описанию, как фактические рыночные цены отличаются от естественных, или нормальных, цен, и следствиям этих отличий.

Рыночная цена каждого отдельного товара определяется отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны готовых уплатить его естественную цену (*ibid.*, 1:58; там же, с. 110).

Смит разделяет спрос на рынке, который зависит от дохода людей, и то, что он называет абсолютным спросом:

Про очень бедного человека можно сказать, что он предъявляет спрос на карету с шестеркой лошадей; он желает иметь ее, но его спрос не является действительным спросом, ибо товар не может быть доставлен на рынок для его удовлетворения (*ibid.*; там же).

Затем он объясняет, что происходит, когда рыночный спрос приводит к установлению цены, превышающей естественную цену, вследствие конкурентной среды. Увидев необычно высокую норму прибыли, люди устремятся в данную сферу производства, и это движение будет продолжаться до тех пор, пока увеличение предложения по сравнению со спросом не снизит цены до нормального уровня. И наоборот, если состояние спроса таково, что рыночная цена товара ниже естественной, то некоторые люди откажутся от производства этого товара, новые поступления его сократятся и, соответственно, предложение со временем уменьшится, так что рыночная цена поднимется до конкурентного уровня нормальной цены. Достаточно о седьмой главе.

В восьмой главе говорится «О заработной плате». Примерно до середины эта глава сильно запутана. Смит пишет, что оплата труда стремится к уровню прожиточного минимума. Он объясняет этот факт слабостью рабочих, поодиночке противостоящих сильным работодателям, которые официально могут не состоять ни в каких соглашениях, но, по мнению Адама Смита, всегда состоят в молчаливом соглашении, чтобы удерживать зарплаты на низком уровне. Он говорит:

Нам редко приходится слышать о соглашениях хозяев, зато часто мы слышим о соглашениях рабочих. Но те, которые на этом основании воображают, что хозяева редко вступают в соглашения, совершенно не знают ни жизни, ни данного предмета. Хозяева всегда и повсеместно находятся в своего рода молчаливой, но постоянной и единообразной стачке, чтобы не повышать заработную плату рабочих выше ее существующего размера. Нарушение этого соглашения повсюду признается в высшей степени неблагоприятным делом, и виновный в нем предприниматель навлекает на себя упреки со стороны своих соседей и товарищей. Мы, правда, редко слышим о таких соглашениях, но только потому, что они представляют собой обычное и, можно сказать, естественное состояние вещей, о котором не говорят (*ibid.*, 1:68–69; там же, с. 119–120).

Адам Смит рассуждает об этом очень подробно, однако затем возвращается к теме предложения и говорит, что, конечно, хозяева не могут понижать заработную плату ниже прожиточного минимума, учитывая климат и привычки людей: «Человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом, и его заработная плата, по меньшей мере, должна быть достаточной для его существования. В большинстве случаев она должна даже несколько превышать этот уровень; в противном случае ему было бы невозможно содержать семью» (*ibid.*, 1:69; там же, с. 120). Смит отмечает, что половина детей умирает, не достигнув зрелости, так что минимальная зарплата должна учитывать и этот факт.

Однако затем Смит внезапно переключается на другую тему (в конце концов «Богатство народов» является эмпирическим трудом в той же степени, что и теоретическим) и отмечает, что в его родной стране зарплаты не соответствуют уровню прожиточного минимума. В разных частях страны, пишет Смит, зарплаты различаются: в одних местах они очень низки, а в других немного выше. В других же странах они могут быть сильно выше или ниже прожиточного минимума, что приводит к ужасным ситуациям. И Смит объявляет причину этого:

Когда в данной стране постоянно возрастает спрос на тех, кто живет заработной платой... когда каждый год дает занятие большему числу лиц, чем было занято в предыдущем году, рабочим не приходится вступать в соглашения для повышения заработной платы. Недостаток рабочих рук вызывает конкуренцию между хозяевами, которые, чтобы заполучить рабо-

чих, предлагают один больше другого и таким образом сами нарушают естественное соглашение хозяев не увеличивать заработную плату (*ibid.*, p. 1:70; там же, с. 121).

В странах, где происходит такой рост, Смит обещает человечеству весьма радужные перспективы, в отличие от крайне безрадостных перспектив в странах, где роста не происходит. Он пишет:

Не размеры национального богатства

(под национальным богатством в данном случае он имеет в виду национальный капитал, а не заработную плату на душу населения),

а его постоянное возрастание вызывает увеличение заработной платы за труд (*ibid.*, 1:73; там же, с. 122).

Смит приводит в пример Америку, где даже в те дни зарплат значительно превышали прожиточный минимум. Он обсуждает другие страны и описывает ужасающие условия жизни в стране, находящейся в состоянии застоя. Такой страной, как считает Смит, раньше был Китай, который

долгое время был одной из самых богатых, т. е. наиболее плодородных, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и самых населенных стран мира. Однако он оставался продолжительное время в состоянии застоя (*ibid.*, 1:83; там же, с. 123–124).

А далее Смит описывает чудовищные условия жизни рабочего класса, в частности в окрестностях Кантона, где никогда не бывал; свои знания об этой местности он почерпнул из разных книг. Он приводит в пример Бенгалию, которая тогда находилась в состоянии гражданского хаоса и где люди жили на прежние накопления. Запасы капитала в ней постепенно сокращались. Не стану зачитывать описание Бенгалии, но это описание страны в состоянии упадка.

Таким образом, сравнив Соединенные Штаты Америки, окрестности Кантона и Бенгалию в качестве примеров прогрессирующего государства, застойного государства и государства в состоянии упадка, Адам Смит пишет свои знаменитые строки:

Следует, пожалуй, отметить, что положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед, в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже всевозможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее полно печали (*ibid.*, 1:100; там же, с. 132).

Смит выбирает довольно мягкие выражения. Он продолжает в том же духе — глава «О заработной плате» весьма длинна.

Об оставшихся частях первой книги я расскажу довольно быстро. Девятая глава называется «О прибыли на капитал». Достаточно упомянуть, что Смит считает, будто «повышение или уменьшение прибыли на капитал зависит от тех же причин, которые вызывают изменение заработной платы за труд, — от возрастания или уменьшения богатства общества» (*ibid.*, 1:89; там же, с. 137). Однако по мере возрастания богатства, пишет Смит, норма прибыли в прогрессирующем обществе понижается. Смит считал (и был совершенно прав!), что норма прибыли со времен Средневековья понизилась. Я так кратко упоминаю это только потому, что нам еще предстоит обсуждение крайне сложной теории прибыли Рикардо, которая противоречит изложенному Смитом в главе «О прибыли на капитал».

Несмотря на то что пишут авторы дешевых учебников по истории экономической мысли, Смит вовсе не поддерживал купцов и промышленников. В последнем абзаце девятой главы говорится:

Наши купцы и владельцы мануфактур жалуются на вредные последствия высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей (*ibid.*, 1:100; там же, с. 147).

Этот текст не мог быть написан проплаченным агентом восходящей буржуазии. Иногда, для того чтобы установить истину, нужно вернуться к исходному тексту.

Десятая глава рассказывает «О заработной плате и прибыли при различных применениях труда и капитала». В некотором смысле эта глава устояла против критики лучше любой другой главы «Богатства народов». Вы все знаете, что во время вводного курса экономики вы представляете ситуацию, в которой труд и капитал совершенно мобильны, и, соответственно, нормы зарплаты и прибыли одинаковы во всех отраслях промышленности. Затем вам демонстрируют, что существуют различия в степени мастерства и риска, а также другие обстоятельства, помимо зарабатывания зарплаты или прибыли. Вам объясняют, что в конкурентном обществе есть тенденция к выравниванию чистых преимуществ, если условия достаточно равны. А дальше, как это делает Адам Смит во второй половине десятой главы, вам рассказывают о последствиях монополистических ограничений в отношении движения труда и капитала. Не стану оскорблять продвинутую аудиторию дальнейшими рассуждениями на эту тему, хотя многие замечания Смита просто восхитительны. Он объясняет сравнительно низкое вознаграждение среднестатистического адвоката чрезмерно высоким мнением людей о своих способностях. Из-за того что королевский адвокат получает большое вознаграждение, многие люди, за всю жизнь не выручившие и ста фунтов, защищая дело в суде самой низшей инстанции, рвутся заниматься юриспруденцией. Потом они время от времени что-то пописывают, влача не слишком обеспеченное существование, потому что переоценили свои способности в этой области. Смит рассуждает об этом и о многом другом.

Наконец мы добрались до одиннадцатой главы, «Земельная рента». К этой теме мы еще вернемся, когда будем изучать Рикардо. Адам Смит очень подробно пишет о земельной ренте, причем использует превосходный исторический материал в описательной части. Однако ренту он рассматривает как составную часть цены, поэтому когда умирающий Давид Юм получил первое издание «Богатства народов», он взял ручку и написал: «Браво, мистер Смит. Вы проделали превосходную работу. Если бы мы могли встретиться, я бы хотел обсудить с вами некоторые мелкие детали. Склонен считать, что рента является следствием цены,

а не ее причиной»¹. В своей длинной главе о ренте Адам Смит говорит, что рента несколько отличается от зарплаты и прибыли, поскольку в данном случае отсутствует переменная функция предложения. Однако с этим мы тоже разберемся, когда дойдем до классических экономистов.

Вот и все, что я хотел рассказать о первой книге «Богатства народов». В следующей лекции мы займемся второй книгой, а также обсудим экономическую политику Адама Смита.

---

1. Роббинс пересказывает письмо Юма Смиту от 1 апреля 1776 г., воспроизведенное в: Hume (1955, pp. 216–217).

Лекция 15
*«Богатство народов»:
аналитическая часть (III) —
экономическая политика (I)*

РЕКОМЕНДУЮ вам книгу профессора Сэмюэла Холландера об Адаме Смите (Hollander, 1973). Холландер — один из наших самых выдающихся выпускников. Я читаю сейчас его недавно изданную книгу о Рикардо, и она заставляет меня жалеть о том, что вы вынуждены слушать меня, а не профессора Холландера. Он превосходит всех прежних историков экономической мысли, особенно в своей работе о Рикардо (Hollander, 1979), но и его книга об Адаме Смите очень хороша. В любом случае я рекомендую всем, чьей специальностью является экономическая теория, прочесть его книги. Рассказывая о Смите, он дает обширный исторический контекст, а в его книге о Рикардо, хотя она достаточно сложно читается и в ней 679 страниц, есть главы, которые заставляют нас увидеть Рикардо другими глазами.

На прошлой лекции я закончил весьма неадекватный пересказ первой книги «Богатства народов». Теперь я хочу перейти ко второй, и рассказ о ней будет уже не таким длинным. Вторая книга озаглавлена «О природе капитала, его накоплении и применении», и в истории экономической мысли она так же важна, как и первая. Она открывается введением, в котором говорится, что разделение труда зависит от накопления и применения капитала, который мы в современных терминах должны называть реальным капиталом. Смит объясняет, что «должен быть запас продуктов различного рода, достаточный для содержания и снабжения <человека, участвующего в разделении труда> необходимыми для работы материалами и орудиями, по крайней мере до того момента, пока не будут осуществлены обе эти операции» (Smith, 1776, 1:258; Смит, 2007, с. 289).

Смит перечисляет, чему будут посвящаться различные главы второй книги. В первой главе он описывает разные виды капитала, что важно, поскольку в этом описании говорится о различии между оборотным капиталом и капиталом основным, которое не является проблемой с точки зрения отдельной фирмы, но ошибочно, или вводит в заблуждение, если смотреть с точки зрения экономики в целом. Согласно этому различию, оборотный капитал — это такой капитал, который приносит прибыль, будучи проданным, а основной капитал представляет собой что-то вроде станка или здания фабрики: он способствует производству, но не обязательно бывает продан.

Такую классификацию используют в каждодневном общении директора фирм, и подобное разграничение видов капитала весьма полезно держать в голове любому руководителю фирмы. Но, как всем нам понятно, эта классификация не подходит для общества в целом, поскольку полностью зависит от случайной степени интегрированности производства. При вертикальной интеграции всевозможные предметы передаются с одной стадии обработки на другую и не дают прибыли, если только им не придадут внутрифирменные цены, как принято при современном менеджменте. Но интегрированная отрасль промышленности приносит прибыль, которую Адам Смит рассматривает как прибыль от оборотного капитала, только в том случае, когда интеграция закончена и продукт, переживающий различные перемены по мере своего перехода от ранней стадии интеграции к ее поздней стадии, является, согласно этому определению, основным.

Поэтому экономисты не слишком активно пользовались определением Адама Смита. Вместо этого они ставили любое различие между основным и оборотным капиталом в зависимость от продолжительности жизни рассматриваемого капитала. Это вопрос семантический, а не фундаментальный, но о нем важно помнить, чтобы не запутаться, читая великих авторов прошлого.

Во второй главе говорится о деньгах. Адам Смит рассматривает деньги как часть национального капитала и рассуждает об издержках по их поддержанию. Не думаю, что это важно для того, что мы сейчас проходим. Мы вернемся к рассуждениям Смита о деньгах, когда я дойду до некоторых споров классических экономистов XIX века.

На третьей главе мы остановимся подробнее. Она называется «О накоплении капитала, или о труде производительном или непроизводительном». В этой главе Смит использует ту же терминологию, что и физиократы. Однако если физиократы называли производительным трудом только сельское хозяйство и иногда добывающую промышленность, Адам Смит говорит о производительности совсем в другом смысле. Зачитаю первое предложение этой главы: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй — непроизводительным» (*ibid.*, 1:313; там же, с. 338).

В этом есть определенный аналитический смысл: Смит различает потребительскую услугу, которая сгорает в момент своего производства, хотя может быть вознаграждена, и инвестицию, будь то инвестиция в материальные объекты или человеческий капитал (образование, как писали классические экономисты). Предположительно, классические экономисты считали, что лекции не сгорают в момент прочтения. Я читаю лекции почти шестьдесят лет и не уверен, что согласен с ними.

Затем следует комичный абзац, который я должен вам прочесть, потому что это один из наиболее знаменитых отрывков из второй книги «Богатства народов»:

Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости, не закрепляется и не реализуется ни в каком длительно существующем предмете или товаре, могущем быть проданным, который продолжал бы существовать и по прекращении труда и за который можно было бы получить потом равное количество труда. Например, государь со всеми судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собою непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения. Их деятельность, как бы почетна, полезна или необходима она ни была, не производит решительно ничего, за что потом можно было бы получить равное количество услуг (*ibid.*, 1:314; там же, с. 339).

(Я в этом не уверен.)

К одному и тому же классу должны быть отнесены некоторые самые серьезные и важные и некоторые самые легкомысленные профессии: священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр. Труд самого последнего из этих людей обладает известной стоимостью, определяемой теми же правилами, которые определяют стоимость всякого иного вида труда, но труд даже самой благородной и самой полезной из этих профессий не производит ничего, на что можно было бы потом купить или достать одинаковое количество труда. Подобно декламации актера, речи оратора или мелодии музыканта, их труд исчезает в момент его выполнения (*ibid.*; там же, с. 340).

Вот оно. Маркс принял это разделение, и (я так понимаю) оно до сих пор отражается в некоторых статистических данных в России.

Далее Смит обсуждает соотношение между определенным производительным и непроизводительным трудом. Это рассуждение приводит его к предположению, что производительный труд производит капитал, в том или ином смысле, а непроизводительный труд, хотя и может принести потребительское вознаграждение тем, кто им пользуется, не может произвести капитала. Сделав это предположение, Смит довольно подробно размышляет об образовании капитала: «Капиталы возрастают в результате бережливости и уменьшаются вследствие мотовства и неблагоразумия».

Все, что какое-либо лицо сберегает из своего дохода, оно добавляет к своему капиталу; оно или затрачивает это сбережение на содержание добавочного количества производительных рабочих, или дает возможность сделать это кому-нибудь другому, ссужая ему это сбережение под проценты, т. е. за долю прибыли. Подобно тому как капитал отдельного лица может увеличиваться только на ту сумму, какую оно сберегает из своего годового дохода или прибыли, так и капитал всего общества, равный общему капиталу всех отдельных личностей, составляющих его, может быть увеличен таким же путем (*ibid.*, 1:320; там же, с. 345).

Подобный подход не учитывает принудительных сбережений, которые наблюдаются, например, в начале инфляции, или при других аналогичных денежных осложнениях.

Однако затем Смит убеждает читателей, что сбережение денег не означает сокращение трудовой занятости; вот его знаменитые строки:

То, что сберегается в течение года, потребляется столь же регулярно, как и то, что ежегодно расходуется, и притом в продолжение почти того же времени, но потребляется оно совсем другого рода людьми. Доля дохода богатого человека, расходуемая им в течение года, в большинстве случаев потребляется праздными гостями и домашними слугами, которые ничего не отдают взамен своего потребления. Доля его дохода, ежегодно сберегаемая им, поскольку она в целях получения прибыли немедленно употребляется в дело как капитал, потребляется таким же образом и почти в то же время, но людьми иного рода — сельскохозяйственными рабочими, промышленными рабочими и ремесленниками, которые воспроизводят с некоторой прибылью стоимость своего годового потребления (ibid.; там же, с. 345–346).

Это судьбоносное предложение совершенно не учитывает, что скорость обращения денег может быть разной, как и стремление к накоплению металлических денег. Как совершенно справедливо писал Кейнс (и многие другие), при условии, что количество денег, металлических или бумажных, в обществе постоянно, попытки накапливать деньги влияют только на объем производства и занятости, но не уменьшают количества денег, накапливаемых в обществе. Они влияют только на скорость обращения денег. Однако это очень важно: это один из способов частично объяснить колебания торговли и занятости.

Это замечание Адама Смита позаимствовали многие классические экономисты. Дальнейшее развитие оно нашло в знаменитом, хотя и неверно названном законе Сэя. Жан Батист Сэй был выдающимся французским экономистом, который популяризировал Адама Смита и переложил его книгу на французский манер. Формулировка: «Совокупное предложение должно всегда быть равно совокупному спросу», — на современном экономическом жаргоне известна как «закон Сэя». И многие экономисты, крупные и мелкие, сделали себе репутацию, объясняя, почему закон Сэя работает не всегда.

Если вы прочтете статью профессора Баумоля (Baumol, 1977) в недавнем выпуске «Economica» (кажется, номер 68)

о восьми толкованиях закона Жана Батиста Сэя, вы поймете, что Сэй осознавал возможность накопления денег и все остальные возможности. Так что несправедливо обвинять Сэя в совершении ошибок, которые были свойственны еще Джеймсу Миллю. Эти же ошибочные суждения звучали и у Рикардо, например, он результативно прибегал к ним, споря с Мальтусом о депрессии. Но факт остается фактом: дурная слава крепка. Вероятно, закон Сэя так и останется законом Сэя, хотя история экономической мысли показывает, что Сэй виноват не больше остальных.

Оставшаяся часть книги посвящена рассуждениям о том, как общество выигрывает от накопления капитала. Она также рассказывает, чем отдельные лица отличаются от правительств. Адам Смит, показывая себя отчасти марксистом, считает, что отдельные граждане склонны делать сбережения на будущее, но при этом полагает крайне маловероятным, что такие сбережения склонны делать власти. Напротив, пишет он, правительства всегда тратят больше, чем зарабатывают, и, если бы они только перестали вмешиваться в дела частных граждан, можно было бы не волноваться о накоплении капитала. И Адам Смит, и Юм, хотя в их времена национальный долг был крайне невелик, были крайне обеспокоены расточительством правительств. И Смит, и Юм осуждали это расточительство в самых недвусмысленных выражениях.

Четвертая глава, «О капитале, ссужаемом под проценты», интересна, но она не содержит новых идей.

В третьей книге Смит предполагает, что государственная политика исказила «естественное развитие благосостояния», и размышляет о «препятствиях развитию земледелия в древней Европе после падения Римской империи». В третьей главе он обсуждает «Возникновение и развитие городов после падения Римской империи», в четвертой — говорится о взаимоотношениях города и деревни в условиях политики, принятой государством. Это все, что я хотел рассказать о третьей книге «Богатства народов».

В четвертой книге Смит рассказывает «О системах политической экономии». Во введении он предлагает читателю новый взгляд на политическую экономию. Первую, вторую и третью книги можно считать аналитическими, хотя в третьей книге есть один полемический отрывок. Однако

четвертая книга, «О системах политической экономии», полемическая. Смит пишет:

Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит перед собой две задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя (Smith, 1776, 1:395; Смит, 2007, с. 419).

Он добавляет:

Различный характер развития благосостояния в разные периоды у разных народов породил две неодинаковые системы политической экономии по вопросу о способах обогащения народа. Одна может быть названа коммерческой

(в дальнейшем он назовет эту систему меркантилистской или меркантильной),

а другая — системой земледелия. Я попытаюсь с доступной мне полнотой и отчетливостью изложить обе эти системы, причем начну с коммерческой (ibid.; там же).

Коммерческой системе посвящается остаток первой и существенная часть второй главы. Не стану подробно о ней рассказывать. Хотя эти главы имеют огромную ценность для историков, так как показывают, как Адам Смит оценивал исторические случаи вмешательства в экономику и введения государственного регулирования, к нашим лекциям они имеют мало отношения.

Глава первая, в которой говорится о «Принципах коммерческой, или меркантилистической, системы», направлена против идеи о том, что богатство заключается в деньгах, золоте и серебре, — распространенном мнении, которое естественным образом вытекает из двойной функции денег как торгового инструмента. Смит не согласен с меркантилистской, или коммерческой, системой, которая требует, чтобы целью торговой политики было обеспечение постоянного притока драгоценных металлов в страну. Смит считает, что страны, в которых нет собственных золотых и серебря-

ных рудников, должны получать золото и серебро из других стран так же, как страны, в которых нет своих виноградников, должны импортировать вино. Он полагается на гипотезу движения металлических денег, так прекрасно развитую Юмом. Адам Смит, должно быть, был знаком с опровержением Юма, хотя он не упоминает о нем в «Богатстве народов», что довольно странно и непонятно. В любом случае в данном конкретном случае мысль Смита уступает мнению Юма.

Во второй главе обсуждаются ограничения на импорт определенных товаров. Смит считает, что они должны зависеть от интересов разных производителей, и прибегает к довольно шатким аргументам относительно сумм, затрачиваемых на внешнюю и внутреннюю торговлю. Эта мысль приводит к его знаменитым замечаниям о «невидимой руке», которые я зачитаю вслух, потому что каждый должен их знать:

...годовой доход любого общества всегда в точности равен меновой стоимости всего годового продукта его труда или, вернее, именно и представляет собой эту меновую стоимость. И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не собирается содействовать общественной пользе и не знает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду

(ранее в этой же главе Смит писал, что отечественная промышленность часто бывает более производительна, чем зарубежная, утверждение весьма спорное, если применять его к конкретным историческим обстоятельствам)

лишь собственный интерес, осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он «невидимой рукой» направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя собственные интересы, он часто более действительным образом служит инте-

рессам общества, чем когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать

(и это говорит апологет буржуазии!),

чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них (*ibid.*, 1:421; там же, с. 442–443).

Затем Смит пишет, что

Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению и которая ни в чьих руках не оказалась бы столь опасной, как в руках человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть (*ibid.*; там же).

Этот отрывок всегда цитируют описывающие Адама Смита как сторонника крайней политики *laissez-faire*. Конечно, в отрыве от контекста он звучит именно так, но продолжив чтение, вы обнаружите, что Смит приписывает государству множество функций, и это коренным образом отличает его от тех, кто считает политику *laissez-faire* догмой. В следующей лекции мы подробнее обсудим это. О процитированном отрывке скажу только то, что уже сказал: с аналитической точки зрения, идея о «невидимой руке», направляющей людей инвестировать деньги в отечественную промышленность до тех пор, пока им не станет выгодней делать инвестиции в зарубежную промышленность, не слишком убедительна, хотя похоже, что сам Адам Смит в нее верил. Его похвалы «невидимой руке», управляющей эгоизмом без поддержки монополистических ограничений того или иного рода, звучали бы лучше, выбери он другой пример. Но я углубился в эзотерику.

Перейдем к тому, что Смит пишет о физиократах. В «Богатстве народов» множество глав, посвященных меркантилистской системе, и всего одна глава о физиократии. Однако реакция Смита на физиократию крайне интересна и заслуживает некоторого внимания.

Я уже подготовил вас к главе о физиократии, когда прочел Смитову довольно презрительную оценку Кольбера, трудяги, который очень эффективно вел счета, но недостаточно эффективно, по мнению Адама Смита, управлял делами великой страны, поскольку посвящал все внимание развитию промышленности в ущерб сельскому хозяйству. Смит продолжает так: «Если палка слишком перегнута в одну сторону, для выпрямления ее следует настолько же перегнуть в другую сторону» (*ibid.*, 2:162; там же, с. 626).

Юм был сильно разочарован во французских философах (я цитировал вам отрывок, где он называет их самыми большими фантазерами), но Адама Смита они скорее привлекали. Он пишет:

Французские философы, предложившие систему, которая представляет земледелие единственным источником дохода и богатства каждой страны, усвоили мудрость этой пословицы. Если в плане Кольбера промышленность городов была, несомненно, переоценена в сравнении с земледелием, то в их системе она так же недооценивается (*ibid.*; там же).

Далее Смит описывает философскую систему физиократов, которую я уже пытался вам изложить. Он упоминает Экономическую таблицу, к которой относился с достаточным уважением. Он называет систему Кенэ «либеральной и великодушной теорией» (*ibid.*, 2:170; там же, с. 633), но считает, что «главная ошибка этой теории состоит в изображении класса ремесленников, мануфактуристов и купцов как совершенно бесплодного и непроизводительного» (*ibid.*, 2:172; там же, с. 636). По мнению Смита, следующие наблюдения могут доказать некорректность такого взгляда:

I. Этот класс, как признается, воспроизводит ежегодно стоимость собственного годового потребления и сохраняет тот запас или капитал, который содержит его и дает ему занятие. Уже в силу одного этого название бесплодного и непроизводительного совершенно не правильно применено к нему. Мы ведь не назовем брак бесплодным или непроизводительным, если он принес только сына и дочь, заменяющих отца и мать и не увеличивал число особей человеческого рода, а только поддерживал его на прежнем уровне...

II. Ввиду этого неверно рассматривать ремесленников, мануфактуристов и купцов в таком же свете, как домашнюю прислугу. Труд домашней прислуги

(а также труд монарха, добавлю я)

не продолжает существования фонда, который содержит ее и дает ей занятие. Она содержится и получает занятие исключительно за счет своих хозяев, и работа, которую она выполняет, не того рода, чтобы возместить издержки. Работа эта состоит в услугах, следы которых исчезают в самый момент выполнения их; она не овеществляется или не реализуется в каком-либо могущем быть проданным товаре, который мог бы возместить стоимость ее заработной платы и содержания (*ibid.*, 2:173; там же, с. 636).

На предыдущей странице Смит позволяет себе небольшую насмешку над Кенэ: я зачитаю ее, поскольку она демонстрирует собственное, весьма эклектическое, отношение Адама Смита к устройству общества и возможности его контролировать. Он пишет:

Некоторые врачи-доктринеры воображали, по-видимому, что здоровье тела может быть сохранено только при соблюдении определенной диеты и упражнений, причем всякое малейшее нарушение должно вести к какому-либо заболеванию или расстройству, причем серьезность их соответствует серьезности этого нарушения. Однако опыт, как кажется, свидетельствует, что человеческое тело часто остается, по крайней мере по видимости, в самом отличном состоянии здоровья при самых разнообразных режимах, даже при таких, которые обычно считаются далеко не здоровыми... Кенэ, который сам был врачом, врачом-теоретиком, держался того же взгляда относительно политического организма и воображал, что он может благоденствовать и процветать только при соблюдении определенного режима, режима полной свободы и совершенного правосудия (*ibid.*, 2:172; там же, с. 635).

Несколькими предложениями позже он пишет:

Если бы нация не могла преуспевать, не пользуясь полной свободой и совершенным правосудием, на всем свете не нашлось бы нации, которая когда-либо могла бы процветать. Но мудрая природа, к счастью, позаботилась о том, чтобы заложить в политическом организме достаточно средств для исправления многих вредных последствий безумия и несправедливости человека, совсем так, как она сделала это с физическим организмом человека для исправления последствий его неосторожности и невыдержанности (*ibid.*; там же, с. 636).

Затем Смит хвалит систему физиократов. Он пишет о сельскохозяйственной системе:

И все же изложенная теория при всех ее несовершенствах, пожалуй, ближе всего подходит к истине, чем какая-либо другая теория политической экономии, до сих пор опубликованная. Ввиду этого она вполне заслуживает внимания каждого, желающего исследовать принципы этой весьма важной науки (*ibid.*, 2:176; там же, с. 639).

Отчего же Адам Смит хвалил физиократов, а Юм порицал их, всех, за исключением Тюрго? Адам Смит хвалил их потому, что в ходе своего анализа системы общества в целом, физиократы отвергали всевозможное регулирование экономики — законы, запрещающие передачу хлеба из района, где его было в избытке, в голодающий район... Смит чувствовал, что физиократы были на верном пути, когда подчеркивали преимущества большей свободы рынков и частного предпринимательства. Он не соглашался с их определением «производительного» и «непроизводительного» труда; он полагал, что Экономическая таблица не сравнима по важности с такими изобретениями, как письменность, колесо... Смит считал, что физиократы преувеличивали значение Экономической таблицы, он же считал физиократию либеральной и великодушной системой, заслуживающей внимания.

Четвертая книга заканчивается очень важным отрывком, в котором Смит пишет, что меркантилистская система многократно продемонстрировала свою негодность, и сельскохозяйственная система также во многом дефективна, «поэтому, поскольку совершенно отпадают все системы предпочтения или стеснений, остается и утверждается простая и незамысловатая система естественной свободы» (*ibid.*, 2:184; там же, с. 647).

Он дает определение системе естественной свободы, и это определение очень важно, чтобы вас не ввело в заблуждение поверхностное знакомство с отрывком о «невидимой руке»:

Согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности, правда, они весьма важны, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ (*ibid.*, 2: 184–185; там же).

Ранее Смит, хваля навигационные акты, которые разрешали определенные виды торговли только британским кораблям, писал, что они создали мощную управляемую силу, которую можно использовать в военных целях, и что безопасность важнее изобилия. Он писал это в главах, посвященных меркантилистской системе.

Во-вторых, обязанность ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия (*ibid.*, 2: 185; там же).

Я думаю, что Адам Смит был не прав, когда писал, что справедливость проста и доступна всеобщему пониманию. Юм был ближе к истине, утверждая, что системы правосудия (в терминологии Юма это были системы, относящиеся к собственности и контрактам) исключительно сложны и не могут быть записаны на двух каменных табличках, но всю жизнь скрупулезно изучаются лучшими умами. Однако вернемся к обязанностям монарха. Я хочу, чтобы третью обязанность вы запомнили:

В-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них никогда не сможет оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и часто сможет с излишком оплатить их большому обществу (*ibid.*; там же, с. 647–648).

Эта третья обязанность государства не могла быть изложена догматическим сторонником полицейского государства, или, как называл его не то Маркс, не то Лассаль, государства — «ночного сторожа»¹.

Мысли Смита об обязанностях государства и государственных финансах я охватываю в завтрашней лекции, чтобы впоследствии мы смогли перейти к куда более сложным классическим экономистам XIX века.

---

1. Это был Лассаль.

Лекция 16

«Богатство народов»: экономическая политика (II)

В КОНЦЕ предыдущей лекции я прочел вам размышления Адама Смита о функциях государства в системе естественной свободы. Особенно подробно он обсуждает третью функцию: обязанность государства поддерживать такие отрасли промышленности и предприятия, в которых не заинтересованы отдельные лица или небольшие группы, несмотря на то что они могут послужить на благо всей страны.

Я забыл попросить вас сравнить это определение функций государства с тем, которое дает Кейнс в своем знаменитом памфлете «Конец *laissez-faire*» (Keynes, 1926; Кейнс, 2007, 367–384). Кейнс был превосходным человеком, но у него была никудышная память, именно этим объясняются все грехи, в которых Кейнса часто и весьма не справедливо обвиняют. Кейнс не читал последнюю главу четвертой книги «Богатства народов», поскольку его определение функций государства сформулировано теми же словами и имеет тот же формальный смысл. Конечно, с 1776 года произошло много событий, и я должен сказать, что любой разумный человек рассматривает специфические функции государства, о которых писал Кейнс, как более значимые в XX веке по сравнению с XVIII. Это все, что я хочу сказать об общей формулировке.

Но сегодня я хочу поговорить с вами о теории расходов и регулирующих мер государства, сформулированной Адамом Смитом в пятой книге «Богатства народов», и кратко ознакомить вас с системой государственных финансов.

В начале пятой книги рассказывается о первых обязанностях государства в условиях свободы — о защите населения. Смит очень интересно описывает, как эволюционировало понятие защиты населения со времен наименее развитого состояния общества, в котором каждый человек является

одновременно воином, охотником и, возможно, пастухом, и до того времени, когда Смит писал «Богатство народов». Он рассуждает о том, как возросли затраты на безопасность с изобретением пороха, и о том, как защита стала более специализированной. Однако в этом отрывке нет экономического анализа.

Затем Смит переходит к вопросу о праве. Хотя он не использует слово «справедливость» в том довольно узком смысле, в котором его использует Юм, обсуждая законодательство в сфере собственности и контрактов, он убеждает читателя, что в обществе, в котором нет собственности, а значит, и связанных с ней воровства и насилия, отправление правосудия является относительно небольшой сферой. Затем Смит обсуждает отправление правосудия в более развитом обществе, в частности рассматривая вопросы права, связанные с собственностью, которая, как он считает, либо достается человеку вследствие удачи, либо наследуется. В конце раздела Смит прослеживает эволюцию правовых институтов, показывая, как в прошлом последние позволяли вершителям правосудия принимать дары и иными способами поддерживали коррупцию. Он рассуждает об исключительной важности независимости судебных органов.

Нас больше всего интересует третья обязанность государства — обязанность поддерживать или обеспечивать такую деятельность и институты, в поддержании которых не заинтересованы ни частные лица, ни группы людей. Смит рассуждает о важности подобной деятельности и рекомендует, чтобы во многих случаях (например, строительство и поддержание системы дорог или системы мостов) работы финансировались не из налоговых сборов, а из альтернативных источников. Он активно выступает в поддержку сборов за пользование дорогами и каналами, которые в его дни стали входить в моду. Чтобы продемонстрировать свой прагматизм в этом вопросе, Смит говорит, что если за каналами нет постоянного присмотра, у них рушатся берега, следовательно, в интересах тех людей, которые следят за состоянием каналов, содержать их в судоходном состоянии. В отношении дорог это правило не действует, поскольку дорогу можно использовать даже после того, как она пришла в негодное состояние, поэтому, считает Смит, дороги должны быть переданы во владение государственному учреждению.

Далее Смит приводит последнее общее наблюдение, за которым следует обсуждение конкретных институтов. Он утверждает, что общественные работы местного значения должны проводиться под управлением местных властей, поскольку они затрагивают местные власти сильнее, чем центральные. В качестве примера он сравнивает хорошее уличное освещение в городах, где им заведуют местные власти, с плохим освещением в городах, где им заведуют центральные власти.

Затем Смит переходит к конкретным отраслям торговли и долго обсуждает, как государство санкционирует создание регулируемых или акционерных компаний. Вообще Адам Смит с большим подозрением относился к руководству подобных компаний и к их эффективности за пределами весьма узкого круга функций. Он считает, что существование регулируемых компаний можно оправдать там, где торговля ведется с относительно примитивными сообществами, которые используют собственные правовые системы, так что риск для индивидуальных торговцев был бы слишком велик. Однако, по мнению Смита, большой риск заключается в том, чтобы наделять особым статусом даже регулируемые компании. В этой и прочих частях книги Смит весьма нелицеприятно отзываясь об Ост-Индской компании, которая пользовалась огромной властью в Индии и за ее пределами.

Принцип акционерных компаний Смит одобряет при условии, что их монополия действует лишь относительно короткое время. К тому же Смит добавляет крайне пессимистичные рассуждения о том, что не способны делать акционерные компании:

Однако без монополии акционерные компании, как это показывает опыт, не могут долго вести какую-либо отрасль внешней торговли. Покупать на одном рынке, чтобы продать с прибылью на другом, если на обоих много конкурентов, следить не только за случайными колебаниями спроса, но и за более значительными и более частыми колебаниями в конкуренции или удовлетворении этого спроса другими торговцами, приспособлять умело и с пониманием дела ко всем этим обстоятельствам количество и качество каждого ассортимента товаров — это своего рода ведение войны, операции которой непрерывно меняются и которая едва ли может вестись успешно без таких неослабных усилий бдительности и внима-

ния, каких нельзя ожидать от директоров акционерной компании (Smith, 1776, 2:245; Смит, 2007, с. 701–702).

Если бы нашей задачей было раскритиковать Адама Смита, его дальнейшие замечания на эту тему обеспечили бы вас богатейшим материалом для работы. Он пишет:

Акционерные компании могут вести успешно, по-видимому, без исключительных привилегий только те предприятия, в которых все операции могут быть сведены к так называемой рутине или такому единообразию методов, какое допускает немного или совсем не допускает изменений. К предприятиям такого рода относятся, во-первых, банки, во-вторых, предприятия по страхованию от пожаров, от морского риска и каперства во время войны, в-третьих, сооружение и содержание судоходных каналов и, в-четвертых, подобные им предприятия, снабжающие водой большие города (ibid., 2:246; там же, с. 702).

Что бы мы ни думали о современных законах об акционерных компаниях и их нынешней эффективности, история требует признать: тут Адам Смит попал пальцем в небо. В следующие исторические периоды успешные акционерные компании, не получившие от государства монополии, пользовались очевидным успехом. Прочтите эту часть, поразмыслите над ней и попытайтесь перечислить те обобщения, применимые к акционерным компаниям, которые не пришли в голову Адаму Смиту. Некоторые подобные обобщения никак нельзя назвать абсолютно благоприятными, но это уже другой вопрос.

Перейдем к куда более захватывающей главе, «О расходах на учреждения для образования юношества». Смит начинает обсуждение с университетов. «Содействовали ли в общем эти общественные пожертвования», — спрашивает он —

достижению той цели, ради которой они делались? Содействовали ли они поощрению старательности и улучшению способностей преподавателей? Направляли ли они обучение в сторону целей, более полезных как для отдельного лица, так и для всего общества, чем те, какие оно, естественно, преследовало бы, будучи предоставлено самому себе? Дать более или менее точный ответ на каждый из этих вопросов совсем не трудно (ibid., 2:249; там же, с. 705).

Затем он делает обобщение, которое многим из вас может показаться верным и которое мне кажется частично верным:

В любой профессии старательность большинства занимающих ею всегда соответствует необходимости проявлять ее. Эта необходимость сильнее всего ощущается теми, для которых вознаграждение их профессии составляет единственный источник, из которого они рассчитывают приобрести себе состояние или свой обычный доход и средства к существованию (*ibid.*; там же).

Иначе говоря, Смит считал, что было бы идеально, чтобы университетские преподаватели получали доход из тех денег, которые их ученики платят за обучение. Таким образом, если бы они читали хорошие лекции, у них было бы много студентов, а если плохие, студентов было бы мало.

Не думайте, что это нереальное предложение. Здесь есть студенты из Германии? Действует ли еще в немецких университетах институт *Kollegiumgeld*? (Студент отвечает отрицательно.) Значит, эта практика была отменена после Второй мировой войны. Я знаю профессоров делового администрирования, возможно, ныне уже покойных, которые зарабатывали огромные состояния на своих популярных лекциях.

Смит утверждает, что

величина благ, которые могут быть получены при успехе в некоторых профессиях, может, несомненно, возбуждать иногда усилия немногих людей, отличающихся чрезвычайным честолюбием и характером. Однако большие блага, очевидно, отнюдь не нужны для того, чтобы вызывать величайшие усилия (*ibid.*, 2: 249–250; там же, с. 705).

А затем он пишет, что

капиталы школ и университетов неизбежно более или менее уменьшили необходимость прилежания для преподавателей... В некоторых университетах жалование составляет только часть, притом часто весьма небольшую, вознаграждения преподавателя, большая его часть получается от гонорара или платы, вносимой его слушателями (*ibid.*, 2:250; там же, с. 706).

Смит имеет в виду свой родной университет в Глазго, который он считал весьма эффективно устроенным.

Необходимость усердия, хотя всегда более или менее уменьшенная, в данном случае не совсем устранена. Репутация в своей профессии имеет для преподавателя еще некоторое значение, он еще зависит от симпатий, благодарности и благоприятных отзывов слушателей его лекций...

В других университетах преподавателям запрещено получать от слушателей гонорар или плату, и их жалование составляет весь заработок, который они получают от своей должности. В данном случае интересы преподавателя поставлены в непосредственную и прямую противоположность его обязанностям. В интересах каждого человека жить спокойно, как это возможно, и если его заработок остается неизменным, будет ли он или не будет выполнять некоторые очень обременительные обязанности, в его интересах, по крайней мере, как последние обычно понимаются, или совсем пренебрегать ими, или, если он подчинен некоторой власти, которая не потерпит этого с его стороны, выполнять их так небрежно и неаккуратно, как только это допустит указанная власть...

Если власть, которой он подчинен, олицетворяется в корпорации — в колледже или университете, членом которой он состоит сам и большая часть других членов которой состоит из таких же преподавателей, как и он, или будущих преподавателей, то они, скорее всего, будут действовать согласно, будут все снисходительны друг к другу, причем каждый согласится, чтобы его сосед пренебрегал своими обязанностями при условии, чтобы ему самому тоже позволяли пренебрегать ими. В Оксфордском университете большинство профессоров в течение многих лет совсем отказалось даже от видимости преподавания (*ibid.*, 2: 250–251; там же).

А ведь Адам Смит семь лет провел в Баллиольском колледже по стипендии Снелла! Он обсуждает также французские университеты, причем имеет о них весьма невысокое мнение. Я должен зачитать вам этот отрывок, несмотря на то что вы можете истолковать его не в мою пользу!

Если преподаватель человек неглупый, для него должно быть неприятно сознание того, что, преподавая своим студентам, он говорит или читает пустяки или нечто такое, что мало отличается от пустяков. Точно так же ему должно быть неприятно замечать, что большая часть студентов не посещает

его лекций или присутствует на них, достаточно ясно обнаруживая свое пренебрежение, презрение и насмешку... Впрочем, в ход могут быть пущены различные средства, освобождающие от необходимости проявлять такую старательность. Вместо того чтобы самостоятельно излагать своим ученикам науку, которую он хочет преподавать, преподаватель может читать им какую-нибудь книгу на эту тему

(что я сейчас и делаю),

а если она написана на иностранном и мертвом языке, переводя ее на их родной язык (*ibid.*, 2:252–253; там же, с. 708).

Далее следует бессмертный абзац, который заставит вас полюбить Адама Смита, даже если вы не во всем с ним согласны:

Дисциплина в колледжах и университетах, по общему правилу, установлена не ради блага студентов, а в интересах или, правильнее, для удобства преподавателей. Ее цель во всех случаях — поддержать авторитет учителя и, независимо от того, пренебрегает ли он своими обязанностями или выполняет их, принудить студентов всегда относиться к нему так, как если бы он выполнял их с величайшей старательностью и талантом. Дисциплина как будто предполагает мудрость и добродетель у одних и величайшую слабость и неразумие у других. Везде, где учителя действительно выполняют свои обязанности, я уверен, что большинство студентов не пренебрегает своими обязанностями. Не требуется никакого принуждения для посещения лекций, которые действительно заслуживают этого, потому что хорошо известно, где они читаются. Принуждение и дисциплина, без сомнения, до известной степени необходимы, для того чтобы заставить детей или совсем маленьких мальчиков не пренебрегать теми предметами обучения, усвоение которых необходимо для них в этот ранний период жизни, но по достижении 12–13-летнего возраста, если только учитель выполняет свои обязанности, принуждение или дисциплина вряд ли окажутся необходимыми для прохождения той или иной части образования. Таково великодушие и благородство большей части молодых людей

(и девушек, добавлю я),

что, отнюдь не будучи склонны игнорировать или презирать наставления своего учителя, если только он обнаруживает хоть

сколько-нибудь серьезное стремление быть полезным им, они обычно склонны прощать значительные упущения при исполнении им своих обязанностей и иногда даже скрывать от публики грубое пренебрежение ими (*ibid.*, 2:253; там же, с. 709).

Затем Смит рассуждает об истории образования в Средние века (о том, как образование раньше было орудием церкви), о различиях между современными университетами, Оксфордом и Кембриджем, и об образовании в Древней Греции, где не было университетов, но великие философы, Платон и Аристотель, а также их последователи имели учеников и, по мнению Смита, успешно давали им достойное образование. Смит пишет, те предметы, которые не преподаются в университетах и за обучение которым преподаватели получают прямую плату, преподаются очень хорошо, или же на них падает спрос. Он также рассуждает о том, что «не существует общественных заведений для образования женщин, в результате этого в обычном курсе их обучения нет ничего бесполезного, нелепого или фантастического» (*ibid.*, 2:266; там же, с. 721).

Исторический опыт подтверждает, что бы мы ни сказали об Оксфорде и Кембридже (а в XX веке против них можно было бы многое сказать), мы не можем назвать их средоточием праздности. Система занятий один на один с преподавателем, которая сейчас вымирает на многих факультетах (в моду входит система маленьких групп), была привилегией богатых людей. Личные отношения с преподавателем — это прекрасная вещь, необходимая в университете, но можно построить достаточно близкие отношения и в рамках небольшой группы, я думаю, если речь идет о студентах, а не об аспирантах.

Во времена своей работы в Оксфорде (я провел там несколько лет в 1920-е годы, причем вначале работал на полставки) я приезжал в университет ранним утром в среду, а уезжал оттуда днем в субботу, и каждый час рабочего дня был посвящен старомодным индивидуальным занятиям с учениками. Когда студент приносил мне эссе на полстранички, я продолжал общаться с ним до конца часа, вместо того чтобы сказать: «Надеюсь, в следующий раз вы напишете более интересное эссе. Можете ознакомиться с такими-то и такими-то источниками, если еще этого не сделали». И я

должен сказать, что в те времена к моменту субботнего ужина я так уставал (занятия продолжались до десяти вечера), что уже смотреть на этот ужин не мог.

В те дни у меня сложилось впечатление, что весьма выдающиеся люди работают слишком много. Я говорю о людях, которые уже мертвы, например, А. Дж. Карлайл, выдающийся историк средневековой экономической мысли, говорил мне, что дает по тридцать часов индивидуальных занятий в неделю. Это совсем не похоже на то, что описано у Адама Смита. Думаю, что чтение лекций в Оксфорде в те дни большинство преподавателей воспринимали довольно легкомысленно. Лекции были обязанностью, и преподаватели не особо выкладывались; любому, кто прилагал к тому хоть немного усилий, было нетрудно собрать огромную толпу слушателей. Я не пытаюсь оправдать университеты, которым часто есть, что улучшить, но это исторический факт: в XIX веке Оксфорд и Кембридж пережили реформы, так что на смену тотальной небрежности XVIII века пришло чрезмерное увлечение системой индивидуальных занятий. И это произошло вовсе не из-за изменений в рыночной системе, это произошло благодаря влиянию нескольких сильных личностей. В Оксфорде, который мне знаком гораздо лучше Кембриджа, это Марк Паттисон в Линкольнском колледже, Джоуэтт в Баллиольском, Ньюман и его друзья в Ориельском и т. д. Так что, хотя я и не сказал бы, что в этих древних университетах нет людей, пренебрегающих своими преподавательскими обязанностями, в мои времена это делать было не принято.

Я также думаю, что более серьезную проблему в университетском образовании (если вы не придерживаетесь крайних *laissez-faire* взглядов на образование) представляют оклады преподавателей, которые ведут самые редкие предметы. Даже великолепный профессор, скажем, по египтологии вряд ли соберет такую же большую аудиторию, как лектор, читающий, например, курс бухгалтерского учета или инженерии. Я лично считаю египтологию весьма уважаемым предметом. Достаточно большие университеты, например Лондонский, должны непременно иметь в штате преподавателей по тем узким специальностям, которые привлекают не очень много студентов. Так что система оплаты преподавательского труда, рекомендованная Адамом Смитом

и прекрасно служившая своей цели в шотландских университетах, не является универсальной.

Затем Адам Смит переходит к теме, куда более важной, чем университетское образование: к образованию людей, которые не имеют возможности учиться в университете или колледже. Смит считает, что разделение труда, которое он так хвалит в первой книге «Богатства народов», плохо сказывается на тех, кто находится на низшей ступени разделения труда, поскольку они не получают образования. Зачитаю вам замечательный отрывок, несмотря на то что Адам Смит говорит в нем о читающих людях:

С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. основной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций... Но умственные способности и развитие большей части людей складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении многих простых операций, причем и результаты их всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые ему не встречаются. Поэтому он утрачивает привычку к такому упражнению и становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо. Его умственная тупость не только не позволяет ему находить удовольствие или участвовать в сколько-нибудь разумной беседе, но и понимать какое бы то ни было благородное, великодушное или нежное чувство, а следовательно, составлять сколько-нибудь правильное суждение относительно многих, даже обычных, обязанностей частной жизни (*ibid.*, 2:267; там же, с. 722).

А затем он говорит, что однообразие даже ослабляет физическую активность и делает человека не способным проявлять настойчивость, инициативность и т. д.

Чтобы предупредить эти прискорбные последствия, Смит предлагает:

... хотя люди из простонародья не могут в цивилизованном обществе получать такое хорошее образование, как люди знатные и состоятельные, однако умение читать, писать и считать может быть приобретено в столь ранний период жизни, что большинство даже тех, кто воспитывается для более простых

занятий, имеет время приобрести эти познания еще до того, как они могут быть приставлены к этим занятиям. С весьма небольшими издержками государство может облегчить, поощрять и даже сделать обязательным почти для всего народа приобретение этих наиболее существенных элементов образования (*ibid.*, 2:270; там же, с. 724).

И рекомендует учреждение

в каждом приходе или округе небольшой школы, где дети могли бы обучаться за столь умеренную плату, которая была бы посильна даже для рядового поденщика; учитель должен частью, не целиком, оплачиваться из общественных средств... В Шотландии учреждение таких приходских школ привело к обучению почти всего простонародья чтению и весьма значительной части его — письму и счету (*ibid.*; там же).

Смит продолжает рассуждать в том же духе и предлагает, чтобы обучение некоторым профессиям было бесплатным лишь для тех, кто сдал определенные экзамены. Он не верит в университетские экзамены в целом, но верит, что с их помощью можно определить некоторый уровень знаний.

Смит пишет также о затратах на религиозное образование и вступает в крайне интересный спор с Юмом, которого называет «самым замечательным философом и историком нашего века» (*ibid.*, 2:275; там же, с. 729). Юм считал, что не слишком хорошо иметь государственную религию, служителей которой содержит государство, поскольку это поощряет фанатизм, а фанатизм — это крайне тревожное явление. Действительно, чрезмерное рвение при пропаганде может быть крайне тревожным, если только (здесь Юм явно иронизирует) речь не идет о пропаганде «истинной» религии. Очевидно, это уточнение он вставил, для того чтобы не подвергнуться нападкам критиковавших его как агностика. Адам Смит вступает с Юмом в спор не столько на тему религии, сколько на тему того, что если в стране множество сект, конкурирующих друг с другом, ни одна из них не может занять главенствующего положения и ни одна не будет достаточно богатой, чтобы привлечь в свои ряды самых выдающихся людей. Университеты же, считает Смит, в случае существования в обществе многих религий смогут привлечь на службу наиболее выдающихся людей, потому что смогут

предложить им более высокие оклады и оплату труда. Все это крайне занимательно, но аналитически не слишком важно.

Зато важна та часть оставшегося текста, в которой говорится о вопросах налогообложения и долга, и к ней я хочу привлечь ваше внимание¹. Что касается налогообложения, вы, несомненно, услышите куда более выдающиеся лекции по этой теме в ходе занятий по специальности, так что мне ни к чему подробно пересказывать вам размышления Адама Смита о налогообложении. Тем не менее я должен упомянуть знаменитые каноны налогообложения, которые Адам Смит сформулировал в начале своего рассуждения о хорошей налоговой системе.

Первое общее правило гласит, что налоговая система должна равномерно распределять налоговое бремя. Это утверждение можно интерпретировать двояко. Местами кажется, что Смит имеет в виду пропорциональность налогового бремени доходу, а местами его слова можно истолковать в пользу прогрессивного подхода к подоходному налогу. Второе правило налогообложения — его определенность. Люди должны знать, какие они платят налоги, прямо или косвенно. Третье правило — удобство. Налоги должны взиматься в такой форме, которая причиняет меньше всего неудобств населению. Четвертое правило — экономность при взимании сборов (*ibid.*, 2:310–312; там же, с. 761–763).

Далее Смит обсуждает разные виды налогов, прямых и косвенных, при этом в чем-то вы с ним соглашаетесь, а в чем-то нет. Все это крайне интересно, но, пожалуй, неактуально для нас.

В последней части книги говорится о государственном долге (книга 5, глава 3). Сколько здесь слушателей из Америки? Поднимите, пожалуйста, руки. То, о чем мы сейчас будем говорить, для вас прозвучит особенно пикантно. Ранее на страницах «Богатства народов» Смит уже выражал свое крайнее беспокойство организацией государственных финансов между тогдашними американскими колониями и Великобританией. Он отнюдь не считает эту организацию справедливой, хотя смотрит на вопрос до некоторой степени с точки зрения британцев. Он указывает на то, как

---

1. См.: Богатство народов, книга 5, гл. 2 и 3.

затратно содержать большую армию и флот, чтобы охранять колонии от нападков французов, индейцев и т.д. Так что Смит предлагает организовать федерацию, которую он считает почти идеальным устройством. Он пишет (я зачитаю вам этот отрывок, чтобы продемонстрировать широту его взглядов):

Люди по ту сторону океана опасаются, что отдаленность их от местопребывания правительства подвергнет их всякого рода угнетению, но их представители в парламенте, число которых с самого начала должно быть значительно, легко смогут оградить их от всякого угнетения. Расстояние не может сильно ослабить зависимость представителя от избирателя, и первый будет все же сознавать, что обязан своим местом в парламенте и всем, что он извлекает из него, доброй воле последнего (*ibid.*, 2:124; там же, с. 593).

Здесь я не согласен с Адамом Смитом, учитывая, что в те времена, чтобы доплыть до восточного побережья Соединенных Штатов, уходило два месяца, и это можно рассматривать как помеху. Но Смит пишет, что это расстояние недолго будет оставаться таким существенным:

Так велика была доселе быстрота, с какой эта страна развивалась в отношении богатства и населения, что немногим больше, чем через 100 лет, пожалуй, доходы от обложения Америки превысят доходы от обложения Великобритании (*ibid.*; там же).

И затем (слушайте внимательно, чтобы убедиться, что Смит не был интернационалистом, во всяком случае, не в отношении англоговорящих стран):

И центр империи тогда, естественно, передвинется в ту ее часть, которая даст больше всего для общей защиты и содержания органов государства (*ibid.*; там же).

В самом конце книги Смит возвращается к этой теме и пишет, что

правители Великобритании в течение более столетия улаждали народ мыслью, что он владеет по ту сторону Атлантического океана громадной империей. Однако эта империя до сих пор существовала только в воображении. До сих

пор это была не империя, а только ее проект, не золотой рудник, а только проект золотого рудника, проект, который стоит, продолжает стоять и, если за него будут держаться так, как до сих пор, будет и дольше стоять громадных издержек, не обещая приносить ни малейшей прибыли... Пора уже, чтобы наши правители либо осуществили тот «золотой сон», в котором они, возможно, сами пребывали до сих пор вместе с народом, либо же чтобы они сами проснулись и постарались пробудить от него народ. Если проект не может быть осуществлен, от него надо отказаться. Если некоторые провинции Британской империи нельзя заставить участвовать в содержании всей империи, то настало время, чтобы Великобритания освободилась от расхода по защите этих провинций во время войны и от содержания той или иной отрасли их гражданского или военного управления во время мира и постаралась согласовать свои будущие стремления и планы с фактической скудостью своих средств (*ibid.*, 2:432–433; там же, с. 875–876).

С этим вы можете соглашаться или нет, но вы не можете упрекнуть Адама Смита в недостатке откровенности.

Мне жаль, что мы посвятили Адаму Смигу три коротких лекции. Мне доставило бы удовольствие прочесть о нем двадцать лекций. Но время поджигает, и мы переходим к классическим экономистам XIX века.

**В. Классическая
экономическая теория
XIX века**

Лекция 17

Общий обзор — Мальтус о населении

МЫ ЗАКОНЧИЛИ обсуждать Адама Смита, во всяком случае закончили попытку систематического ознакомления с различными его доктринами и взглядами, в частности изложенными в «Богатстве народов». Начинаем серию лекций о классической экономической мысли XIX века.

Для начала пара слов об основоположниках и корнях классической теории. Мне очень трудно провести четкую линию между Смитом и Юмом, с одной стороны, и позицией ранних классических авторов XIX века (во всяком случае первой его половины). Мне кажется, что классические экономисты приняли основную точку зрения «Богатства народов», где анализировались механизмы продуктивной организации экономики и обсуждалась природа экономического роста, его причины и цели.

Основная заслуга классических экономистов XIX века в том, что они расставили все точки над «i» и в значительной степени отступили от доктрины той части «Богатства народов», в которой излагалась теория ценности и распределения. При этом они переняли основные идеи Смита в том виде, в каком я их формулирую. С одной стороны, классические экономисты XIX века развили теории Смита, с другой — они скорректировали и укрепили ее, особенно в вопросах ценности и распределения, денег и международной торговли. Полученный синтез изложен в «Основах политической экономии» Джона Стюарта Милля (Mill, 1848; Милль, 2007), явно написанных в попытке осовременить Адама Смита.

Период, который мы рассматриваем, начался в 1798 году с публикации «Опыта закона о народонаселении» Мальтуса и закончился в 1874 году, когда вышли «Ведущие принципы» Кэрнса.

Деятели этого периода делятся на две группы, или два поколения. Первое поколение возглавил Рикардо (1772–1823 гг.), автор памфлетов о деньгах и торговле (Ricardo, 1810; 1815; Рикардо, 1955, т. 2), прославившийся своим значительным трудом «Начала политической экономии» (Ricardo, 1817; Рикардо, 1955, т. 1), в котором аналитический метод был развит до немислимых высот. Мальтус, о котором я расскажу вам чуть позже, важен благодаря своему «Опыту закона о народонаселении», но необходимо помнить, что этот труд был написан об экономических принципах, в ходе анализа идей коллег-экономистов и по следам дискуссий с ними. Дружба Мальтуса и Рикардо, которые обычно расходились во мнениях, — один из самых знаменитых дружеских союзов в истории нашего предмета. Среди крупных фигур первого поколения был еще Джеймс Милль, довольно суровая личность, — его привычки описаны в «Автобиографии» (Mill, 1873) его сына Джона Стюарта Милля. Милль был другом Бентама и Рикардо и прославился как экономист благодаря своему памфлету «В защиту коммерции» (James Mill, 1808). Милль также пересказал Рикардо простым языком, причем он надиктовал эту книгу во время прогулок своему маленькому сыну, Джону Стюарту Миллю, детство которого сложно назвать счастливым. Рекомендую почитать об этом.

Мы также должны вспомнить полковника Роберта Торренса, прожившего долгую жизнь. Торренс родился в 1780, а умер в 1864 году, так что застал и первое, и второе поколение классических экономистов. В первом поколении он прославился своим «Опытом о внешней торговле хлебом» (Torrens, 1815), в котором пытался убедить правительство не вводить заново регулирование торговли хлебом. В этот период его работы о монетарной теории были, с точки зрения классических экономистов, неортодоксальными. Торренс дожил и до второго периода, в котором написал книгу о колонизации Австралии (выдающаяся работа!) и сборник эссе «Бюджет» (Torrens, 1844). Если кому-нибудь попадетсся этот сборник памфлетов, знайте, что это очень ценная книга. Торренс много писал о законе Пия 1844 года и о спорах вокруг него (Torrens, 1848).

Все эти люди были основателями знаменитого Лондонского клуба политической экономии, члены которого до сих пор встречаются примерно раз в месяц в лондонском Клу-

бе реформ. Клуб политической экономии был основан Рикардо, Мальтусом, Торренсом и Миллем, и практически любой классический экономист в Англии принадлежал к этому клубу.

Среди авторов первого поколения особняком стоит знаменитый Генри Торнтон, чьи основные труды я уже упоминал: это книга «Бумажный кредит» (Thornton, 1802) и две речи в Палате общин по поводу доклада буллионистского комитета (Thornton, 1811). По-моему, это лучшее, что было написано о деньгах до XX века.

Ко второму поколению принадлежал также Нассау Сениор (1790–1864), адвокат, дважды профессор кафедры политической экономии имени Драммонда в Оксфордском университете. На кафедру Драммонда лектор избирался на короткий срок, в течение которого читал несколько лекций, подлежавших обязательной публикации, а затем уступал место кому-то другому. Сениор стал профессором кафедры имени Драммонда дважды, он также написал несколько важных памфлетов, переизданных Лондонской школой экономики: «Обращение ценных металлов» (Senior, 1827), «Стоимость приобретения денег» (Senior, 1829a) и «Ценность денег» (Senior, 1829b), и очень важное письмо лорду Хоуику о принципах социальной реформы (Senior, 1831). Сениор приложил руку и к знаменитому докладу о «Законе о бедных» и не менее знаменитому докладу о положении ручных ткачей.

К тому же следует упомянуть Маккуллоха (1789–1864). Маккуллох был учеником Адама Смита и Рикардо и их популяризатором. Он написал много работ и в наши дни стал объектом исследования профессора О'Брайена из Дарэмского университета (O'Brian, 1970). И разумеется, звездным экономистом этого периода, затмившим всех, кроме Рикардо, был Джон Стюарт Милль (1806–1873). Милль был не только экономистом, но и автором выдающихся трудов по логике, философии и политике. Каждый из вас должен немало знать о Джоне Стюарте Милле безотносительно предмета наших лекций. Наконец, ко второму поколению классических экономистов принадлежал Джон Эллиот Кэрнс (1823–1875), в некоторой степени ученик Джона Стюарта Милля. Главные работы Кэрнса — «Некоторые ведущие принципы политической экономии» (Cairnes, 1874; Кэрнс, 2012), «Essays in Political Economy» («Эссе по политической эконо-

мии») (Caignes, 1873) и выдающаяся книга об экономике рабства, написанная во время войны между Севером и Югом. Но о Кэрсне мы поговорим подробнее чуть позже.

Я хотел бы посвятить остаток лекции Мальтусу и его труду о населении, который обеспечил классической экономической теории XIX века в некотором смысле сенсационный старт. Мальтус был не первым, кто писал о населении. Ученый американец Стейнджланд, ныне покойный, написал книгу о домальтусовых теориях населения (Stangeland, 1904), том в триста или четыреста страниц, повествующих об относительно неизвестных авторах. Я уже привлекал ваше внимание к тому, как Кантильон предвосхитил идеи Мальтуса своим знаменитым замечанием о том, что «люди плодятся, как мыши в амбаре», если позволяет продовольствие. А затем теория заработной платы Адама Смита описала весьма долгосрочную тенденцию, согласно которой зарплата стремится к уровню прожиточного минимума, если накопление капитала замедляется и перестает успевать за ростом населения.

Однако именно Мальтус сумел популяризовать тему населения по-настоящему. Каждый из вас должен ознакомиться с его «Опытом закона о народонаселении» (Malthus, 1798); оно было опубликовано анонимно, а затем переиздано британским Королевским экономическим обществом. Не уверен, есть ли «Опыт» сейчас в продаже, но он был издан достаточно большим тиражом, чтобы вы без труда нашли экземпляр.

Теория Мальтуса была прямым следствием негативной реакции на расцвет утопических теорий, на утопический оптимизм, в первые годы сопутствовавший французской революции. Кто читал «Прелюдию» Вордсворта (Wordsworth, 1805)? Знаменитый Вордсворт, к старости ставший довольно консервативным, в молодости восхищался ранней, идеалистической фазой французской революции. Он написал: «Bliss was it in that dawn to be alive,/But to be young was very heaven!» («Быть живым в этом рассвете было благодатью/Но быть молодым было небесным блаженством!») (Wordsworth, 1809/1982, p. 340).

Отношение Мальтуса к избранной им теме понятно из полного названия его эссе: «Опыт закона о народонаселении в связи с будущим совершенствованием общества; с комментариями теорий У. Годвина, Ж. Кондорсе и других авто-

ров». Я надеюсь, вы все знаете, кто такой Годвин. Не все? Честность — это добродетель. Годвин был тестем Шелли и автором труда в двух томах под названием «Принципы политической справедливости» (Godwin, 1793), *locus classicus* философского анархизма. Годвин считал, что, если закон и ответственность отменить, преступность исчезнет с лица земли, человеческие отношения станут идеально гармоничными, а человеческое здоровье — совершенным, и человек может даже стать бессмертным. Хотел бы я на это посмотреть!

Мальтус объясняет, что двигало им при написании книги, в предисловии к «Опыту»:

Следующее эссе было написано после разговора с другом об эссе г-на Годвина о скупости и расточительности... Дискуссия привела нас к общему вопросу будущих изменений общества, и автор этих строк вначале сел за работу, намереваясь просто изложить свои мысли другу на бумаге, более четко, чем он может сделать при устной беседе. Но по мере раскрытия темы ему в голову пришли идеи, которых он раньше ни у кого не встречал. И поскольку ему показалось, что любой, даже малейший свет, пролитый на столь интересную тему, может быть встречен доброжелательно, он решил изложить свои мысли в форме эссе (Malthus, 1798, p. i).

На самом деле «другом» был отец Мальтуса, крайне щедрый, милейший старый чудаковатый ученик негодяя Руссо. Я называю Руссо негодяем не потому, что не разделяю его политических взглядов (я их разделяю!), а из-за его ссоры с Юмом, в которой он был абсолютно не прав.

Отец Мальтуса был дружен с Руссо, и когда Руссо при поддержке Юма сбежал в Англию из-за гонений, отец Мальтуса нашел ему временное жилье. Сам Мальтус, превосходно ладивший с отцом, только что вернулся из Кембриджа, где обучался математике и был одним из лучших студентов. Вероятно, когда отец и сын беседовали после ужина, тот оптимизм, под влиянием которого сформировались взгляды отца, покорила Мальтуса, и он решил опровергнуть теорию Годвина и прочих оптимистов.

Аргументацию первого эссе (я не устаю подчеркивать «первого») несложно подытожить. Те, кто не слишком любят читать, могут ограничиться первой главой. Глава начинается с вопроса, заданного Годвином и Кондорсе, одно-

го из великих французских интеллектуалов второй половины XVIII века, погибшего во время революции. Вопрос, заданный Годвином и Кондорсе (придерживавшегося умеренных взглядов) звучал так: может ли человек улучшить свое положение при изменении общественного устройства? Мальтус пишет: «Перед нами стоит великий вопрос: начнет ли человек отныне продвигаться со все большей скоростью к неограниченному и потому непостижимому совершенствованию или же он будет обречен на вечное колебание между счастьем и несчастьем и, несмотря на все усилия, останется на неизмеримо огромном расстоянии от желаемой цели» (ibid., pp. 2–3). Мальтус пишет, что с великим удовольствием прочел некоторые работы о способности человека к совершенствованию, но видит «огромные и, в моем понимании, непреодолимые сложности на пути к нему» (ibid., p. 7).

Он начинает с изложения двух постулатов. Один из них крайне банален, а второй довольно пикантен. Первый звучит так: «Пропитание необходимо для существования человека» (ibid., p. 11). Это банально: мы не станем с этим спорить. Второй таков: «Страсть между полами необходима и сохранится приблизительно в своем текущем состоянии» (ibid.) Почему же Мальтус счел необходимым сделать это странное обобщение? Дело в том, что Годвин в своей книге (крайне оптимистичной) предсказал постепенное затихание сексуального влечения. Конечно, если бы это случилось, вся теория Мальтуса, изложенная в первом издании его эссе, развалилась бы, поэтому Мальтус счел необходимым ввести второй принцип.

Немного ниже он говорит:

Не стану рассматривать всевозможные праздные домыслы... Какой-нибудь автор может сказать мне, что он считает, что рано или поздно человек превратится в страуса. Я не могу толком возразить ему. Но прежде, чем он может рассчитывать убедить хоть сколько-то разумного человека в своем мнении, он должен продемонстрировать, что людские шеи постепенно удлинняются, ноги и ступни с каждым днем меняют свою форму, а волосы превращаются в перья. Пока возможность столь чудесного превращения не может быть продемонстрирована, рассуждать о счастье человека в его новом состоянии, описывать его новые возможности в беге и в полете — пустая трата времени и красноречия (ibid., p. 10).

Сочтя, что эти постулаты доказаны, Мальтус переходит к утверждению, что «способность населения бесконечно увеличиваться превышает способность земли производить пропитание для человека» (*ibid.*, p. 13). Зачем? Уже после изложения очевидных обстоятельств легко представить себе, как без намеренного ограничения человечество с разумной скоростью увеличивается, понятно, что через несколько тысяч лет вес человечества превысит вес планеты.

Но Мальтус пытается перевести свою аргументацию на более точное основание и пишет: «Население, если его не контролировать, увеличивается в геометрической прогрессии, а пропитание для человека — в арифметической» (*ibid.*, p. 14). Затем он приводит примеры арифметической и геометрической прогрессий.

Мальтуса можно раскритиковать, сказав, что он приводит только одну арифметическую иллюстрацию контраста между арифметической и геометрической прогрессиями. Очевидно, если цифры представляют возможность увеличения количества еды (арифметическую прогрессию) и возможность увеличения населения (геометрическую прогрессию), его аргументация весьма убедительна. Но это не единственная возможная геометрическая прогрессия. Можно представить, что геометрическая прогрессия характеризуется только тем, что ее члены растут по общему множителю, а этот множитель может быть очень, очень мал, соответственно, рост населения может долгое время не слишком сильно будет опережать рост продуктов питания.

Но, конечно, на самом деле Мальтус (хотя некоторые, например, Кэннан (Cannan, 1953, pp. 113–114), в этом сомневались) имел в виду всего лишь закон убывающей отдачи. И если бы он сформулировал закон убывающей отдачи от неизменного фактора — земли — достаточно осторожно, он смог бы обойтись без своей туманной арифметической иллюстрации, которая дала множеству поверхностных людей предполагать, что они опровергли теорию населения Мальтуса.

Готов отдать Мальтусу должное за то, что он подобрался крайне близко к закону убывающей отдачи. Во втором издании эссе (Malthus, 1803) он даже использует формулировки, более близкие к закону убывающей отдачи, и он был одним из тех, кто впоследствии этот закон изобрел. В своей энцик-

лопедической статье о населении (Malthus, 1823) Мальтус фактически формулирует закон убывающей отдачи, так что вы тоже должны отдать ему должное. Он имел в виду нечто значительно более основательное, чем туманные арифметические иллюстрации.

Поскольку население не может увеличиваться без пропитания, пишет Мальтус, его размер тем или иным образом должен контролироваться. А затем следует трогательный и знаменитый текст:

Природа щедрой и свободной рукой рассыпала зародыши жизни по царству животных и растений. Она была относительно бережлива в сотворении пространства и пищи, необходимых, для того чтобы их взрастить. Если бы у зародышей существования, содержащихся в этом клочке земли, было достаточно пищи и места, чтобы расти и размножаться, они бы заполнили миллионы миров за несколько тысяч лет. Необходимость, этот непреременный, повсеместный закон природы, ограничивает их предписанными им рамками. Расы растений и животных сокращаются под воздействием этого великого ограничительного закона. И раса людей не может никакими усилиями разума избежать его воздействия. Среди растений и животных этот закон проявляется в виде пропажи семян, болезней и преждевременных смертей. Среди людей в виде несчастий и пороков (Malthus, 1798, pp. 14–15).

Позднее в ходе первого эссе Мальтус развивает свою концепцию способов контроля размножения людей. Они делятся на «превентивный контроль» (входит все, что не дает людям размножаться) и «позитивный контроль», к которому относится все, что сокращает количество уже существующих людей. Но независимо от технической природы способов контроля ему сопутствуют либо несчастья, либо пороки. Мальтус утверждает, что прекрасная система Годвина безнадёжна. Поместите людей в самые благодатные условия, избавьтесь от всех несовершенств институтов, на которых настаивал Годвин, и от правительств, и скорость роста населения сравняется со скоростью роста пропитания и не сможет ее обогнать только благодаря пороку или несчастьям.

Годвин утверждал в своей книге, что в реальности население не перерастает пропитание. Мальтус цитирует Годвина: «В человеческом обществе есть принцип, сказал Годвин, при помощи которого население постоянно удерживается

на уровне средств пропитания». Мальтус комментирует: «Этот принцип, который г-н Годвин упоминает как некий таинственный оккультный предмет и который он не пытается исследовать, мы найдем в безжалостном законе необходимости, — это несчастье и страх несчастья» (*ibid.*, p. 176).

Вот так Мальтус развивает аргументацию в своем эссе. Это короткое произведение. Большая часть человеческой расы обречена на жизнь на грани прожиточного минимума, и только те, кому повезло иметь собственность, оказываются в лучших условиях.

Все это было довольно печально для множества оптимистов, не только для Годвина. Но Мальтус не удовлетворился тем, что его книга стала сенсацией. Кстати, она была опубликована анонимно, но очень скоро имя автора стало всем известно. Мальтус, желая углубить свои знания, начал собирать информацию о населении. Он много путешествовал и дневник его путешествия по Скандинавии (Malthus, 1966), предпринятого с целью исследования проблемы населения, был недавно издан под редакцией миссис Джеймс. Так что второе издание эссе, вышедшее в 1803 году (первое увидело свет в 1798-м), было практически новой книгой. Первое эссе было блестящим творением недавнего выпускника Кембриджского университета. Второе издание «Опыта» — довольно скучный текст, полный статистических данных и эмпирических фактов. Можно смело сказать, что, если бы теория населения была опубликована сразу в том виде, который она приобрела ко второму изданию, она бы не получила такого резонанса.

Крайне важно понять, что же изменилось к 1803 году. Мальтус немного изменил точку зрения — не так сильно, как можно было бы ожидать, немного. Кэннан всегда говорил, что эта перемена произошла из-за помолвки Мальтуса, случившейся между 1798 и 1803 годами и открывшей ему состояния ума, не связанные ни с несчастьями, ни с пороками. Во втором издании Мальтус признает существование третьего способа контроля размножения людей, который он называет нравственным, или благоразумным, обузданием. От него не случается ни пороков, ни несчастья. Мальтус пишет:

В ходе написания настоящей книги я настолько удалился от изначального текста, что предположил возможность сущест-

ования еще одного способа контроля количества населения, который нельзя причислить ни к порокам, ни к несчастьям; во второй части книги я попытался смягчить некоторые самые жесткие выводы первого издания «Опыта» (Malthus, 1803, p. vii).

Необходимо понимать, что под благоразумным способом контроля населения Мальтус имеет в виду не контрацепцию. В четвертом издании эссе он не жалеет слов, опровергая предположение, что он мог бы поддержать нечто столь, по его мнению, порочное. Он имел в виду лишь отложенный брак. Почему-то Мальтус решил, что, если молодая пара придет к священнику и попросит связать их узами брака, а священник прочтет им короткую лекцию по мальтузианской теории населения, возможно, юноша посмотрит на девушку и скажет: «Прости, дорогая, но все отменяется».

Но читатели Мальтуса (другие классические экономисты, во всяком случае некоторые из них) не были столь скромны. Бентам предлагал ввести планирование семьи при помощи примитивной формы контрацепции. Джеймс Милль (James Mill, 1826) предположил, в несколько более деликатной манере, что существуют средства ограничения геометрического роста населения, позволяющие поднимать уровень зарплат до желаемой высоты¹, что также является преувеличением. Возможно, те из вас, кто изучают экономическую или политическую историю, слышали о Фрэнсисе Плейсе, одном из великих радикальных реформаторов, стоявших за реформой избирательной системы в 1830-е годы и отменой в 1820-е годы законов, запрещающих профсоюзы. Фрэнсис Плейс написал книгу (Place, 1822) в защиту Мальтуса. Дело в том, что Годвин ополчился против него и написал еще один опыт о народонаселении, в котором, по мнению Плейса, несправедливо критиковал Мальтуса. Фрэнсис Плейс убеждает читателя, что Мальтус искренне не понимал реалий обычной жизни, и рекомендует ввести сознательное планирование семьи. Его книга положила начало литературе о планировании семьи.

Молодой Джон Стюарт Милль, интерпретируя Мальтуса так же, как его отец и Фрэнсис Плейс, пишет в своей

---

1. См.: James Mill (1826, chap. 2, section 2), воспроизводится в: Mill (1966, pp. 228-44, esp. pp. 242-43).

«Автобиографии» (Mill, 1873, p. 105), что принцип народонаселения, провозглашенный Мальтусом, стал не причиной пессимизма, но флагом надежды. И я говорю вам, что невозможно понять отношение классических экономистов XIX века к социальной реформе и прочим вопросам, если не знать, как они относились к проблеме населения.

Как бы то ни было, это скорее эпизод из истории политической экономии, чем из истории экономической теории. В экономической теории допущение, что человечеству necessarily существовать на грани выживания, было сделано Адамом Смитом, который предположил, что капитал, если он растет быстрее населения, может поддерживать существование населения при зарплатах, значительно превышающих прожиточный минимум. В аналитической экономической теории это допущение означало, что в конечном итоге минимальный уровень заработной платы определялся не физиологически, а психологически; психология — это куда более сложная материя, хуже поддающаяся точной формулировке.

Обратите внимание, что Мальтус оставил нападки на теорию совершенствования человечества, при условии, что предписанные им нравственные ограничения будут соблюдаться (планирование семьи, контрацепцию он рассматривал как порочную практику, в отличие от Джеймса Милля и других авторов), однако он не перестал критиковать идею отмены закона и собственности. Напротив, он считал, что законодательство, включая законы о собственности, может так или иначе послужить стимулом для ограничения численности населения. Именно это я имел в виду, когда говорил вам, что невозможно понять классическую теорию экономической политики, если не держать постоянно в уме это толкование теории Мальтуса.

Думаю, что сказал достаточно, чтобы убедить вас, что Шумпетер, как это с ним часто бывало при интерпретации английских экономистов этого периода, ошибся, когда писал, что теория населения была темой, чуждой основному анализу классической экономической теории XIX века. Вместе с трудами Адама Смита теория населения была фундаментальной предпосылкой этого анализа. Но вы не должны думать, что Мальтус и его эссе важны только для экономической теории или теории экономической политики. По-

мните, что именно книга Мальтуса убедила Дарвина в верности принципа эволюции. Поскольку Дарвин и его теория изменили наше понимание человечества и его судьбы сильнее любого другого ученого, кроме Коперника, Мальтуса нельзя рассматривать как малозначимого автора.

К Мальтусу мы еще вернемся в следующей лекции, когда будем обсуждать эволюцию теории ренты и его спор с Рикардо. Мы поговорим о нем впоследствии, когда дойдем до теории общего равновесия. Как жаль, что все научные труды Мальтуса довольно скучны; это касается не только второго издания «Опыта о народонаселении», но и «Principles of Political Economy» («Начал политической экономики») (Malthus, 1820). Вам придется обмотать голову полотенцем и как следует посидеть над этой книгой, прежде чем вы ухватите мысль Мальтуса. Однако Мальтус не был лишен здравого смысла, как мы убедимся, когда дойдем до спора о деньгах. Хотя Рикардо и опроверг его логические построения, Мальтус оценил текущую ситуацию лучше остальных классических экономистов. Но вернемся к этому позже.

Лекция 18

Ценность и распределение: происхождение — аналитическая часть (I)

В СЕГОДНЯШНЕЙ лекции я изложу вам поверхностный взгляд на формирование взглядов классических экономистов XIX века на ценность и распределение. Я кратко расскажу вам о том, как эти взгляды зарождались в памфлетах и политических спорах. Предупреждаю, сегодня мы с этой темой не покончим. Надеюсь, после моего рассказа вы будете подготовлены к систематическому исследованию каждой основной теории ценности и распределения, что займет у нас довольно много времени и потребует более сложного анализа.

Опишу исторический контекст возникновения спора о введении контроля импорта зерна. Возник этот спор примерно во время окончания войн с Наполеоном. Предупреждаю, мой анализ не настолько глубок, как исследования профессора Холландера (Hollander, 1979), недавно увидевшие свет. Профессор Холландер считает, что Рикардо придумал свою теорию распределения до того, как заинтересовался ее применением к спору вокруг хлебных законов. Чтобы подтвердить эту точку зрения, он приводит весьма интересные примеры из переписки между Рикардо и Мальтусом, которой мы располагаем благодаря усилиям Пьеро Сраффы. Я не буду углубляться в эти дебри; я намерен дать вам довольно прямолинейное описание теории, связанной с хлебными законами.

Исторический контекст, который вам необходимо знать, заключался в том, что войны с Наполеоном отрезали Англию от поставок зерна из-за рубежа. Это означало, во-первых, высокие цены. В прежние времена (в 1711–1794 годах) цена пшеницы не поднималась выше 60 шиллингов за кварталер. К Михайлову дню (29 сентября) 1795 года она

достигла 92 шиллингов; в день Благовещения (25 марта) 1801 года — 177 шиллингов, а в 1808–1813 годы цена зерна не опускалась ниже 90 шиллингов. Если вас интересуют статистические данные, загляните в «Теории производства и распределения» Кэннана (Cannan, 1924)¹. Он взял цифры у Тука (Tooke), на точность которого не всегда можно полностью положиться.

Не думайте, что рост цен на хлеб произошел из-за того, что импорт зерна из-за границы был прекращен вследствие конкретных исторических обстоятельств. В стране происходила инфляция, и сельскохозяйственные продукты подвергались ей так же, как и все остальные товары. Но прекращение импорта зерна во время войны все же сыграло свою роль, и в результате роста цен на хлеб (пшеницу, рожь и овес) его стали больше выращивать. В ранней книге Кэннана «Theories of Production and Distribution» (Cannan 1953, p. 118) приведена таблица, демонстрирующая примерную связь между средним уровнем цены на зерно и количеством законов об огораживании земли (Enclosure Acts). Для иностранных студентов поясню: раньше в Англии существовали общие земли, которые простые люди использовали для выпаса скота... Начиная со времен правления королевы Елизаветы эти земли постепенно огораживались, что сильно ускорило благодаря высоким ценам в период войн с Наполеоном.

Сельскохозяйственные производители со страхом ожидали окончания войны. Они опасались, что высокие цены снизятся, когда взаимная блокада прекратится, и начнутся поставки зерна, например, из Польши или других мест. Польша в те дни была крупным экспортером пшеницы. Люди, имевшие свой интерес в сельском хозяйстве, — землевладельцы, фермеры и все, кто говорил от имени сельскохозяйственных рабочих, — утверждали, что в интересах страны сохранять высокие цены. Если цены упадут, говорили они, земли перестанут засаживать хлебом, и дефицит зерна будет еще большим, чем прежде. Были созданы комитеты в обеих палатах парламента, они собрали доказательства того, что земли, недавно начавшие обрабатываться, об-

1. См. также: Cannan (1953, p. 117).

рабатывать дороже, поэтому, если цены упадут, новые поля вновь зарастут сорной травой.

Эти фактические обстоятельства имели большое значение для тех, кто возражал против возврата к пошлинам. Если бы они могли доказать, во-первых, что инвестировать все больший капитал в сельское хозяйство было все менее эффективно, и, во-вторых, что цена зерна до некоторой степени определялась количеством труда, затраченным при его производстве, они смогли бы утверждать, что недавний рост цен на этот продукт продовольствия первой необходимости произошел вследствие расширения сельскохозяйственных земель и сопутствовавшего ему увеличения труда, необходимого для производства предельного (marginal) бушеля зерна. Таким образом, говорили они, бесплодно пытаться инвестировать в национальное сельское хозяйство и отказываться от импортирования более дешевого зерна из-за рубежа.

Из этой полемики выросли четыре теории, которые в некоторых вопросах следовали Адаму Смиту, в других ставили его доктрину под сомнение, а в третьих предлагали элементы, о которых Адам Смит не подумал. Так называемый закон убывающей отдачи в сельском хозяйстве был почти сформулирован несколькими докладчиками на заседании комитета Палаты лордов. Если аспирантам это интересно, то комитет Палаты лордов был наиболее любопытным из двух парламентских комитетов. Впоследствии Рикардо и еще один ученый, которого я до сих пор не упоминал, Эдвард Уэст (в будущем он занял высокий пост в Ост-Индской компании и в 1820-е годы написал очень интересный трактат о деньгах и прочих вопросах) были поражены выводами, которые напрашивались из докладов, сделанных в парламенте. Оба они стремительно и почти одновременно отправили в печать свои теории. Сраффа в своем издании Рикардо воспроизводит посвящение, сделанное рукой Рикардо, в котором говорится, что его памфлет был написан до появления памфлета Уэста, а поскольку Рикардо был одним из самых правдивых и откровенных людей, мы должны ему поверить.

Однако я собираюсь процитировать вам эссе Эдуарда Уэста. Оно озаглавлено «Опыт о приложении капитала к земле, с наблюдениями, показывающими нецелесообразность любых значительных ограничений импорта зерна»

(West, 1815). Рикардо был весьма умерен, что шокировало некоторых его последователей: он считал, если сельское хозяйство обложено специальными налогами, можно сохранить небольшой уравнивающий налог на импорт зерна из-за границы. Впрочем, в его системе это случайный элемент, и больше я не буду упоминать это исключение из той мощной аргументации, которую Рикардо разработал против ограничения импорта.

Позвольте зачитать вам отрывок из памфлета Уэста. Из двух памфлетов, Уэста и Рикардо, Уэст воспринимается лучше. Вы помните, что Рикардо всегда настаивал на том, что он брокер, не получивший систематического образования. Несмотря на это он всегда писал яркие и запоминающиеся тексты, пусть иногда немного туманные. Однако Уэст обладал талантом ясно излагать свои мысли, хотя, как вы сейчас убедитесь, он не сумел сформулировать одно крайне важное аналитическое различие, или не до конца выжал из него все выводы. Он пишет:

Каждое равное дополнительное количество труда, вложенного в сельское хозяйство, приносит фактически убывающую отдачу, и, конечно, если каждое равное дополнительное количество труда приносит фактически убывающую отдачу, все количество труда, вложенное в сельское хозяйство в процессе усовершенствования, приносит уменьшенную в пропорции отдачу (West, 1815, pp. 6-7).

Уэст обнаружил различие между средней и предельной отдачей. Однако он не понял, что средняя и предельная отдача не совпадают! Я нарисую кривую Найта на доске, чтобы показать разницу. Уэст сформулировал закон убывающей отдачи, но не различал точки, в которых уменьшаются предельная и средняя отдача.

Второй теорией, родившейся из спора вокруг пошлин на импорт хлеба, была, конечно, трудовая теория ценности. Не нужно напоминать, что Адам Смит заигрывал с трудовой теорией ценности в своем примере с бобром и оленем. В неразвитом обществе, где земля находится в общем владении, а капитал не накапливается, количество труда, сказал Адам Смит, является обстоятельством, определяющим пропорцию обмена одного товара на другой. Рыночная пропорция обмена может колебаться, но имеет тенденцию воз-

вращаться к нормальному уровню, обозначенному соотношением количеств неквалифицированного труда. Затем Смит стал усовершенствовать эту теорию, и она качественно изменилась, когда он добрался до накопления капитала (накопления полезного оборудования, потребительских благ и т. д.) и присвоения земли землевладельцами, которые любили жать там, где не сеяли. Теория больше не строилась вокруг количества труда — она строилась вокруг ценности труда, ценности использования капитала, то есть прибыли, и ценности использования земли, то есть ренты.

Рикардо и его друзьям, исследовавшим рост цен в свете открытого ими закона убывающей отдачи, эта замена теории Смита, основанной на количестве труда, теорией нормальной ценности, основанной на издержках производства, казалась переменной к худшему. Сегодня это очевидно, хотя об этом не всегда пишут в современной литературе. Например, Джейкоб Холландер (Hollander, 1910), однофамилец Сэма Холландера, в своем исследовании жизни и трудов Рикардо пишет, что Рикардо только со временем осознал те изменения, которые необходимо было внести в трудовую теорию ценности, чтобы ее исправить. Теперь мы знаем, что он осознал эти изменения достаточно рано, но считал их мало важными, поэтому Джордж Стиглер (Stigler, 1958) в своей прекрасной статье о теории Рикардо и назвал ее теорией ценности, «на 92,5% (или на 93%) основанной на труде».

Как бы там ни было, Рикардо и его друзья хотели вернуться к теории, изложенной в примере с бобром и оленем. Вы увидите, как Рикардо использует ее в «Опыте о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала». Не уверен, что Сэм Холландер согласился бы со мной в свете того, что он сумел прочитать между строк в письмах Рикардо, но склонен рассматривать «Опыт о влиянии...», опубликованный одновременно с памфлетом Уэста в 1815 году, как краеугольный труд этой части классической экономической теории. Зачитаю вам главный отрывок оттуда. Повторюсь, это «Опыт о влиянии...», а не отрывок из «Начал политической экономии и налогообложения» Рикардо:

Меновая стоимость всех товаров растет по мере того, как возрастает трудность их производства. Если, таким образом, при необходимости затраты большего количества труда в произ-

водстве хлеба возникают новые трудности, тогда как для производства золота, серебра, сукна, холста и т. п. не требуется большего количества труда, меновая стоимость хлеба неизбежно повысится по сравнению со всеми этими предметами. Напротив, большая легкость в производстве хлеба или любого товара, каков бы он ни был, дающая возможность производить тот же продукт с помощью меньшего количества труда, понизит его меновую стоимость (Ricardo, 1815, p. 16; Рикардо, 1955, т. 3, с. 23).

Все понятно. В «Началах» (Ricardo, 1817; Рикардо, 1955, т. 1) то же изложено куда более запутанно, потому что там теория Рикардо касается не только причин изменений ценности, но и меры ценности, которую он напрасно продолжал искать до самой смерти. В «Principles» Рикардо с различными оговорками предполагает, что мерой служит неизменное золото, но в «Опыте о влиянии...» эти сложные и важные вопросы привлекают мало внимания.

После этого Рикардо переходит к утверждению (Ricardo, 1815, pp. 17–18; Рикардо, 1955, т. 3, с. 24–25), что усовершенствование методов культивации земли снизит ценность, и тогда (мы вплотную подошли к спорному моменту), поскольку импорт продукции земель лучшего качества из-за рубежа будет равнозначен внедрению усовершенствований в родной стране, запрет импорта будет равнозначен запрету усовершенствований (*ibid.*, pp. 20–25; там же, с. 27–32). Наверное, я зря употребил выражение «земли лучшего качества». Давайте заменим его на «более дешевые земли», хотя, когда мы доберемся до теории международной торговли Рикардо, я расскажу, почему употребил именно это выражение. Итак, запрещать импорт — это все равно, что запрещать национальные усовершенствования. Вот вам *raison d'être* закона убывающей отдачи и трудовой теории ценности.

В результате спора вокруг хлебных законов появились теории ренты, прибыли и, косвенно, теория заработной платы. Давайте посмотрим подробнее, как они развивались.

Для начала возьмем теорию ренты. До XVIII века высокая рента считалась знаком процветания. Очевидно, это происходило потому, что в те дни олигархия состояла из землевладельцев, и они, а также их апологеты считали высокие ренты признаком процветания страны. Напротив, низкие ренты для них были признаком кризиса. Теорети-

ки не противоречили этому. Физиократы целью экономической политики считали поддержание высокого уровня чистого продукта, состоявшего из сельскохозяйственной продукции и отчасти из продукции добывающей промышленности. Кроме того, они считали, что все налоговое бремя должно ложиться только на чистый продукт. Адам Смит не считал, что интересы землевладельцев находятся в остром противоречии с интересами общества. Не понятно, какие у него были на то причины, если вспомнить его фразу о том, что землевладельцы любят пожинать там, где не сеяли (Smith, 1776, 1:51; Смит, 2007, с. 106). Но если вы прочтете всю длинную главу о ренте в «Богатстве народов», вы не найдете в ней подтверждения тому, что Смит считал ренту главным злом, скорее, он считал им высокую прибыль и интересы купцов и промышленников, чьим апологетом, как полагают люди неграмотные, он был.

Однако в ходе спора о хлебных законах вопрос ренты стал привлекать всеобщее внимание. В то время как Рикардо и Уэст размышляли о законе убывающей отдачи, Мальтус издал памфлет «Исследование природы и прогресса ренты» (Malthus, 1815). Это интересная и поучительная книга, а другой памфлет Мальтуса, написанный в пользу хлебных законов (Malthus, 1814), — лучшее произведение из всей обширной литературы, написанной в их пользу. Очень стоящее чтение, как и спор Мальтуса с Рикардо. Однако вернемся к теоретическому «Исследованию природы и прогресса ренты», в котором Мальтус утверждает, что рента происходит вследствие трех причин:

1. Земля производит излишек по сравнению с издержками ее возделывания.
2. Этот излишек в конечном итоге создает спрос — аргумент из теории населения Мальтуса.
3. Самые плодородные земли редки (Malthus, 1815, p. 8).

В силу этих причин рента должна рассматриваться как благотворное явление — благотворный социальный институт.

Рикардо это мнение категорически отрицал. В некоторых книгах вы увидите, что Рикардо описывают как апологета биржевиков, однако ко времени спора о хлебных законах Рикардо был землевладельцем в той же мере, в какой и владель-

цем акций. В одном из своих писем Мальтусу он писал, что не смог бы оценить свое имущество, пользуясь этими понятиями. А он был богатым человеком. Начав с нуля и никогда не принимая участия в рискованных спекуляциях, Рикардо скопил состояние в три четверти миллиона фунтов, что в те дни было большими деньгами, куда большими, чем те, что скопил Кейнс. После своей смерти Кейнс оставил около миллиона фунтов и несколько картин, которые теперь сильно выросли в цене.

Однако Рикардо был против высокой ренты по причинам интеллектуального характера и понимал, что третий пункт из списка Мальтуса (редкость наиболее плодородных земель) позволил взять реванш. Так что в своем «Опыте о влиянии...» он утверждает, что рента существует только благодаря последней из трех названных Мальтусом причин. Тот факт, что земля приносит излишки, не означает, что рента существовала бы, если бы земля могла приносить бесконечные излишки, и эти излишки всегда создавали бы новый спрос. Это было бы слишком догматично для Рикардо, который понимал, что излишки не всегда создают новый спрос. Рента, сказал Рикардо, платится только (это знаменитая фраза!) из-за скупости природы, не создавшей достаточно плодородной земли, при этом рента состоит только из прибыли, переходящей из рук инвесторов в руки землевладельцев. Рикардо пишет:

Если бы вся земля имела одинаковые свойства и если бы она была в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею нельзя было бы брать плату, за исключением тех случаев, когда она отличается особенно выгодным положением. Следовательно, рента всегда платится за пользование землей только потому, что количество земли не беспредельно, а качество ее неодинаково... (Ricardo, 1821, p. 70; Рикардо, 1955, т. 3, с. 67).

Так выглядит теория происхождения и причин ренты Рикардо.

Но это не все. Показав, что рента — это признак бедности, а не богатства, Рикардо попытался при помощи сложной аргументации показать, что интересы землевладельцев всегда противоречат интересам общества, во всяком случае в краткосрочной перспективе, поскольку сельскохозяйственный прогресс или приток в страну дешевого хлеба всегда умень-

шают ренту. Из отрывка, который я вам прочел, следует, что Рикардо сравнивал усовершенствование с дешевым хлебом, и он продолжает развивать этот аргумент:

Если интересы землевладельцев достаточно влиятельны, чтобы заставить нас отказаться от всех выгод, связанных с ввозом дешевого хлеба, они должны будут также повлиять на нас в смысле отказа от введения каких-либо усовершенствований в земледелии и улучшения орудий обработки земли. Ибо несомненно, что благодаря таким усовершенствованиям хлеб становится дешевле, рента понижается, а способность землевладельца платить налоги уменьшается, хотя бы временно, в той же мере, что и вследствие ввоза хлеба. Итак, чтобы быть последовательными

(говорит Рикардо на пике своей аргументации),

мы должны одновременно приостановить все усовершенствования и запретить ввоз хлеба (Ricardo, 1815, pp. 49–50; Рикардо, 1955, т. 3, с. 40).

Значит, за землевладельцами нужен глаз да глаз. А как насчет интересов капиталистов? Этот вопрос приводит нас к теории прибыли. Предупреждаю то, что я скажу дальше, чрезвычайно поверхностно; на следующей неделе мы половину лекции посвятим теории прибыли, но прежде чем я доберусь до аналитических деталей, я хочу познакомить вас со спорной частью полемики вокруг хлебных законов. Рикардо считал, что зарплаты стремятся к уровню прожиточного минимума, хотя он уже знал, что этот прожиточный минимум будет психологическим, а не физиологическим. Мы к этому еще вернемся. Прибыль, по мнению Рикардо, была остатком — тем, что оставалось после выплаты зарплат и ренты. Иначе говоря, если зерно дорожало вследствие расширения сельскохозяйственных земель за счет менее плодородных территорий, то зарплаты должны были вырасти, а сумма, оставшаяся получателю прибыли, соответственно должна снизиться, так что влияние получателя прибыли противопоставлялось интересам землевладельцев. Для землевладельцев запрет импорта зерна желателен, потому что удорожает зерно и повышает ренту. Для капиталистов — не желателен, поскольку зарплаты увеличиваются, а доля прибыли уменьшается.

Но на этом мы не будем останавливаться. Рикардо и Смит считали, что интересы получающих зарплату должны реализовываться за счет накопления капитала, а капитал накапливается преимущественно из прибыли. Рикардо надеялся, что стационарное состояние наступит нескоро. Профессор Холландер доказывает, что, по мнению Рикардо, стационарное состояние могло наступить только в отдаленном будущем. Рикардо надеялся, что скорость накопления капитала (преимущественно из прибыли) продолжит обгонять рост минимальной заработной платы и повышать уровень зарплаты выше минимального. Он также надеялся, что это будет длиться достаточно долго, чтобы у работников выработались дорогие привычки, а следовательно, психологический уровень прожиточного минимума возрос бы (это современное выражение, которое я использую для ясности).

Это полемическая часть возникновения классической теории ценности и распределения. Теперь я перейду к обсуждению аналитических идей Рикардо в «Началах», Торренса в «Опыте о внешней торговле хлебом» и других.

У нас осталось время, чтобы поговорить о законе убывающей отдачи, о котором столько сказано в современной теории.

Классические экономисты были склонны применять закон убывающей отдачи к сельскому хозяйству и противопоставляли его закону возрастающей отдачи в обрабатывающей промышленности, довольно плохо сформулированному и не всегда учитывающему размер рынка, как у Адама Смита. Но в наши дни особое значение приобрело разделение отдачи Уэста на предельную и среднюю, особенно с появлением функции производства Найта. Как вы знаете, она демонстрирует, как агрегированная отдача поднимается до максимального значения, перегиб кривой показывает, что предельная отдача сокращается, а касательная к кривой общей отдачи показывает, что начинает сокращаться средняя отдача.

В наше время (в какой-то степени эта идея была сформулирована у Сениора, но в современном анализе она приобрела особое значение) закон изменения отдачи был обобщен в форме производственной функции, так что вы можете нарисовать простую производственную функцию в трех измерениях и пользоваться ей. Производственная функция

происходит от «дозирования» земли возрастающим количеством капитала и труда, о котором писал Эджуорт (Edgeworth, 1911). Эджуорт, со свойственной ему манерой пояснять свой анализ, не всегда понятный, при помощи шуток, часто еще более не понятных, предложил перевернуть отношения между пациентом и дозой, добавляя к постоянному труду разное количество земли? В результате этого получилась нелинейная производственная функция того же порядка.

В наше время изначальный закон убывающей отдачи был усовершенствован. Классические экономисты XIX века не смогли дополнить его так, как Адам Смит дополнил свой подход к разделению труда, подчеркнув значение объема рынка. Классические и неоклассические экономисты под предводительством Маршалла совершенно запутались, попытавшись применить понятие возрастающей отдачи к двумерным диаграммам, изображающим кривую возрастающей отдачи как функцию двух переменных, в то время как, подчеркивает Эллин Янг (Young, 1928), возрастающая отдача в обществе является функцией раздробления промышленности в ходе возрастающего разделения труда.

Вот и все, что я хотел сказать об убывающей отдаче в связи со спором о хлебных законах. В следующий раз мы погрузимся в тайны классической теории ценности и распределения и ее модификаций, и будем больше говорить о Кейнсе.

Лекция 19

Теория ценности и распределения: аналитическая часть (II)

В СВОЕЙ последней лекции я попытался объяснить вам, как в ходе политического спора о возвращении к ограничениям на импорт зерна зародились общие принципы теории ценности и распределения. Я привлек ваше внимание к очень точной формулировке закона отдачи, найденной Уэстом. Однако главной темой прошлой лекции был Рикардо и его «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала», в котором он триумфально заключает, что последствия импорта дешевого хлеба аналогичны последствиям технологических и прочих усовершенствований в сельском хозяйстве. Согласно этой мысли, Рикардо предложил сторонникам запрета импортных поставок быть последовательными и запретить заодно и усовершенствования. Конечно, это было написано иронически, чтобы обличить запрет импорта. Последние минуты лекции я посвятил тому, как закон отдачи (закон убывающей отдачи в сельском хозяйстве, как его называли некоторые классические экономисты) был дополнен, переформулирован и отредактирован в более современной экономической теории. Больше я не буду возвращаться к этой теме.

Сегодня и, возможно, завтра я хочу поговорить о ценности и распределении. Главным образом мы будем говорить о Рикардо, и не только потому, что его работы по этой теме куда сложнее, чем у других авторов, но и потому, что, хотя верность его выводов и вызывает у экономистов споры, он глубже остальных погрузился в эту тему, а его сложные теории больше других стоят того, чтобы ломать над ними голову.

Предупреждаю, Рикардо нельзя рассматривать как типичного автора, писавшего о ценности и распределении. В последние годы ученые много спорили о том, в какой степени

Рикардо повлиял на классическую систему в ее общем понимании, в том виде, в каком я обрисовал ее вам на прошлой неделе. Некоторые уважаемые авторы считают, что влияние Рикардо ослабло к началу 1830-х годов, что Сениор и Маккуллох до некоторой степени отделились от него; и конечно, многие утверждают, что Джон Стюарт Милль очень сильно отошел от Рикардо. Я считаю, что они преувеличивают. Думаю, что традиция мышления Рикардо и вопросы, им поднятые, продолжали оказывать влияние на экономистов, например на Торренса. Думаю, что вы практически ничего не знаете о Торренсе. Это один из тех ученых, которого всегда приводят в пример люди, считающие, что после 1830-х годов влияние Рикардо уменьшилось до минимума. На одном из заседаний Клуба политической экономии Торренс сказал: «И сколько же сейчас осталось от системы Рикардо?» Это произошло где-то в 1830 году. Но в 1840-х годах в сборнике памфлетов о деньгах Торренс (Torrens, 1844) признает, что несправедливо критиковал Рикардо и смиренно извиняется за это. Отчасти его смиренность объясняется тем, что Торренс вообще склонен выражаться довольно высокопарно, но в любом случае он пересмотрел свою прежнюю критику в адрес Рикардо.

Думаю, что Рикардо продолжал оказывать на экономистов влияние. Когда мы доберемся до ранней современной теории, вы увидите, что Рикардо оказал огромное влияние на Маршалла. Поиски того, кто оказал влияние на Маршалла, идут до сих пор, иногда находят какие-нибудь малоизвестные авторы, которых Маршалл читал. Но Шоув, написавший авторитетную работу о Маршалле (Shove, 1942), был совершенно прав, когда сказал, что Маршалл начал с того, что попытался перевести Джона Стюарта Милля и Рикардо на язык геометрии или алгебры.

Итак, большая часть того, что я расскажу вам на этой и следующей лекциях, будет касаться Рикардо. Многое из того, о чем я буду говорить, вы не найдете в других источниках.

В чем же заключалась классическая теория ценности и распределения в том виде, в каком ее сформулировал Рикардо? Это была не просто теория ценности, основанная на труде. Рикардо использовал трудовую теорию ценности в своих аргументах против хлебных законов, но, вопре-

ки тому, что считают некоторые авторы, например, Джейкоб Холландер и Кэннан, Рикардо довольно рано осознал, что простая теория ценности, которую он очень хотел сохранить, вовсе не так проста. Именно поэтому мы должны о ней поговорить. Нельзя оставлять трудовую теорию ценности на уровне примера с бобром и оленем Смита.

Итак, вначале отметим некоторые основные характеристики и предпосылки, типичные для теории Рикардо и всех его последователей. Прежде всего теория Рикардо совершенно исключала полезность в ее традиционном понимании как определяющий фактор. Она не отрицала того, что ценность подразумевает наличие полезности; она отрицала любую количественную связь между полезностью и ценностью. В этом вопросе Рикардо последовал знаменитому парадоксу ценности Смита. В «Богатстве народов», чтобы проиллюстрировать свою мысль о соотношении полезности и ценности, Смит сравнивает полезность воды и ее ценность с полезностью и ценностью бриллиантов. Непонятно, считал ли Адам Смит, что сказал последнее слово по этому вопросу. Недавно профессор Мариан Боули написала весьма достойное эссе о тонкостях мышления Адама Смита (Bowley, 1973), но Рикардо немного думал о полезности после признания того, что полезность имеет существенное значение для ценности.

Во-вторых, и на этом пункте мне придется задержаться, теория Рикардо была тем, что в терминах Маршалла называется долгосрочной теорией ценности. Она не утверждала (не больше, чем теория Адама Смита), что рыночные цены всегда отражают долгосрочную ценность благ. Она утверждала, что в определенных условиях рыночные цены склонны отражать нормальную, или долгосрочную, ценность благ.

Здесь я должен обратить ваше внимание на то, что Рикардо не отрицал влияния спроса и предложения на ценность. Шумпетер и другие обвиняли его в этом, но я склонен считать, что все, кто обвинял Рикардо в пренебрежении спросом и предложением, лишь демонстрируют, что читали его недостаточно внимательно. Рикардо тоже не без греха, поскольку он находил влияние спроса и предложения само собой разумеющимся, и в одной из глав «Principles» он писал, что считает поверхностным суждение людей, полагающих, что ценность определяется спросом и предложением.

ем. Однако когда Рикардо напрямую задавали этот вопрос (как это сделал, например, Мальтус), он расстраивался: как мог кто-то посчитать, что он не придает значения предложению? Как мог кто-то считать, что, по мнению Рикардо, издержки производства, при любом толковании этого понятия, не действуют на рынке через свое влияние на предложение? Он не раз говорил об этом. В его «Notes on Malthus» («Заметки о трактате Мальтуса») есть знаменитый отрывок об этом, еще несколько цитат вы найдете у профессора Сэмюэла Холландера.

Однако при каких условиях, по мнению Рикардо, можно было привести аргументы в пользу (заметьте, я говорю именно «аргументы в пользу») трудовой теории ценности? Давайте четко сформулируем эти условия. Во-первых, трудовая теория ценности была не применима к предметам, предложение которых было не гибким или не способным к увеличению. Товар, предложение которого негибко в сторону увеличения, например, картины старых мастеров, если мы не берем в расчет возможность подделки. Картины старых мастеров могут уничтожаться, но спрос на полотна Рафаэля в XX веке, безусловно, возрастет. Рикардо понимал, что таких товаров много. Во-вторых, трудовая теория ценности не применима к бумажным деньгам, что неудивительно. В-третьих, она не применима к монополизированным продуктам. Наконец, и это самый важный пункт из четырех для системы Рикардо, трудовая теория ценности не применима к товарам, участвующим в международной торговле. Почему? Потому что такие товары происходили из областей, между которыми факторы производства, труд и капитал, не могли передвигаться свободно. Вследствие этого рыночная цена таких товаров могла быть весьма прибыльной в одной области, но из-за отсутствия мобильности труда в других областях она не могла распространяться на другие области. Мы еще поговорим об этом позже. Рикардо был одним из основоположников теории сравнительных издержек в международной торговле, в то время как трудовая теория ценности со всеми ограничениями в том виде, в каком ее сформулировал Рикардо, была по сути теорией абсолютных издержек. Иными словами, трудовая теория ценности в том виде, в каком ее изложил Рикардо, предполагала существенную и эффективную мобильность капитала и труда.

При соблюдении этих ограничений, считал Рикардо, трудовая теория ценности могла послужить достаточным приближением для определенных целей. Но давайте посмотрим на осложнения, связанные с ее применением, в том виде, в каком мы понимаем их сегодня. Предположим, что весь труд одинаков по качеству, а предрасположенность к труду у разных работников количественно одинакова, как в Смитовом примере с бобром и оленем. В этом случае трудовая теория ценности работает прекрасно. Если вы отметите на оси Х количество труда, необходимое для производства одного товара, а на оси У количество труда, необходимое для производства другого товара, и если при этом отдача не варьируется, то производственная функция изображается в виде прямой. Тогда, какой бы ни была ваша кривая безразличия, в условиях одного и того же соотношения цен она будет касательной к этой прямой. Но это очень ограничительные условия применения теории. С теоретической точки зрения, Рикардо мог бы утверждать (не думаю, что в современном мире ему удалось бы это доказать), что такая теория была достаточно хорошим приближением для описанных условий.

Но это очень ограничительный теоретический пример. Прежде всего давайте примем во внимание те факторы, которые принимал во внимание Адам Смит, когда писал о бобре и олене. С появлением разного психологического отношения, разного в том смысле, что психологическое отношение к вещи различных людей не может быть эквивалентным или одинаковым, обычная норма обмена может начать отличаться от чистого соотношения количества затраченного труда. Если, например, считать, что охота на оленей — это исключительно приятное занятие, каким оно является для многих мужчин и по сей день, а для ловли бобра необходимо по шею забраться в ледяную воду, то можно ожидать, что за бобра будут давать несколько больше, чем если бы с добычей этих животных не было связано приятных или неприятных ощущений. Адам Смит это понимал, это поняли бы и классические экономисты, но они считали этот фактор настолько очевидным, что просто отмахнулись от него.

Однако в развитых обществах мы сталкиваемся с тремя сложностями. Во-первых, существуют различия в качестве

труда, совершенно отдельные от психологического отношения людей к разным занятиям — различия в уровне мастерства. Предположим, что вы разделяете мнение, распространенное в XVIII веке, что все люди при рождении равны в возможностях, а различия в мастерстве или усердии появляются в результате воспитания или образования. Тогда вы можете считать, что проблема частично решена, если рассматривать разное вознаграждение за различные виды труда как следствие разных вложенных в работника инвестиций. Однако не думаю, что мы могли бы долго удовлетворяться таким объяснением. Способности людей все же различаются от природы. Мы немного об этом знаем, а те, кто делает вид, что знает об этом много, обычно используют это знание для достижения довольно мерзких целей.

Итак, мы столкнулись с различиями в качестве труда, которые требуют объяснения, если только не придерживаться оптимистичных взглядов XVIII века. Кроме того, мы должны принять во внимание различия в количестве используемой земли, а также различия в количестве капитала.

Как же с этими сложностями справился Рикардо, а также до некоторой степени Маркс и прочие? По большей части они проигнорировали различия в качестве труда. Было сказано, что оплата труда определяется при помощи рыночного торга, но это замкнутый круг. Если вы пытаетесь объяснить ценность труда не при помощи ценности, а чего-то другого, например, количества чего-нибудь, нет смысла обращаться к ценности труда, чтобы объяснить ценность продукта. Рикардо показывает, что отчасти понимает это, когда говорит, что различия в оплате труда изменяются очень медленно, что они в течение долгих периодов остаются более или менее одинаковыми. Это неудовлетворительное объяснение; оно выдает некоторую неуверенность. Маркс считал, что различия в оплате труда определяются социальным процессом, который происходит за спинами работников, но, я думаю, он имел в виду примерно то же, что и Рикардо.

Осложнения, связанные с землей, игнорировались вследствие ошибки, которая просуществовала очень долго и которая до сих пор иногда проявляет себя в разных формах. Считалось, что можно не учитывать влияние различий в количестве земли, доведя обработку земли до того, что участок перестанет приносить ренту, то есть вкладывая капи-

тал и труд в землю, которая не приносит ренты. Во времена классической экономической теории это рассматривалось как некий *pons asinorum*, пробный камень. Любой бедный предприниматель, который считал, что должен учитывать издержки на ренту, подсчитывая свои прибыли и убытки, считался презренным филистером, который не понимает, что рента не входит в издержки производства

Невероятно, что так много умных людей на это купились. Конечно, если представить себе землю как специфический фактор в техническом смысле слова, то есть фактор, у которого есть один и только один способ использования, без альтернатив, у земли нет альтернативных издержек. Можно рассматривать ренту как излишки, а не как издержки. Но специфичность в этом смысле нужно еще поискать, потому что она означает не только специфичность вида деятельности, то есть специфичность в пространстве, но и специфичность во времени. Это теоретическая забава. Теоретически, в некоторых случаях, можно рассматривать всю землю как специфически предназначенную для производства хлеба. При этом мы будем очень далеки от реальности, но именно так рассуждали Рикардо и его последователи. И даже Маршалл всеми силами старался оправдать их.

Но давайте вернемся к реальности и подумаем о других сельскохозяйственных продуктах. Представим себе, например, фруктовое дерево, для посадки и выращивания которого требуется такое же количество труда, как и для фруктового дерева другого вида. Но корни одного дерева занимают при этом сравнительно небольшое количество земли, а корням другого, чтобы оно плодоносило, необходимо места в три или четыре раза больше. Нельзя считать, что меновое соотношение разных видов фруктов, выросших на этих деревьях, будет 1:1. Производство плодов второго дерева, с разветвленными корнями, связано с такими издержками, каких не имеет производство плодов первого дерева. Таким образом, в наши времена появилось понимание, что не имеет смысла обрабатывать участок, не приносящий ренты. Это было бы примерно так же разумно, как (вспомним пример Эджуорта) поменять местами пациента и дозу.

Ренту можно изъять из издержек, если рассматривать участок, не приносящий ренты. На рисунке 2 представлен

график применения труда к постоянному количеству земли. Заработная плата представлена прямой линией, параллельной оси X , совокупная заработная плата — прямоугольной областью, а рента, чрезмерно большая, — как дифференциальный излишек. Однако мы сейчас рассматриваем применение разных количеств труда к постоянному количеству земли. Аналогично вы можете представить фиксированную рабочую силу и ее различные применения к определенным участкам земли. А затем, если считать участки земли однородными, вы получаете ту же геометрическую фигуру, в которой заработная плата представлена как дифференциальный излишек, а рента — как прямоугольная область. Исключение ренты из издержек — это иллюзия. Можно с таким же успехом исключить из издержек заработную плату. С точки зрения теории вы точно так же заблуждаетесь, потому что исключая ренту, чтобы не учитывать различия в количестве труда (а вы оперируете понятием количества труда, в этом суть трудовой теории ценности), вы переходите от категории количества к категории ценности земли. Никто не сказал, что количество земли, используемой в большинстве видов производства, не влияет на относительную ценность продукта. Этот аргумент вырос из того, что Рикардо настаивал на исключении ренты из количества труда и капитала и хотел привлечь к этому внимание.

Теперь давайте спустимся с высот чистой теории — геометрии, алгебры и т. д. Обсуждая некоторые вопросы, Рикардо в некотором приближении рассматривал большую часть земли как отданную под производство сельскохозяйственной продукции. Это очень грубое упрощение, но в таком случае Рикардо мог рассматривать землю как специфически сельскохозяйственный фактор и противопоставлять сельское хозяйство обрабатывающей промышленности. Теперь вы понимаете, откуда Рикардо и его последователи взяли это.

Маршалл однажды написал в письме Эджуорту: «Говорить, что рента не участвует в издержках производства, не слишком мудро, но говорить, что она в них участвует дурно»¹. Маршалл прекрасно знал об альтернативных спо-

---

1. Письмо Маршалла Эджуорту от 28 августа 1902 г., воспроизводится в: Pigo (1925, pp. 435–38, at 436).

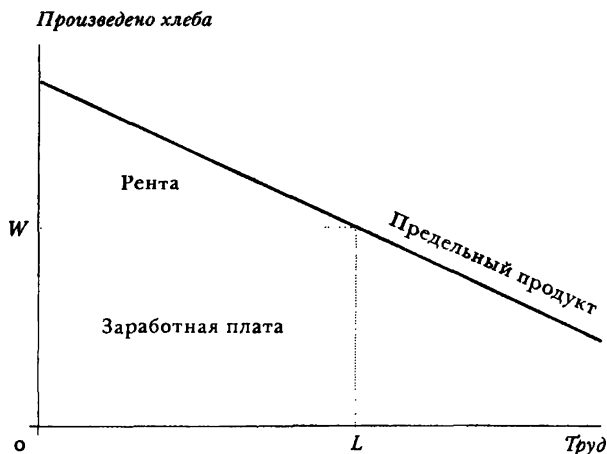

РИС. 2
Исчерпание ренты у Рикардо

собах использования земли, например, для строительства². Но Маршалл имел в виду нечто, предполагаемое в рикардианской литературе: контраст между сравнительной негибкостью предложения земли и сравнительной эластичностью предложения труда и капитала. Этот контраст существует на самом деле, во всяком случае в старых странах. Его может не быть в новых странах, он необязательно касается всей планеты в целом, во всяком случае на текущей стадии исторического развития, хотя все к нему идет. Но если представить ситуацию, в которой предложение земли негибко, а предложение труда и капитала эластично, это не может не отразиться на теории налогообложения.

Очевидно, по этой причине Маршалл так осторожно относился к попыткам избавиться от постулата о том, что рента не входит в издержки производства. Однако, продолжая ту линию размышлений, которую избрал Рикардо, Маршалл

2. См.: Marshall (1920, book 4, chap. 3, § 7; book 5, chap. 11, § 4).

все же уклонился от постулата о том, что рента не входит в издержки производства, что не позволило ему изучить проблему вмененных издержек, альтернативных издержек, как мы их сегодня называем.

На сегодня хватит. Вопрос капитала очень сложен, поэтому мы начнем его обсуждение на следующей лекции, чтобы не прерываться посередине, и обсудим осложнения, связанные с капиталом, — крайне интересную тему, которая занимает большое место в наследии Рикардо.

Лекция 20

Теория ценности и распределения: аналитическая часть (III)

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ изучать классическую теорию ценности и распределения, уделяя особое внимание Рикардо. Вчера я изложил некоторые общие наблюдения относительно предпосылок этой теории, долгосрочной релевантности большинства ее обобщений, а также той ошибки, которую совершили Шумпетер и Мальтус, посчитав, что Рикардо игнорировал спрос и предложение. Я привел пример области обмена, в которой аппроксимация трудовой теории ценности никоим образом не являлась верной. Мы обсудили условия, в которых чисто трудовая теория ценности, такая как в примере с бобром и оленем у Адама Смита, была бы верна. Оставшуюся часть лекции я рассказывал вам об осложнениях теории, возникающих в продвинутых обществах — сложностях, связанных с разным качеством труда, различным количеством земли и разным количеством капитала. Мы рассмотрели первые два вида осложнений. Я довольно конспективно рассказал вам о различиях в качестве труда, которые и Рикардо, и Адам Смит исключили из своих предпосылок. Затем я перешел к тому, как классические экономисты рассматривали проблему соотношений земли и труда, и объяснил, как они убедили себя в том, что, дойдя до точки исчерпания ренты, они могут избавиться от этого осложнения. Закончили мы нежеланием Маршалла отказаться от некоторых частей классической теории ренты. К отношению Маршалла мы еще вернемся, когда будем обсуждать его вклад в неоклассическую экономическую теорию.

Сегодня я хочу обсудить осложнения, вызванные тем, что производственный процесс связан с определенными количествами капитала в той или иной форме. Затем я быстро

пройду по теории распределения в том виде, в каком ее рассматривали Рикардо и многие его последователи.

Итак, в чем здесь загвоздка? Очевидно, любая заслуживающая уважения трудовая теория ценности в обменном отношении с другими товарами учитывает не только прямой труд, затраченный при производстве любого товара, но и косвенный, связанный с производством необходимых инструментов и сырья. В этом у классических экономистов не возникало сомнений, и это сочеталось с чистой трудовой теорией ценности. Джеймс Милль и Маккуллох (во всяком случае в начале; подробности о перипетиях Маккуллоха вы можете прочесть в книге профессора о'Брайена (O'Brien, 1970)) считали, что могут разобраться с осложнениями, связанными с капиталом, сведя весь капитал к косвенному труду.

Этот подход не выдерживает критики. Действительно, косвенный труд считается частью издержек производства, так же как и прямой. Но не этим объясняется нормальная ценность, по которой при постоянной ценности денег товары могут обмениваться. Необходимо тем или иным способом учитывать количество капитала. Количество капитала это очень, очень двусмысленный термин; он может означать то, что сэр Джон Хикс (Hicks, 1932) называл «материалистской» концепцией, то есть сырье, станки и т. д. Он может означать какой-либо денежный фонд, такая концепция считается нематериалистской и связана с оценкой. Однако какой бы точки зрения вы ни придерживались, интуитивно вам должно быть понятно, что в рыночной экономике в условиях долгосрочного нормального равновесия, определенные платежи, которые не являются платой за труд, входят в издержки производства и влияют на предложение.

Итак, Джеймс Милль и Маккуллох искренне заблуждались, считая, что все это можно вытеснить из картины мира, сведя к косвенному труду, но Рикардо таких иллюзий не питал. В первом приближении он предположил, что пропорция труда и капитала одинакова во всех отраслях. Если бы это было эмпирически верно, различающееся количество труда, которое задействовано в производстве разных товаров, указывало бы на соотношение, в котором эти товары должны обмениваться. Результат был бы верным, независимо от того, как мы понимаем капитал или нетрудовые материальные средства производства. И если доля земли

была бы совершенно одинаковой во всех видах производства, мы могли бы положиться на то, что различия в количестве труда дадут нам соотношение, в котором товары должны обмениваться.

Но Рикардо понимал, что это не так. Время от времени в «Началах», рассуждая об общих вопросах, он избегает развивать эту тему и пишет так, как будто доля примененного капитала одинакова в разных отраслях. Но придавать этому умолчанию слишком много внимания не стоит, потому что Рикардо много времени потратил, пытаясь так или иначе учесть непропорциональные сочетания труда и капитала в любом понимании. Прежде всего Рикардо отталкивался от моделей, учитывающих только оборотный капитал, преимущественно заработную плату, то есть применительно к ним идея одинаковой пропорции не казалась глупой. Отталкиваясь от этих моделей, Рикардо заигрывал с разными сочетаниями оборотного и основного капитала, предлагая сложнейшие иллюстрации того, как они могут сочетаться и как это повлияет на ценность. Затем он все большее значение стал придавать относительной долговечности основного капитала, которая, независимо от того, как ее понимать, влияет на издержки производства определенных товаров. Рикардо приводил сложные примеры того, как это происходит.

В конце концов уже в старости в своем знаменитом письме Маккуллоху Рикардо написал, что находит теорию ценности невыносимо сложной, но если бы он заново писал свою книгу, то сказал бы, что ценность определяется относительным количеством труда и относительным временем, за которое продукт появился на рынке. Формула ценности в этом случае включала бы оборотный и основной капитал разного срока жизни¹. Это было крайне умно со стороны Рикардо. По разным изданиям «Начал» можно проследить, как эта мысль зрела в его голове. Но он не довел ее до конца, остановившись на этом. Дойдя до более крупных проблем, Рикардо заявил, что, в конце концов, во многих отраслях производства использование капитала в его разных формах

---

1. См.: Письмо Рикардо Маккуллоху от 8 и 21 августа 1823 года в: Ricardo (1951-73, vol. 9, pp. 330-31, 358-62).

относительно незначительно по сравнению с количеством затраченного труда, поэтому в первом приближении можно считать, что значение имеет только количество труда. Из-за этого вывода Стиглер потом описал теорию ценности Рикардо как «на 93% основанную на труде».

Но почему Рикардо так волновала теория ценности? Чтобы это понять, нужно вернуться к теории ценности Адама Смита. Обсуждая развитое общество, Смит отверг собственный пример с бобром и оленем и прибег к круговой аргументации: объяснил ценность продукта сложением компонентов цены, то есть заработной платы, прибыли и ренты. Это привело к идее о том, что, например, государственное вмешательство, такое как налоги и субсидии, способно повлиять на цену хлеба и в целом на уровень цен.

Эта мысль для Рикардо была как кость поперек горла. Рикардо понимал, что любая теория ценности, чтобы быть обстоятельной, должна учитывать трудовые издержки производства металлических денег. Пока ценность производства денег остается неизменной, изменения относительной заработной платы или более сложные изменения, такие как введение субсидий, влияют только на отношения между заработной платой и прибылью, но не влияют на общую ценность денег, выраженную туманной идеей общего уровня цен. Рикардо не использовал примитивных индексов, которые в те дни уже были изобретены, но применялись еще редко. Эта мысль привела его к выводу, который показался ему крайне интересным: если бы заработная плата поднялась, а трудовая ценность денег осталась бы прежней, то рост зарплат привел бы к падению относительной прибыли, а следовательно, более капиталоемкие товары фактически упали бы в цене одновременно с ростом зарплат. В ответ на вопрос Мальтуса Рикардо признал, что верно было бы обратное. Это привело его к проблеме, которая при скрупулезном рассмотрении (рост зарплат, падение зарплат вследствие изменений нормы прибыли) была невыносимо сложна для тех вопросов, которые Рикардо хотел рассматривать.

Так что это продолжало его волновать. Поиск меры ценности (не причины ценности, а меры!) Рикардо продолжал до конца жизни. Даже его неопубликованная работа об абсолютной и относительной ценности не решала этой проблемы, и он об этом знал. Однако он чувствовал,

что применительно к золоту изменения реальных издержек производства, даже при участии капитала, были очень малы. Это было чисто эмпирическим предположением, которое оправдывало использование металлических денег в прошлом, но не позволяло оправдать уверенность в том, что в будущем эти изменения будут меньшими или большими. Однако Рикардо был склонен считать, что в отношении всех остальных инструментов, использующихся для производства металлических денег, кроме труда, издержки производства представляли собой некую среднюю величину, наряду с которой можно учесть различия между капитал- и трудоинтенсивными производствами (для простоты я пользуюсь современными терминами). Таким образом, для разнообразных целей можно было предполагать, что металлические деньги служат мерой ценности.

Но хватит об осложнениях, связанных с капиталом, которые, как вы видите, довольно существенны. Несмотря на то что они существенны и что в конечном итоге мы вынуждены признать, что Рикардо не сумел разработать законченную долгосрочную, основанную на реальных издержках теорию ценности, эти осложнения показывают, что идеи Рикардо были гораздо глубже идей других классических экономистов. Сениор (Senior, 1836, p. 58), например, нашел для себя и остальных простой выход из положения. Он заявил, что в отношении использования капитала (рента была исключена из картины, поскольку считалось, что она не входит в издержки производства) должно существовать нечто, соответствующее реальным издержкам, выраженным заработной платой. Он называл это воздержанием (*abstinence*): психологическим усилием, стоящим за накоплением денег и/или (он не очень глубоко обсуждает эти вопросы) психологическим отношением, которое не позволяет людям потратить капитал, когда он становится им доступен в денежном виде. В этом что-то есть, но слово «воздержание» было весьма неудачным с социологической и популяризаторской точки зрения. Оно позволило всем высмеивавшим экономистов классической школы (по-моему, первым был Лассаль, но за ним эту шутку повторили многие) обсуждать воздержание Ротшильдов. Из-за этого Маршалл предпочел использовать термин «ожидание» (*waiting*), поскольку это слово не подразумевает такого мощного морального усилия, как «воздержание».

Сегодня мы отошли от всех этих идей — мы обсуждаем временные предпочтения. Теория временных предпочтений покрывает любое сообщество, какое можно вообразить, во всяком случае любое сообщество, которое претендует на какую-то рациональность. Конечно, нормы процента и прибыли до сих пор считаются злом в определенных густонаселенных частях света. Однажды мне пришлось задать вопрос в одной весьма уважаемой академии, отвечающей за публикации в одной из этих частей света. Я спросил их, как они отбирают материалы для печати. Мой вопрос был довольно глупым, я спросил: «А если вы должны выбрать между полным собранием сочинений Толстого и какой-то малоизвестной научной работой?» Они объяснили, что выбор легко сделать, поскольку Толстой быстрее окупится. Первое издание трудов Толстого вышло тиражом 100 000 экземпляров, и издатели по праву гордились тем, как популярны его книги. Что же касается научных трудов, сказали они гуманно, некоторые из них необходимо издавать, пусть и совсем маленьким тиражом. Но в целом, добавили они (к моему тайному восторгу!), мы стараемся печатать книги, которые остаются в продаже не более семи лет. Если это не норма процента в замаскированном виде, я не знаю, как еще это назвать.

Теперь кратко о теории распределения. Не думаю, что мне нужно подробно рассказывать о теории распределения в отношении ренты. К этой теме я вернусь, когда мы будем изучать Маршалла. Если кратко изложить разные аспекты классической теории распределения ренты, то, во-первых, нужно упомянуть происхождение и причину ренты: дефицит, скупость природы и невозможность упразднить расстояние. Существует также статическая теория относительной ренты, определяющая последнюю как избыток дохода с капитала, вложенного в определенный участок земли по сравнению с доходом с капитала, вложенного в наименее плодородный из обрабатываемых участков. Есть динамическая теория, к которой постоянно апеллирует Рикардо в своем «Опыте о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала». Она гласит, что в начале своего внедрения усовершенствования в сельском хозяйстве приводят к уменьшению ренты. Говоря это, Рикардо рисковал. Если вы откроете приложение L, посвященное воздействию налогообложения

и усовершенствований на ренту, в «Принципах экономической науки» Маршалла (Marshall, 1920; Маршалл, 1993), вы увидите, что Маршалл демонстрирует, что изменение ренты зависит от того, как усовершенствования в сельском хозяйстве влияют на производительность разных видов земли. Наконец, существует доктрина, согласно которой рента не входит в издержки производства.

Теорию общей заработной платы я более или менее обозначил, когда мы обсуждали теорию заработной платы Адама Смита и говорили о Рикардо и Мальтусе. Долгосрочная теория заработной платы — заработной платы в стационарном состоянии, которое, по мнению Адама Смита и Рикардо, в ближайшем будущем не должно было наступить в западных странах — была чем-то вроде теории психологического прожиточного минимума. И поскольку она перестала быть теорией физиологического прожиточного минимума, такая долгосрочная теория заработной платы в государстве в состоянии равновесия предусматривала достаточно высокий уровень заработной платы. В знаменитом отрывке Рикардо говорится:

Друзья человечества могут только желать, чтобы во всех странах рабочие классы развивали в себе потребность в комфорте и развлечениях и чтобы усилия добиться их поощрялись всеми законными средствами. Нет лучшей гарантии против перенаселения. В тех странах, где рабочие имеют самые малые нужды и довольствуются самой простой пищей, население подвержено величайшим превратностям и нищете (Ricardo, 1821, p. 100–101; Рикардо, 1955, т. 1, с. 90–91).

Упустив из виду прилагательное «психологический» в словосочетании «психологический прожиточный минимум», критики классических экономистов XIX века обеспечили себя отличным источником развлечения, поскольку смогли заявить, что классические экономисты считали, будто заработной платы в долгосрочной перспективе всегда будут оставаться на уровне прожиточного минимума. Но Рикардо надеялся на то, что люди согласятся тем или иным образом ограничивать численность населения, и тогда психологический прожиточный минимум может подняться очень высоко. Я уже цитировал вам Джеймса Милля, сказавшего, что если для ограничения численности рабочей силы применить

благоразумные методы, то заработную плату можно поднять до любого желаемого уровня². Но помните, и Рикардо, и Адам Смит считали, что стационарное государство не наступит еще долго, пока капитал накапливается и делает это быстрее, чем растет население.

В краткосрочной перспективе общий уровень заработной платы, учитывая мобильность рабочей силы, определялся отношением средств, выделенных на оплату труда, к количеству работников, предлагающих свои услуги на рынке. Эта сложная формулировка скрывает теорию фонда заработной платы, но этот термин изобрел Джон Стюарт Милль³. А сама концепция существовала со времен Адама Смита. Вы также должны понимать, что этот термин в данном случае использовался в отношении возможного повышения зарплат. Классические экономисты, в отличие от популярных авторов, не использовали концепцию фонда заработной платы против рабочих классов или профсоюзов. Если кто-то в этом сомневается, почитайте прекрасную книгу о классической теории заработной платы и капитала знаменитого Тауссига (Taussig, 1897), в прошлом профессора Гарвардского университета. Сейчас эта книга вышла из печати, она издавалась Лондонской школой экономики, так что в библиотеке она должна быть.

Я думаю, что достаточно сказал о заработной плате. Дополнительно вы можете вернуться к Рикардо, который в своих ранних рассуждениях писал, что практически все усовершенствования благотворно влияют на заработную плату. Он воодушевленно проповедовал эту идею. Под влиянием различных факторов, которые нет времени перечислять, включая памфлет малоизвестного Бартона (Barton, 1817), Рикардо изменил свое мнение. К большому замешательству Маккуллоха, который перенял ранние убеждения Рикардо, в третьем издании «Начал» (Ricardo 1821, ch. 31) Рикардо опубликовал главу о станках и заработной плате. В ней говорится, что в краткосрочной перспективе крупное замещение оборотного капитала, то есть той его части, которая приходится

---

2. См.: James Mill (1826, chap. 2, section 2), воспроизводится в: Mill (1966, pp. 228–44, esp. pp. 242–43).

3. См.: J. S. Mill (1965, pp. 337ff.).

на заработную плату, основным могло бы оказаться неблагоприятным для рабочих классов. Я подчеркиваю уточнение «в краткосрочной перспективе», потому что Рикардо считал, что, если бы усовершенствования подняли норму прибыли (Рикардо полагал, что по большей части накопление капитала происходит из прибыли), то рабочие классы в конечном итоге также выиграли бы. Но его публичный отказ от упрощенного оптимистичного мнения о том, что в краткосрочной перспективе усовершенствования всегда служат на благо рабочих классов, является еще одним доказательством того, что Рикардо, «оторвавшись от земли», был достаточно беспристрастен.

Наконец, обратимся к теории прибыли, туманной и сложной. Лучшую короткую главу по классической теории прибыли вы найдете в книге Таккера «Прогресс и прибыль» (Tucker, 1960, chap. 5, pp. 74–89). Лучшее полное описание этой теории дано в новой книге Сэма Холландера (Hollander, 1979, chaps. 3 and 4, pp. 101–90). Рикардианская теория прибыли выросла, вероятно, из тех сомнений, которые Рикардо питал относительно теории Адама Смита. Смит считал, что прибыль определяется спросом и предложением. В конечном итоге, считал он, накопление капитала приведет к падению прибыли вследствие конкурентного процесса. Рикардо в этом сомневался. Его возражения сводились к следующему: если капитал и труд увеличиваются не пропорционально друг другу, почему прибыль должна падать, учитывая, что спрос на редкие товары практически ненасыщаем? Это должно быть как-то связано с убывающей отдачей, решил Рикардо.

Это краткое изложение теории прибыли Рикардо. Теперь рассмотрим ее чуть глубже. Прибыль, по мнению Рикардо, — это остаток после выплаты зарплат. Рикардо был склонен считать, что этот остаток ведет себя так же, как и норма прибыли на весь капитал. Но при этом он игнорировал осложнения, связанные с постоянным капиталом. Как пишет Таккер (Tucker, 1960, pp. 119–22), теория прибыли Рикардо в целом абстрагируется от технического прогресса, и это фатальная ошибка. Но очень важно помнить, когда Рикардо говорит о норме прибыли и норме заработной платы, он всегда говорит о доле национального дохода в реальном исчислении. Мы знаем, что в то время как доли могут изменять-

ся в одну сторону, абсолютные величины могут изменяться в противоположную. Так что, когда он говорит о падении заработной платы, он может иметь в виду ситуацию, в которой абсолютная заработная плата выросла, но недостаточно высоко, чтобы перевесить увеличение реальной нормы прибыли. Это место Рикардо очень тяжело воспринимать.

[Студент просит повторить только что сказанное.] Подчеркиваю, Рикардо всегда говорил о долях реального дохода. Так что, хотя это тавтология — если доля одного фактора возрастает, доля остальных факторов должна соответственно уменьшиться — при этом возможно, что абсолютные суммы увеличатся в обоих случаях. Надеюсь, так понятнее.

Таким образом, в теории заработной платы Рикардо есть два фактора, которые могут повлиять на прибыль. В краткосрочном периоде, который может продлиться весьма длительное время, зарплат могут быть повышены за счет накопления. Стоит опустить уточнение «в краткосрочном периоде» и сказать, что каждую минуту зарплата может быть повышена за счет накопления. Но необходимо помнить, что и Адам Смит, и Мальтус предупреждали: за этим последует рост населения, если только рост зарплат не будет опережать рост населения, либо если рост населения не будет ограничен. Однако в очень долгосрочном периоде расширение производства с целью удовлетворения нужд растущего населения должно привести к убывающей отдаче в сельском хозяйстве, а это, в свою очередь, к подъему цен на потребительские товары и росту зарплат, так что в долгосрочном периоде нас ждет сокращение нормы прибыли.

Механизм этого процесса изложен в «Опыте о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала», в форме зерновой модели, как это называет Сраффа. В этой модели отсутствует проблема ценности, капитал представлен зерном, семенами или потребительскими товарами, а отдача от зерна представлена зерном. Так что остается только сравнить количества. Холландер довольно убедительно доказал, что зерновая модель была не единственной моделью, о которой думал Рикардо, когда писал «Опыт о влиянии». Конечно, когда Рикардо перешел к «Principles», он уже не мог обойтись только ценой зерна, потому что его занимала проблема ценности, а ценность требовала, чтобы в распределении было задействовано более одного товара. От этого и про-

изошла борьба с проблемой ценности, которую Рикардо ведет в первой главе «Начал...». Но в долгосрочном периоде убывающая отдача приводит к расширению сельскохозяйственных земель, большим затратам труда на бушель зерна, а значит, цена зерна возрастает, чтобы скомпенсировать рост издержек. Однако заработная плата тоже должна вырасти, чтобы работники могли позволить себе покупать продовольствие. В то же время цены, измеренные в золоте, имеющем постоянную ценность, не могут быть подняты, чтобы компенсировать издержки фермеров, соответственно, должно произойти сокращение прибыли. И здесь важно понять то, что я уже объяснял вам сегодня: Рикардо настаивал, что при использовании металлических денег рост заработной платы не может привести к общему росту цен, если трудовая цена золота остается без изменений. В самом деле, некоторые цены поднимутся, а другие упадут, но в целом ценность денег не изменится. На этой гипотезе, чудовищно далекой от реального мира, во многом основывалась аргументация Рикардо.

Не думаю, что Рикардо был пессимистом, как его иногда называют. В журнале «Quarterly Journal of Economics» за 1977 год была опубликована прекрасная статья Холландера и Хикса, написанная по следам разговора между ними. В ходе этого разговора Холландер упрекал Хикса, предположившего, что Рикардо считал, что зарплаты очень скоро достигнут уровня прожиточного минимума.

Холландер цитировал разные отрывки из Рикардо, которые убедили Хикса в его правоте, и вместе они написали статью, которую крайне полезно прочесть всем, чтобы лучше понять классическую теорию распределения.

Лекция 21

Равновесие во всей экономике

Я УЖЕ кратко пересказал основные взгляды классических экономистов XIX века на деньги и банковское дело¹, а также приблизительно описал историю спора об импорте зерна, возникшего во время войн с Наполеоном, и что произошло потом. На последней лекции я поведал о результатах этого спора в более или менее упорядоченной форме и закончил рассказом о знаменитом споре о банковском деле и деньгах, суть которого заключалась в том, должен ли выпуск конвертируемых банкнот происходить сам по себе, регулируемый только благоразумием банка, или же он должен контролироваться государством. Школа мысли, которая выступала за дополнительный контроль, одержала победу — был принят закон 1844 года. Не стану пересказывать предыдущие лекции, я хочу только подвести вас к тому, о чем собираюсь говорить дальше.

О классических концепциях общего равновесия в широком контексте, пока оставив осложнения, связанные с международным обменом.

Лучше всего начинать изучение классических концепций общего равновесия с вопроса о том, как классические экономисты относились к сбережению денег. Сбережение в контексте классической системы было равно инвестированию — не только *ex post*, но и *ex ante*. Общее отношение экономистов классической школы к последствиям сбережения можно найти в «Богатстве народов» Адама Смита (вторая глава второй книги, где рассказывается о производительном и непроизводительном труде и накоплении капитала). Смит пишет, все то, что ежегодно сберегается, ежегодно по-

---

1. Лекции 23 и 24 (схему нумерации, предложенную Роббинсом, см. в приложении А), на которые ссылается Роббинс, не были записаны.

требуется примерно за тот же самый период, но другими людьми. Я уже акцентировал ваше внимание на этом отрывке, когда говорил, что он равноценен преднамеренному отрицанию различий между ожидаемыми сбережениями и инвестициями. Смит игнорировал возможность накопления запасов. Это было все равно, что игнорировать возможное накопление сбережений, которое предпочиталось бы той или иной форме их реального инвестирования.

Эта точка зрения была взята на вооружение классическими экономистами. Кроме того, она была подкреплена некоторыми наблюдениями, взятыми из «Трактата о политической экономии», опубликованного в 1804 году французским экономистом Жаном Батистом Сэем. Должен предупредить вас о том, что в современном дискурсе об общем равновесии закон рынков Сэя обычно описывается так, как будто участники этого дискурса никогда в книгу Сэя не заглядывали. Потрясающе, сколько людей сделали себе репутацию, отрицая возможность применения закона Сэя в простой формулировке, которая заключается в том, что предложение создает собственный спрос, а следовательно, перенасыщение рынка невозможно.

Однако факт в том, что замечания самого Сэя, изложенные в издании 1804 года, были сформулированы куда более свободно. В журнале «Económica» за 1977 год опубликована очень полезная статья профессора Баумоля о восьми возможных трактовках закона Сэя. Хотя я не буду углубляться во все трактовки, хочу обратить на них ваше внимание. Сэй, как показывает профессор Баумоль, на самом деле осознавал возможность сбережения. Можно утверждать, что Сэй изложил свой закон рынков в отношении развития экономики в течение долгосрочного периода. Исторический опыт во времена Сэя показывал, что уровень производства на душу населения может существенно возрастать без длительного перенасыщения экономики: уровень производства на душу населения стимулирует уровень доходов и в долгосрочном периоде порождает возможность, что этот доход будет потрачен. В защиту Сэя можно сказать, что он рассматривал только долгосрочные возможности роста, а не краткосрочные возможности перенасыщенности капитала рынка из-за нежелания населения тратить собственные сбережения.

Достаточно о Сэе. В Англии этот вопрос поднял Джеймс Милль, отец Джона Стюарта Милля. Джеймс Милль был знаком с первым изданием «Трактата» Сэя, когда писал памфлет «В защиту торговли» (James Mill, 1808). Этот памфлет был написан в ответ на малоизвестный памфлет Уильяма Спенса, на которого сильно повлияли идеи физиократов. В разгар блокады Англии Наполеоном, введенной, чтобы парализовать нашу внешнюю торговлю, Спенс издал памфлет «Англия, не зависимая от торговли» (Spence, 1808). В этом произведении говорилось, незачем волноваться о Наполеоне и парализованной международной торговле, ведь Великобритания может не зависеть от торговли и при этом быть достаточно богатой, потому что вероятный рост цен на зерно приведет к росту прибыли землевладельцев, которые в отличие от капиталистов с большой вероятностью его потратят. Это грубое изложение неуклюжего памфлета Спенса.

Джеймс Милль, как и Торренс (Torrens, 1808), ответил на памфлет Спенса. Милль пишет о рассуждениях Спенса, сформулированных по мотивам теории Адама Смита, так: «Пусть господин Спенс не беспокоится и пребывает в абсолютной уверенности, что годовая продукция страны всегда будет потреблена полностью, независимо от того, какое решение примут его землевладельцы: тратить или накапливать» (James Mill, 1808, p. 71)². Далее Милль развивает аргументацию, которую Сэй в первой редакции трактата формулирует не столь четко. Милль пишет:

В политической экономии нет более точного предположения, чем то, которое я озвучу, каким парадоксальным оно ни казалось бы на первый взгляд; если же оно истинно, никакое другое не превосходит его по значению. Производство товаров создает рынок для произведенных товаров и является единственной и универсальной причиной этого рынка... Когда товары доставляют на рынок, требуется, чтобы их кто-нибудь купил. Но чтобы покупать, нужно иметь, чем платить. Очевидно, что коллективные платежные средства всей страны составляют весь рынок страны. Но в чем же состоят коллективные платежные средства всей страны? Разве они не состоят в ее ежегодной продукции, в ежегодной прибыли общей массы ее обитателей? Но если покупательная спо-

---

2. Этот отрывок можно также найти в: James Mill (1966, p. 129).

способность страны измеряется объемом ее ежегодной продукции, что не вызывает сомнений, чем больше мы увеличиваем ежегодный объем продукции, тем больше за счет этого действия мы расширяем национальный рынок, увеличиваем покупательную способность и фактический объем покупок, совершаемый страной... Спрос страны всегда равен продукции этой страны (*ibid.*, pp. 81–83)³.

Баумоль в своей полезной статье хвалит Милля больше, чем он того заслуживает, за то, что последний учел долгосрочные обстоятельства, которые повлияли на Сэя. Я думаю, что такое влияние возможно и оно объясняет отношение Джона Стюарта Милля. Однако общее впечатление, складывающееся у читателя после прочтения памфлета Милля, в том числе впечатление, сложившееся у Рикардо (а Рикардо читал Сэя), состоит в том, что Милль настаивал на универсальной применимости этого закона рынков в пику Мальтусу, который по-своему толковал возможные причины неполной занятости населения, экономической депрессии и т. д.

В трудах Рикардо можно найти отрывки, свидетельствующие против моей упрощенной интерпретации позиции Джеймса Милля и самого Рикардо в споре с Мальтусом о краткосрочном аспекте закона рынков. Рикардо, большой друг Мальтуса, больше интересовался долгосрочными тенденциями и был склонен игнорировать краткосрочные, а также увлекался длинными цепочками рассуждений, мастерски основанных на упрощенных моделях. Мальтус же был менее логичен при разработке моделей, но зато имел представление о некоторых современных тенденциях.

Уже в наши дни Сраффа обнаружил одно из писем Мальтуса Рикардо (от 7 июля 1821 г.), которое оказало огромное влияние на Кейнса. Кейнс даже писал: «Если бы Мальтус, а не Рикардо, стал родоначальником экономической науки XIX века, насколько мудрее и богаче был бы сегодня этот мир!» (Keynes, 1933/1972, pp. 100–101). В этом письме Мальтус вполне по-кейнсиански объясняет данный вопрос. Он пишет: «Мы видим почти в каждой части света мощные производственные силы, которые не задействованы в работе». И вот как он это объясняет:

3. Этот отрывок можно также найти в: James Mill (1966, pp. 135–136).

Адекватные мотивы продолжать производство не возникают из-за неправильного распределения реальной продукции... Я не хочу отрицать право тех или иных людей потреблять все произведенное, но вопрос состоит в том, распределяется ли произведенный продукт между заинтересованными группами таким образом, чтобы создать наиболее эффективный спрос на будущую продукцию. И я настаиваю, что попытка слишком быстрого накопления, которая непременно подразумевает существенное сокращение непродуктивного потребления

(трат землевладельцев и т. д.),

создаст крупные помехи обычным мотивам производства и воспрепятствует прогрессу богатства (Malthus to Ricardo, 7 July 1821, quoted in *ibid.*, p. 99).

Именно этот абзац произвел впечатление на Кейнса. Я искренне сочувствую Мальтусу, раздосадованному тем, как Рикардо интерпретировал упрощенную модель.

Но более глубоко осознав это умозаключение (а также все, что Мальтус писал в своих книгах), вы обнаружите, что оно прямо противоположно кейнсианству. По мнению Кейнса, депрессия возникает, если говорить языком «Трактата о деньгах» (Keynes, 1930), когда объем *ex ante* сбережений (ожидаемых сбережений) превышает объем ожидаемых инвестиций. Концепция же Мальтуса заключалась в том, что депрессия возникает, потому что объем инвестиций слишком велик, а объем потребленных благ слишком мал. Это сложный вопрос, предупреждаю вас; бельгийский ученый Ламберт, например, утверждает, что Мальтус был истинным кейнсианцем. Но Мальтус в «Принципах политической экономии» пишет:

Ни один современный политический экономист под сбережением не имеет в виду всего лишь накопление. Помимо обозначения этого ограниченного и неэффективного поведения нельзя вообразить другого использования для этого термина в отношении богатства страны, кроме того, которое происходит от иного применения сбережений, основанного на реальном различии между разными видами труда, который можно было бы на эти сбережения купить (Malthus, 1820, p. 32).

В противовес Кейнсу и современным противникам закона Сэя Мальтус верил, что чрезмерное инвестирование ведет

к депрессии. Однако его убежденность была не так сильна, как у Лодердейла, выдающегося экономиста того же времени, не принадлежавшего к классической школе. Лодердейл написал эссе о производстве богатства (Lauderdale, 1804), в котором утверждал, что известные методы накопления капитала вскоре будут исчерпаны, вследствие чего сбережения потеряют смысл. Мальтус так далеко не заходил. Он писал, что Лодердейл слишком увлекся, потому что существует пропорция между сбережением в смысле инвестирования и потреблением, гарантирующая максимальный рост.

По этому вопросу Рикардо и Мальтус обменивались бесконечными письмами, а Рикардо даже написал «Замечания по поводу «Основ политической экономии» Мальтуса (Ricardo, 1928), стоящее чтение, занимающее немало времени. Мальтус, как мне кажется, проиграл в этом споре Рикардо. Мальтус с его концепцией чрезмерных реальных инвестиций особенно болезненно воспринимал то, как Рикардо использовал упрощенную версию закона Сэя, изложенную Джеймсом Миллем.

Думаю, мы можем сделать следующий вывод: фаза дефляции, которая наблюдалась в монетарной истории в период войн с Наполеоном так и не была здраво оценена классическими экономистами. Мальтус не дал монетарного объяснения депрессии, как это сделал Эттвуд, но Мальтус был больше прав, чем Рикардо и другие классические экономисты, которые предлагали все возможные причины депрессии, кроме верной. Мальтус был прав, когда говорил, что-то не так, но он не смог правильно объяснить ситуацию. А на том уровне аргументации, на котором были написаны письма Мальтуса к Рикардо и замечания последнего о «Принципах» Мальтуса, отвлеченная логика Рикардо почти всегда побеждала логические потуги Мальтуса.

Все это беспокоило Джона Стюарта Милля, так что в письме другу, собиравшемуся писать на эту и подобные темы, он предупреждал его, чтобы тот не возражал против истины, содержащейся во взглядах Джеймса Милля и Рикардо. Однако Джон Стюарт Милль также писал об этих взглядах и о сторонниках теории недопотребления, в частности о Гиббоне Уэйкфилде (Wakefield, 1849) и Томасе Чалмерсе (Chalmers, 1832) (малоизвестных авторах, кажется, Джон Стюарт Милль мало уважал мнение Мальтуса по данному вопросу, хотя восхищался его трудами о населении):

«Эти две точки зрения можно примирить». И в конце 1820-х — начале 1830-х годов Джон Стюарт Милль написал выдающееся эссе, которое опубликовал в своем сборнике «Эссе о нерешенных вопросах политической экономии» только в середине 1840-х (Mill, 1844). Эту работу должны прочитать все, она называется «О влиянии потребления на производство». В ней Милль прорывается сквозь стерильную логику упрощенного толкования закона Сэя и показывает, что сдерживание расходов может выглядеть как общее перенасыщение. Он признает, что бизнес несет ответственность за изменение уровня благосостояния и депрессию, так что общая готовность покупать и общее нежелание покупать сменяют друг друга с краткими интервалами. Он пишет: «В последнем случае (т. е. в случае депрессии) обыкновенно говорится, что наступило чрезмерное изобилие» (Mill, 1844, p. 68).

Как же это сочетается с мнением его отца и Сэя? Во-первых, он пишет (в этой лекции я привожу так много цитат, чтобы вы не подумали, что я импровизирую и пересказываю авторов, о которых рассказываю), что предложение в то же время является спросом, «основывается на предположении о состоянии натурального обмена... Когда два человека совершают акт обмена, каждый из них одновременно является и продавцом, и покупателем. Нельзя продать, не купив» (ibid., p. 69). Очень простая, абсолютно неопровержимая, но аналитически исключительно глубокая идея. Милль продолжает:

Если мы предположим, что при обмене используются деньги, эти предположения перестают быть однозначно правильными... Результат использования денег заключается в том, что один акт взаимного обмена можно разделить на два отдельных акта, или действия... Хотя тот, кто продает, продает только для того, чтобы купить, ему не нужно покупать в тот же момент, когда он продает; поэтому он необязательно увеличивает мгновенный спрос на один товар, когда увеличивает предложение другого... У него может быть очень распространенное намерение продавать как можно быстрее в сочетании с не менее распространенным намерением как можно дольше откладывать любую покупку (ibid., pp. 69–70).

И далее:

Чтобы аргумент в пользу невозможности избытка всех товаров стал применим в случае использования средства обра-

щения, нужно рассматривать сами деньги в качестве товара (на который существуют спрос и предложение). Нужно признать, что, без всяких сомнений, переизбытка денег и переизбытка всех остальных товаров одновременно быть не может (ibid., p. 71. — Курсив Л. Роббинса. — *Прим. ред.*).

После этого Милль заключает: «Аргументы против возможности общего перепроизводства (все еще) весьма убедительны до тех пор, пока они применяются к теории о том, что страна может накапливать капитал слишком быстро» (ibid., p. 73). Получи, Мальтус! Далее Милль приводит великолепное описание торгового цикла, которое я не буду зачитывать. Цикл начинается с того, что люди предпочитают товары деньгам и быстро избавляются от денег; кульминация наступает при металлической валюте, когда банковские курсы испытывают давление в момент финансового кризиса, а затем, когда относительное предпочтение денег и товаров изменяется и спросом начинают пользоваться деньги, а не товары, возникает переизбыток товаров, а не денег.

Баумоль в 1952 году в соавторстве с профессором Беккером написал еще одну статью — «Классическая денежная теория: результаты дискуссии» (Becker, Baumol, 1952). В этой статье авторы утверждают, что после прочтения эссе Милля «О влиянии потребления на производство» становится непонятно, о чем в наше время идет такой оживленный спор, в ходе которого десятки людей заработали себе репутацию, утверждая, что чрезмерно упрощенные формулировки Сэя, а также еще более простые формулировки Джеймса Милля, Рикардо и прочих, в краткосрочном периоде были ошибочны. Эта статья напечатана в журнале «Econometrica» за ноябрь 1952 года.

Существуют и другие фрагменты теории, предшествующие современным идеям, и я хочу обратить на них ваше внимание. Вначале напомню о том, что Юм, обсуждая последствия увеличения золотого запаса в обществе, утверждал, что эти последствия проявляются медленно, и если дополнительное золото попадает в руки людям, которые тратят его и создают рабочие места, то последствиями могут стать процветание и рост трудовой занятости населения.

Эта теория была в значительной степени забыта, вместо нее у классических экономистов, в том числе и у Иеремии Бентама, родилась доктрина вынужденных сбережений. Вы-

дающаяся дискуссия об истории этой доктрины приводится в приложении к поздним изданиям знаменитых лекций Хайека о ценах и производстве (Науек, 1931; Хайек, 2008), прочитанных им в ЛШЭ в 1930-е годы.

Впервые теория вынужденной бережливости подробно была изложена Иеремией Бентамом в одной из частей его «Руководства по политической экономии» (Bentham, 1843). Вынужденная бережливость может принимать две формы. Во-первых, государство может взysкивать средства с населения через налоги и использовать их. Это очевидно, и Адам Смит бы с этим согласился (но он сказал бы, что государство зря потратило эти средства). Затем Бентам продолжает: «Вынужденная бережливость также является последствием выпуска государством бумажных денег или того, что их создают частные лица» (Bentham, 1843, p. 44). Если дополнительные деньги попадают в руки тех, кто использует их как капитал, то при полной занятости это порождает ощутимый эффект, компенсирующий потерю реального дохода частью остальных членов общества (ibid., p. 45). «Как и в вышеназванном случае вынужденной бережливости (при помощи налогообложения), национальное богатство увеличивается за счет национального комфорта и национальной справедливости» (ibid.). То же написано в замечательной книге Торнтона: «Если предположить избыточный выпуск бумаг, чтобы на время поднять ценность благ, но не ценность труда, то следствием будет увеличение капитала» (Thornton, 1802, p. 263)⁴. Далее он рассуждает о влиянии этого феномена на людей с фиксированным доходом.

Об этом же писали Мальтус, Торренс, а также автор, менее известный, чем он того заслуживает, — Джоплин, написавший работу «Иллюстрация взглядов г-на Джоплина на валюту» (Joplin, 1825). Об этом же писал Джон Стюарт Милль в своем эссе о прибыли⁵, а также в «Основах политической экономии». В «Основах...» Милль четко объясняет процесс, который он назвал вынужденным накоплением:

Платежные средства страны... частично применяются для покупки производственного назначения, а частично в произво-

4. См. также: Thornton (1939, p. 329).

5. «On Profits, and Interest», в: Mill (1844).

дительном потреблении. ... Тогда если увеличивается только та часть средств платежа, которая находится в руках у непроеводительных потребителей, то покупаемая ими часть товаров увеличится... И наоборот, если дополнительную сумму средств платежа получают производительные потребители... увеличивающаяся часть товаров... будет занята как капитал... происходит действительный прирост капитала (Mill, 1965, 2:528).

Милль не одобряет это, он считает, что это несправедливо. Однако это первый фрагмент динамических элементов в подходе классических экономистов к общим вопросам.

Второе, и это я хочу подчеркнуть, это контраст между естественной и денежной нормами процента. Эта идея происходит от доктрины Адама Смита о том, что если банки выпускают свои бумаги на основе реальных сделок (реальной торговли), то не возникает опасности чрезмерной эмиссии банкнот. Последняя, по мнению Адама Смита, возникает, если банки выпускают свои бумаги на основе искусственных финансовых векселей, не учитывая нужды торговли. Этим аргументом впоследствии воспользовались противники буллионистской политики.

Но Торнтон в своей работе «Paper Credit», изданной под редакцией Хайека (Thornton, 1802/1939, p. 254), указывает, что теория реальных векселей в такой формулировке лишена смысла, потому что не учитывает краткосрочной нормы процента: объем векселей, подлежащих учету, должен варьироваться согласно краткосрочной норме учета. Торнтон предлагает разделять денежную норму процента (краткосрочную и долгосрочную) и реальную норму прибыльности, что перекликается со взглядами Векселя о контрасте между денежной и естественной нормами процента.

Наконец, в выступлениях Торнтона (Thornton, 1811) в Буллионистском комитете⁶ содержится третий динамичный фрагмент, к которому я хочу привлечь ваше внимание в ходе беседы об общем равновесии. Торнтон разделяет денежную и реальную норму процента, и это не то же, что разделять денежную и естественную норму процента, или прибыльность. Различие заключается в том, что вы получаете в денежном выражении, и тем, что можно реально купить

6. Эти выступления воспроизводятся в: Thornton (1939).

на эти деньги, и эту теорию нет нужды подробно расписывать. В нашей несчастной стране минимальная денежная ставка процента равна 17%, а реальная прибыль, поскольку цены на подобные инвестиции растут на 17%, равна нулю. Невозможно представить себе более разительный контраст.

Не стоило дожидаться до сегодняшнего дня, когда правительства проводят в жизнь политику безрассудной инфляции, чтобы обнаружить это различие. Подробней о проведенном Торнтоном различии между денежной и реальной нормой процента (реальной отдачей) говорится в ранней работе Ирвинга Фишера «Повышение цен и процент» (Fisher, 1896a).

Американцы, присутствующие в этой аудитории, не должны забывать то, что в США, мне кажется, помнят не всегда: Ирвинг Фишер — величайший англоязычный экономист-теоретик за последние сто. Его докторская диссертация о теории цен (Fisher, 1892) и книги «Повышение цен и процент», а также «Природа капитала и дохода» (Fisher, 1906) и «Норма процента» (Fisher, 1907) — выдающиеся работы. Самые разные авторы в более близкие к нашим времена сделали карьеру, вторично открыв то, что уже было написано в книгах Фишера, которые во времена моего студенчества входили в стандартную программу обязательного чтения для всех будущих экономистов.

Джейкоб Вайнер, мой большой друг, однажды сказал, если бы можно было объединить Ирвинга Фишера и Франка Тауссига — гарвардского профессора, написавшего очень сильную для своего времени книгу о принципах экономической науки и немало работ по прикладной экономике, то Америке еще сто лет не понадобились бы экономисты.

Лекция 22

Международная торговля

ВЗРЫВ в Уэст-Энде нарушил дорожное движение и мою Внутреннюю программу. Сегодня я хочу поговорить с вами о классической теории международной торговли. Когда мы говорили о теме разделения труда в «Богатстве народов», я подчеркнул, что среди преимуществ разделения труда Адам Смит не привел возможности территориального разделения труда. Но какие бы причины ни стояли бы за этим упущением, не следует думать, что Адам Смит не уделил внимания этой проблеме. Большая часть четвертой книги, посвященной меркантилистской системе, основывается на идее Смита о том, что выгодно делить труд между разными частями света.

Во второй главе четвертой книги есть знаменитый отрывок, в котором Адам Смит пишет:

Путем применения стеклянных рам, парников и теплиц в Шотландии можно выращивать очень хороший виноград, и из него можно выделывать очень хорошее вино, обходящееся по меньшей мере в тридцать раз дороже такого же качества вина, привозимого из-за границы. Будет ли разумным закон, запрещающий ввоз заграничных вин исключительно в целях поощрения производства кларета и бургундского в Шотландии? Но если очевидной нелепостью было бы обращаться к какому-либо занятию в тридцать раз большее количество капитала и промышленного труда страны, чем требуется для того, чтобы купить за границей то же количество нужных товаров, то также является нелепостью — хотя и не столь вопиющей, но совершенно такого же рода — обращаться к подобному занятию хотя бы на одну тридцатую или на одну трехсотую долю больше капитала или промышленного труда. В данном случае не имеет значения, являются ли те преимущества, какими обладает одна страна по сравнению с другой, естественными или приобретенными. Поскольку одна стра-

на обладает такими преимуществами, а другая лишена их, для последней всегда выгоднее покупать у первой, а не производить самой. Преимущество, которым обладает ремесленник перед своими соседями, занимающимися другими профессиями, является приобретенным, и тем не менее он, как и они, находит более выгодным покупать друг у друга, вместо того чтобы производить предметы не по своей специальности (Smith, 1776, 1:423–424; Смит, 2007, с. 445).

Пример с выращиванием винограда в Шотландии доступно объясняет суть территориального разделения труда. В XX веке этот аргумент применим так же, как и в XVIII, не считая исключений, которые делаются для неокрепших отраслей промышленности.

Однако с точки зрения анализа классические экономисты XIX века проработали этот вопрос гораздо глубже, чем Адам Смит с его непритязательным примером выращивания винограда в Шотландии. Когда я рассказывал вам о «на 93% основанной на труде теории ценности» Рикардо, а также об исключениях из нее, я упоминал, что она не применима к обмену между областями, между которыми капитал и труд не могут свободно передвигаться. Я выражаюсь общими терминами, потому что анализ, который был разработан Рикардо и другими классическими экономистами, обычно называют «международная торговля». И самые разные люди смогли заработать некую профессиональную репутацию, указывая на то, что между странами существует движение капитала и труда. Время от времени в отдельных классах мобильность труда ограничивается квотами, это можно сказать и о мобильности капитала. Все это было верно и во времена Рикардо. По той или иной причине Рикардо писал, что мобильность капитала между разными национальными областями достойна сожаления. Не знаю, почему он так считал, ведь его предки были выходцами из Португалии, а родители из Голландии, но таким было его мнение о движении капитала. С его стороны это была просто идиосинкразия, не имеющая ничего общего с дальнейшим анализом.

Так вот для 93-процентной трудовой теории ценности, или теории ценности, основанной на реальных издержках, Рикардо был вынужден разработать дальнейший анализ, который называется теорией сравнительных издержек и который, не считая некоторой коррекции, выстоял под натиском

дальнейших аналитических разработок и сохранился куда лучше трудовой теории ценности. Он претерпел множество изменений, но знаменитая теория альтернативных издержек, которая до сих пор упоминается в лекциях и дискуссиях об экономической политике, имеет семейное сходство с теорией сравнительных издержек в том виде, в каком ее разработали Рикардо и один из его современников, Торренс.

Теория сравнительных издержек связана с именем Рикардо. Она изложена в первых главах «Начал политической экономии». Однако на самом деле она была сформулирована еще до Рикардо Робертом Торренсом в «Эссе о международной торговле зерном» (Torgens, 1815). В первичности Торренса как автора этой теории нет сомнений. Но, отдав должное любимому малоизвестному экономисту, перейду к объяснению теории сравнительных издержек в терминах Рикардо.

Рассмотрим простейший пример. Возьмем обмен между гипотетическими Англией и Германией. Давайте не будем запутывать пример, углубляясь в сравнительные издержки. Вернемся к основам — абсолютной производительности. Вот три возможных случая:

	1		2		3	
	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия
Шерсть	2	1	4	1	2	1
Зерно	1	2	3	2	2	1

Возьмем два вида товаров, шерсть и зерно. В первом случае, самом простом, две единицы шерсти, произведенные в Германии, приходятся на одну единицу шерсти, произведенную в Англии, а в отношении зерна действует обратная пропорция. Во втором случае на четыре единицы шерсти, произведенные в Германии, приходится одна, произведенная в Англии, а соотношение зерна, произведенного в Германии и в Англии, равно три к двум. В третьем случае на две единицы шерсти, произведенные в Германии, приходится одна единица, произведенная в Англии, и так же соотносится производство зерна.

Первый случай называется различием абсолютных издержек; вы видите, что независимо от наличия или отсут-

ствия мобильности труда обмен выгоден, потому что Германия в два раза превосходит Англию по производству шерсти и в половину уступает ей в производстве зерна. Должен также сказать, что показатели производительности противоположны показателям издержек, поэтому со временем эта теория стала называться теорией абсолютных издержек. Итак, это случай различий абсолютных издержек.

Во втором случае мы наблюдаем различие сравнительных издержек. Вы видите, что Германия превосходит гипотетическую Англию по производству шерсти и зерна, но, если вычислить разницу в издержках, вы увидите, что это превосходство различается в случае двух разных товаров. Это случай различия сравнительных издержек.

Перейдем к третьему случаю, в котором Германия в два раза превосходит Англию в производстве шерсти и зерна, но различия в издержках производства двух товаров при этом одинаковы. Очевидно, что в случае различия абсолютных издержек выгодно сконцентрировать производство одного товара в одной области, а другого в другой, и обмениваться ими. Не нужно теории сравнительных издержек, чтобы это доказать. Во втором примере, где различаются сравнительные издержки, обмен также выгоден. Возможно, хотя и маловероятно, что некий выдающийся ученый готовит пищу лучше, чем его камердинер, но его превосходство в области науки настолько больше, чем его превосходство в приготовлении пищи, что имеет смысл сфокусироваться на науке, предоставив готовку камердинеру.

Предположим, что превосходство двух областей по всем статьям одинаково, как в третьем примере. Тогда в обмене нет смысла, это очевидно. Отметим шерсть по одной оси, а зерно — по другой. Если мы нанесем на график различия в издержках, то обнаружим, что они сводятся к векторам, находящимся на одной прямой, и нет различия в издержках, независимо от того, что мы производим. Если бы вы разобрали какой-нибудь пример, вы бы обнаружили, что разделение труда в случае разных абсолютных издержек, как и в случае разных сравнительных издержек, сводится к величине угла, под которым радиус-векторы отходят от начала координат. Однако в третьем случае радиус-вектор был бы одинаковым для Англии и для Германии, и эти две области не могли бы совершать выгодный обмен.

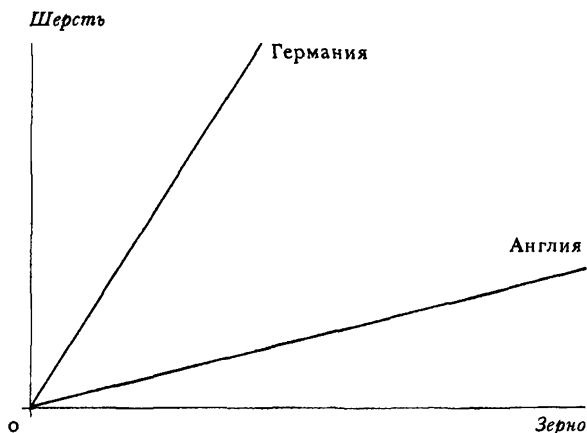
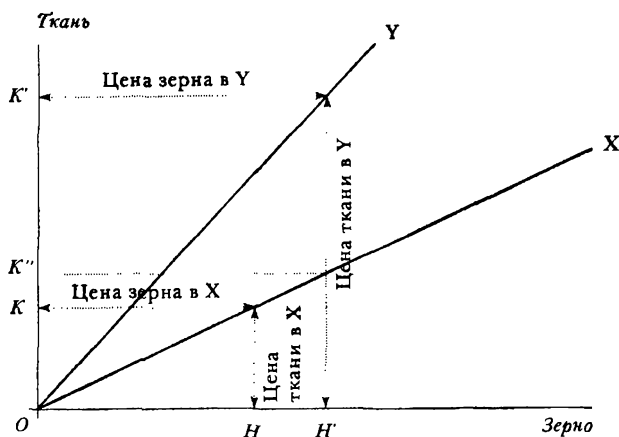

РИС. 3
Сравнительные издержки
и выгодность торговли

Я привел вам простейший пример: два товара и две страны. Сложности появляются при рассмотрении большего количества товаров, даже если для упрощения ситуации вы рассматриваете области «наша страна» и «заграница». Однако не следует думать, что классическая теория заканчивается на этом [показывает на доску] — на обнаружении предела выгодного обмена между Англией и Германией, независимо от различий сравнительных издержек. Не всегда происходит так, что различия в реальных сравнительных издержках создают ситуацию, в которой обмен реальными товарами был моментально выгодным.

Рассмотрим пример, простейший из возможных. Диаграмма, которую я собираюсь воспроизвести, взята из книги «Принципы теоретической экономики» Бароне (Barone, 1927).

Пример Бароне начинается с того, что мы предполагаем наличие золотовалютного стандарта и в Германии, и в Англии. Однако по какой-то причине цена тканей и зерна в Германии (X) ниже, чем в Англии, так что на рис. 4 отмечены первоначальная цена ткани в Германии, выраженная в золоте, и цена зерна. Нарисуем то же для Англии (Y),

источник: Бароне, 1929, р. 98.

РИС. 4
Торговая диаграмма
Бароне

но с учетом того, что цены в золоте там выше. Что тогда произойдет? Очевидно, в случае свободной торговли немцы не станут ничего покупать в Англии, зато Англия будет покупать и ткани, и зерно у Германии. На основании очень простых предпосылок количественной теории, которые использовали классические экономисты, с минимальными упрощениями (предположим, что покупки, сделанные Англией у Германии, оплачиваются золотом, но выплачиваются из запасов) мы получим, что, поступив в Германию, эти выплаты повлияют на местный уровень цен. В этом случае цены в Германии будут меняться, пока цена зерна в золоте не сравняется в Германии и Англии. Тогда можно будет говорить об обмене реальными благами. Германия будет продолжать производить шерсть, но Англия получит возможность продать некоторое количество зерна¹.

1. Чтобы помочь читателю понять диаграмму Бароне, приведем дополнительное объяснение. Два радиус-вектора двух товаров (ткани и зерна) относятся к стране X и стране Y соответственно. Угол их наклона различается

Я высоко ценю Бароне за его идеи, но его диаграмма — это упрощенная версия одного из самых знаменитых предположений классической экономической теории и теории Риккардо о распределении ценных металлов. Это в некотором смысле изложение анализа движения металлических денег Юма. Риккардо считал, что в условиях свободной торговли, а также при условии, что металлические деньги сделаны из золота, золото будет двигаться так, что реальные пропорции обмена между разными странами будут такими, какими они были бы в условиях натурального обмена — перераспределение золота позволит действовать принципу сравнительных издержек.

Это весьма сложный вопрос, и объяснения Риккардо его не проясняют. Если вы ничего не слышали о теории сравнительных издержек, прочтите памфлет Сениора «Об издержках производства денег» (Senior, 1829) либо книгу Тауссига о международной торговле (Taussig, 1927). Из-за того, что в ней приводятся арифметические примеры, эту книгу недооценивают продвинутые знатоки матричного анализа, но в ней лучше, чем где бы то ни было, объясняются многие вопросы, связанные с международной торговлей. В начале века Тауссиг написал статью «Зарплаты и цены в международной торговле» (Taussig, 1906), опубликованную в «Quarterly Journal of Economics», но его книга о международной торговле вышла, когда он был в преклонных годах, в 1920-е годы.

Если вы способны проследить мысли Риккардо, вы понимаете, что трудовая теория сравнительных издержек, хотя и была теорией разделения труда в упрощенных условиях, а также показывала возможные пропорции обмена, выгодные обеим сторонам, в области между двумя радиус-векто-

---

ся из-за различий относительных цен в этих двух странах. Это означает, что количество зерна $ОН'$ обменивается на количество $ОК'$ в Y и $ОК''$ в X .

Предположим, что мы измерили абсолютные цены в одной и той же валюте, или, в терминологии Роббинса, в золоте. Если одно и то же количество ткани можно купить за сумму $ОН$ в X и $ОН'$ в Y , значит цена зерна в X ($ОК$) ниже, чем в Y ($ОК'$), притом что обе абсолютные цены в X ниже, чем в Y , оба товара будут экспортироваться из X в Y . Согласно количественной теории, движение денег в обратном направлении, которое за этим последует, заставит абсолютные цены в X увеличиваться до тех пор, пока, по мнению Бароне, H не начнет совпадать с H' .

Благодарим Андреа Саланти за помощь в переводе этого отрывка.

рами, ничего не говорила о равновесной цене. Она не говорит, что это та область, в которой возможен торг. Я хочу сказать, что теория сравнительных издержек не учитывает состояние спроса, которое при анализе случая, в котором рассматривается более одного товара, чрезвычайно важно. Оно важно и при анализе двух товаров.

Как же состояние спроса появилось в классической теории? Его следы можно найти у Рикардо в том месте, когда он пишет о колониальной торговле (Ricardo, 1821, гл. 25). Теория спроса проникла в работы классических экономистов XIX века из разных источников.

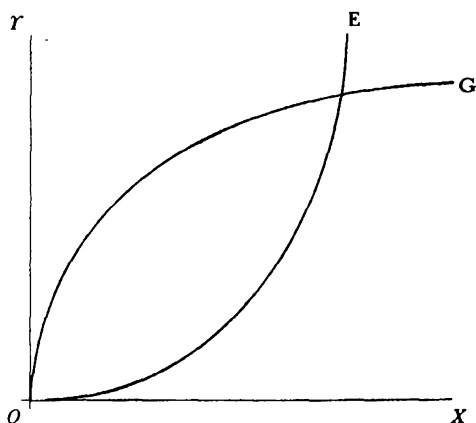
Во-первых, она выросла из полемики о последствиях проблемы отсутствующих землевладельцев в Ирландии, приблизительно в первой четверти века (в начале века Ирландия была включена в Королевство Великобритания посредством Акта об объединении). В это время зазвучали жалобы на отсутствие землевладельцев, которое плохо влияло не только на торговлю, что привело к тому, что ирландцы были беднее, чем если бы землевладельцы проживали в своих поместьях. Некоторые классические экономисты (дурной пример им показал Маккуллох) с презрением отвергли эту идею, утверждая, раз экспорт и импорт оплачивают друг друга, а платежный баланс в конечном итоге уравновешен, то беспокоиться не о чем. Это была поверхностная точка зрения. Умнейший человек, Маунтифорд Лонгфилд, о котором мы еще поговорим, когда дойдем до предвестников современного анализа и их отличий от классических экономистов XIX века, написал лекцию об отсутствующих землевладельцах, и она была опубликована (Longfield, 1835). Не прибегая к математике, он продемонстрировал, если живущие вдали от дома землевладельцы тратят значительную часть своих рент, например, на кружево для своих парижских подруг, это приводит к изменению спроса. Тот спрос, который мог бы быть направлен на производственные факторы в Ирландии, теперь направлен на кружевниц в окрестностях Парижа, то есть на факторные торговые условия вполне может влиять отсутствие землевладельцев. Это первый источник теории спроса.

Во-вторых, полковник Роберт Торренс в «Эссе о международной торговле зерном» (Torrens, 1815) проявил себя как непоколебимый противник введения протекции сельского хо-

зайства после наполеоновских войн. До конца жизни он был непоколебимым сторонником идеи о выгодности территориального разделения труда Смита. Именно Торренс изобрел столь полезный термин — «территориальное разделение труда». Однако по мере того, как шло время и зазвучали призывы ввести для Великобритании принцип свободной торговли, независимо от того, что происходит в других странах, Торренс стал считать, что всеобщая свободная торговля имеет отрицательные стороны. По этому поводу он написал «Письма о торговой политике» (Torrens, 1833), переизданные Лондонской школой экономики, но эта книга не произвела никакого впечатления на его современников. Это очень редкая книга, и я убедил Лондонскую школу экономики ее переиздать отчасти потому, что сам не мог найти ни одного экземпляра, кроме как в музеях. Но в 1840-е годы, когда движение за всеобщую свободную торговлю набрало силу, Торренс издал серию писем частично о монетарной, а частично о торговой политике, собрав их вместе в сборнике «Бюджет» (Torrens, 1844). Это тоже редкая книга, но у меня есть экземпляр, если вы не найдете ее, смело обращайтесь ко мне. Это одна из редчайших книг, и я удивлен, что она до сих пор не была переиздана, так она важна в истории экономической мысли.

Торренс привел несколько примеров бартера и денежной политики, в которых показал, если Англия введет свободную торговлю со всеми странами, то при прочих равных условиях торговые условия могут обернуться против нее. Он сильно преувеличил эту возможность, но с точки зрения анализа в этом что-то есть. Книга стала причиной бесконечных споров среди классических экономистов. Сениор (Senior, 1843) написал на нее рецензию в журнале «Edinburgh Review», отдав должное выдающемуся интеллекту Торренса, но назвав ее аналитически абсолютно не верной. Другие тоже возражали против идеи Торренса.

Но Торренс был очень смел, и Джон Стюарт Милль, читая его «Бюджет», вспомнил, что в конце 1820-х годов он, обнаружив пробел в теории Рикардо, написал анализ условий спроса в международной торговле. Читая Торренса, Милль подумал, что мог бы опубликовать это эссе вместе с эссе о влиянии потребления на производство, а также с еще несколькими. Он издал книгу «Эссе о нерешенных вопросах политической экономии» (Mill, 1844). Мы ее пере-

источник: Marshall, 1923, прил. J.

РИС. 5
Торговая диаграмма
Маршалла

издали, но и оригинал, и переиздание XIX века (Mill, 1897) можно найти у букинистов.

Конечно, с точки зрения анализа, Милль далеко опередил в этом вопросе даже Лонгфилда, а также Торренса, который использовал причудливые арифметические примеры, что мешало всерьез воспринимать его аналитические идеи. Милль разработал таблицы международного спроса и предложения и доказал, что при определенных обстоятельствах определенную сумму денег можно получить от иностранца, обложив налогом импортные товары. Милль не верил в пользу защитных тарифов, а также в пользу обирания иностранцев, но он признавал, что аналитически такое вполне возможно.

После преобразования эссе Милля о международном обмене, проиллюстрированного арифметическими примерами, Маршаллу в голову пришла идея кривых совокупного спроса и предложения (Marshall, 1879, 1923), которые демонстрируют условия равновесия для соответствующих вариантов издержек в точке их пересечения (см. рис. 5). Одну из этих кривых мы назовем G, а вторую — E. Это уже ближе к современной теории. Остановимся на том, что Милль

обнаружил и изложил реальную причину пробела в теории Рикардо.

Итак, мы подходим к концу классической системы. Не буду говорить вам о налогообложении, об этом вы прочтете у Рикардо или у Шупа (Shoup, 1960). Я закончу лекции о классической экономической теории XIX века рассказом о Джоне Стюарте Милле, который после всего этого обмена памфлетами и книгами решил написать книгу масштаба «Богатства народов», в которой рассказывалось бы обо всех усложнениях теории, которые возникли с момента написания «Богатства народов».

Лекция 23

Джон Стюарт Милль

ПРОПУЩУ заявленную в программе лекцию о теориях налогообложения, разработанных классическими экономистами XIX века, однако прежде чем закончить с классической теорией, я посвящу целую лекцию Джону Стюарту Миллю.

Джон Стюарт Милль, чьи «Основы политической экономии» были опубликованы в 1848 году, был не последним из классических экономистов. Последним был Джон Эллиот Кэрнс, глава кафедры в Университетском колледже, чьи труды до сих пор заслуживают внимания, несмотря на то, что Кэрнс не оценил по достоинству теорию ценности Джовонса, чем заработал среди поверхностных умов дурную славу. Но Джон Стюарт Милль занимает заключительную позицию с точки зрения общей эволюции экономической мысли со времен Адама Смита до его собственных. И его «Основы политической экономии», очевидно, написаны, чтобы осовременить Адама Смита со всем должным к нему уважением. Поэтому, хотя теория Джона Стюарта Милля куда более доступна, чем теория Рикардо, и не потребует сложного анализа, он заслуживает нашего внимания.

Вначале несколько слов о его жизни. Джон Стюарт Милль родился в 1806, а умер в 1873 году. Его жизнь имела огромное значение для культурной истории его страны периода середины XIX века. Милль был не только экономистом, но и выдающимся логиком. Он был авторитетом в области метафизической философии, много писал об этике и политологии, главенствовал над интеллектуальной жизнью своих единомышленников (членов радикального крыла партии вигов) и даже приобрел чересчур большое влияние на университеты.

Когда я был молодым, в этом университете было принято (причем это явно пошло от Кэннана) смотреть на Джона

Стюарта Милля свысока. Не сомневаюсь, такое отношение сформировалось у Кэннана в молодости, когда в Оксфорде Джона Стюарта Милля вколачивали ему в голову как человека, который сказал последнее слово в экономической науке. Сегодня, надеюсь, эта традиция в нашем университете канула в прошлое, и хотя я убежден, что Джон Стюарт Милль уже никогда не будет назван человеком, сказавшим последнее слово в нашем предмете, он все же является одним из великих авторов в истории экономической мысли.

Всем следует прочесть автобиографию Джона Стюарта Милля (Mill, 1873). Это короткий документ. Я сказал бы, что это одна из самых выдающихся автобиографий, написанных на английском языке, и одна из трех самых выдающихся автобиографий, написанных в XIX веке (две другие это «Оправдание своей жизни» Ньюмена (Newman, 1864) и «Воспоминания» Марка Паттисона (Pattison, 1885)). [В ответ на вопрос из аудитории] «Оправдание» Ньюмена написано выразительной и эстетичной прозой, хотя Чарльз Кингсли и обвинил его в лицемерии за уход из англиканской церкви и присоединение к римской. В любом случае «Автобиография» Джона Стюарта Милля обязательна для прочтения всеми студентами, изучающими историю предметов, которые преподаются в этом университете — политологии, этики, философии, включая экономическую теорию.

Жизнь его была весьма необычна. Джеймс Милль, хотя его сын превзошел отца, имел весьма причудливое представление о том, как надо воспитывать детей, так что с раннего возраста Джон Стюарт Милль изучал греческий и латынь. В семь-восемь лет он уже давал уроки остальным членам своего семейства. Джон Стюарт Милль не учился в общественных учебных заведениях. Его обучал отец, причем весьма жестокими методами. Книга Джеймса Милля «Элементы политической экономии» (James Mill, 1826)¹ была составлена на основании записей, которые юный Джон Стюарт Милль делал во время прогулок с отцом, человеком весьма суровым. При этом Джон Стюарт Милль был так наивен, чтобы написать, все, что ему удалось сделать, было сделано благодаря не природному таланту, а тому образованию, которое

---

1. Первое издание «Основ» Джеймса Милля вышло в 1821 г.

он получил (Mill, 1873, p. 30). Я в это не верю. Образование, которое получил Джон Стюарт Милль, привело его к полному эмоциональному истощению, и в возрасте двадцати лет будучи восходящей надеждой Джеймса Милля, Иеремии Бентама и прочих уважаемых философов-радикалов он слег с нервным расстройством.

К этому моменту он уже написал об этике и политической экономии в духе Бентама. В те дни Милль был строгим утилитаристом, строгим последователем Бентама, который был великим человеком, но слишком широко толковал утилитаризм, возникший в XVIII века, в том числе из трудов Юма, крайне конкретно и категорично формулируя предложения по реформированию конституции, заслуживающие обширной критики.

Итак, в возрасте двадцати с небольшим лет Джон Стюарт Милль помогал Бентаму редактировать трактат «О судебных доказательствах» (Bentham, 1827). После этого и, возможно, вследствие этого, а также вследствие эмоционально бедной жизни с ним случился нервный срыв. Однажды вечером он задумался: что если бы все его рекомендации относительно общественной реформы были бы выполнены, стал ли он от этого счастлив? И ответ был отрицательным. После этого для Милля наступил период глубокого интеллектуального и эмоционального отчаяния. Он дошел до ужасного состояния, размышляя о том, что почти бесчисленные комбинации музыкальных нот рано или поздно будут исчерпаны, и тогда человечество больше не сможет писать музыку. Конечно, это интересная мысль (иногда она приходит в голову), но это не повод для нервного срыва.

Через некоторое время Милль пришел в себя, отчасти благодаря поэзии. Вордсворт и Кольридж открыли ему мир эмоционального восприятия, которое Джеймс Милль в своем учебном плане не поощрял. Отчасти его спасло то, что он влюбился в молодую женщину Гарриет Тейлор, которая состояла в несчастливом браке с человеком намного старше нее. Их отношения (для самых любознательных) были строго платоническими. Когда мистер Тейлор скончался, Милль женился на Гарриет. В своей «Автобиографии» Милль возносит невероятную хвалу всему тому, что означала в его жизни Гарриет, и тому интеллектуальному вкладу, который она внесла в его работу. Джордж Гроут, один из по-

следователей Бентама и знаменитый историк Греции, а также один из основателей Лондонского университета, сказал как-то, что только Милль мог поместить на могилу жены столь длинную и хвалебную эпитафию и при этом не выглядеть глупо.

Биографы Милля не могут прийти к согласию о влиянии на него Гарриет. Александр Бэйн (Bain, 1882), выдающийся философ (сегодня его не читают), написал замечательный биографический очерк о Джоне Стюарте Милле. Он пишет, что Гарриет подвергала сомнению идеи Милля и поощряла его к тому, чтобы тот их развивал, оказывая большое влияние на его жизнь.

Гарриет умерла после семи лет брака с Миллем, и для Милля жизнь окончилась, потому что эмоциональная потеря, которую он понес, была не восполнима. Однако свои самые выдающиеся труды Милль написал уже после смерти жены: «О свободе» (Mill, 1859; Милль, 2000), которую должны прочесть все, прекрасная книга, оказавшая огромное влияние на современную полемику; «Утилитаризм» (Mill, 1877; Милль, 1882); книга «Размышления о представительном правлении» (Mill, 1861; Милль, 2006), по сей день богатейшая пища для размышлений по этой теме; а дамы должны прочесть его бессмертную работу «О подчинении женщин» (Mill, 1870; Милль, 1896). Эмансипация женщин, одна из положительных черт последних ста лет, произошла отчасти благодаря тем героическим женщинам, которые отстаивали свое право на университетское образование, а отчасти благодаря выдающемуся эссе Джона Стюарта Милля. Это эссе привело к изменениям в законодательстве, что гораздо сильнее права на голосование ускорило эмансипацию женщин. Хотя право голосовать наравне с мужчинами имело большое значение и отказывать в нем женщинам было несправедливо, поворотный момент в порабощении женщин произошел в момент подписания закона об имуществе замужних женщин. До введения этого закона, если девушка выходила замуж, право распоряжаться ее собственностью по закону переходило к ее мужу, а если он оказывался негодяем, тем хуже для нее. Это унижительное положение сохранялось во времена моего детства; я рад, что теперь все изменилось. Я сказал достаточно, чтобы заинтересовать вас Джоном Стюартом Миллем, и сделал это намеренно.

Вернемся к его вкладу в экономическую науку. Изучающие этот предмет непременно должны прочесть «Основы политической экономии». Профессор Блейден, основатель знаменитого факультета экономики в Университете Торонто, который издает огромное собрание сочинений Милля (четырнадцать томов уже напечатаны!), считает, что эту книгу и сегодня можно использовать как учебник. Я не совсем согласен с Блейденом. Экономическая теория и политическая экономия пошли разными путями. Хотя смесь экономической теории и политической экономии в «Основах» Милля делает эту книгу куда интереснее, чем учебники, которые вы читаете при введении в предмет. Ваши учебники достаточно интересны, в некотором смысле превосходны, но никто не скажет, что учебник Самуэльсона (Samuelson, 1948) так же интересен, как «Основы политической экономии» Джона Стюарта Милля, или что он так же глубоко освещает насущные проблемы периода, которому он посвящен.

Достаточно об «Основах политической экономии». Кроме них, у Милля была еще одна важная работа. Она была издана в 1844 году в ответ на публикацию «Бюджета» Торренса и называлась «Нерешенные вопросы политической экономии» — стоящее чтение, куда меньшего объема, чем «Основы». В этой работе содержится пять важных эссе. Первое называется «О законах взаимного обмена между народами», в нем Милль излагает свои идеи о международной торговле, о которых мы уже говорили ранее. Второе эссе называется «О влиянии потребления на производство», и оно, как считают Баумоль и Беккер, делает излишним спор между сторонниками Сэя и неокейнсианцами. Третье эссе не так значимо, «О словах „производительный“ и „непроизводительный“». Это наименее важное эссе в сборнике, но в нем отстаивается терминология Смита, которая, как вам известно, еще сохранилась в марксистской экономической теории, а также она продолжает влиять на статистику. Затем следует интереснейшее эссе «О прибыли и проценте», весьма полезное для тех, кто испытывает затруднения, читая о прибыли в трудах Рикардо. Оно не настолько современно, как великолепная книга Холландера (Hollander, 1979), но зато намного короче, кроме того, в нем простейшим языком излагается теория вынужденных сбережений, о которой я уже рассказывал.

Есть люди, которые любят создавать псевдопроблемы. Они сравнивают «Нерешенные вопросы» с «Основами» и утверждают, что они несовместимы. В отличие от «Основ» «Нерешенные вопросы», говорят они, являются экономической теорией в строгом смысле слова (экономической наукой) и не касаются вопросов политической философии, практического применения и т. д. Это полная ерунда. «Основы» Милля (Mill, 1848; Милль, 1980–1981) имеют подзаголовок, который следует прочесть, прежде чем делать ложные заявления; он звучит «с некоторыми приложениями к социальной философии». Милль со всей очевидностью дает понять, что собирается писать не только об экономической науке в узком смысле слова, но и о выводах из нее. И несмотря на то что он, возможно, изменил мнение о некоторых вопросах и усовершенствовал кое-что (он постоянно менял выводы и мнение о политической философии, текст и аргументацию), эти работы не несовместимы. Милль остается Миллем, он не меняет резко свое мнение об экономической науке.

Можно утверждать, что Милль резко изменил мнение о политической философии в 1830-е годы, когда, прочитав Вордсворта и Кольриджа и выслушав их точку зрения, которая в некоторых аспектах сильно отличалась от мнения Бентама и его последователей, написал эссе о Бентаме. В этом эссе Милль писал о недостатках теории Бентама, подчеркивая его величие, и привлекал внимание к беспорядочным идеям Вордсворта и Кольриджа, что расстроило строгих последователей Бентама (Mill, 1950). Впоследствии он отчасти вернулся к своему прежнему мнению, и, если вы прочтете его «Utilitarianism», вы увидите, что там куда меньше говорится о недостатках взглядов Бентама и его отца.

Теперь пара слов о структуре «Основ». В торонтском издании сочинений Милля (Mill, 1965) они занимают два тома, в нем же есть том «Эссе об экономической науке и обществе» (Mill, 1967), в котором собраны эссе Милля. Я не рекомендую вам покупать эту книгу, но рекомендую заглянуть в нее и прочесть «Нерешенные вопросы», в ней приведенные.

Но вернемся к «Основам». Книга состоит из пяти частей: «Производство», «Распределение» (в ней говорится об обмене и деньгах), в четвертой — о влиянии прогресса общества на производство и распределение, а в пятой — о влия-

нии правительства на экономическую систему. Таким образом, Милль охватывает все области, описанные Адамом Смитом в «Богатстве народов», но с учетом теории ценности и распределения, разработанной Рикардо и другими экономистами. Милль посчитал, что эту теорию нужно внести в описание общества, основанного на разделении труда и управляемого силами рынка.

Не будем подробно разбирать содержание книги, подобно тому, как мы разбирали Адама Смита. Должен подчеркнуть, что Милль в своем труде разделил производство и распределение, поскольку считал, что законы производства, которые он желал вывести, универсальны, а законы распределения, рассматриваемые в разделе «Распределение», до некоторой степени регулируются институционально. Его можно понять. Очень трудно представить себе общество, в котором бы в той или иной форме не преобладал закон отдачи или замещение в производстве. Хотя Милль был почти мальтузианцем, он не верил в идею третьего пути Мальтуса, свободного от порока и несчастья, в его нравственное воздержание. Некоторые даже утверждают (хотя профессор Педро Шварц (Schwartz, 1972), автор недавно вышедшей книги о Милле, не смог этого проверить, потому что архивы полиции закрыты для ученых), что Милль в молодости провел ночь в тюрьме за распространение листовок о контрацепции. Он надеялся, что контрацепция поможет освободить население от бедности, в которую его ввергал постоянный рост. Однако Милль разделял общие взгляды Мальтуса, применимые к любому обществу, то есть идею о том, что, если не ограничить рост населения, рано или поздно оно окажется в беде. Сегодня я не могу опровергнуть это суждение, хотя было издано немало книг, авторы которых делали вид, что опровергли его.

Такой была первая отличительная черта, отделившая теорию Милля от теории Адама Смита, и она не однозначна. Летом я встретил своего друга Фридриха Хайека, и он сказал, что решение Милля разделить законы производства и законы распределения было губительно. Разумеется, часть того, что можно сказать о производстве, находится под воздействием институтов, действующих и на распределение. Теория Милля изложена не вполне четко, но ясно, что Милль хотел сказать, и я вступился за него.

Другая фундаментальная отличительная черта теории Милля, которую вы обнаружите в современной экономической теории, — его выделение «статики» политической экономии и ее «динамики». Эту идею он почерпнул у якобы великого социолога Конта, до сих пор уважаемого некоторыми людьми, заглотившими его наживку вместе с леской и поплавком. В Лондонской школе экономики читают курс лекций по Конту, но так, что лектор может критиковать Конта или хвалить его за любые обнаруженные достоинства. Конт оказывал влияние на Милля до тех пор, пока Милль не обнаружил его воззрения о женщинах. Конт, с одной стороны, считал, что женщин надо боготворить, а с другой — был помешан на френологии, и поскольку у женщин головы меньше, чем у мужчин, он считал их интеллектуально неполноценными. Кроме того, Конт некрасиво повел себя по отношению к Миллю, который выхлопотал для него денежное пособие у Гроута и Моулсуорта. Конта уволили с должности экзаменатора в Парижском университете, и он бедствовал. Когда Гроут и Моулсуорт прекратили выплату пособия, Конт прочел Миллю пренебрежительнейшую отповедь об их отношении к нему — выдающийся образец эгоизма в истории философии. Однако Милль продолжал не замечать некоторой фальши Конта, пока тот не завел разговор о женщинах.

Милль и Конт переписывались, их переписка была прекрасно отредактирована Леви-Брюлем (Mill, 1899), это крайне интересное чтение для тех, у кого есть время, чтобы ознакомиться с обменом мыслями между скромным Миллем и эгоцентричным, почти параноидальным Контом. Гарриет раскусила Конта сразу, как только прочла эти письма, и сообщила Миллю, что ей стыдно за то, сколько внимания он уделяет этому засохшему корню. Но предложенное Контом разделение социологических процессов на статику и динамику привлекло внимание Милля, и он перенес его на экономическую теорию. К худу или к добру, это разделение сохранилось по сей день.

Антимиллевский миф, бытовавший в годы моей юности и разделяемый не только Эдвином Кэннаном, но и другими экономистами, гласил, что Милль был выдающимся систематизатором политической экономии, а не оригинальным исследователем. (Авторы мифа не могли сказать, что книга

«On Liberty» не была оригинальной.) Но это не так. Если вы прочтете «Очерки по истории экономической науки» Стиглера (Stigler, 1965), вы обнаружите эссе об оригинальности в экономической науке², в котором Стиглер выделяет Джона Стюарта Милля как автора важнейших и оригинальных дополнений к классической экономической теории. Поскольку это эссе обязательно для прочтения, я очень быстро пробежусь по нему.

В вопросе подхода к заработной плате Стиглер выделяет теорию о неконкурирующих группах и их влияние на относительный уровень зарплат Милля. Читая знаменитую главу Адама Смита, можно подумать, что, если бы не политика Европы, осуждаемая Смитом, между промышленными предприятиями существовала бы полная мобильность труда. Милль куда убедительнее решает этот вопрос. Кроме того, Стиглер пишет, что Милль был первым, кто в теории ценности разработал подход к проблеме продукции совмещенного производства, которую проигнорировали Рикардо и другие предшественники Милля. К тому же Стиглер считает, что Милль заметил некоторую ошибку в теории ренты Рикардо: Рикардо не включал ренту в издержки производства. Милль понимал, что, если землю можно использовать разными способами, это предполагает альтернативные издержки, и тогда рента будет входить в издержки производства. Стиглер пишет, что экономика фирмы впервые проявилась именно на страницах «Основ политической экономии» Джона Стюарта Милля. Ни у Рикардо, ни у другого экономиста ничего не говорится о фирме, а Милль достаточно подробно пишет об экономике на масштабе. Еще, как утверждает Стиглер, Милль в своих «Нерешенных вопросах» рассматривает спрос и предложение как функции цены и приводит арифметические иллюстрации отношений между ними. Наконец, Стиглер не упускает из виду, что Милль мастерски анализирует закон Сэя, хотя у Торренса и некоторых других авторов можно найти предвидение этого обсуждения. Милль успешно обрисовывает содержание спора, шедшего в его время (спор этот окончился совсем недавно).

---

2. «The Nature and Role of Originality in Scientific Progress», см. в: Stigler (1965, pp. 1–15).

Что касается практических выводов из экономической теории Милля, я только перечислю их. Но мне кажется, что они — важнейшая часть его наследия (я имею в виду не только написанное в «Основах политической экономии», но и ту часть трудов Милля по политической философии, которая связана с экономическими вопросами). Милль энергично поддерживал идею крестьянской собственности на землю. Как и знаменитый автор XVIII века по вопросам сельского хозяйства Янг (Young, 1794), он верил, что крестьянская собственность способна магически превращать песок в плодородную землю. Он настаивал на том, чтобы правительство поощряло этот вид собственности.

К тому же Милль считал, что в будущем организация промышленности постепенно сведется к кооперативным предприятиям. Ученые спорят с пеной у рта, кем был Милль: социалистом или индивидуалистом. Социалисты-фабианцы утверждают, что он был социалистом, а индивидуалисты — что главным индивидуалистом. Милль еще сильнее усугубил эту неразбериху, когда в первом издании «Основ» изложил свои доводы в пользу некоторых форм социализма довольно мягко, а доводы в пользу индивидуализма жестче. Во втором издании он изменил текст. Ему претило, что крайние индивидуалисты приняли его за своего и цитировали его для подтверждения своей довольно догматической точки зрения. В «Автобиографии» Милль объясняет, что он и Гарриет находились под влиянием современных им движений настолько, что были готовы к тому, что их назовут социалистами. Это высказывание и породило тот спор, о котором я упоминал.

Если вы станете изучать социализм Милля, сравнивая разные издания его «Основ» и посмертно изданные эссе о социализме (Mill, 1967, vol. 5), вы выясните некоторые моменты. Во-первых, совершенно очевидно, что Милль не был убежденным коллективистом. Я не думаю, что Милль был знаком с Марксом, но уже зрелым человеком он познакомился с континентальным международным социализмом, стремившимся к тоталитарному коллективизму, и осудил его.

Милль не возражал против того, чтобы государство владело некоторыми коммунальными предприятиями. Он писал о коммунальном водоснабжении, а также достаточно

одобрительно относился к национализации железных дорог. Но основная часть его социализма, его мечты о будущем рабочего класса, который он вместе с Адамом Смитом признавал основной частью населения, основывалась на экспериментах по сотрудничеству производителей, а не потребителей. Милль считал, что небольшие группы производителей могут объединяться и сотрудничать. И даже при этом Милль активнее отстаивает социализм в третьем издании «Основ», чем в посмертно вышедших эссе о социализме. Конечно, этот вопрос остается открытым, и разумные люди вправе причислять Милля к своим сторонникам, если только они оговаривают все обстоятельства.

В вопросе о корпорациях Милль отдавал предпочтение ограниченным акционерным обществам, которые были темой бесконечных дебатов среди классических экономистов. В вопросе же об английских университетах он считал, что нужно пренебречь многовековой традицией трастов и использовать фонды корпораций. Это казалось ему более социально приемлемым (*ibid.*, vol. 4).

В том, что касается налогообложения, он был одновременно и реакционером, и радикалом. В вопросах подоходного налога он резко выступал против прогрессивного подоходного налога, за исключением случаев, когда прогрессия осуществлялась за счет уменьшения льгот. Прогрессивное налогообложение Милль считал наказанием для предпринимчивых граждан.

В вопросах наследства Милль был куда более радикален, чем любое правительство до или после него. Он предлагал установить абсолютный лимит на сумму денег, которую человек может унаследовать — несколько сотен тысяч и не больше. Он явно поддержал бы идею разбивать наследство на части, а не облагать налогом все поместье. Кроме того, Милль выступал за специальное обложение земли налогом на более или менее рикардianских условиях.

Однако мое время закончилось, я думаю, что сказал достаточно много о том значении, которое для Милля имело положение женщин в обществе, и недостаточно много о его эссе «О свободе» и разделении действий на эгоистичные и неэгоистичные, которое многие считают устаревшим, а я — весьма полезной пищей для размышлений.

Г. Прочие экономисты середины XIX века

Лекция 24

Милль (продолжение) — Сен-Симон и Маркс

Я ХОТЕЛ БЫ кратко сформулировать значение Джона Стюарта Милля в истории экономической мысли. Ничего больше не буду говорить о его наследии, особенно о том, что касается «Основ», мне осталось только кое-что добавить о той власти, которую Милль имел в нашей области, и о том, как его влияние сошло на нет.

«Основы» были опубликованы в 1848 году, и не будет преувеличением сказать, что эта книга оказала влияние на политическую экономию на сорок лет вперед. До тех пор пока Маршалл не опубликовал свой труд «Принципы экономической науки» (Marshall, 1890; Маршалл, 1993), книга Милля была самой популярной. Но его влияние постепенно ослабевало, и это, как мне кажется, имеет непосредственное отношение к истории экономической мысли, даже излагаемой так поверхностно, как я вынужден ее излагать.

Милль сенсационным образом изменил свое отношение к теории заработной платы. Я говорю не о долгосрочной теории заработной платы, но о спросе на труд в краткосрочной перспективе — о том, что Адам Смит называл фондами, отведенными на оплату труда, и к чему в той или иной форме обращались его последователи в XIX веке. Именно Милль ввел термин «фонд заработной платы», и можно утверждать, что Милль изложил эту концепцию наиболее четко.

Как я уже объяснял, книга Тауссига «Зарплаты и капитал» (Taussig, 1897), которую я всем рекомендовал прочесть, успешно демонстрирует, что классические экономисты не использовали теорию фонда заработной платы против профсоюзов. И тем не менее, это была теория фонда заработной платы, которая в изложении Милля обозначала довольно

жесткий верхний предел доли национального производства, отведенной на зарплату рабочих классов.

А затем в 1869 году появился Торнтон (не путать с авторитетом по денежным вопросам начала XIX века), друг Джона Стюарта Милля и его коллега по Вест-Индской компании, который интересовался социальными вопросами. Торнтон издал книгу «О труде: его незаконные притязания и законные обязательства» (Thornton, 1869), которая заслуживает внимательнейшего изучения. Часть ее посвящена критике теории труда, и эта критика приводила автора к рассуждениям о теории рынка труда. Милль написал на эту книгу рецензию в журнал «Fortnightly Review» (Mill, 1869). Эта рецензия была сердечной и дружелюбной, как и подобало рецензии, написанной на книгу друга (и как подобает рецензии, написанной и на книгу врага), но в ней говорилось о том, что некоторые аргументы Торнтон относительно общей теории спроса и предложения были основаны на заблуждении и что его критические замечания в адрес классической традиции, хотя и не лишены интереса, вполне опровержимы.

Однако когда Милль добрался в своей рецензии до раздела о рынке труда, он сделал сенсационное признание в ошибке. Он заявил, что его изложение теории фонда заработной платы слишком точно определяло границу доли, отведенной на заработную плату рабочего класса, и в других отношениях он назвал мягкую критику Торнтон оправданной. Эти заявления стали сенсацией. То, что Милль, считавшийся высшим авторитетом в вопросе теории заработной платы, признался в ошибке, расстроило мыслящих людей. А затем увидело свет последнее издание его «Основ» (Mill, 1871), и оказалось, что он не сильно изменил текст книги. В предисловии он упоминал о споре вокруг фонда заработной платы, но писал, что не пришло еще время переформулировать аргументацию «Основ», во всяком случае не масштабно.

В книге «Основные принципы политической экономии» (Cairnes, 1874), есть раздел, в котором Кэрнс выражает протест против отказа Милля от теории фонда заработной платы. Кэрнс всеми силами старался использовать концепцию фонда заработной платы для объяснения краткосрочного спроса на труд. Однако его усилия не увенчались успехом — теория не была реабилитирована и выпала из эконо-

мической науки. В очень модифицированной форме она появляется у Бём-Баверка в «Позитивной теории капитала» (Böhm-Bawerk, 1891; Бём-Баверк, 2010), о которой я расскажу позже, и в положительной части работы Тауссига «Зарплаты и капитал» (Taussig, 1897). Тауссиг заявляет, что ему сложно понять, почему Милль так однозначно признал свою теорию ошибочной — Тауссиг считает, что теорию можно было переформулировать, чтобы она стала разумно эластичной и продолжала играть роль в теории капитала. Я считаю, что к этой истории необходимо привлечь ваше внимание. В книге Тауссига о ней рассказывается подробнее.

Оставшееся время я посвящу Марксу и его связи с классическими экономистами XIX века. Подробно останавливаться на этом я не хочу. У вас будут другие лекции, к тому же эта тема очень сложна. Но все же стоит проследить связь теории Маркса с классической теорией XIX века, или с тем, что Маркс назвал бы классической теорией XIX века высшего уровня, поскольку он крайне саркастически относился ко всем экономистам после Рикардо, считая их теории более слабыми. Однако сравнение и контраст не лишены важности. Сразу же скажу: все, что я расскажу вам сегодня, положительное и отрицательное, не является исчерпывающей характеристикой Маркса как экономиста. Значительная часть его теории до последнего времени оставалась в тени, более того, она не получила должного признания. Но сегодня не будем говорить о ней.

Для начала пару слов об истоках экономической теории Маркса в более популярном смысле слова. Чтобы понять Маркса, нужно иметь в виду французскую революцию и тот стимул, который она дала всем разновидностям революционной или полуреволюционной мысли. Фрагменты того, что Маркс презрительно называл утопическим социализмом, можно найти в трудах Роберта Оуэна, Фурье, очень странной личности, который отчасти обязан своей славой тому вниманию, которое уделял ему Милль¹, и, особенно, в трудах Сен-Симона и его последователей. И если задуматься об истории социализма, то нет сомнений, что, за исключением Маркса, Сен-Симон и его ученики были важнейшими авторами.

---

1. См., напр.: Owen (1949) и Fourier (1901).

Сам Сен-Симон был очень странным человеком. Французский аристократ, во время войны за независимость в Америке сражавшийся на стороне северян. Во Францию он вернулся покрытый славой и отрекся от своего титула. Затем, по мере того как революция постепенно перешла в руки экстремистов, Сен-Симон повздорил с якобинцами (Робеспьером, Сен-Жюстом и т.д.) и попал в тюрьму. Ему повезло остаться в живых — в те времена многих людей казнили по самому незначительному поводу.

После этого карьера Сен-Симона развивалась в самых разных направлениях: иногда он был при деньгах, а иногда нет, иногда его поддерживали влиятельные люди, а иногда нет. Но остаток жизни он посвятил (он умер в 1825 году) мессианским трудам, в которых он повествовал об интернационализме и объединении Европы, а также он переписал христианскую доктрину. Если вас это заинтересовало, вы найдете превосходный перевод эссе Сен-Симона (Saint-Simon, 1952) среди книг издательства «Blackwell», в серии книг по политологии. Сен-Симон собрал вокруг себя круг полных энтузиазма последователей, которые обращались с ним, как с мессией, но при этом были более интересными мыслителями, чем он сам.

В экономических вопросах Сен-Симона можно назвать «апостолом индустриализма». Я проиллюстрирую его апостольскую позицию, пересказав одно из его рассуждений. Сен-Симон задается сенсационным вопросом: если бы все короли вместе со своими придворными внезапно умерли, как бы это повлияло на остальное общество? В то же время, если бы умерли ведущие промышленники, в обществе начался бы кризис. Поэтому, утверждал Сен-Симон, все классовые различия основаны на феодализме и они устарели. Политика — это обман. Он подробно об этом рассуждает, и пишет, что все политические институты во Франции нужно заменить неким экономическим парламентом, состоящим из сложного набора промышленников и ученых, которые смогут организовать устройство Франции наподобие большой фабрики.

На этом все о Сен-Симоне. Ученики Сен-Симона (Анфантен, Базар и Олинд Родригес) организовали не совсем чисто мужскую монашескую секту. Они издавали журнал «The Producer» и читали лекции, в которых систематизировали учение Сен-Симона. Эти лекции были прекрасно отредак-

тированы Буглем и Галеви (Saint-Simon, 1829), великими социальными историками Франции времен моей молодости, и изданы под названием «Учение Сен-Симона: изложение». Они существенно ближе, чем Сен-Симон, приближаются к истокам социализма XIX века. Конечно, упор на важность индустриализма у них остался, но ученики Сен-Симона критикуют произвольный характер распределения частной собственности, а также формулируют проблему распределения, которое, как они считают, несправедливо и приводит к неэффективной организации производства. Решением этой проблемы они считают некий коллективный способ организации промышленности, управляемый достаточно сложной вертикалью умных людей.

Довольно о последователях Сен-Симона; книга о них в некотором смысле глубока, а где-то курьезна. Работа «Учение Сен-Симона», написанная людьми вашего возраста, — это превосходный труд, который заслуживает непереносного прочтения. Его авторы были отличниками в квадрате. Поведение этих студентов в их сообществе вызвало в Париже страшный скандал — их вызвали в суд. Описание процесса над ними некоего Панкхерста (племянника Эммелины Панкхерст, знаменитой суфражистки) очень интересно. Читая его, вы понимаете, что все это было в некотором смысле студенческой шуткой. Суд, разумеется, так не счел, и члены кружка получили небольшой срок, а затем их энтузиазм угас. Некоторые из них отправились на Ближний Восток в поисках идеальной женщины. Они ее не нашли! Затем некоторые из них вернулись и стали великими промышленниками XIX века — капиталистами высшего сорта.

Итак, Маркс все это считал утопическим социализмом, а свой социализм называл научным социализмом. Маркс в молодости увлекался оценочными суждениями, и все его ранние работы об отчуждении кишмя кишат оценками. Однако, к тому времени как он стал систематически писать о политической экономии, в предшествовавшей «Капиталу» (Магх, 1867; Маркс и Энгельс, 1960) «Критике политической экономии» (Магх, 1859; Маркс, 1959) (весьма стоящей книге для всех, кто хочет понять, к чему Маркс склонялся) он описывает свою систему как научный социализм. Научный социализм должен был состоять не из порицания той или иной политики, а только лишь из исторических примеров и эко-

номического анализа. Кроме того, Маркс не поощрял спекуляций о форме коммунистического общества в будущем. Маркс считал, тот, кто разводит подобные спекуляции, заражен привычками буржуазии; события будущего будут развиваться согласно бесспорным законам истории.

Мы достаточно поговорили об истоках утопического социализма. Я лишь привлек ваше внимание к Гегелю, с которым Маркс был в отчаянном противостоянии. Гегель не является моим любимым ученым, и я не полагаюсь на свою оценку того вклада, который он внес в философию, во многом спорного. Однако Маркс унаследовал от Гегеля концепцию истории как тезиса, антитезиса и синтеза. Но то, что вкладывал в эти категории Маркс, резко отличалось от того, что в них вкладывал Гегель. Составить мнение о философии истории можно, прочитав критическую книгу Поппера об историцизме «*The Poverty of Historicism*» («Нищета историцизма») (Popper, 1960; Поппер, 1993). Поппер всегда излагает точку зрения, которую собирается раскритиковать, яснее, чем те, кого он критикует, и его описание гегельянского образа мысли заслуживает прочтения.

Однако главное, что надо помнить, изучая Маркса, — то, что истоки его системы лежат в классической экономической теории. Много было написано о том, что Маркс списал свои идеи у социалистов-рикардианцев. Антон (не путать с Карлом!) Менгер написал об этом книгу «Право на весь продукт труда» (Anton Menger, 1899). В ней немало интересных исторических фактов, а знаменитое предисловие к ней написал Фоксуэлл, бывший профессором по банковскому делу и денежной теории в Лондонской школе экономики в период ее становления. Фоксуэлл и Менгер предполагают, что Маркс значительную долю вдохновения почерпнул у социалистов-рикардианцев. Думаю достаточно много оснований для того, чтобы утверждать, что социалисты-рикардианцы не были ни социалистами, ни рикардianцами. Но это к делу не относится. Нет сомнений, что Маркс черпал вдохновение в трудах Смита и у Рикардо. Трудно, особенно в таком коротком рассказе, в котором невозможно правдиво описать ту сложную личность, какой был Маркс, сказать, кому из них двоих он больше обязан.

Должен сказать, что Маркс, независимо, согласны вы с его идеями или нет, был лучшим историком экономической

мысли своего времени, хотя я считаю, что Маркс был очень несправедлив к некоторым из тех, кого критиковал. Так, например, он критиковал беднягу Мальтуса за то, что тот нарушил свои обеты, когда женился и завел детей. Это неправда: англиканская церковь, к которой принадлежал Мальтус, брак не запрещала. Но пусть подобные глупые замечания не влияют на ваше уважение к Марксу. Маркс отличал значительное от незначительного куда лучше, чем, например, классический историк экономической мысли Маккуллох. Это Маркс заметил изобретательность Кенэ, автора экономической таблицы, это Маркс указал на талант Петти и осознал значение (хотя классические экономисты его тоже признавали) Смита и Рикардо. Я бы сказал, что Маркс больше почерпнул у Смита, чем у Рикардо, хотя от Смита он унаследовал либо чрезвычайно простые идеи, либо ощущение того, что эти простые идеи не абсолютно верны, хотя это ощущение не отражено в первом томе.

Однако мы подошли к основной черте экономической теории Маркса, к теории ценности и распределения, а также к теории цены. О них написано в первом и третьем томах (Магх, 1867; Маркс, 1960). Первый том открывается трудовой теорией ценности, не слишком сильно отличающейся в том, что касается анализа, от примера Смита с бобром и оленем, меновая ценность которых в долгосрочном периоде предположительно более или менее точно отражала соотношение рабочего времени, затраченного для их добычи. Даже признавая существование осложнений, Рикардо и Смит на этой стадии развития своей теории игнорируют различия в заработной плате и мастерстве и говорят, что эти вопросы решает рынок, что нелогично. А у Маркса эти различия относятся на счет социального процесса, который происходит за спинами производителей. На самом деле Маркс имеет в виду все тот же рынок.

В первом томе «Капитала» Маркс развивает аргументацию в терминах ценности и прибавочной ценности, до которой мы еще доберемся. Он опирается на простой отрывок из Адама Смита, который предполагает, что, после того как капитал накопился и земля перешла в частную собственность, продукт труда полностью уже не переходит в руки работников. Действительно, у Смита это можно вычитать, хотя непонятно, имел ли он в виду именно то, что вынес

из его анализа Маркс. Однако до этого момента вы не найдете в первом томе «Капитала» серьезных отличий от тех цитат из Смита, которые я вам приводил.

Сложности и отличия начинаются при переходе к теории заработной платы. Ценность всего Маркс определяет через трудовую ценность производства, а ценность труда определяется на рынке через трудовую ценность воспроизводства рабочей силы — с учетом осложнений, связанных с семьей, и т. д. Можете называть эту теорию чистой классической теорией условного прожиточного минимума — долгосрочной теорией заработной платы. Однако это не она. Долгосрочная теория заработной платы классических экономистов обязательно учитывала условный прожиточный минимум (как, например, у Рикардо) и обращалась к предложению. Классические экономисты надеялись, если достаточно сильно ограничить предложение, то рабочие классы усвоят дорогостоящие привычки, так что в долгосрочном периоде условный прожиточный минимум будет значительно выше того, что подразумевается под выражением «минимальная зарплата».

Однако все это присутствовало еще в финальной формулировке общей теории заработной платы Адама Смита. Пока средства, выделенные на найм рабочей силы, увеличиваются, заработная плата может быть выше прожиточного минимума, как это было в Америке, Великобритании и других странах. А потом Мальтус заговорил о тенденции заработной платы стремиться к минимальному уровню, и классические экономисты, близкие Мальтусу, изобрели условный уровень прожиточного минимума, куда более высокий, чем уровень прожиточного минимума Мальтуса.

Но Маркс ничего подобного не сделал. Маркс был антимальтузианцем. Он не признавал того, что в теории Мальтуса было верным, или не признавался в этом. В частности, он не признавал того, что, если не контролировать количество предложения труда, то в мире воцарится хаос, чего история человечества пока еще не опровергла. Маркс возвращается к теории прожиточного минимума Адама Смита, которую с ним разделяет Тюрго, и ссылается на преимущество, которое работодатель имеет во время торга с работником. Адам Смит убеждает нас, что мы постоянно слышим об объединении рабочих, но недостаточно часто об объединении работодателей. По мнению Смита, работодатели всегда на-

ходятся в тайном сговоре с целью снизить зарплаты до уровня прожиточного минимума. Этот сговор в прогрессивном обществе может разрушить только конкуренция работодателей друг с другом, в результате которой заработная плата будет расти. Маркс же о прогрессивном обществе не пишет. По его мнению, общество имеет тенденцию постоянно регрессировать, пока не взорвется. И теория нормальной заработной платы Маркса — это теория, объясняющая зарплату затратами, необходимыми для воспроизводства рабочей силы, при этом преимущество работодателя при торге всегда позволяет ему влиять на уровень заработной платы в сторону понижения.

Далее Маркс переходит к прибавочной ценности. Ценность благ определяется трудом, затраченным на их производство, но труд, хотя и вознаграждаемый на уровне издержек производства, производит излишек сверх издержек своего производства. Этот излишек очень интересовал Маркса. Он интересовался и Кенэ, но у Кенэ это был излишек, производимый землей. Маркс же интересовался излишком, производимым трудом, а труд, ценность которого определялась, как и ценность всего остального, общественным строем и затраченным на него трудом, производил излишнюю, то есть прибавочную ценность.

Если неквалифицированный труд может произвести свои издержки производства (свой прожиточный минимум) за семь часов, а капиталист может принудить рабочих работать дольше, например двенадцать часов, то появляется излишек, и именно так, утверждал Маркс, происходит в жизни. Он же утверждал, что прибыль как выручку после вычета издержек можно получить только от эксплуатации труда.

Оборвусь на полуслове, как это сделал Маркс в первом томе «Капитала», в котором писал, что норма прибыли плохо согласовывается с его концепцией прибавочной стоимости, и Энгельс в предисловии к последующим изданиям Маркса предлагает всем желающим решить эту задачу. Есть причины предполагать, что Маркс решил ее, когда писал первый том, но решение описано только в третьем томе, и я расскажу о нем в начале следующей лекции.

Лекция 25

Маркс (продолжение) — Лист и историческая школа

В КОНЦЕ предыдущей лекции я попытался кратко рассказать об отношении Маркса к классической экономической теории. В этом заведении читают и другие, более общие лекции по философии Маркса, моя задача куда скромнее.

Однако время заставило меня прерваться на рассказе о том, как сам Маркс оставил своих читателей в подвешенном состоянии. В первом томе «Капитала» он сконцентрировал внимание на теории ценности. Эта теория вместе с теорией о том, что заработная плата зависит от преимущества, которое имеют работодатели при торге перед работниками, легла в основу теории о том, что работодатели присваивают себе прибавочную ценность, во всяком случае прибавочную ценность, производимую наемными работниками, притом что ценность рабочей силы определяется прожиточным минимумом, а ценность машин и неодушевленных факторов производства — трудом, затраченным на их производство. Так появилась прибавочная ценность, но она происходила только от инвестиций в использование рабочей силы. Поскольку соотношение труда и капитала (неотъемлемых составных частей капитала) в различных промышленных отраслях было разным, возникала проблема: как в относительно конкурентных условиях можно объяснить, что норма прибыли в разных отраслях промышленности была приблизительно одинаковой — не в каждый отдельно взятый момент, но прослеживалась общая тенденция была к выравниванию, в то время как извлечение прибавочной ценности зависело от органического строения капитала.

В первом томе Маркс не решил эту проблему. В третьем томе он вернулся к определению менового отношения, и написал, что норма, к которой стремится меновое отношение,

зависит от цены производства товаров, участвующих в обмене. Так что в конце концов Маркс пришел к тому же выводу, что и Рикардо, чья теория ценности была по сути теорией ценности, основанной на реальных издержках, в которой главным фактором были затраты на рабочую силу, но в ней учитывались и другие факторы.

Почему же Маркс так поступил? В одном из писем Энгельсу есть указание, что Маркс знал, что рано или поздно придет именно к этому выводу. Но мотив его поведения остается для меня загадкой. Нам очень немного известно о том, как протекали мыслительные процессы Маркса по мере эволюции его великолепного труда, и этот вопрос остается открытым. Возможно, он задумал первый том, как первое приближение своей теории, подобно Рикардо с первым параграфом первой главы «Principles»? Если так, он многое поставил на карту. Но ответ нам неизвестен. Я просто привлек ваше внимание к этой загадке.

Что касается остальной теории, то она гораздо важнее всего того, что я рассказал вам о понимании классической системы. Я говорю о теориях понижения нормы прибыли, концентрации обрабатывающей промышленности, экономического цикла, интерпретация которых вызывает немало споров, а также о социологических обобщениях, тесно связанных с экономической интерпретацией истории — теорией классовой борьбы, постепенно приводящей к экспроприации экспроприированного, после чего история покажет, что будет дальше. Должен прибавить, если вы продеретесь сквозь все три тома «Das Kapital», вы найдете в них интересные дополнения к теории капитала, которые намного превосходят все достижения других классических экономистов. Но хватит о Марксе, достаточно, что я объяснил вам, насколько ограничен мой рассказ об этом ученом.

Теперь перейдем к краткому описанию критиков классической экономической теории XIX века — краткому, потому что я хотел бы закончить его в сегодняшней лекции.

Говоря о критиках классической экономической теории XIX века, нужно иметь в виду две основные группы авторов. В первую группу входят те, кто концентрируются на каком-то конкретном аспекте системы Смита; этих ученых можно назвать экономическими националистами. Вторая группа — это знаменитая историческая школа, центр ко-

торой находился в Германии, но последователи у нее были и в Англии. Об этих школах написаны тома. Но моя задача состоит только в том, чтобы указать место каждой этой группы в истории экономического анализа.

Вначале несколько слов об экономическом национализме. В очень широком смысле (все простые обобщения в этой области обыкновенно ошибочны!) можно попробовать провести различие между типичными взглядами мыслителей XVIII века и типичными взглядам некоторых мыслителей XIX века. Взгляды авторов XVIII века во многих смыслах были космополитическими. Экономисты обсуждали человека, а не то, как люди группируются территориально по разным областям и странам. Те авторы, о которых я вам собираюсь рассказать, были преимущественно мыслителями XIX века, чьи идеи навсегда изменили структуру международных отношений в XX веке. Центром их внимания было национальное единство — объединение людей в группы.

В некотором смысле французская революция, которая зародилась в XVIII веке, привела к росту национализма в ответ на имперские амбиции Наполеона и его союзников. Французскую революцию можно рассматривать как водораздел в развитии общественной мысли, хотя один из самых важных авторов был отстранен от этой темы. Для грубого контраста вы можете сравнить классическую картину мира с романтической. Но это уже из области истории общества и истории вообще. Наш интерес в рамках истории экономической мысли ограничен тем, что можно описать как развитие спора о неокрепшей промышленности.

Разумеется, чтобы отыскать, когда начался спор о неокрепшей промышленности, вам пришлось бы вернуться далеко в прошлое. Литература меркантилистского периода переполнена призывами к правительствам поощрять неокрепшую промышленность в своих странах. Адам Смит соглашался, что в ситуации, когда международная торговля рискованна, можно прибегнуть к государственному вмешательству, но в целом он был против этих мер. Четвертая книга «Богатства народов» критикует государственное вмешательство в экономику при поощрении отдельных неокрепших промышленных и коммерческих предприятий.

Это вызвало у современников Адама Смита определенную реакцию, которая получила превосходную оценку в знаме-

нитом докладе Гамильтона, одного из основателей Соединенных Штатов и одного из авторов «Федералиста». Этот трактат я считаю лучшей книгой по политологии и ее широким практическим аспектам, написанной за последнюю тысячу лет. «Доклад промышленников» (1791) частично призывает защищать промышленность Соединенных Штатов в период ее становления от нечестной конкуренции со стороны более развитых британских промышленников. И я должен сказать, что нечестная конкуренция действительно существовала, но основная аргументация Гамильтона опиралась на некий «страх перед недостаточной успешностью новых предприятий» (Hamilton, 1791, p. 203) в сообществах, где обрабатывающая промышленность была того же рода, что в Великобритании и отдельных областях континентальной Европы, но менее развита. Гамильтон писал очень убедительно, и с его аргументацией согласился Джон Стюарт Милль, хотя впоследствии ему пришлось пожалеть о том, что его аргументацию стали использовать в своих целях протекционисты. Эту точку зрения разделяли Сиджвик и Маршалл.

Однако учебники истории экономической мысли не уделяют Гамильтону того внимания, какого он заслуживает. Очень авторитетным в этом вопросе был немецкий ученый Лист. Лист оказал на политику разных стран влияние, уступающее разве что влиянию Адама Смита в его время и Карла Маркса в наше время.

Он родился в 1789, а умер в 1846 году. В молодости у него возникли проблемы с правительством (Германия в то время была поделена на множество областей), так что Лист отправился в Америку, где был потрясен тем, как Америка защищает свою молодую промышленность, и много писал об этом. Со временем он вернулся в Германию, приложил руку к формированию благосклонного мнения о создании в Германии более обширной зоны свободной торговли (так появился Zollverein, таможенный союз) и систематизировал свои взгляды на защиту неокрепшей промышленности, противоположные взглядам Адама Смита. Эти взгляды были опубликованы в книге «Национальная система политической экономии» (List, 1841; Лист, 2005).

Лист критиковал Адама Смита прежде всего за то, что тот избрал объектом своей политической экономии инте-

рессы мира, а не интересы страны. Это замечание вызывает значительные сомнения. Адам Смит был космополитом, но его нападки на меркантилистскую систему богатства основаны на идее о том, что меркантилистская система неблагоприятна для британской нации. Можно только гадать о том, что сказал бы Адам Смит, если бы ему указали на то, что иногда национальные и мировые интересы могут не совпадать. В отношении Джона Стюарта Милля ответ более очевиден.

Вторая часть критических замечаний Листа была тоже основана на неверном прочтении Адама Смита. Лист упрекал Смита в том, что тот ошибся в истинной, национальной цели политической экономии, — что «Богатство народов» Адама Смита посвящено увеличению богатства и подчинению производства потреблению в широком смысле слова, в то время как сам Лист подчеркивал значение национальной экономической мощи. Как вы помните, вторая книга Адама Смита посвящена накоплению капитала, а для чего нужно накопление капитала, как не для увеличения национальной мощи? Так что здесь Лист существенно ошибся с выводами.

Однако третья идея Листа заключалась в том, что он признавал пользу участия страны в свободной торговле после того, как она пройдет стадию неокрепшей промышленности. Он упрекал британское правительство в том, что то не ввело свободную торговлю после того, как достаточно укрепило благодаря меркантилистской системе и текущей политике промышленность Великобритании. Лист считал, что Великобритания приближается к стадии, когда свободная торговля — в ее национальных интересах. Он обобщал эту идею и утверждал, что по достижении определенной стадии свободная торговля становится актуальна для каждой страны, но до этого момента она губительна.

Книга Листа имела громадное влияние в Америке и Германии, а также достаточно сильное воздействие оказала на некоторые развивающиеся страны. Несмотря на интеллектуальное влияние этой книги, в Соединенных Штатах промышленность продолжала находиться под защитой еще долгое, долгое время после того, как неокрепшие предприятия превратились в гигантов. Однако это совсем другая история. Джон Стюарт Милль признал теоретическую правильность защиты развивающейся промышленности го-

сударством в той или иной форме. Он писал другу, что сожалеет о том, как его аргументацию использовали любители тарифов, особенно в Австралии, и что лучше бы он написал, что неокрепшую промышленность надо поддерживать при помощи субсидий, а не защитных тарифов. Вот приблизительно все, что я должен вам рассказать о чисто экономической стороне экономического национализма.

Вторая школа, на которую я хочу обратить ваше внимание, — это историческая школа. В некотором смысле, во всяком случае в Германии, она стала побочным продуктом изменения парадигмы в XVIII–XIX веках.

Историческую школу, во всяком случае в том виде, в котором она проявила себя в Германии, можно рассматривать как побочный продукт академического национализма. А она проявила себя самыми разными способами и породила заметные интеллектуальные достижения, особенно в области юриспруденции и истории. Независимо от того, сожалеем ли мы о той тенденции, частью которой являлись эти достижения, или рассматриваем их как нечто неизбежное или даже положительное в истории человечества, мы должны признать, что интеллектуальное влияние исторической школы было значительным.

В частности в области истории. Весьма выдающиеся работы были написаны о национальной истории — обо всем, связанном с национальными интересами. В XVIII веке, если вспомнить Вольтера, Гиббона и других, история больше занималась эволюцией человеческого мировоззрения.

Второй сферой влияния исторической школы стала юриспруденция. Внимание сместилось с права вообще (естественного права) на национальное право: немецкое, английское, шотландское и т. д.

Наконец, влияние исторической школы проявилось в области, которая стала одним из величайших достижений XIX века — в филологии. Люди стали серьезно относиться к различиям между языками. В Средние века, как вы знаете, образованные люди общались на латыни. По мере изменения общества стало расти значение языка, на котором разговаривали простые люди, а не ученые и не государственные мужи. Начала появляться национальная литература, которую мы причисляем к величайшим литературным достижениям: Данте, Шекспир, Расин. Интерес ученых

сконцентрировался на различиях между языками, и филологи с огромным успехом изучали эволюцию языков в разных частях света.

Слово «арийский» стало ругательным, потому что его использовали Гитлер и нацисты, но индоевропейская, или арийская, группа языков, лучше других изученная, действительно демонстрирует удивительно схожие черты развития. Развитие языка (которое когда-то привлекло внимание Адама Смита, написавшего великолепное эссе о языке, обычно издающееся как приложение к «Теории нравственных чувств» (Smith, 1792)) не организовывается государством. Никакой орган власти не регулирует изменения в средстве человеческого общения, однако эти изменения можно изучить. Когда я был мальчиком, для изучения закона Гриммов использовалась именно романо-германская группа языков. Не знаю, удалось ли ученым опровергнуть закон Гриммов за последние тридцать лет, но его предположения весьма интересны и важны. В некотором смысле изучение эволюции языков так же завораживает, как биологическая эволюция или эволюция звездного неба. Но все это я рассказывал вам только для контекста.

Предупреждаю, то, что я вам сейчас скажу, не имеет никакого отношения к национализму, и я бы очень не хотел, чтобы вы так подумали. Однако как беспристрастный историк вынужден сообщить, что значительная часть того, что составляло историческую экономическую школу, содержалась в трудах английского богослова, профессора кафедры политической экономии в Королевском колледже в Лондоне, основанном герцогом Веллингтонским и его соратниками в качестве конкурента Университетскому колледжу. Университетский колледж был основан философами-радикалами, учениками Бентама, Джеймса Милля, Гроута... Поскольку Университетский колледж не требовал, чтобы его студенты и преподаватели принадлежали к англиканской церкви, он стал известен как «безбожный колледж», и в результате список его выдающихся выпускников оказался длиннее, чем у любого другого колледжа в Англии, за исключением, разве что, Колледжа Святой Троицы в Кембридже. Университетский колледж был открыт для всех, а Королевский колледж на Стрэнде был открыт в противовес «безбожному колледжу» и всегда был тесно связан с теологией.

Одним из профессоров в нем был Ричард Джонс (1790–1855). Он написал институциональное исследование «Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» (Jones, 1831; Джонс, 2011), по сути, анализ института землевладения в разные исторические периоды в различных частях света. В некотором смысле эта работа была упреком в адрес неразборчиво применявших элементы анализа Рикардо. «Опыт о распределении богатства» был издан в 1831 году. После смерти Джонса сборник его неопубликованных работ (в викторианскую эпоху такие сборники назывались «Literary Remains») вышел под редакцией самого декана Колледжа Святой Троицы, великого историка и философа Хьюэлла. В этом сборнике была напечатана речь Джонса, произнесенная при вступлении в должность заведующего кафедрой¹; в ней он открыто критикует классическую систему. Он утверждает, что прежде чем делать обобщения о производстве и распределении богатства, необходимо рассмотреть институциональный контекст и законодательство, регулирующее производство и распределение в разных частях света и различные исторические периоды.

Всем очень полезно заглянуть в инаугурационную лекцию Джонса, которая содержит весьма здравые идеи и в более или менее вежливой форме излагает возражения против теории Рикардо и его последователей, а также ограничения применения этой теории, которые каждый беспристрастный читатель вынужден признать хотя бы отчасти справедливыми. Основная идея этой лекции в том, что политическая экономия должна опираться во всех своих максимах, которые претендуют на универсальность, на всестороннее и кропотливое изучение исторического опыта (Jones, 1859, pp. 568–569). Это хорошо, но не оправдывает нападки Джонса на формирование гипотез как таковых и выведение из этих гипотез следствий для их подтверждения или опровержения, как это принято делать в современной науке.

Я считаю, что Джонс заслуживает уважения, и в его инаугурационной лекции содержится почти все, что есть заслуживающего уважения в более амбициозных трудах представителей собственно исторической школы.

---

1. «An Introductory Lecture on Political Economy, Delivered at Kings College, London, February 27, 1833», в: Jones (1859, pp. 539–579).

Собственно историческая школа имела огромный успех и была манифестацией того мощного национализма, типичного для университетов и университетских преподавателей в Центральной Европе того времени. Эдмунд Берк весьма справедливо сказал, что никто не вправе обвинять целую нацию, и я не хочу, чтобы вы расценили довольно пренебрежительные замечания, которые я собираюсь высказать в адрес немецкой исторической школы, как пренебрежение всем вкладом, который Германия внесла в западную мысль. Никто не мог бы сказать, что национализмом был заражен, например, Кант, автор не только наиболее знаменитых философских книг в истории человечества, но и страстных призывов к международному миру и международному праву. Конечно, в этот исторический период существовали университетские преподаватели, философы и другие деятели, придерживавшиеся иной точки зрения. Однако в целом можно сказать, что немецкая историческая школа, во всяком случае, на поздних стадиях развития, была неудачной манифестацией романтического национализма, типичного для того периода, о котором мы сегодня говорим.

В развитии исторической школы было две стадии. Лидером ранней исторической школы, был Вильгельм Рошер, для своего времени хороший экономист. Хотя в одной или двух лекциях и предисловиях он высказал примерно те же идеи, что и Джонс, я считаю, что Рошер заслуживает такого же уважения, как и Джонс. Труд Рошера «Принципы политической экономии» (Roscher, 1854) в Америке был переведен на английский язык (Roscher, 1878).

Второе имя, связанное с ранней исторической школой, — это Карл Книс. Книс был автором превосходных трудов о деньгах, банковском деле, истории денег и банковского дела (Knies, 1885). Он также был автором более сложных дискуссий о методе в общественных науках (Knies, 1853). В этом отношении его работы очень сложны. В молодости я прочел их все, и это заняло очень много времени, но я рад, что сделал это, потому что труды Рошера и Книса стали темой знаменитого эссе Макса Вебера², к которому можно относиться по-разному, но нельзя не признать его самым

---

2. Это эссе воспроизводится в: Weber (1922).

мощным социологическим умом своего времени. Он умер в начале 1920-х годов. Вы должны не просто быть экономистами, но иметь какое-то общее понимание о социальных исследованиях. А любой, кто всерьез воспринимает социальные науки, должен ознакомиться с Максом Вебером, даже если вы не сойдетесь с ним во мнениях.

Рошер и Книс восставали против британской традиции классической экономической мысли, особенно Рошер, хороший историк экономической мысли и автор монографии об истории экономической мысли XVII века (Roscher, 1851). Рошер включил в свои труды значительную часть того, что ему казалось разумным в классической экономической традиции.

Лидером поздней исторической школы был знаменитый Густав Шмоллер. Должен вас предупредить, что, хотя я с симпатией и уважением отношусь к Рошеру и Кнису, даже если не всегда соглашаюсь с ними, я куда меньше симпатизирую поздней исторической школе и ее лидеру.

Вспомним знаменитую книгу Поппера «Нищета историцизма» (Popper, 1960; Поппер, 1993). Критикуя экономическую сторону историцизма, Поппер критикует именно Шмоллера. Шмоллер был очень сильной личностью. В объединенной Германии было трудно получить кафедру, к тому же кафедра и профессорское звание в Германии того периода довольно много значили. В дни моей молодости было достаточно написать в регистрационной книге гостиницы «профессор», чтобы персонал начал обращаться с вами с королевскими почестями. Однажды один мой немецкий студент, приехавший учиться в Лондонскую школу экономики, сказал мне: «Когда мы встречаем своего профессора на улице, только обстоятельства времени и места не дают нам упасть на колени, приветствуя его, и предложить ему ладан и мирру». Теперь все изменилось. После войны мы стали обращаться друг к другу по именам и обрели человеческие лица. Но Шмоллер имел огромную власть над факультетскими назначениями в Германии своего времени³. Однако его экономические взгляды мы рассмотрим на следующей лекции.

---

3. См. пятую лекцию, где Роббинс рассказывает о том, какую власть имел Шмоллер над кадровой политикой немецких университетов.

**Д. Начала
современного анализа**

Лекция 26
*Историческая школа (продолжение) —
Предвестники перемен: Курно,
фон Тюнен и Рэ*

В СЕГОДНЯШНЕЙ лекции я закончу рассказ об исторической школе. Вчера мы беседовали о Ричарде Джонсе, затем я рассказал о двух стадиях развития немецкой исторической школы, упомянув, что Рошер и Книс были главными представителями ранней, более приемлемой системы, а Шмоллер представлял позднюю историческую школу, куда менее приемлемую.

Исторический подход можно свести к трем основным пунктам. Во-первых, приверженцы исторической школы поднимали ужасную шумиху вокруг предполагаемых предпосылок классической школы, в частности вокруг того, что классическая школа не занималась интересовавшими их предметами. Я уже говорил о том, как Лист относился к экономическому национализму. Во-вторых, они протестовали против той картины мира, которая, как они считали, вытекает из классической традиции. Они утверждали, что эта картина не является абсолютно верной, что она пренебрегает институциональными факторами и вопросами мобильности капитала и труда и т. д. В-третьих, все это приводило их к критике метода классической политической экономии, предположительно, чистой дедукции на основании простых постулатов; замечу, что такая трактовка классического метода была их личным мнением. Школа Шмоллера утверждала, что необходим новый метод: чтобы хоть что-то сказать об экономических явлениях, необходимо сначала провести трудоемкое исследование истории того общества, в котором существуют эти явления. И со временем, обещали последователи Шмоллера, появится не такой анализ, который вырос из классической традиции, но такой,

при помощи которого можно будет что-то сказать о законах экономического развития. Поппер назвал этот подход историзмом (Popper, 1960; Поппер, 1993).

Выдерживает ли такой подход критику? По-моему, нападки исторической школы на предпосылки классической политической экономии были неоправданны. Адам Смит сказал бы, что идеи, приписываемые ему Шмоллером, ему и в голову не приходили, и это же касается классических экономистов XIX века.

Критика картины мира, нарисованной классическими экономистами XIX века, во всяком случае, некоторыми из них, до какой-то степени оправдана. Адам Смит еще как-то учитывал институциональную структуру общества и его историю. Но Рикардо и его последователи, с их острым интересом к проблемам, выросшим на фоне нарисованной Смитом картины, значительную часть этой картины упустили из виду. Иногда я думаю, что, игнорируя институциональную структуру, они преувеличивали область применимости некоторых предложенных ими решений. Нельзя, впрочем, сказать, что все классические экономисты игнорировали институты. Даже Бентам, которого в рамках истории экономической мысли мы можем причислить к классическим экономистам, написал «Эссе о влиянии времени и места» (Bentham, 1843) на социальные явления. И, конечно же, Джон Стюарт Милль весьма осмотрительно писал, что необходимо всегда принимать во внимание институциональную структуру общества.

Говоря об общей критике метода классических экономистов, я должен сказать, что она была основана на полном непонимании этого метода. Неправда, что все классические экономисты игнорировали историю и экономическую историю. Неправда и то, что ее игнорировал Рикардо: в работе «Ответ Босанке» (Ricardo, 1811) он демонстрирует мастерское владение темой эмпирических исследований.

Но представители исторической школы неправильно понимали и логику научного исследования как такового. Они неверно расставили акценты на приоритете индукции. Не хочу сказать, что проверять гипотезу на соответствие с действительностью не нужно или не важно. Хочу только сказать, что никакая наука не берется за сложный опытный материал, не применяя к нему некий принцип вы-

бора — принцип, который можно свести к сознательно сформулированным гипотезам или бессознательно сформулированным критериям отбора. Идея о том, что вы рассматриваете нечто, называемое историей, с совершенно пустой головой, не имея никаких идей (Локк называл это состояние *tabula rasa*) — это бред, поэтому мне кажется, что исторический подход Шмоллера делал историю бесплодной. Шмоллер, его факультет и последователи проводили весьма интересные исторические исследования, но не создали никакой значимой теории, не открыли значимых законов развития, которые выдержали бы испытание логическим и историческим анализом.

В годы своей молодости я много общался с австрийскими экономистами, изгнанными из вселенной Шмоллера и компании. Они рассказали мне историю об ученике Шмоллера, который исследовал колебания цен мясных консервов в Восточном Берлине в 1900–1905 годы. Он написал докторскую диссертацию в несколько сотен страниц, проиллюстрированную статистическими таблицами и диаграммами, а затем, как хороший докторант, короткую последнюю главу, содержащую выводы из всей работы. В ней говорилось: «В результате этого исследования мы можем предварительно утверждать, что производство мясных консервов в восточных районах Берлина в 1900–1905 годы находилось под влиянием спроса и предложения».

А если говорить серьезно, рост популярности Шмоллера привел к тому, что, если раньше немецкие экономисты вносили существенный вклад в экономическую науку, то при Шмоллере немецкая экономическая школа вымерла, сохранившись только в Мюнхене и Вене. Можно с уверенностью сказать, что к 1914 году основная часть экономических факультетов немецких университетов не производила ничего, заслуживающего внимания.

Если вы считаете, что это взгляд предубежденного англичанина, рекомендую вам почитать соответствующую главу в замечательной «Истории экономической мысли» Шнайдера (Schneider, 1962), к сожалению, эта работа не была переведена на английский язык, но в ней Шнайдер высказывает те же претензии, что и я. Однако в качестве реакции отторжения австрийская школа стала спорить с исторической, и об этом споре была написана вторая великая книга

Карла Менгера, его «Исследования о методе» (Menger, 1883; Менгер, 2005), переведенная на английский язык (Menger, 1963) и по-прежнему обладающая значительной социологической и экономической важностью.

В Великобритании (о Джонсе мы уже говорили) за невнимание к истории и институтам классических экономистов критиковал ирландский автор Клифф Лесли, чей сборник «Опыты о политической экономии» (Leslie, 1888) заслуживает вашего внимания. Кроме него классических экономистов критиковал, Уильям Каннингем, историк экономики, автор трехтомника «Развитие английской промышленности и торговли» (Cunningham, 1890). Каннингем был учеником Маршалла, но не вполне понял его идеи. Он раскритиковал «Принципы» Маршалла, так исказив их содержание, что Маршалл, который не любил споров, был вынужден выступить с весьма жестким ответом. И если вы почитаете полемику между Каннингемом (Cunningham, 1892) и Маршаллом (Marshall, 1892b) в ранних номерах «Economic Journal», у вас не останется сомнений в том, что Маршалл вышел из спора победителем.

Фигурой более значительной, чем Каннингем, был Уильям Эшли, и его критику я воспринимаю серьезнее, чем мнение Каннингема. Эшли был человеком, предубежденным против классической школы. Когда его назначили заведующим кафедрой в Бирмингемском университете, он отказался называть ее «кафедрой экономической науки», столь ошибочной он считал ту экономическую традицию, против которой восставал. Его кафедру пришлось назвать «кафедрой торговли». Однако учебник по истории экономической мысли Эшли (Ashley, 1901) очень интересен, и в методологическую дискуссию он внес вклад, куда более существенный, чем Каннингем.

О методологическом споре бесценную книгу написал отец знаменитого Кейнса, великого экономиста моего времени. Не Джон Мейнард Кейнс, а его отец, Джон Невилл Кейнс, написал весьма сдержанную книгу «Предмет и метод политической экономии» (Keynes, 1890), в которой принял отчаянную попытку выровнять чаши весов и отдать должное всем тем различным школам мысли, которые можно классифицировать как исторические, а также более классической традиции, в которой он вырос. Эта книга была из-

дана очень давно, некоторое время назад ее переиздали, кажется, в Америке. Она прекрасно написана. В ней нет остроумия и образности книг Джона Мейнарда Кейнса, но это классика. Кроме того, читая эту книгу и сноски к тексту, вы знакомитесь с *Methodenstreit*, спором о методе.

Хватит об экономических националистах и исторической школе. Теперь я вернусь к истории экономического анализа в той форме, в которой он сохранился в наши дни. Мы больше не будем говорить о классической традиции, не считая тех моментов, в которых она связана с маржиналистской революцией. Но прежде чем перейти к ней, хочу сказать несколько слов о важных предшественниках современной теории. Оставлю за скобками достойных похвалы предвестников теории предельной полезности, поскольку их удобнее рассмотреть в лекции о Джевонсе, начавшем маржиналистскую революцию в Англии. Предупреждаю, в моем выборе нет системы. Я просто хочу привлечь ваше внимание к важным авторам разных направлений.

Первым и одним из важнейших предтеч маржиналистской революции был Курно (1807–1877), французский математик, в преклонном возрасте назначенный ректором уважаемого Гренобльского университета. Его «Исследование математических принципов теории богатства», опубликованное в 1838 году, стало первой великой работой по математической экономической теории.

Не думайте, что до Курно математической экономической теории не существовало. Профессор Теохарис, преподававший здесь в 1950-е годы, якобы под моим руководством написал работу по истории ранней математической экономической теории (Theocharis, 1961). Когда он предложил мне эту тему, я опасался, что ему не хватит материала. Однако, как это бывает с аспирантами, от них получаешь больше знаний, чем сам даешь, и вскоре Теохарис доказал, что выбрал превосходную тему, и его раннее исследование попыток развития математической экономической науки, кульминацией которых стала теория Курно, весьма достойно внимания специалистов. Но есть много работ других авторов. Хьюэлл, которого уже я упоминал, — знаменитый декан Колледжа Святой Троицы, логик, историк науки и моральной философии, также написал несколько примечательных докладов, в которых перевел Рикардо на язык математики (Whewell, 1829).

Книга Курно подняла математическую экономическую науку на новый уровень. Она современна и содержит множество открытий, на которые претендовали ученые из самых разных университетов Англии (но надеюсь, не из Лондонской школы экономики) в конце 1920-х годов.

«Исследование математических принципов теории богатства» (Cournot, 1838) открывается прекрасным научным обоснованием математической экономической науки. Эта наука, говорит Курно, не претендует на слишком многое. Она просто позволяет нам прояснить некоторые явления и с большей точностью рассуждать о больших и меньших величинах.

Затем Курно переходит к закону спроса (*ibid.*, pp. 44–55), и это первая публикация, в которой спрос изображается в виде функции цены (книга вышла в 1838 году). Джон Стюарт Милль изобразил ее в таком виде раньше, но сделал это в неопубликованном эссе, которое увидело свет только в 1844 году в сборнике «Unsettled Questions». В любом случае Курно принадлежит заслуга математического представления спроса в виде функции цены при помощи кривых и алгебры.

Далее он переходит к формам рынка. Прежде всего он рассматривает монополию (*ibid.*, pp. 56–66), и, как это ни странно, в его тексте можно разглядеть формулу равновесия при монополии «предельная выручка равна предельным издержкам». Она вовсе не была изобретена в Оксфорде или Кембридже в конце 1920-х годов. Разумеется, она приводится в трудах Маршалла, который признает, что многим обязан Курно. Формула монопольного равновесия даже содержится в довоенной книге Сидни Чэпмэна «*Outlines of Political Economy*» («Основные принципы политической экономии») (Chapman, 1913), в которой автор пытается популяризировать идеи Маршалла. Знакомство с историей экономической мысли иногда весьма полезно.

После этого Курно (Cournot, 1838, pp. 79–89) переходит к своему открытию. Разобравшись с рынками, где продавец всего один, он переходит к проблеме дуополии: рынка, где продавцов двое. И при некоторых специальных предположениях он достигает определенного решения. Как вы знаете, теория дуополии была предметом весьма тщательного изучения в 1930–1950-х годах; очевидно, что определенно-

го решения в ней можно достичь только введением весьма конкретных предпосылок. Но Курно, не излагая всех предпосылок, находит верное решение, опираясь на свои особые предпосылки. Он продолжает рассуждать, пока не доходит до предельного случая математически чистой конкуренции (*ibid.*, pp. 90–98), а затем сравнивает монополию и чистую конкуренцию.

Наконец, необходимо обратить внимание на предположения Курно об издержках и монополии. Он предположил, что если издержки падают и продолжают падать, пока не дойдут до точки равновесия, то какой бы ни была ситуация в начале, дуополистической или конкурентной, она придет к монополии. Это предположение обеспокоило Маршалла и заставило его обратить дополнительное внимание на проблему возрастающей отдачи и конкуренции и провести различие между внутренней экономией на масштабе, которая на небольшом рынке рано или поздно должна привести к предсказанной Курно монополии, и внешней экономии, которая может допускать конкуренцию в той или иной форме. Это все о Курно.

Два предшественника современной теории, о заимствовании у которых пишет Маршалл, помимо Адама Смита и Джона Стюарта Милля — это Курно и фон Тюнен. Иоганн фон Тюнен (1783–1850), землевладелец из Восточной Германии, страстно интересовался вопросами управления сельскохозяйственным поместьем. Он подходил к этим вопросам исключительно научно и со временем изложил свои размышления об этом в двух томах. Его книга называлась «Изолированное государство». Первый том вышел в 1826 году, второй — в 1850, а полное издание увидело свет в 1876 году, когда фон Тюнена давно не было в живых. На английском языке в 1966 году были изданы самые важные отрывки этой книги под редакцией Питера Холла.

В первой части «Изолированного государства» фон Тюнен рассуждает об интенсивности земледелия и локализации промышленности. Он разрабатывает модель, в которой рынок является центром нескольких концентрических кругов. Почва, одинаковая по качеству в каждом круге, но разная с точки зрения близости к рынку, обрабатывается земледельцами и производит нечто, именуемое зерном. Соответственно, первая часть является очень серьезным исследованием

в области теории ренты и затрагивает вопрос ренты по местоположению. Часть вторая, которой автор придавал огромное значение, квазиматематическая. Интересующая нас глава называется «Заработная плата равна добавочному продукту последнего рабочего, занятого на крупном предприятии». В ней фон Тюнен формулирует свою теорию заработной платы, основанную на предельной производительности, и предлагает упрощенную формулу заработной платы, которой он так гордился, что завещал, чтобы на его надгробии было высечено лишь его имя и эта формула.

Предельную производительность, на этот раз капитала, вы также встретите в лекциях человека, на которого я ссылался, когда говорил о развитии теории спроса в международной торговле: я говорю о «*Lectures on Political Economy*» («Лекциях о политической экономии») Маунтифорта Лонгфилда (Longfield, 1834). В девятой лекции вполне приемлемо изложена теория капитала, основанная на предельной производительности.

Теперь поговорим о предшественнике современной теории, который в свое время остался незамеченным, но был самым потрясающим умом среди экономистов общего профиля — о Джоне Рэ. Он родился в 1796 году, а умер в 1872. Ему катастрофически не везло. Его семья обанкротилась до того, как он успел сделать карьеру в университете, которая, скорее всего, была бы блестящей. Рэ эмигрировал в Канаду, где получил должность школьного учителя. Через некоторое время (у него был сложный характер) он поссорился с коллегами и потерял и эту работу. Когда в Калифорнии были открыты золотые прииски, Рэ отправился туда, но золота не нашел, и чуть не умер от сыпного тифа. После этого перебрался на Гавайи, где занял скромную позицию инспектора здравоохранения. Рэ умер в полной неизвестности в Бруклине в 1872 году. Однако в 1834 году он написал книгу «Новые принципы политической экономии», в которой раскритикованы некоторые аспекты теории Адама Смита, особенно той ее части, которая касалась спора о неокрепшей промышленности.

Когда мы говорили об экономическом национализме, я не упоминал о Рэ, потому что знал, мы еще поговорим о нем в более широком контексте. Рэ сформулировал аргументацию в защиту протекции неокрепшей промышленности куда

лучше любого другого автора, и его критические замечания по поводу Адама Смита заслуживают пристального внимания, хотя на некоторые из них можно было бы дать ответ.

Впрочем, важнее всего оказался вклад Рэ в общую экономическую теорию, особенно в теорию капитала. «Новые принципы политической экономии» — одна из редчайших книг по экономике. Не думаю, что в нашей библиотеке есть оригинал; возможно, он есть в библиотеке имени Голдсмита. Я часто видел экземпляр этой книги в клубе, к которому раньше принадлежал, и испытывал огромный соблазн украсть его. Там никто никогда ее не читал, но, будучи слишком хорошо воспитан, я удержался от кражи. Недавно «Новые принципы» были переизданы издательством Kelley в Нью-Йорке вместе с научной биографией Рэ, написанной неким Джеймсом из Университета Торонто.

Общую часть своей книги Рэ начинает с исследования, которое в большой степени предвосхищает «Природу капитала и дохода» Ирвинга Фишера (Fisher, 1906). Он пишет, что важными объектами внимания экономического анализа должны быть «ход событий и их связь друг с другом» (Rae, 1834, p. 81). Способность к экономическому расчету отличает людей от животных, а возможность изменять ход событий при помощи сознательных усилий гарантирована им, если они используют свой интеллект.

Далее Рэ подробно описывает процесс формирования и истощения капитальных инструментов. При этом он поднимается на уровень, на который до него никто не поднимался, и наилучшим образом этот уровень описывает название соответствующей главы: «Каждый инструмент (капитальный инструмент) может быть помещен в отдельную серию, имеющую некий порядок, определяемый пропорцией между трудом, затраченным для формирования инструмента, мощностью этого инструмента и временем, проходящим с момента его формирования до момента его истощения» (ibid., p. 100). Эту идею Рэ развивает, приводя многочисленные арифметические примеры инструментов, производящих результаты, эквивалентные их удвоенной ценности, за короткие, средние или длительные промежутки времени. При помощи весьма искусного анализа он показывает, как можно преобразовать более сложные доходы, чтобы представить их в виде таких серий.

В следующей главе Рэ формулирует некий вариант закона убывающей отдачи от инвестиций в терминах удлинения периода удвоения:

Способность любого народа пользоваться материалами, находящимися в его распоряжении, для создания из них инструментов не может увеличиваться бесконечно, если знания этого народа остаются на одном и том же уровне, если он постоянно не продвигает свои инструменты вперед, в серию более высокого порядка (*ibid.*, p. 109).

Имеются в виду описанные Рэ серии. Он иллюстрирует этот закон примером о разных степенях прочности, какие можно придать дому:

Жилище может быть возведено из дерева, реек, земли, штукатурки и бумаги, как те непрочные деревни, которые во времена правления Екатерины Великой строились в некоторых ее владениях (*ibid.*, p. 110).

Эти деревни Рэ сравнивает с деревнями

...того же размера, вместительности и внешнего вида, но могущими простоять два или три века при использовании камня, железа и крепких пород древесины, скрепляемых аккуратно и прочно (*ibid.*).

Рассмотрев инвестиционную функцию, в следующей главе Рэ обращается к главному вопросу: до какой степени ее можно использовать? Для ответа на этот вопрос он использует понятие временных предпочтений, или, как он сам его называет, эффективное желание накопления. Он пишет:

Формирование каждого инструмента предполагает принесение в жертву какого-то меньшего имеющегося в наличии блага ради производства большего блага в будущем. Если производство этого большего блага в будущем будет сочтено заслуживающим того, чтобы пожертвовать меньшим благом в настоящем, то инструмент будет сформирован, в противном случае инструмент сформирован не будет (*ibid.*, p. 118).

Затем Рэ переходит к экономической социологии и сравнивает историю разных стран, обитатели которых имели разную расположенность к накоплению: он сравнивает египтян,

которые создали долговечные памятники своей цивилизации, и другие сообщества, которые так и не продвинулись дальше весьма не долговечных инструментов.

И даже этим оригинальность Рэ не исчерпывается — он переходит к обсуждению отношений между предпочтением ликвидности и нормой процента. Если вы считаете, что тема предпочтения ликвидности и нормы процента стала обсуждаться только в 1920–1930-х годах, читайте Рэ:

Каждый человек должен тем сильнее не желать позволить тем деньгам, которыми он обладает, лежать без дела, чем большую сумму дохода он мог бы получить, потратив эти деньги на формирование финансовых инструментов. Если в обществе, к которому принадлежит человек, инструменты недалеко ушли от серии первого порядка, то есть наиболее быстро удваивают стоимость своего формирования, он скорее рискнет оказаться в неудобном положении нехватки наличности, чем оставит праздными в своих сундуках те деньги, которые мог бы превратить в инструменты и использовать для получения значительной прибыли. Однако если в обществе, к которому принадлежит этот человек, инструменты далеко отстоят от серии первого порядка, он будет склонен сберегать большие суммы, надеясь, что ему удастся провернуть сделку более выгодную, чем формирование любого инструмента (*ibid.*, p. 178).

Эти рассуждения приводят Рэ к анализу функций денег, кредита и т. д.

Так получилось, что книгу бедного Рэ пресса встретила гробовой тишиной. Это один из самых трагических примеров того, как в истории нашей науки первоклассная книга прошла абсолютно не замеченной. Ее читал и оценил Сениор, ее прочел также Джон Стюарт Милль и восхищался ей. В «*Principles*» Милль пишет, что Джон Рэ сделал для темы накопления капитала то же, что Мальтус сделал для темы роста населения. Это высокая похвала, но она не достигла ушей несчастного Рэ, находившегося в то время где-то на золотых приисках. Только когда он оказался на Гавайях, кто-то сказал ему, что его книгу похвалил Джон Стюарт Милль. Рэ тогда написал Миллю, благодарая за похвалу и признаваясь, что у него не осталось ни одного экземпляра его книги. Но это еще не конец истории. Рэ упомянул в своих трудах Бём-Баверк, и это подвигло гарвардского экономиста Мик-

стера прочесть и переиздать его книгу. Микстер заслуживает всевозможной похвалы за то, что распознал величину достижений Рэ, а также всевозможного порицания за то, что перекроил его книгу согласно собственному пониманию о том, что в ней было важно, а что нет. Рэ был бы в ужасе, если бы узнал, что его замечания об Адаме Смите были отправлены в приложение и изданы под гротескным названием (для 1834 года оно было гротескным) «Социологическая теория капитала» (Rae, 1905). Только этого названия хватило бы, чтобы отпугнуть большинство экономистов. Так что только в наши дни Университет Торонто воздал Рэ должное, выпустив его книгу в достойном виде. А Ирвинг Фишер посвятил «The Rate of Interest» («Норму процента») (Fisher, 1907), самую выдающуюся работу по реальной теории процента, изданную в нашем веке, «памяти Джона Рэ, который заложил те основы, на которых я отважился вести строительство».

Это все о предшественниках современного анализа. На следующей неделе мы приступим к маржиналистской революции.

Лекция 27

Маржиналистская революция (I): Джевонс

ПЕРЕЙДЕМ к разделу лекций, который можно было бы озаглавить «маржиналистская революция». Я не стану обсуждать, была ли это действительно революция, упорядоченный процесс перехода или что-то среднее. Думаю, что в этом разделе истории экономической мысли нам лучше разбираться шаг за шагом.

На этой неделе мы рассмотрим новшества в теории ценности, связанные с именами Джевонса и Менгера. Однако у прославленных теоретиков, как правило, бывают предшественники — как они были, например, у теории народонаселения Мальтуса. Не стану тратить время на предвестников теории ценности, основанной на предельной полезности, упомяну только два-три имени и подчеркну значимость еще двух авторов.

Из английских авторов Джевонс упоминает некоего Томаса Бэнфилда, написавшего книгу «Организация промышленности» в 1844 году¹. Я сильно сомневаюсь, что сегодня кто-то знает о ней. Джевонс также называет имя Ричарда Дженнингса, в 1855 году написавшего книгу об уровнях удовлетворенности «Естественные элементы политической экономии». Кроме них был еще оксфордский ученый из духовенства Ллойд, написавший в 1833 году лекцию о понятии ценности. Эту лекцию переиздали в первом томе приложения к «Economic Journal», которое вышло между мировыми войнами, в темно-синем переплете. Эта лекция — существенное интеллектуальное достижение, но я не собираюсь отвлекаться от основной темы.

---

1. См.: Banfield (1848).

Куда важнее для нас два других автора. Первый — это французский инженер Жюль Дюпюи, который пришел к проблеме общественной полезности, занимаясь вопросом взимания пошлин с населения за проезд по мостам... В 1844 году он написал статью «Об измерении полезности общественных работ», а затем в 1849 и 1853 годах — еще две дополнительные статьи к ней. В трудах Дюпюи можно обнаружить теорию убывающей предельной полезности, а также начала теории потребительского излишка. В наши дни статьи Дюпюи были переизданы издательством Einaudi (Duru-*it*, 1933). Аспиранты непременно должны их прочесть.

Второй автор был трагической фигурой — это немец Герман Генрих Госсен. В 1854 году он написал книгу «Развитие законов человеческого общения». Это очень полное изложение всех экономических последствий идеи убывающей предельной полезности. Не скажу, что труды Госсена — легкое чтение, хотя он был переиздан Хайеком в 1920-е годы и должен еще быть в библиотеке. Читать его — все равно, что плыть по океану очень длинных предложений, не разбитых на абзацы. Тем не менее, его книга — выдающееся интеллектуальное достижение, и она пребывала в досадной безвестности, пока ее не заметил по случайности коллега Джевонса по Манчестерскому университету. Он привлек к этой книге внимание Джевонса, и последний, считавший, что изобрел теорию предельной полезности, был потрясен и, пожалуй, несколько уязвлен тем, что Госсен изложил ее даже более систематически, чем он сам. Но будучи честным и великим человеком Джевонс в следующем же, втором, издании своей книги упомянул имя Госсена. Он рассказал о нем Вальрасу, который также самостоятельно открыл применимость теории ценности к идее убывающей предельной полезности. Вальрас, будучи не менее благородным человеком, хотя и весьма раздражительным, написал о Госсене во французском журнале.

Все это захватывает, но из-за цейтнота я вынужден сконцентрироваться на Джевонсе и Менгере, первом австрийском экономисте. О Вальрасе поговорим позже. Но, несмотря на то что я упоминал Дюпюи и Госсена, а также еще менее известные имена, именно Джевонс, Менгер и Вальрас прославили этот аспект современной теории ценности.

Перейдем к Джевонсу. Ничто не должно помешать вам прочесть книгу Джевонса «Теория политической эконо-

мии» (Jevons, 1871). Эта книга, вышедшая в издательстве Penguin с замечательным предисловием профессора Коллисона Блэка, одного из величайших авторитетов в области истории экономической мысли (Jevons, 1970). Джевонс пишет не так подробно, как Менгер и Вальрас, но из этой троицы он был первым, и его легче и приятнее всех читать.

Уильям Стенли Джеворнс родился в 1835 году; он умер временно — утонул в реке в 1882 году. Его семья жила в Ливерпуле и в 1848 году попала в затруднительное финансовое положение, из которого все не могла выбраться. Джеворнс поступил в Университетский колледж в Лондоне, в 1852 году принял должность пробирщика драгоценных металлов, в частности золота, в Австралии. В конце 1840-х — начале 1850-х годов в Австралии было найдено золото, и Джеворнс, чтобы помочь родным, отправился туда на заработки. В должности главы пробирной палаты при Австралийском монетном дворе он вел интересную и богатую событиями жизнь. Его письма и дневники были изданы в шести томах под редакцией профессора Блэка (Jevons, 1972–1981), еще один том сейчас готовится к печати. Но есть прекрасная биография Джеворнса, написанная его женой, Харриет Джеворнс, в соавторстве с Фоксуэллом, Уикстидом и другими, так что если у вас нет времени читать полное издание писем Джеворнса, прочтите «Письма и дневники У. Стэнли Джеворнса» Харриет Джеворнс (Harriet Jevons, 1886). Безусловно, Джеворнс занимает очень видное положение в истории экономического анализа, но еще больших успехов он добился в области общественных наук: он был экспертом по формальной логике и научному методу, автором работ по прикладной экономической науке — об использовании индексов для измерения ценности денег, о запасах угля...

Джеворнс вернулся из Австралии и поступил в магистратуру Университетского колледжа в 1862 году. Он получил профессорское звание в Оуэнском колледже, в Манчестере, в 1866 году, переехал в Университетский колледж в 1876 году и утонул в 1882.

У Джеворнса есть четыре важнейшие работы. Во-первых, «Значительное падение ценности золота» (Jevons, 1863), в которой индексы и графики используются для измерения ценности денег. Вторая — длинная книга «Угольный вопрос», написанная в 1865 году (Jevons, 1906), в которой он обсуждал

возможность постепенного истощения запасов угля. Эта возможность достаточно сильно отодвинулась. Сегодня, когда мы говорим об истощении природных ресурсов, мы видим быстрое истощение запасов нефти и газа, но запасов угля в Англии, хотя цены на него постоянно растут, хватит, как минимум еще на пару веков. В-третьих, Джевонс написал очень интересную книгу «Деньги и механизм обмена» (Jevons, 1920). Наконец, перед самой смертью он написал труд «Государство по отношению к труду» (Jevons, 1882).

Джевонс был из тех выдающихся личностей периода поздней викторианской эпохи, которые достигли заметных успехов во многих областях знаний. Однако сейчас нас интересует «Теория политической экономии». У этой книги было несколько предшественниц. Еще будучи студентом Университетского колледжа, первого июня 1860 года Джевонс писал своему родственнику: «Во время последнего семестра я много работал над политической экономией; в последние месяцы я изобрел то, что, как я уверен, является истинной теорией экономии, и эта теория так основательна и стройна, что теперь я не могу читать другие книги по этому предмету без возмущения»². Свои взгляды об этом он изложил еще в 1860 году. Я упоминаю об этом, потому что Кейнс в своей книге о Маршалле был не прав. Кейнс считал, что Маршалл был зол на Джевонса, потому что сам Маршалл изобрел то же в это же время, но Джевонс первым опубликовал свою теорию. Это не так. Джевонс изложил свои идеи Британской ассоциации еще в 1862 году, и они были переизданы в «*Journal of the Royal Statistical Society*» в 1866. Он опубликовал «Теорию политической экономии» в 1871 году, а в 1879 году вышло второе издание с длинным предисловием об открытии Госсена, а также первая библиография по математической экономической теории.

Обратите внимание, что «Теорию политической экономии» не стоит рассматривать как систему. Это изложение двух важных идей. Первая, ей посвящена основная часть этой лекции, — это взаимосвязь теории ценности и понятия полезности, а вторая, за которую Джевонс не получил той

2. Письмо У. С. Джевонса Герберту Джевонсу от 1 июня 1860 г., см.: Jevons (1972–1981, vol. 2, pp. 409–412, at 410).

похвалы, которую заслуживал, — это теория капитала. Кейнс восхищался Джевансом и написал прекрасное эссе о нем, но в своей знаменитой биографии Маршалла, опубликованной после его смерти, Кейнс все же пишет: «Джеванс увидел, как кипит чайник, и закричал об этом с детским восторгом. Маршалл тоже увидел, как кипит чайник, и молча сел за строительство парового двигателя» (Keynes, 1933/1972, p. 185). Это очень остроумно, но неверно.

«Теория политической экономии» не свободна от ошибок. И, конечно, она — не последнее слово в теории ценности, но все же это выдающаяся, прекрасно написанная книга. Каждая ее страница, за исключением довольно скучного изложения теории ценности и теории обмена, читается с огромным интересом и даже волнением. Зная, что мне придется о ней рассказывать, я перечитал ее, в седьмой или в восьмой раз, на выходных, и она возбудила во мне то же волнение, что и в первый раз.

Введение начинается на 77-й странице издания Блэка; ему предшествуют предисловие и эссе Блэка о Джевансе. Второй параграф введения начинается так:

Длительные размышления и исследования привели меня к новаторскому мнению о том, что ценность полностью зависит от полезности. Превалирующее мнение гласит, что труд, а не полезность является источником ценности; есть даже те, кто явственно предполагает, что труд является причиной ценности.

(Вспомним некоторых классических экономистов.)

Я же показываю, что нам стоит только внимательно проследить за тем, как природные законы изменения полезности зависят от количества товара, находящегося в нашем владении, чтобы прийти к удовлетворительной теории обмена, следствием которой являются обычные законы спроса и предложения (Jevons, 1970, p. 77).

Затем Джеванс излагает апологию математической природы своей теории. Но его математика хромает, так что Маршалл был прав, когда сказал, что лучше бы Джевансу не использовал математику вообще. И все же это превосходная апология использования математики там, где она применима, и я еще раз это подчеркну. Джеванс четко объясняет, что эконо-

мическая наука занимается вопросами больших и меньших величин, так что математика присуща ей с самого начала.

Он также пишет о необходимости эконометрики. Он указывает на обширные численные данные, которые экономисты должны учитывать и которые помогут им глубже изучить законы спроса и предложения.

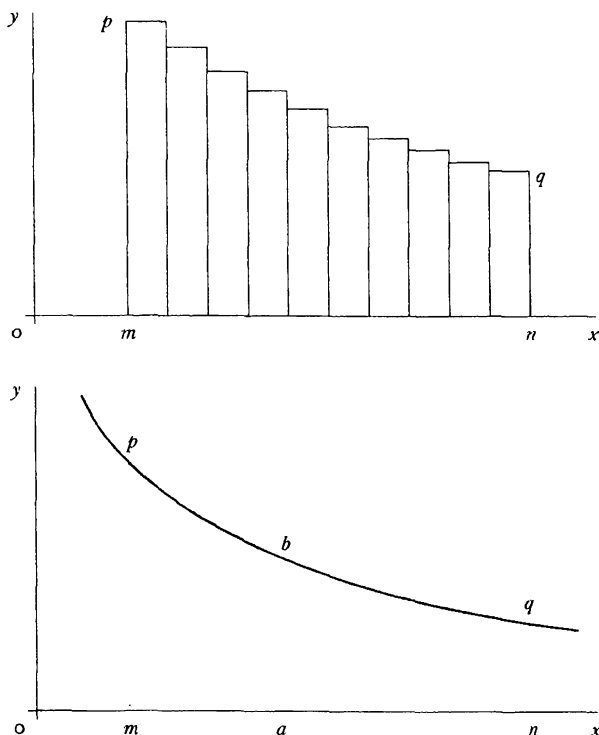
Затем Джевонс пишет, что теория ценности не пытается сравнить чувства одного человека с чувствами другого. Иначе говоря, он не утверждает, что люди равны или не равны в способности испытывать удовлетворение. Его теория от этого не зависит.

В этом вопросе Джевонс, безусловно, опирается на интеллектуальное наследие Бентама. Его вторая глава — краткое изложение теории страданий и наслаждений. Он цитирует знаменитую книгу Бентама «Введение в основания нравственности и законодательства», говоря, что страдание и наслаждение зависят от четырех обстоятельств: силы, длительности, определенности и близости источника страдания или наслаждения. Эти слова говорят сами за себя.

Джевонс иллюстрирует интенсивность наслаждения графиком (рис. 6), на котором интенсивность отмечается по вертикальной оси, а количество товара по горизонтальной.

Вначале он изображает прямоугольники, причем каждый из них соответствует небольшому количеству какого-то товара. Затем он рисует другой график, предположив, что количество товара непрерывно изменяется, а соответственно, сила может быть изображена в виде одной линии.

В третьей главе Джевонс переходит к полезности. Полезность основывается на нуждах человека, так что полезность товара не является внутренне ему присущей. Нет ничего, что имело бы полезность, только наше мышление делает тот или иной товар полезным. Донеся эту мысль до читателя, Джевонс принимается за свое главное, как он считает, открытие. Он разделяет общую полезность всего запаса благ или скорость потока и степень изменения общей полезности. После нескольких слов об антиполезности и неудобстве, которые Джевонс предлагает считать алгебраическими вариациями того, что им уже было сказано о полезности, он переходит к рациональному распределению любого товара по разным возможностям его использования, так, чтобы последний уровень полезности был одинаков для всех возможных способов его использования.

источник: Jevons, 1970, p. 96.

РИС. 6
Интенсивность удовлетворения по Джевонсу

Обратите внимание на терминологию. Джевонс говорит о «последних степенях» и «норме изменения» общей полезности. Впоследствии экономисты вслед за австрийцем Визером стали употреблять термин «предельная полезность». Но, строго говоря, предельная полезность и последняя степень полезности — это не одно и то же, так как предельная полезность относится, скорее, к последней единице товара, а последняя степень полезности, или предельная степень полезности, — к скорости изменения общей полезности.

Затем Джевонс обращается к вопросу распределения полезности во времени и излагает теорию, которую впослед-

ствии куда более тщательно разработали австрийские экономисты: он пишет о возможном уменьшении полезности, общей или последней степени, с течением времени. Очевидно, это то же, что «эффект перевернутой подзорной трубы» Бём-Баверка. И, наконец, в той же главе говорится о влиянии неопределенности и возможности ошибки.

В четвертой главе Джевонс применяет идею убывающей последней степени полезности к теории ценности. В начале главы он настаивает на том, что ценность, в отличие от веса, длины или иной характеристики, не является качеством, изначально присущим товару. Ценность, согласно концепции Джевонса, — это меновое отношение двух разных товаров.

Затем он переходит к механике процесса и прежде всего обсуждает понятие рынков. Он понимает рынок как место для продажи товаров. На совершенном рынке разные продавцы и покупатели не вступают в сговор, в то же время на совершенном рынке всем мгновенно известны цены отдельных сделок. Джевонс очень четко дает понять, что намерен исследовать только совершенный рынок, хотя он не употребляет этот термин. В конце концов несколько секунд или пара минут могут помешать распространиться информации о движении курса ценных бумаг, а организованные товарные рынки мира, все как один, демонстрируют одинаковый уровень несовершенства. Но Джевонс сразу говорит, что не собирается учитывать это несовершенство. Он рассматривает отсутствие сговора, а также более или менее мгновенное узнавание обо всем, что происходит на рынке, как путь к тому, что он называет законом безразличия. Это значит, что по всему рынку превалирует одна и даже цена на один и тот же товар.

Далее Джевонс начинает рассуждать о применении теории последней степени полезности к рынку, на котором в обмене участвуют два товара и действует закон безразличия. И это правильно только отчасти. Он прав в главном: в том, что обмен будет происходить всегда, если у покупателей и продавцов на рынке будут одинаковые шкалы относительной ценности; обмена не будет только при совпадении шкал. Джевонс объясняет, что обмен так или иначе произойдет. Обмен совершается, пока лицо, в него вступающее, с помощью этого обмена может приобрести нечто, что на его шкале ценности находится выше, чем на шкале ценности того, кому это нечто принадлежит, и наоборот. «Меновое

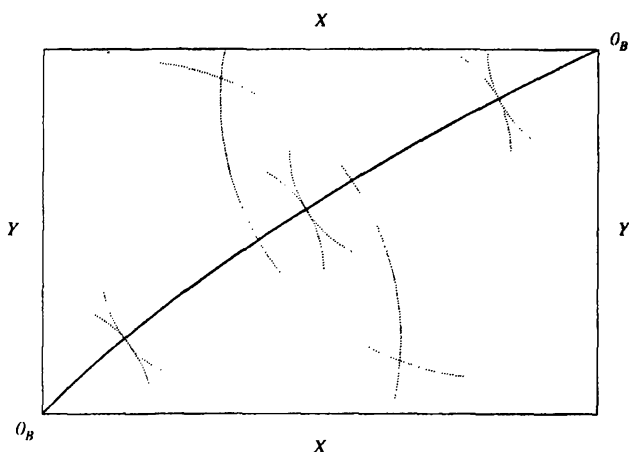

РИС. 7
Ящик Эджуорта

отношение, — делает свой главный вывод Джевонс, — любых двух товаров будет обратно пропорционально последней полезности количеств товаров, доступных для потребления после завершения обмена» (ibid., p. 139).

К сожалению, Джевонс не понял, что область, в которой будет достигнуто это равенство, зависит от того, с какого соотношения начался обмен. Я не собираюсь преподавать азы современного экономического анализа, но всем знакомы графики, на которых кривые безразличия определяют точки безразличия для двух возможных вариантов обмена товаров — x и y .

Вам известна линия между кривыми безразличия, которая называется контрактной кривой, или кривой оптимальных сделок. Все точки этой кривой удовлетворяют условию равенства предельных норм замещения. Это знаменитая диаграмма Эджуорта (рис. 7), который писал, что Джевонс должен был бы четко заявить о неопределенности конечной нормы обмена на контрактной кривой. Но, выбрав закон безразличия в качестве предпосылки, Джевонс не заметил того, что для определенного решения требуется не только отсутствие сговора, но и возможность перезаключения контрактов. Последняя означает, что участники рынка по очереди

общаются друг с другом, заключая пробные сделки, которые они могут отменить, когда поймут условия всех участников рынка. В этом случае, если вы дорисуете кривые совокупного спроса и предложения, вы получите определенное равновесие совершенной конкуренции в точке пересечения кривых совокупного спроса и предложения на кривой оптимальных сделок.

Далее Джевонс переходит к осложнениям. Он упоминает неделимость товаров, из-за которой такой идеальный случай может быть невозможен, и негативную ценность. Он также весьма сомнительно описывает выгоду от обмена, но не стоит обращаться к этому описанию, потому что оно не совсем верно. Заканчивает Джевонс призывом к ведению статистики спроса и предложения на реальных рынках. Он подчеркивает, что те, кто занимались политической арифметикой в конце XVII века (вспомним Грегори Кинга и Давенанта), пытались вести статистику в отношении таких товаров, как пшеница.

В завершение главы Джевонс сам подставляется под удар, говоря, что обнаружил источник происхождения ценности — это полезность и редкость. Он отказывается от труда как фактора формирования ценности. На многие вещи в прошлом был затрачен труд (например, на редкие книги, монеты и т. д.), но это не влияет на их ценность. Их ценность определяется обстоятельствами, описанными Джевонсом в данной главе. И он формулирует фразу, которую так часто используют сегодня во всевозможных экономических дискуссиях: «В торговле прошлое всегда остается прошлым» (Jevons, 1970, p. 186). Затраченный в прошлом труд не учитывается в его концепции теории ценности.

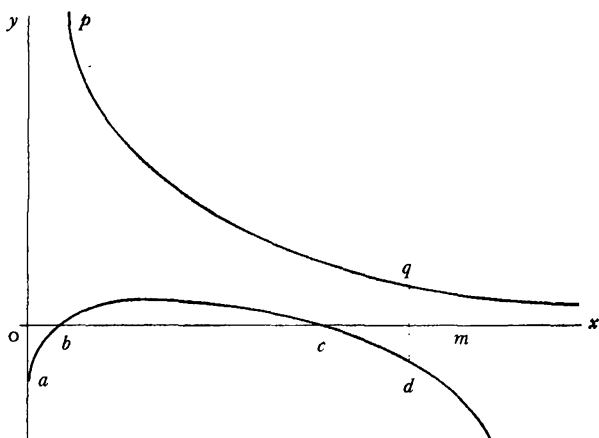
Затем он предлагает читателю небольшую табличку:

Издержки производства определяют предложение.

Предложение определяет последнюю степень полезности.

Конечная степень полезности определяет ценность (ibid., p. 187).

Как писал Маршалл в рецензии на «Теорию политической экономии», Джевонс все же впустил в свою теорию издержки производства, хотя и через черный ход. Будущие издержки производства определяют предложение, которое будет существовать на рынке, так что Джевонс сам пишет о двой-

источник: Jevons, 1970, p. 192.

РИС. 8
Трудовая диаграмма Джевонса

ственном влиянии на ценность: со стороны спроса и со стороны издержек.

Далее Джевонс рассматривает вопрос труда и изобретает знаменитый график (см. рис. 8). По горизонтальной оси он отмеряет количество товара, а по вертикальной — последнюю степень полезности, которая положительна выше оси абсцисс и отрицательна ниже ее.

На графике кривая полезности — линия pq . Однако о труде рассуждения Джевонса куда сложнее. Допустим, вы встали с утра и у вас нет настроения поработать, так что конечная степень первого затраченного вами труда будет отрицательной. Но по мере того как вы продолжаете работать, вы можете войти во вкус процесса, и последняя степень полезности, изображенная символически, будет находиться в области положительных чисел. Джевонс считает, что линия ad должна понижаться, а равновесие в этом упрощенном случае достигается в том случае, когда последняя степень полезности товара (qm) равна последней степени антиполезности труда (md).

Наше время истекло. О теории ренты и теории ценности мы поговорим в следующий раз.

Лекция 28

Маржиналистская революция (II): Джевонс и Менгер

В ПРОШЛЫЙ раз мы поговорили о Джевонсе и обсудили его теории полезности, обмена и труда. Ничего не буду говорить о десятой главе «Теории политической экономии», посвященной ренте. Это более или менее рикардианская по духу глава. В ней содержится график, на котором рента представлена в виде криволинейной области после выплаты заработной платы. Самые важные замечания Джевонса о ренте содержатся во введении во второе издание. В нем Джевонс вспоминает об идее Джона Стюарта Милля: когда земля имеет более одного способа сельскохозяйственного использования, ценность одного способа ее использования входит в издержки другого. Джевонс весьма справедливо спрашивает: если это правило применимо к сельскому хозяйству, почему оно не универсально? Он очень близко подходит к теории альтернативных издержек.

Однако скажу несколько слов о теории капитала Джевонса. В то время как его теория ценности была оценена весьма высоко, хотя она и была не завершена, его теорию капитала по заслугам не оценили, более того, Бём-Баверк даже был к ней несправедлив.

Теория капитала Джевонса была изложена вместе с теорией ценности в его докладе для Британской ассоциации в 1862 году (Jevons, 1866). Кроме того, в начале главы, посвященной капиталу, Джевонс подчеркивает, что его теория капитала отличается от теории ценности, а также от теории обмена, потому что обмен возможен только в сообществе, а капитал может быть полезен и отдельному человеку. Мне это утверждение кажется несколько натянутым. Один из подходов к экономической теории изолированного индивида, отличного подготовительного этапа к статической

экономической теории, заключается в том, чтобы рассматривать выбор индивида относительно распределения тех редких благ, которыми он располагает, в том числе труда как акта обмена.

Как бы там ни было, Джевонс однозначно разделяет теорию обмена и теорию капитализации. Впоследствии, в письме своей сестре в 1859 году, он скажет: «Я думаю, что ты недостаточно хорошо понимаешь сравнительную важность подготовки и действия, или, капитала и труда»¹. В письме брату в 1860 году он говорит: «Мои определения капитала и закона процента на капитал совершенно новы»². В последний год жизни он писал Эджуорту: «Вы еще не дошли до понимания моей теории капитала как теории, в которой есть только один фактор — время... Пока вы используете слово «капитал», а не «капитализация», вы почти наверняка понимаете мою теорию неверно»³.

В конце главы о капитале Джевонс развивает свой специфический подход к вопросу. Он рассматривает капитал только в контексте потребительских товаров, которые позволяют человеку «затрачивать труд заранее» (Jevons, 1970, p. 227), до получения конечного продукта, и графически иллюстрирует это. Очевидно, что Джевонс предвосхищает при этом австрийскую концепцию периода производства, которая по сей день является предметом многих споров. Но поскольку Джевонс умалчивает о проблеме основного капитала (именно проблема основного капитала для него была бы крайне сложной, учитывая, что он рассматривает капитал как потребительские товары, используемые до получения конечного продукта), он выводит очень интересную формулу вычисления нормы процента. Он пишет, что норма процента — это «норма увеличения продукции, поделенная на общее количество продукта» (Jevons, 1970, p. 241). Если внимательно присмотреться к этой формуле, видно, что это

1. Письмо У. С. Джевонса Генриетте Джевонс от 30 января 1859 г., см.: Jevons (1972–81, 2:358–363, 359).

2. Письмо У. С. Джевонса Генриетте Джевонс от 1 июня 1860 г., см.: Jevons (1972–1981, 2:409–412, 411).

3. Письмо У. С. Джевонса Ф. И. Эджуорту от 26 декабря 1881 г., см.: Jevons (1972–1981, 5:156).

примитивная теория капитала, основанная на предельной производительности.

Джевонс не был первым разработавшим теорию капитала, основанную на предельной производительности. В последних главах весьма примечательного труда Лонгфилда (Longfield, 1834), опубликованного в середине 1830-х годов, прослеживается та же концепция. Лонгфилд предвосхищает Джевонса, кроме того, у него, как и у Джевонса, говорится, что предельная производительность со временем убывает.

Это все о Джевонсе. Если вы любите мятежных мыслителей, вы с удовольствием прочтете последние страницы «Теории политической экономии», озаглавленные «Тлетворное влияние авторитета». В этой главе Джевонс пишет, что политическая экономия погрязла в противоречиях из-за слишком большого авторитета Рикардо, Джона Стюарта Милля и классических экономистов. Но это виньетка по ходу рассказа.

Оставшуюся часть лекции я посвящаю началам австрийской экономической теории. Австрия стала второй страной, где свершилась маржиналистская революция в экономической науке. Как я уже говорил, у многих достойных людей звучали более или менее оформленные идеи о некоторых ее аспектах, но совершили революцию именно Джевонс, австрийцы и Вальрас. Они донесли до всех мыслящих людей тот факт, что маржиналистскую теорию нужно воспринимать серьезно, независимо от того, согласны вы с ней или нет.

Когда в ходе лекций я говорю об австрийских экономистах, я имею в виду основателя австрийской экономической школы Карла Менгера и двух его блестящих учеников — Визера и Бём-Баверка. Пока я хочу сконцентрировать ваше внимание на Менгере, который хуже известен вашему поколению, чем Бём-Баверк и Визер. Возможно, с возрождением интереса к австрийской школе, которым мы обязаны работе фон Хайека, сейчас Менгера читают больше, чем в дни моей молодости.

Однако нет сомнений, что Менгер был источником и родоначальником австрийской экономической науки, во всяком случае, австрийской теории ценности, а значит, вы должны о нем знать. Годы жизни Менгера — с 1840 по 1921. Право преподавать он получил в 1872 году. В 1879 году он получил титул Professor Ordinarius в Вене, но довольно рано,

в 1903 году, оставил кафедру, надеясь дописать свою великую книгу. Что вам говорит слово «Майерлинг»? Это место, где покончили с собой кронпринц Австро-Венгерской империи и его любовница, баронесса Вечера. Я вспомнил об этом, потому что Менгер был наставником несчастного кронпринца, который сошел с ума и убил себя и свою любовницу.

Менгер написал две выдающиеся книги и несколько статей. Первый том своих «Grundsätze» («Оснований») он опубликовал в возрасте 31 года, в 1871 году. В 1883 году он отвлекся от написания «Оснований», возмущенный ростом популярности исторической школы, которая, как он считал, вела экономическую науку Германии в тупик, и написал свою вторую великую книгу — «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности». Я не буду останавливаться на ней. Как я уже сказал, она была написана в ответ на доктринальные заявления Шмоллера и экстремальные методы исторической школы. Менгер не был настроен категорически против экономической истории. Если вы заглянете в оригинальное издание «Grundsätze», вы увидите, что оно посвящается Рошеру, одному из главных представителей ранней исторической школы. Не то чтобы Менгер во всем соглашался с Рошером, но он уважал его, а Шмоллера нет. И когда Шмоллер написал почти клеветническую рецензию на книгу Менгера о методе, Менгер ответил памфлетом, написанным куда более живо, чем обе его книги. Этот памфлет назывался «Ошибка историзма» (Menger, 1884), и Шмоллер публично признался, что вернул эту работу автору без рецензии.

Однако с точки зрения истории экономической науки нас больше интересуют «Основания», которые были переведены на английский язык в 1950 году профессором Дингуоллом и Бертольдом Хозелицем (Menger, 1950). Как я уже говорил, эту книгу сейчас мало читают, но нет сомнений в том, что из нее произросла австрийская школа. Бём-Баверк и Визер, чьи имена куда лучше известны в англоязычном мире, были учениками Менгера. Не стану вас обманывать: даже в английском переводе Менгера достаточно тяжело читать. Он пишет ясно, но очень подробно, и если ему кажется, что о чем-то необходимо сказать дважды, он такой возможности не упускает. Его стиль совершенно не похож на стиль

Джевонса. Однако, готовясь к этой лекции, я перечел Менгера в английском переводе и должен сказать, что его книга выдающаяся. Хотя у краткости свои достоинства, Менгер очень глубоко погружается в материал и исследует его очень подробно. К сожалению, спор о методе отвлек его от основного курса, и «Grundsätze» застыли на первом томе, так что мы никогда не узнаем взглядов Менгера на многие волнующие нас вопросы.

«Theory of Political Economy» Джевонса опирается на «Введение в основания нравственности и законодательства» Иеремии Бентама (Bentham, 1789; Бентам, 1998). В «Принципах экономической науки» Менгера нет даже намека на утилитаризм Бентама. Не думаю, что Менгер, хотя он и обладал одной из лучших библиотек в Европе, был хорошо знаком с трудами классических экономистов — я уже говорил, что он неправильно понял Адама Смита. Трудно сказать, кто вдохновил Менгера на создание его теории. Он не знал о Курно и Госсене. Он прочел много трудов малоизвестных и приземленных немецких экономистов, в частности Рау, но в своих трудах он не упоминает ни Курно, ни Госсена, ни Дюпюи.

Теперь немного об «Основаниях» Менгера. Первая глава называется «Общее учение о благе», в ней достаточно подробно, иногда даже слишком, описываются критерии, которым вещь должна удовлетворять, чтобы считаться «благом». Заметьте, я не употребляю выражения «экономическое благо», и Менгер в этой главе тоже не пишет об экономических благах. Он пишет обо всем, что удовлетворяет этим критериям. Итак, во-первых, необходимо, чтобы люди нуждались в благе. Во-вторых, у блага должны быть свойства, необходимые для удовлетворения этой нужды. В-третьих, кто-то должен об этом благе знать, и, в-четвертых, кто-то должен иметь к нему доступ. Концепция блага включает не только экономические, но и бесплатные блага. В то же время она включает человеческие возможности и права на блага.

Кроме того, в первой главе Менгер обсуждает причинную связь между благами в очень широком смысле. В ней же он вводит свое первое великое различие (в конце концов самые разные люди до него говорили о благах и их полезности): он проводит различие между благами первого, второго и выс-

ших порядков. Блага первого порядка — это блага и услуги, доступные для непосредственного потребления. Блага более высоких порядков — это блага, так или иначе дополнительные к производству благ первого порядка или связанные с этим производством. Это разделение вызывает некоторые сомнения. В одном примечании Маршалл спрашивает: а как бы вы классифицировали поезд, который доставляет туристов к месту назначения (это услуга первого порядка) и в то же время везет несколько товарных вагонов, которые по классификации Менгера считаются благами второго порядка? (Marshall, 1920/1961; Маршалл, 1993). Думаю, в ответ Менгер сказал бы, что иногда блага бывают смешанными.

В любом случае разделение благ на порядки много значит в австрийской экономической теории. Благо более высокого порядка не существует само по себе. Оно нуждается в другом благе или услуге более высокого порядка, с которыми должно быть объединено, чтобы обеспечить производственный процесс во времени. Соответственно, полезность благ более высокого порядка, или их способность дать потребителю удовлетворение (давайте избегать слова «полезность» в данном контексте), следует из благ первого порядка. При этом, продолжает Менгер, полезность таких благ обязательно проявляется после прохождения определенного временного промежутка. Это могут быть несколько секунд, за которые вы сварите яйцо, или шестьдесят-сто лет, за которые вырастет дуб.

В конце главы Менгер пишет о разделении труда. С разделением труда количество благ увеличивается, но для этого, конечно, необходимо знать, как следует разделять труд. На этом первая глава заканчивается.

Во второй главе говорится об «экономии» (экономической деятельности) и «экономических благах». Эта глава важна, потому что она является современным источником концепции экономической науки как занятой теми институтами и аспектами человеческого поведения, которые существуют благодаря редкости благ. Неправда, что понятие редкости благ впервые появляется в книге Менгера. Оно появляется еще у Юма в «Трактате о человеческой природе» (Hume, 1882; Юм, 1996а, с. 54–655), в той части, где Юм пишет об институте собственности. И конечно, классические экономисты XIX века признавали существование самых раз-

ных объектов, ценность которых можно объяснить только их редкостью, потому что их текущее количество нельзя увеличить при помощи труда: картины старых мастеров, автографы умерших боксеров и т. д.

Менгер пишет, что беспокойство о человеческих потребностях приводит к некоторому откладыванию благ про запас, а из потребностей напрямую вытекает необходимость в благах первого порядка. Конечно, когда мы пытаемся оценить будущие нужды, мы не уверены в правильности своей оценки. В некоторых благах люди с большой вероятностью будут нуждаться в течение всей жизни, другие зависят от роста знаний, изменений окружающей среды и т. д.

Деятельность по откладыванию благ для обеспечения будущих нужд, считает Менгер, имеет четыре аспекта: сохранение количества, сохранение качества, выбор между благами и выбор благ для максимального общего результата (Menger, 1950, pp. 95–96). Менгер отмечает, что ситуация, когда экономические блага редки по отношению к спросу на них, объясняет существование частной собственности. В этом он следует Юму. И так же как последний Менгер выделяет неэкономические блага, которые могут быть благами, но не являются редкими. Он некоторое время рассуждает о том, как понятие потребности соотносится с количеством блага. Он напоминает читателю всем известный факт, что возле ручья вода не является редким благом, а в пустыне она в дефиците. Он также напоминает, что потребность в благах высшего порядка зависит от того, что блага низшего порядка (блага первого порядка, произведенные с их помощью) являются экономическими.

Менгер заканчивает главу предупреждением о народном богатстве: он предлагает осторожно относиться к объединению ценностей, возникающих вследствие субъективного отношения к благам, которое у разных людей и в различных местах различается.

В третьей главе он переходит к теории ценности. В его изложении экономическая активность, которая дает наилучший результат, то есть позволяет экономить, зависит от субъективной ценности, которая придается редким благам. Ценность, подчеркивает Менгер, не является качеством, изначально присущим благам. Она зависит от истинных или придуманных нужд людей и возникает только

I	II	III	IV	V	VI	VII	VII	IX	X
10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
9	8	7	6	5	4	3	2	1	
8	7	6	5	4	3	2	1		
7	6	5	4	3	2	1			
6	5	4	3	2	1				
5	4	3	2	1					
4	3	2	1						
3	2	1							
2	1								
1									

источник: Menger, 1950. P. 127.

РИС. 9
Величина удовлетворения, по Менгеру

по отношению к экономическим благам. Менгер всеми силами подчеркивает различие между ценностью и полезностью. Вещи, которые не являются ценными, могут иметь полезность. Так он приходит к анализу субъективного фактора, как его называют австрийцы. Разные воображаемые уровни удовлетворения в будущем имеют разную важность, и, конечно, у ценности есть объективная сторона — количество субъективно оцененных благ.

Далее Менгер иллюстрирует свою концепцию экономии при помощи огромной арифметической таблицы, которую я сильно упростил и нарисовал на доске (рис. 9). Римские и арабские цифры используются в оригинальной таблице, я не стал рисовать ее целиком, потому что считаю, что суть ее можно объяснить и так.

Римские цифры (I, II, III, IV...), *ad infinitum*, представляют разные виды благ. Арабские цифры (10, 9, 8, 7...) обозначают субъективную величину удовлетворения, которое можно получить от одинаково небольших количеств каждого блага. Таблица Менгера вас озадачит, если вы не прочтете сопроводительный текст очень внимательно, потому

что сравнение величин под разными римскими цифрами предполагает, что на небольшие количества разных товаров были затрачены одинаковые расходы. Если сравнивать эту таблицу с графиками Джевонса, она выглядит неуклюже, но помните, что Менгер только начал ее разрабатывать и что это самое начало австрийской теории ценности.

Предположим, вы ограничены в средствах и не можете позволить себе все блага, перечисленные в таблице. Тогда вы распределите равные количества расходов так, чтобы выровнять субъективную ценность тех вещей, которые вы можете себе позволить. Иными словами, если вы не смогли позволить себе благ с уровнем удовлетворения 7, вы приобретете три блага из колонки I, два из колонки II и одно из колонки III. Может даже показаться, что Менгер излагает кардиналистскую теорию субъективной оценки, но мы не станем предполагать худшего и будем считать его арабские цифры обозначением порядков.

Как бы там ни было, после многих страниц, посвященных величине удовлетворения (рассказ здравый и очень подробный, хотя и с повторами), мы доходим до австрийской концепции определения ценности. Она заключается в том, что ценность любого товара по сравнению с ценностью какого-то другого товара определяется наименее важной из тех потребностей, которые он может удовлетворить. Менгер приводит пример. Предположим, что римская цифра I обозначает зерно, а первая цифра в колонке I — единицы зерна, используемые для приготовления пищи, которая позволяет вам не умереть с голоду. Вторая цифра в колонке I представляет количество зерна, используемое для производства, например, виски, чтобы немного взбодрить вас на необитаемом острове. Третья цифра в колонке I может обозначать зерно для прокорма домашнего животного — попугая, которого Робинзон Крузо учил говорить. Теперь предположим, что мы потеряли одну из этих единиц. Тогда нам придется пересмотреть свои приоритеты, и попугай умрет от голода, или, если человек в нашем примере трезвенник, он может отказаться от виски.

Как видите, Менгер изложил нечто, эквивалентное Джевонсовой теории: ценность блага зависит от его наименее важного способа использования. И он расширяет эту теорию. Он пишет о возможности ошибки в оценке будущих

потребностей, росте знаний, влияющих на субъективную оценку способов использования блага, и предполагает, что ценность благ высших порядков в конечном итоге выводится из ценности благ первого порядка, а ценность благ первого порядка — из наименее важного способа использования блага в имеющемся количестве.

Эту мысль Менгер развивает очень подробно. В отношении благ высшего порядка он рассматривает возможность замещения, в случае изменения доступного их количества: если у нас, например, больше земли и меньше труда, или меньше земли и больше труда и т. д. Принципы замещения в конечном счете зависят от ценности наименее важного способа использования блага первого порядка, которое производится с помощью данного блага. Он не жалеет сил, чтобы доказать, что на этой стадии земля, труд или капитал не требуют особого отношения. На этой стадии ему хватает деления на блага первого и высшего порядка.

Четвертая глава посвящена теории обмена. Она сопровождается примитивными арифметическими иллюстрациями, которые нет нужды воспроизводить. Менгер подчеркивает важность цели обмена, которая заключается в том, чтобы позволить каждому участнику обмена достичь более высокого уровня удовлетворения по сравнению с тем, какого уровня он мог достичь до обмена.

В пятой главе Менгер приводит серию тщательно продуманных примеров; вы можете их пропустить. Важно, что Менгер понимает, что необходимо перейти от монополии к конкуренции и сделать разные обобщения о различных рыночных ситуациях.

В шестой главе он возвращается к различиям между потребительной и меновой ценностью, в седьмой главе — к теории товара. Сначала вы не понимаете, зачем Менгер возвращается к этой теме, ведь теорию товара можно вывести из всего ранее сказанного. Но он рассуждает о теории товара: «товар» — это блага, предназначенные для продажи, блага, которые могут выйти на рынок. Это подготовка к последней главе, в которой заключена теория денег. Менгер писал о деньгах, причем куда более подробно, и в других своих трудах. Менгер пишет о большей обменоспособности скота в сообществах, в которых скот был основным денежным средством, об истории существования металличе-

ских денег, и приходит к выводу, что деньги — это самый обменоспособный товар. Этот вывод открывает путь всевозможным идеям, размышления о которых Менгер не довел до конца, потому что первый том «Оснований» на этом заканчивается, а второй он так и не закончил.

Вот и все о Менгере. На этом логическом конце я закончу лекцию. О мыслях Менгера об издержках производства и как они вписываются в австрийскую экономическую теорию я расскажу на следующей лекции.

Лекция 29

Маржиналистская революция (III): издержки (Визер) — ценообразование факторных услуг (Визер, Кларк, Уикстид)

В ПРЕДЫДУЩЕЙ лекции я очень подобно рассказал о взглядах Карла Менгера, изложенных в первом томе «Оснований учения о народном хозяйстве». Мне кажется, что многие исследователи истории экономической мысли недооценивают вклад Карла Менгера в нашу науку. Отчасти в этом виноват его тяжелый стиль изложения, а также чрезмерная длина повествования. Все дело в том, что рядовой читатель не может оценить, насколько глубоко Менгер продумал все фундаментальные вопросы, о которых он пишет. Я приписал бы Менгеру авторство более или менее непротиворечивого взгляда на роль, которую редкость благ играет в формировании экономического поведения и экономических институтов. Хотя о редкости писали многие авторы, начиная с Юма, именно Менгер повлиял на то, что это понятие стало основополагающим в нашей науке.

Я больше ничего не буду говорить о Менгере, но, вероятно, вы заметили, что, несмотря на все сложные рассуждения о благах первого и второго порядка, комплементарности и замещаемости, а также о выведении ценности этих благ из ценности благ первого порядка, Менгер ничего не пишет об издержках. Без сомнений, он собирался поднять эту тему во втором томе «Оснований», который так и не дописал. Но австрийская теория издержек все же существует, она очень важна, она выросла из размышлений одного из самых знаменитых учеников Менгера — фон Визера.

Фридрих фон Визер (1851–1926) первым ввел в обиход термин «предельная полезность». Менгер его не использовал; он всегда писал о наименее важном способе использования.

Взгляды Визера впервые были изложены в докладе, с которым он выступил на семинаре под председательством Карла Книса, одного из важнейших представителей ранней исторической школы. Затем он развил эти взгляды в работе, опубликованной в 1884 году, «О происхождении и основных законах экономической ценности». Впоследствии он выпустил более подробную книгу, «Естественная ценность», которая в 1893 году была переведена на английский язык профессором Смартом из Эдинбургского университета. Первая из этих книг важнее, а для читающих по-немецки еще и короче.

Визер спрашивает: какую роль издержки производства играют в концепции ценности, выросшей из теории Менгера и какова правильная концепция издержек? Теория издержек Визера (впоследствии она стала общей для всей австрийской школы и распространилась за ее пределы) заключается в том, что издержки — это та ценность, от которой приходится отказаться, принимая решение употребить ресурсы на производство чего-то одного, а не другого. Издержки отражают полезность того, на производство чего мы решили не тратить ресурсы. Эта идея должна быть вам знакома. Это та же идея, на которой основывается знаменитая концепция альтернативных издержек, сформулированная малоизвестным американским экономистом. Я говорю о Д. И. Грине и его статье 1894 года, вышедшей в «*Quarterly Journal of Economics*», «Об альтернативных издержках».

На основании предположений Грина это понятие было подробно рассмотрено в эксцентричной, но скрупулезной работе Герберта Дэвенпорта (знаменитого американского экономиста времен моей молодости) «Ценность и распределение» (Davenport, 1908). Британская формулировка этой же идеи, очень четкая, дана в соответствующих главах книги Уикстида «Здравый смысл политической экономии» (Wicksteed, 1910). Только не пугайтесь этого названия! Это наиболее подробное и тщательное исследование о том, что ценность зависит от предельной полезности.

И хотя мы говорим об истоках современной теории ценности, мы видим расхождение между австрийской теорией и работами Джевонса, не говоря уже о Маршалле и Эджуорте. Вспомните график, который я рисовал на предыдущих лекциях (рис. 8). На нем были изображены кривые полезности и антиполезности, значительная часть последней

проходила в области отрицательных чисел. По мнению Джевонса, издержки производства, отмеченные на кривой предложения, отражали нечто, противоположное полезности — антиполезность, издержки, заключающиеся в страданиях. Маршалл и Эджуорт (Эджуорт был учеником Джевонса и Маршалла: влияние Джевонса заметно в его знаменитом труде 1881 года «Математическая психика») настаивали на том, что, не считая земли, факторы, влияющие на предложение, гибки и что график предложения может отразить антиполезность (издержки) как функцию цены. Был ли Маршалл классическим экономистом, чтобы рассматривать количество работающего населения как функцию цены? Это осталось загадкой. Но очевидно, что он настаивал, во всяком случае, в своих ранних моделях, еще до институциональных соображений, на том, что на предложение влияет антиполезность труда.

Этот вопрос стал причиной спора. Австрийцы, особенно знаменитый коллега Визера, Бём-Баверк, отстаивали свою идею фиксации конечного предложения факторных услуг, утверждая, что те определяются экзогенно. Это означает, что факторные услуги не определяются внутри рассматриваемой системы, а находятся под влиянием институциональных обстоятельств: традиций, законодательства, регулирующего продолжительность рабочего дня, и т. д. Этот вопрос является эмпирическим. Но если вы хотите отразить в модели гибкость предложения как функции цены, вы можете сделать это на австрийский манер: для этого нужно рассматривать свободное время как одно из благ, которым можно поступиться в процессе производства другого блага. Я когда-то предложил использовать этот подход, и меня раскритиковал мой друг Джек Вайнер, сказавший, что существуют и другие факторы, влияющие на предложение, которые нельзя учесть при помощи австрийской модели. Я думаю, что ответить на критику Вайнера можно было бы теорией совместно производимых продуктов, но это замечание по ходу лекции.

Хватит об австрийской концепции ценности и производственных издержек. К Вальрасу мы обратимся позже. А теперь перейдем на следующую стадию изучения маржиналистской революции и обсудим эволюцию мнений о ценообразовании факторных услуг того или иного рода.

До сих пор в дискуссии о ценности и издержках эта часть полной модели ценности и распределения не становилась предметом подробного изучения, хотя Менгер упоминал оценку благ высшего порядка, их комплементарность и заменяемость. Именно в этой области проявился революционный элемент маржиналистской революции. Я говорю «элемент», потому что Маршалл был прав, говоря, что никакой революции не было, а была преемственность мысли, что бы ни говорили энтузиаст Джевонс и австрийцы, малознакомые с классической британской традицией. Даже Менгер с его великолепной библиотекой и бесспорной эрудицией в очень важном вопросе неправильно понял Адама Смита.

Начну с австрийцев. Несмотря на отдельные намеки, встречающиеся у Менгера, в вопросе ценообразования факторных услуг главными авторами были Бём-Баверк и Визер, причем мнения у них были разные. Визер в своей книге «Естественная ценность» (Wieser, 1893/1971) рассматривает вопрос ценообразования факторных услуг как «проблему вменения». Цены факторных услуг находятся под влиянием предельной полезности благ первого порядка и издержек, отражающих полезность тех благ, от которых пришлось отказаться ради их производства.

Визер назвал этот процесс процессом обратного вменения. Это выражение Визер взял из юриспруденции. Например, рассматривая труп, найденный однажды утром на вашем пороге, и восстанавливая события, предшествовавшие убийству, вы можете предполагать самые разные обстоятельства: финансовые сложности убийцы, его отношения с людьми по Фрейду и Юнгу... Если эти обстоятельства истинны, они могут быть важны для понимания социальных и моральных причин, приведших к убийству. Но с точки зрения юриспруденции значение имеет только кто нажал на курок? Так и вопрос о ценообразовании на факторные услуги решается через те экономические результаты, которые были достигнуты с их помощью.

Визер, поразмыслив об этом, решил, что нашел ответ в простых уравнениях, не требующих расчетов. Так, например, рассматривая ценообразование услуг в сообществе с тремя благами, обозначенными x , y и z , можно составить систему из трех уравнений (Wieser, 1893/1971):

$$x + y = 100$$

$$2x + 3z = 290$$

$$4y + 5z = 590$$

Вы можете самостоятельно решить эту систему¹. Но, конечно, решение предполагает, что цены на конечные блага вам даны. Взаимозависимость здесь не подчеркивается. И поскольку Визер не подчеркивал эффект замещения, на который намекал Менгер и который так важен в нашей концепции обстоятельств, определяющих ценность и распределение, единственный способ справиться с фиксированными техническими коэффициентами, т.е. с полной и неотвратимой фиксированностью той пропорции, в которой факторные услуги должны объединиться для производства конкретного блага, предположить, что с их помощью могут производиться разные количества различных благ. Об этом написано у Хикса в «Теории заработной платы» (Hicks, 1932). Разные факторы производства не взаимозаменяемы в производстве конкретного блага, но можно получить их разные сочетания при производстве различных потребительских благ.

Эджуорт (Edgeworth, 1893?) написал презрительную рецензию на «Естественную ценность» Визера. Но Эджуорт был сложным человеком. Я знал его в молодости, когда был членом Оксфордского клуба политической экономии, на собраниях которого он был чарующим собеседником и рассказывал смешные истории о своих предшественниках и современниках. Его лекции были невероятно запутанными. Думаю, полностью их прослушал только Рой Харрод, и однажды Эджуорт сказал Рою, что может читать лекцию пустой аудитории, были бы только мел и доска для решения дифференциальных уравнений. Он с чрезмерным почтением относился к Маршаллу, а против других экономистов, в частности, австрийцев и других европейских авторов, питал излишнее предубеждение. Как правило, он был вежлив, но в спорах бывал резок. В нем текла испанская кровь (по матери), его полное имя Фрэнсис Исидро, так что Маршалл говаривал о нем: «С Фрэнсисом можно иметь дело, но берегитесь Исидро». Хотя современные экономисты

---

1. Решение этого уравнения $x=40$, $y=60$, $z=70$; см.: Wieser (1893, p. 88).

не приняли предположения Визера, они постарались отдать ему должное за то, что он отчасти предвосхитил методы линейного программирования. Но это уже другая история.

У Бём-Баверка была своя теория цен факторов производства. Он последовал принципу Менгера, который можно назвать принципом выпадения и который заключался в измерении того, как уменьшится цена конечного блага, если выпадет (утратится) одна из факторных услуг. При этом можно получить абсолютно не верный ответ. Представим услуги лошади и повозки, предназначенные, чтобы отвезти благо первого порядка (репу) на рынок. Уберите лошадь, и на рынке не будет продукта. Оставьте лошадь, но уберите повозку, и на рынке не будет продукта. Получается, что при выпадении мы теряем в два раза больше ценности самого продукта, так что этот принцип не всегда работает. Но Бём-Баверк предчувствовал идею анализа предельной производительности, который работает при помощи выпадения очень маленьких (вплоть до бесконечно малых) долей факторных услуг. Это возвращает нас к основной теме данного исторического периода.

О его ранней стадии я вам уже поведал. В лекциях Лонгфилда норма прибыли определяется случаями наименьшей эффективности капитала (Longfield, 1834/1931). Это более осторожная формулировка, чем у Бём-Баверка, но она ближе к предельному анализу. Что касается фон Тюнена, то во второй части своей книги «*Der isolierte Staat*», опубликованной в 1850 году, он обращается к теме труда и говорит, что зарплаты равны излишку продукта, созданного последним рабочим (von Thünen, 1966).

Лонгфилд и фон Тюнен оставались в тени, к тому же фон Тюнена очень уважал Маршалл. Маршалл всегда скрупулезно указывал авторов, повлиявших на него, и гневно отвергал предположение о том, что на него оказали влияние австрийцы: «Бём-Баверк и Визер были еще студентами, когда я это придумал», — писал он кому-то. Но фон Тюнену и Курно он открыто выражал свою благодарность. Впрочем, об этом позже.

Популяризация теории ценообразования факторных услуг на основании предельной производительности в англоязычном мире произошла благодаря автору, которого вы, скорее всего, не читали. В свое время он был очень знаменит в Америке; это Джон Бейтс Кларк (не путайте его с сыном, Джоном Морисом Кларком, куда меньшим ученым!).

Джон Морис Кларк учился в Чикагском университете и в дни моей молодости в Чикаго был известным персонажем. Джон Бейтс Кларк имел сильный и прямой характер. Заметки в честь его семидесятого или восьмидесятого дня рождения упоминают благородство его характера и силу изложения... Недоброжелательный критик скажет, что он был склонен к неоправданным и упрощенным обобщениям. А правда, как всегда, где-то посередине.

В первой книге Кларка, изданной в 1880-е годы, «*The Philosophy of Wealth*» («Философия богатства») (Clark, 1886) утверждается, что Кларк открыл теорию предельной полезности. Можно не читать эту книгу — для наших целей она бесполезна. Теория заработной платы Кларка была изложена сначала в знаменитой статье в журнале «*Proceedings of the American Economic Association*» в 1889 году под названием «Возможность существования научного закона заработной платы», а затем обобщена в книге «Распределение богатства», выпущенной в 1899 году (Clark, 1925; Кларк, 1992). В этой книге попадает интересный анализ, если не ожидать от нее слишком многого. Кларк подчеркивает маржиналистский элемент в анализе ренты Рикардо. Исходя из предпосылки о неизменности количества населения, а также неизменности количества капитала Кларк предполагает, что этот же элемент в анализе Рикардо мог быть применен к работающему населению в вопросе о заработной плате.

Именно Кларк провел жесткое разграничение между статическим и динамическим анализом в отношении капитала, унаследованное у Джона Стюарта Милля, который, в свою очередь, перенял его у Конта. Маршалл, состоявший с Кларком в дружеской переписке, протестовал против этого разграничения. Кларк пообещал написать вторую книгу, о динамике (и отчасти выполнил свое обещание, выпустив «Основы экономической теории» (Clark, 1918)), а Маршалл написал в ответ: «Я с таким же успехом мог написать одну книгу о своем статическом состоянии, а вторую — о динамическом, или написать одну книгу о яхте, движущейся со скоростью трех миль в час против движения реки, а вторую — о яхте, движущейся по стоячей воде со скоростью пяти миль в час»².

2. Письмо Маршалла Джону Бейтсу Кларку от 15 декабря 1902, воспроизводится в: Pigou (1925, p. 415).

Маршаллу идеи Кларка не очень нравились, хотя они были важны, поскольку именно Кларк популяризировал практику применения предельного анализа к спросу. Но Маршалл всегда с подозрением относился к предельному анализу, особенно в применении к заработной плате. Он утверждал, что предельный анализ не позволяет создать полноценную теорию заработной платы, хотя позволяет определять некоторые влияния со стороны спроса, что соответствует истине. О Маршалле и прочих его предрассудках будет сказано позже.

Вернемся назад, не к Маршаллу, влияние которого началось задолго до 1890-х годов и «Принципов экономической науки», а в 1894 год, когда Филипп Уикстид, вдохновившись трудами Джевонса, издал тоненькую книжечку «Координация законов распределения». Эта книжечка оказалась в эпицентре гигантского спора. Мнение Уикстида о законах распределения отлично описано у Стиглера в «Теориях производства и распределения» (Stigler, 1941). Уикстид использует одинаковый способ для определения ренты, заработной платы, ценности земли и ценности труда и приводит обычные аргументы в пользу их определения через предельную производительность.

Это книга квазиматематическая, за что ее автор приносит читателям извинения. Он самостоятельно овладел математикой, чтобы понять работы Джевонса, и знатокам его математическая теория кажется неуклюжей и длинной. В результате своих вычислений Уикстид делает предположение, что, сложив предельную производительность разных факторных услуг, задействованных в любом процессе, вы получаете ценность продукта. Это предполагает, пишет он, линейную однородность производственной функции. Уикстид применяет знаменитую математическую теорему, теперь ассоциируемую с его именем — теорему Эйлера.

С этой книги и начались проблемы. Эджуорт по неизвестным причинам высмеял Уикстида, чего ему делать не следовало, потому что Уикстид был весьма уважаемой фигурой. Думаю, что это заимствование у австрийцев заставило Эджуорта над ним подшучивать. Парето раскритиковал Уикстида за фиксированные технологические коэффициенты, что недопустимо. Что касается Вальраса, тот просто ополчился против Уикстида. Вальрас считал, что теория предельной

производительности подразумевалась в его книге начиная с самого первого издания. Но на самом деле он упоминает ее только в поздних изданиях, к тому же хорошо знавшие Уикстида не могли заподозрить его в плагиате. Если вы прочтете письма Вальраса, в которых он об этом упоминает, вы не будете меньше уважать Вальраса как экономиста-новатора, но уверитесь в сложности его характера.

После этого в книге «Здравый смысл политической экономии» (Wicksteed, 1910) Уикстид, хотя и продолжал использовать предельный анализ, отказался от негибкой аргументации «Координация законов распределения». Это вызвало немало вопросов. Никто не понимал, почему он это сделал. Но впоследствии было обнаружено письмо Уикстида, в котором он признавался, что критика Парето заставила его усомниться в своей правоте.

Тем временем Кнут Виксель, великий скандинавский экономист, продемонстрировал, что этот отказ не был нужен и что постоянство технологических коэффициентов не было необходимой предпосылкой предложения о суммировании полезностей. По мнению Викселя, основное требование заключалось в том, чтобы фирмы находились в состоянии равновесия на уровне минимальных издержек. Об этом говорится в первых главах книги Хикса о заработной плате (Hicks, 1932).

А Маршалл всегда настаивал, что это не полная теория заработной платы и что она освещает только определенные проблемы со стороны спроса. В шестой книге Маршалл (Marshall, 1920; Маршалл, 1993) чередует термины «предельный продукт» и «предельный чистый продукт», из чего становится ясно, что Маршалл знал о предположениях Парето и его критических замечаниях. Но он считал, что этот вопрос не заслуживает того, чтобы в него углубляться.

Но я должен вернуться к Кларку и некоторым другим авторам. Кларк в своей книге утверждал (поэтому я и сказал, что он бывал склонен к поспешным и упрощенным обобщениям), если бы можно было доказать, что ценообразование факторных услуг (труда, капитала и прочего) определяется предельной производительностью, то распределение можно было бы рассматривать как справедливое. Это натянуто и поверхностно. Представьте, что вы говорите умному работнику, который получает очень маленькую зарплату, что

его зарплата определяется его предельной производительностью и потому справедлива. Этот умный, но малозарабатывающий человек ответил бы вам: «Да, я получаю вознаграждение согласно предельной ценности моего продукта для работодателя, но вы не объяснили почему моя предельная производительность так низка; вы ничего не сказали о том, почему мои родители не смогли накопить капитал, который позволил бы сделать мою предельную производительность выше, не говоря уже об институциональных причинах, которые мешают моей мобильности, широте возможностей и доступу к тем местам, где заработная плата, определяемая предельной производительностью, выше». Это, ставит крест на предположении Дж. Б. Кларка.

Не думайте, что я считаю эти проблемы простыми или что полагаю, что серьезный разговор о проблемах такого рода не возможен. Я просто хочу, чтобы вы поняли, что для объяснения эволюции полезного понятия предельной производительности некоторые факторы спроса бывают крайне не полезны, но они не объясняют всего и не решают никаких этических вопросов.

На следующей лекции мы перейдем к нерешенной проблеме нормы процента и поговорим не просто о предельной производительности капитала, но о по-настоящему глубокой проблеме нормы процента.

Лекция 30

Теория капитала: Бём-Баверк и Фишер

НЕ СТАНУ пересказывать предыдущую лекцию, только напомним, что мы изучали ценообразование факторных услуг — труда, квазирент, рент и т.д. Но все это не решает проблему нормы процента, капитальной ценности существующих инструментов, если угодно, капитализации потока будущих услуг.

Бедняга Дж. Б. Кларк рассматривал эту проблему как решенную, поскольку считал, что капитал фиксированным в широком смысле — в том же смысле, в каком у Рикардо была фиксирована земля. Иногда он рассматривал капитал как самообновляющийся, и Найт и прочие уважаемые члены его школы тоже попали в эту ловушку. Но нас это решение не устраивает. Оно не решает проблемы такой нормы, при которой будущие услуги любого вида дисконтируются при определении капитальной ценности, и проблемы накопления или уменьшения капитала. Это одна из самых щекотливых проблем экономической теории, хотя та ее сторона, о которой мы будем говорить, прояснилась благодаря современному анализу. Но все же ее осложняет, что ценность денег не постоянна, поэтому норма процента, воплощенная в разных благах, различается. Однако все это я оставлю в стороне как выходящее за рамки предмета, который я вам читаю.

Обсуждение причин, определяющих норму процента, началось очень давно. Начну с поверхностного перечисления распространенных ошибочных идей об этом.

Во-первых, ошибочно предполагать, что количество денег определяет норму процента. Вы помните, что об этом писал Юм. Это предположение продолжало существовать, хотя Юм убедительно его опроверг, так же как это сдела-

ли великие инфляции: когда в реальности количество денег увеличивалось, норма процента в ожидании будущего роста количества денег, тоже росла. Не думайте, что я намекаю на Кейнса, который считал, что норма процента определяется количеством денег и предпочтением ликвидности. Как известно, Кейнс, говоря о количестве денег, переводил их в единицы заработной платы. Он писал о реальных деньгах, а не о деньгах как таковых.

Вторая ошибка встречается в теории Маркса, которая рассматривает норму прибыли, а значит, и норму процента, как определяемую эксплуатацией: как присвоение излишка ценности владеющими капиталом. О теории Маркса в этом отношении можно было бы сказать намного больше. Но его идею о том, что норма капитализации определяется степенью эксплуатации, легко опровергнуть простым примером. Предположим, чисто коллективистское сообщество сажает молодой дубок. При этом определенное количество труда затрачивается на то, чтобы выкопать яму и прочие действия. Будет существенной ошибкой оценивать капитальную ценность дуба в будущем исходя из количества труда, затраченного при его посадке. Дуб достигает зрелости только через пятьдесят лет, и к тому времени его предполагаемая ценность значительно вырастет по сравнению с ценностью саженца. При этом дальнейшего труда тратить на дуб не требуется. Получается, что коллективистское общество, которое распределяет ресурсы на основании чисто трудовой теории ценности, кое в чем сильно ошибается.

Третья ошибка относится к производительности. Кто-то на мой пример с дубом может возражать, что норма процента зависит от нормы естественного роста вещей, способных расти. Это весьма расплывчатая идея, которая требует всевозможных усреднений... Возвращаясь к дубу, я хочу спросить: какова его капитальная ценность, если иметь в виду его цену пятьдесят лет спустя? Капитальная ценность зависит от нормы процента, так что теория производительности, основанная на естественном росте, переворачивает проблему с ног на голову.

Но вернемся к теории производительности и поговорим о предельной производительности. Понятие капитальной ценности услуг инструментов, или услуг людей, если люди продаются и покупаются, зависит от того, какую вы исполь-

зуете норму капитализации. Только на рынке свободного денежного капитала, в отличие от капитала инвестированного, существует однородность между капиталом в виде денежного фонда и прибылью с этого фонда. Но объяснение рынка свободного капитала несет в себе дополнительные осложнения.

Наконец, как насчет теории воздержания, над которой так потешался Лассаль, говоря о воздержании Ротшильдов? Как насчет ограничений, не позволяющих богатым людям продолжать накапливать капитал? Слово «воздержание» было неправильно подобрано. Со стороны Сениора было наивно выбрать именно его (Senior, 1836). Маршалл, который всегда беспокоился о том, как воспринималась его терминология, использовал слово «ожидание» (ожидание будущей отдачи), а Фишер изобрел прекрасный термин «временное предпочтение» (Fisher, 1907). Временное предпочтение действительно существует, но и этого недостаточно. Для создания крепкой теории процента недостаточно просто сказать, что процент зависит от временных предпочтений. Никто иной, как Фрэнк А. Феттер (Fetter, 1904) (не путать с Фрэнком Уитсоном Феттером, еще здравствующим!) считал, что можно разработать теорию процента, основанную только на временных предпочтениях, без учета производительности вообще. Но он был неправ.

Вернемся к развитию понятия нормы процента в ходе маржиналистской революции. Я хотел бы вначале напомнить о том, что рассказывал о превосходных экономистах XIX века, оставшихся безвестными, например, о Джоне Рэ, авторе книги «Новые принципы политической экономики» (Rae, 1834, book 2, chaps. 4–8, pp. 100–197). В ходе полемики с Адамом Смитом о защите неокрепшей промышленности Рэ написал несколько прекрасных глав, содержащих более или менее полный отчет об общих факторах, влияющих на реальную норму процента. Но не стану повторяться.

Современная дискуссия о норме процента началась в трудах второго великого ученика Менгера: с Ойгена Бём-Баверка (1851–1914). Если вы хотите почитать о Бём-Баверке, почитайте главу о нем в «Ten Great Economists» («Десяти великих экономистах») (Schumpeter, 1956; Шумпетер, 2011). Шумпетер посвятил Бём-Баверку около пятидесяти страниц и, хотя я очень уважаю последнего, Шумпетер перехо-

дит грань, восхваляя его. Однако это интересная и стимулирующая статья, как и все, что написал Шумпетер.

Прежде всего Бём-Баверк сделал Менгера куда понятней читателю. Он написал несколько статей, воспроизведенных Лондонской школой экономики, на немецком языке, например, «Основы теории ценности хозяйственных благ» (Böhm-Bawerk, 1886; Бём-Баверк, 2009, с. 49–246). Но слава пришла к Бём-Баверку после написания двухтомника «Капитал и процент» (Böhm-Bawerk, 1890; Бём-Баверк, 2010), переведенного на английский.

«Капитал и процент» открывается обширным экскурсом всех теорий процента, существовавших до Бём-Баверка. Это длинная книга: в ней приведена классификация всех возможных теорий процента, причем все они отвергаются как неверные: теория воздержания, теория производительности, теория эксплуатации, теория использования и прочие теории.

Должен сказать, хотя это книга блестящая и теоретически глубокая (Бём-Баверк был одним из величайших экономистов), все же в этом первом томе Бём-Баверк несколько несправедлив к своим предшественникам. Он не дает поправок ни одному из них, а ведь раньше экономисты писали достаточно расслабленно и считали само собой разумеющимся все, что мы сегодня нудно и долго расписываем. Если оценивать авторов за то, что они отчасти предвосхитили то, что со временем осознал Бём-Баверк, картина истории экономической мысли будет несколько иной. Должен сказать, что исторические главы книги «Природа и причины существования процента» Касселя (Cassel, 1903), куда справедливее, хотя и не столь обширны, как труд Бём-Баверка.

Впрочем, главным в наследии Бём-Баверка является второй том его труда, озаглавленный «Позитивная теория капитала» (Böhm-Bawerk, 1891; Бём-Баверк, 2010). В третье его издание, которое вышло уже после того, как Бём-Баверк удался с поста министра финансов Австрии и перестал быть великим общественным деятелем, в ответ на всевозможную критику он добавил двенадцать статей, и эти статьи также заслуживают прочтения. Впрочем, я не собираюсь о них рассказывать, я только изложу основные идеи книги.

«Позитивная теория капитала» — очень длинная книга. В начале ее много говорится о понятии капитала, о раз-

делении на капитал как средство производства и капитал как средство получения процента, а также о том, принадлежат ли потребительские блага к категории капитала как запаса или нет. Сам Бём-Баверк их к нему не причислял. Затем он рассматривает теорию ценности в манере Менгера, но гораздо более живо и четко, чем это делает сам Менгер, хотя и с меньшей философской глубиной. Бём-Баверк с некоторыми упрощениями и уточнениями воспроизводит теорию ценности Менгера и предлагает свою теорию ценообразования факторов производства.

Со временем он доходит до позитивной теории капитала и нормы процента. И в этом вопросе его общая концепция эстетически безупречна. Она, с одной стороны, вписывается в австрийскую теорию, а с другой — отстранившись от идиосинкразий австрийской теории, привносит вечный вклад в анализ этой исключительно важной проблемы.

Теория нормы процента, пишет Бём-Баверк, — это по сути объяснение тех факторов, которые определяют обмен между сегодняшними благами и будущими. Достаточно вдуматься в это простое утверждение, чтобы понять, как важна и глубока эта идея. Как видите, она согласуется с австрийской теорией, которая рассматривает множество проблем, связанных с ценностью и распределением, в рамках теории обмена и ценности.

Вопросы, которыми задается Бём-Баверк, сводятся к следующим: почему норма обмена, или ажио, как он ее называет, положительна и почему сегодняшние блага перевешивают будущие? Нет причин для того, чтобы в определенных условиях норма обмена не была бы отрицательной, но, возможно, у Бём-Баверка были свои соображения на этот счет, во всяком случае, он не уделил этому особого внимания.

Бём-Баверк предлагает три знаменитые причины положительной нормы процента. Он говорит, во-первых, что при теперешнем состоянии человечества имеющиеся блага ценнее, будущих, либо потому, что люди в них нуждаются, либо потому, что надеются в будущем иметь больше благ и готовы платить положительную норму процента за использование капитала ради достижения этих благ.

Вторая причина — это так называемый эффект перевернутой подзорной трубы: систематическая недооценка будущего. Не знаю, кому принадлежит эта формулировка.

Я услышал ее от Хью Далтона во времена своего студенчества, возможно, именно он (Далтон был великим учителем, а потом и министром финансов, пытавшимся снизить долгосрочную ставку процента во время инфляции с 3 до 2,5%) изобрел термин «эффект перевернутой подзорной трубы».

Бём-Баверка критиковал один русский экономист — Николай Бухарин; к несчастью, он погиб во время сталинских репрессий. Бухарин раскритиковал две из трех причин положительности нормы процента, приведенных Бём-Баверком, ссылаясь на обстоятельства его жизни. Бём-Баверк писал «Позитивную теорию капитала» в Вене до распада Австро-Венгерской империи, где преобладала атмосфера высокосветского общества: вино, женщины и балы. По мнению Бухарина, этим и объясняется обращение Бём-Баверка к эффекту перевернутой подзорной трубы. Бухарин был очень интересным человеком, судя по его трудам, переведенным на английский, и его идеи, хотя и несколько поверхностны, весьма умны. Я считаю его объяснение теории Бём-Баверка полной чепухой, но это забавная чепуха. Она освежает систематическое объяснение нормы процента. Однако она не общеприменима. Даже если венскому обществу вокруг Бём-Баверка было свойственно испытывать на себе эффект перевернутой подзорной трубы, это не объясняет того, что в истории человечества норма процента на организованных рынках денег всегда стремилась к положительному показателю.

Вернемся к Бём-Баверку. Он изобрел концепцию, глубоко объяснявшую природу протекающего во времени производства, но упростил ее настолько, что она стала почти ошибочной. Его третьей причиной положительности нормы процента было знаменитое предположение, что окольные методы производства более производительны, чем прямые. Это предположение вызвало огромное количество ответных публикаций. Спешу добавить, что Бём-Баверк, как полагали некоторые люди, лишенные чувства юмора, вовсе не имел в виду, что любой окольный метод производства будет более производительным. Бём-Баверк вполне четко дал понять, что с умом отобранные окольные методы производства производительнее прямых.

Некоторые люди подумали, что Бём-Баверк впустил производительность в свою теорию через «черный ход», после того как гневно выставил ее с парадного крыльца. Однако он

опроверг это обвинение в первом томе «Капитала и процента» (Böhm-Bawerk, 1890), где страница за страницей опровергает все теории производительности. Он не щадит даже Джевонса, который во многом был его предшественником. Но это не повод для того, чтобы критиковать Бём-Баверка. Возможно, из-за того что Бём-Баверк описал косвенные методы капиталоемкого производства (*capital-using production*) подробнее, чем кто-либо до него (за исключением Рэ), он решил, что напал на отличную идею — и был в этом прав.

В тупике он оказался только, когда начал рассуждать о среднем периоде производства. Как известно, как только вы начинаете заигрывать со средними показателями, вы тут же попадаете в теоретический тупик. И конечно, средний период производства не выдержал критики, обрушившейся на него в следующие годы. Профессор Хайек написал книгу под глубоким впечатлением от Бём-Баверка (Hayek, 1931; Хайек, 2008) (хорошая книга, хотя ее ужасно трудно читать), в которой показывает, что понятие среднего периода производства, в которое и сам Хайек раньше верил, не выдерживает критики и требует переформулировки.

Итак, анализ Бём-Баверка был весьма стимулирующим и по-своему очень глубоким. Он изложен даже лучше, чем у самого Бём-Баверка, и еще более стимулирующе, у Кнута Вискеля в первом томе его «Принципов» (Wicksell, 1934–1935). (Первый том «Принципов» был переведен на английский и выпущен в двух томах, в первом говорится о реальной экономической теории, а во втором о монетарной. Оригинальная книга Вискеля «Ценность, рента и капитал» (Wicksell, 1893) также была переведена на английский язык (Wicksell, 1954).)

Вискель прекрасно упрощает Бём-Баверка, и я не буду рассказывать об этом подробно, потому что все должны прочесть Вискеля. Он развивает теорию, которую по-немецки называет *Kapitallose Produktion* — производство без капитала. Затем он рассказывает об окольных методах производства и показывает, как временной элемент, неразрывно с ними связанный, способствует формированию нормы процента. Но Вискель смог сделать это только в отношении оборотного капитала. Будучи одним из самых честных людей на земле, он признавал, что не сумел решить проблему в отношении основного капитала. После него решить проб-

лему основного капитала пытались самые разные ученые, включая Хайека, и многие писали, что с некоторыми подходами современная теория так и не справилась.

Я считаю, что в первом приближении эта проблема решена в величайшей книге по реальной экономической теории, написанной в Америке в первой половине нашего века — в «Норме процента» Ирвинга Фишера, которая вышла в 1907 году. Она была переиздана под названием «Теория процента» в 1930 году с учетом различных критических замечаний. «The Theory of Interest» необходимо прочитать всем! Я уже говорил, что в раннем возрасте Фишер страдал от очень тяжелой болезни¹. Во многих отношениях он был выдающимся человеком, однако в вопросах здоровья — совершенным сумасбродом: он был против потребления алкоголя в любой форме и курения. Фишер был блестящим автором; он написал книгу о запрете всех видов алкогольных напитков и назвал ее «Сухой закон в своем худшем проявлении» (Fisher, 1926), чтобы убедить всех противников сухого закона прочесть его книгу, в которой содержались всевозможные статистические данные.

Мне рассказывали о заседании Американской экономической ассоциации, где Фишер пытался убедить своих коллег поддержать и распространить его точку зрения. На этих заседаниях толпы американцев собираются в небоскребах столичных городов разных штатов в США, читают доклады, а экономисты постарше присматриваются к экономистам помоложе, чтобы забрать их к себе на кафедру. Это не такая уж плохая система, не стоит смотреть на нее свысока. В этом веке она хорошо повлияла на систему производства экономистов в Соединенных Штатах. В 1920-е годы Фишер попытался организовать панельное заседание на одной из встреч Американской экономической ассоциации, на котором ведущие экономисты публично заявили бы, что запрет алкоголя в стране был экономическим благословением².

---

1. Это был туберкулез.

2. В ходе лекции Роббинс отвлекся на рассказ об Американской экономической ассоциации и ее заседаниях и так и не вернулся к Фишеру. Профессор Уильям Барбер рассказал нам историю о Фишере, которую, вероятно, собирался рассказать Роббинс, именно она приведена в этой главе.

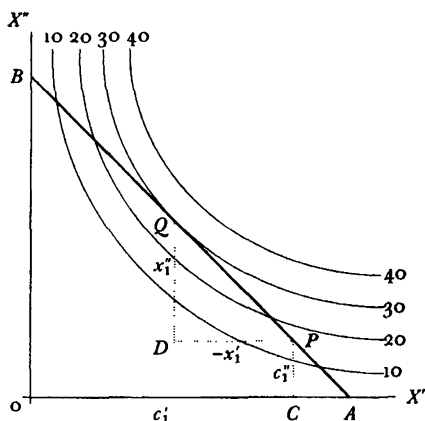

Вернемся к взглядам Фишера на капитал. Начнем с его «Математических исследований теории ценности и цен» (Fisher, 1892), книги, в которой множество интересных приемов. Фишер не читал Эджуорта, и еще задолго до Парето прибегал ко всевозможным современным уловкам (кривые безразличия, интегрируемость и неинтегрируемость и т. д.). Но это уже современная экономическая наука, а не история экономической мысли.

В его первой статье «Повышение ценности и процент», вышедшей в 1896 году, говорилось об отношении между денежной и реальной нормами процента. Затем он опубликовал несколько статей о природе капитала и дохода³ и первую часть своей великолепной докторской диссертации в виде книги «Природа капитала и дохода» (Fisher, 1906). В ней Фишер подвел итог своих предыдущих статей и разделил понятия капитала как непосредственно запаса благ (сюда входят возможности индивидов) и дохода как потока услуг. В этом его предвосхитил Рэ, которому Фишер позже отдал должное. Эта книга обязательна к прочтению, особенно изучающим бухгалтерский учет, потому что она является мостом между бухгалтерским учетом и экономическим анализом.

Затем в 1907 году была написана книга «Норма процента». Фишер следует идеям Бём-Баверка в определении природы проблемы: он тоже считает, что дело в обмене между настоящим и будущим доходом. Его теория в некотором смысле эклектична, но так просто и убедительно сформулирована, что стала самостоятельным введением в современную теорию реального процента. Фишер начинает (Fisher, 1907) с субъективной стороны (временного предпочтения), применяя простейший геометрический подход. Он берет доходы следующего и текущего года. Представьте кривую безразличия, которая связывает разные альтернативы временного предпочтения в отношении этого и следующего года. Предположим, что вам задана норма процента, тогда вы можете нарисовать касательную к кривой безразличия, и разница между получившимся углом и углом в 45 градусов, который обозначает равные временные предпочтения

3. См.: Fisher (1896b, 1897a, b, 1904).

ИСТОЧНИК: BFisher, 1907. P. 387.

РИС. 10
Норма процента, по Фишеру

по отношению к этому и следующему году, будет соответствовать фактической норме процента, положительной или отрицательной.

Далее Фишер предполагает, что индивид с учетом превалярующей нормы процента и своего дохода в будущем году сможет скорректировать распределение своего дохода между этим и следующим годом, согласно системе безразличий. А затем предполагает, каким будет обмен между доходом этого и следующего года, учитывая норму прибыльности, положительную или отрицательную. Если есть возможности для инвестиций, норма прибыльности будет положительной, и индивид, зная норму прибыльности на капитальном рынке, учтет это при коррекции своего временного предпочтения.

Вы можете расширить этот пример геометрически, как это делает мой друг фон Хайек в своей сложнейшей книге (Наук, 1931; Хайек, 2008) с большой изобретательностью. Это второе приближение Фишера к норме процента⁴, и, ко-

4. См.: Fisher (1907, ch. 8 и Приложение к ch. 8).

нечно, он не ограничивается геометрическим представлением своих идей. Он продолжает осторожно использовать математику. (Великие математические экономисты всегда используют математику довольно скромно. Они не делают выводов, которые нельзя изложить в экономических терминах.) Фишер расширяет свой пример, заменив два года, многими годами.

В третьем приближении (глава 11) Фишер рассматривает проблему риска и разных норм процента, связанных с различными степенями риска. Если вам встретится человек, который скажет, что только в последние двадцать лет капитальные рынки стали рассматриваться с точки зрения субъективной реакции на риск людей различных темпераментов и в разных странах мира, вы можете не просто отправить такого человека читать Рэ, чем только выставите себя некоторым педантом, кичащимся знанием предмета, вы можете отослать его к такой популярной книге как Фишера «Норма процента».

Надеюсь, я сказал достаточно, чтобы убедить вас прочесть Фишера.

Это все, что я могу сказать о теории процента. На следующей лекции обратимся к Вальрасу и Лозаннской школе, а затем возьмемся за Маршалла.

Лекция 31

Вальрас — Парето

НАКОНЕЦ-ТО в ходе рассказа о революции я дошел до Вальраса. Вальрас (1834–1910), профессор Лозаннского университета примерно до 1892 года. В отличие от Менгера, чей оригинальный вклад в экономическую науку взялся ниоткуда (нам известно только, что Менгер читал стандартные немецкие тексты, но он нигде не упоминает фон Тюнена и ничего не знал о Госсене), Вальрас может похвастаться выдающимися предшественниками. Что касается Джевонса, нет сомнений в его оригинальности, но все же в большей степени он был классическим экономистом, чем думал сам. Вальрас имеет основательные корни. Во Франции всегда существовала тенденция воспринимать полезность серьезнее, чем это было принято в английской классической школе, которая, следуя традиции Адама Смита, подчеркивала парадокс ценности. Не знаю, как проследить истоки теории Вальраса, но могу перечислить несколько малоизвестных имен.

Первое имя принадлежит Фердинандо Галиани, итальянцу, долгое время прослужившему представителем неаполитанского правительства в Париже в середине XVIII века. Галиани (1728–1787) много общался с парижскими интеллектуалами и написал знаменитое критическое эссе о физиократах: эссе о теории зерна (Galiani, 1770)¹. В 1750 году Галиани издал труд о деньгах (Galiani, 1751). Его эссе о зерне вышло намного позже и не имеет отношения к истории экономической мысли, хотя в нем хорошо изложены интересные мысли. Но трактат «*Della Moneta*» (Galiani, 1751) содержит нечто, весьма близкое теории ценности, основанной

---

1. *Galiani*, Dialogues sur le commerce des blés (1770).

на полезности, и эта теория способна устоять перед критикой. Этот трактат не переводился на английский, но есть французская версия его важнейших отрывков, изданная в наши дни профессором Буске — «De la Monnaie».

Позднее, тоже в XVIII веке, аббат де Кондильяк (1714–1780), автор примечательных книг по философии и психологии, опубликовавший превосходную книгу «Le commerce et le gouvernement» («Торговля и правительство») (Abbé de Condillac, 1776). Аспирантам определенно стоит ее прочитать. Аббат де Кондильяк был выдающимся интеллектуалом, писал прекрасным слогом и развивал свою аргументацию в истинно французском логическом стиле. Читаешь эту книгу и наслаждаешься. В ней также говорится о полезности и ценности, но ее автор достаточно далек от истины.

Далее, отец Леона Вальраса, Огюст, преподаватель экономической теории (1801–1866). Он написал несколько книг, которые были проигнорированы читающей публикой, но в наши дни самая знаменитая из них — «О природе богатства» (Auguste Walras, 1831) — была переиздана с предисловием профессора ле Дюка. Вальрас-старший ближе всех подобрался к теории ценности, основанной на полезности, и побудил своего сына продолжать развивать его дело. Не рекомендую читать Огюста Вальраса. Его книга вызывает уважение, но она не так хороша, как труды Галиани или Кондильяка, которого я причисляю к важнейшим авторам XVIII века.

Итак, Леон Вальрас — предмет нашей сегодняшней лекции. Юность его была весьма эксцентричной, но я не буду рассказывать о ней. Профессор Жаффе, который посвятил свою научную карьеру трудам Вальраса, перевел его главную книгу «Элементы чистой экономической науки» (Walras, 1874a; 1954) на английский язык. Этот перевод куда более удобочитаем, чем французский оригинал, потому что снабжен примечаниями переводчика и разъяснениями особенно непонятных отрывков. Я не часто рекомендую читать перевод вместо оригинала, но Вальраса лучше читать в переводе Жаффе. К тому же Жаффе годами собирал переписку Вальраса с выдающимися людьми, которая теперь опубликована. Королевское экономическое общество пришлось убеждать внести свой вклад в эту весьма эзотерическую компиляцию. Она состоит из трех толстенных томов, с аннота-

циями к каждому письму. Теперь профессор Жаффе пишет биографию Вальраса. Я предполагаю, что рассказ о его молодых годах будет весьма пикантным².

Со временем благодаря блестящему докладу о налогообложении, который Вальрас прочитал на заседании Швейцарского международного конгресса по вопросам налогообложения, в 1870 году он был назначен профессором Лозаннского университета. Вальрас возглавлял кафедру политической экономии в университете до 1892 года, когда он передал руководство ей Вильфредо Парето, о котором я еще скажу пару слов позже.

Вальрас вызывает одновременно жалость и восхищение: жалость, потому что, несмотря на выдающийся ум, он не был признан во Франции и не смог получить кафедру ни в одном французском университете. Он отправился жить в Лозанну, очень приятную для жизни. Он получил признание в Англии. В 1874 году он отправил свою статью (Walgas, 1874b) Джевонсу, который сразу написал ему вежливое письмо, интересуясь, знаком ли Вальрас с его докладом перед Британской ассоциацией 1862 года и его публикацией в «*Journal of the Royal Statistical Society*» 1866 года, а также с книгой «*Theory of Political Economy*». Если нет, то он, Джевонс, с удовольствием пришлет ему экземпляр. Вальрас ответил очень достойным письмом, признавая, что Джевонс опередил его с публикацией своей работы, и объясняя, как развивались его собственные идеи, особенно под влиянием его отца, а также предлагая написать статью о Джевонсе, чтобы познакомить с ним французскую публику.

Все это было еще до того, как у Вальраса развилась горечь. Он остался в хороших отношениях с Джевонсом, но постепенно стал питать неприязнь ко всем англичанам.

Я упоминал об этом, когда рассказывал о ценообразовании факторных услуг и гневной реакции со стороны Вальраса, который считал, что Уикстид должен был послать ему экземпляр своего неофициально распространяемого мемурандума и поблагодарить Вальраса за якобы почерпнутые у него идеи. Вальрас написал позорное приложение к третьему изданию своих «Элементов», в котором обвинил Уик-

---

2. Эта биография не была дописана.

стида в плагиате. Все, кто знал Уикстида (а старшее поколение экономистов хорошо знало и уважало его), знали, что он не способен на плагиат. В самом деле, читая Уикстида, постоянно встречаешь имена тех, кому он выражает благодарность, иногда незаслуженную.

Но Вальрас к этому времени уже был обижен на Эджуорта, который опубликовал очень хорошую рецензию итальянца Бароне на работу Уикстида «Координация законов распределения»³. Предполагается, что это было сделано под влиянием Маршалла, который крайне привередливо и странно относился к целому ряду экономистов. Никто не может сказать, что Маршалл с ними не знаком, в отличие от Пигу, который читал много книг, но не читал ничего по истории экономической мысли и даже хвастался этим. Как-то «*Economic Journal*» прислал ему книгу по истории теории ценности, а он ответил, что так занят тем, чтобы не отстать от современной экономической теории, что не хочет ничего знать о теориях мертвых авторов. Это значительной мере это объясняет то, что произошло в Кембридже в 1910–1920-е годы.

Я думаю, что достаточно рассказал о Вальрасе. Однако за пределами Франции его признавали, как показывает компиляция писем, собранных Жаффе. Англичане, американцы, итальянцы и голландцы читали его. Эти письма захватывают и с точки зрения мелочей, и с точки зрения общей кампании, которую Вальрас вел за применение математики в чистой экономической теории.

Итак, Вальрас стоит в одном ряду с Джевонсом и Менгером, которые независимо от него открыли связь предельной полезности с ценностью. Вальрас использует термин «предельная полезность» не больше Менгера. Последний писал о наименее полезном способе использования, а Вальрас о редкости (этот термин не прижился). Я не рассказывал вам о Вальрасе, когда мы обсуждали ценность Джевонса и Менгера. Однако нужно отдать ему должное, он самостоятельно дошел до этой теории, потому что все же решил

---

3. Как отмечает Роббинс (1970, p. 196 at n.1), эта рецензия Бароне «одновременно исправилла несовершенства работы Уикстида и отдала должное Вальрасу за то, как он сформулировал проблему» предельной производительности.

проблему, не решенную Галиани, Кондильяком и его отцом: он открыл значение предельного элемента. Вальрас важен не только благодаря своей теории ценности, но и потому, что предложил полную систему более или менее статичной экономической теории, природу которой я сейчас вам изложу. И хотя это достижение не получило широкого признания (переписку он вел с немногими людьми, хотя и в разных точках земного шара) в наши дни о нем вспомнили. Шумпетер, с мнением которого я не согласен, потому что Вальрас стоял во главе предложивших систему чистой экономической науки, считает наиболее важным развитие Вальрасом понятия предельной полезности (Schumpeter, 1956; Шумпетер, 2011). Но это вопрос личного мнения, свое я отстаивать не собираюсь. Вальрас важен благодаря своей системе, а не потому, что открыл значение убывающей предельной полезности.

Книга Вальраса открывается (Walras, 1954) разделением экономической науки на чистую и прикладную, должен предупредить, чтобы вы не считали его чистым теоретиком только потому, что я не буду рассказывать об этом. У Вальраса есть два сборника эссе по прикладной экономике и экономике государства, но они не получили того признания, которого заслуживают. Профессор Хатчисон в своей главе о Вальрасе упоминает эти эссе и резюмирует политические идеи Вальраса и его отношение к прикладной экономической науке. Но сегодня мы поговорим о другом.

Затем Вальрас, как и Джевонс, но более живо, убеждает читателя, что чистая экономическая теория должна быть математической. Он пишет о Курно, книгу которого прочел. Но книга Курно, в которой в основном анализируется состояние частичного равновесия, начинается с проблемы монополий, а затем переходит к состоянию чистой конкуренции, в то время как Вальрас на протяжении всей книги разбирается с состоянием чистой конкуренции.

После этого вступления Вальрас приступает к анализу. Очень важно, что он начинает с алгебраического и геометрического толкования законов спроса и предложения. Он показывает, что спрос и предложение являются функциями цены. Он изображает их геометрически и развивает при помощи различных уравнений. Я не буду рисовать эти графики, главное, помните, что многие континентальные европейские экономисты обозначали оси не так, как английские.

В англоязычном мире изменения цены отмечаются на вертикальной оси, а количества на горизонтальной. Вальрас же отмечает количество на вертикальной оси, а цену на горизонтальной. Для рассуждения это отличие не имеет значения, но может удивить.

Хотел бы сказать о подробном толковании законов спроса и предложения Вальраса: независимо от Маршалла он пишет, что точек устойчивого равновесия может быть больше одной. Вам знаком график, на котором кривая предложения пересекает кривую спроса сначала снизу (равновесие), затем сверху (нестабильное положение), а после этого снова поворачивает и пересекает ее снизу (еще одно положение равновесия). Во многих учебниках это рассматривается как специальный случай. Современные экономисты пытаются решить, детерминирована ли система Вальрасовых уравнений. Но это уже вопрос современной теории.

Разобравшись со спросом и предложением, Вальрас переходит к рынку. Абстрагировавшись от ошибок, он представляет себе собрание, на котором люди по галльскому обычаю выкрикивают вслух цены, по которым они готовы покупать и продавать. Эджуорт, крупный экономист, автор многих проницательных идей, разнес Вальраса в пух и прах за столь несовершенное изображение совершенной конкуренции. Сам Эджуорт очень тщательно описал условия совершенного рынка, причем среди них была возможность перезаклучения контракта. Я всегда думаю, что тут напрашивается небольшая социологическая шутка. Эджуорт рассматривал рынок, на котором действовали довольно скучные, но добропорядочные люди, которые ходили по рынку и тихо узнавали, какие цены устроили бы их потенциального делового партнера, но при этом не торопились заключать сделки. Они ходили по рынку и расспрашивали, а затем по окончании перезаклучения контрактов они получали определенную цену. Я лично, с позиции здравого смысла, не вижу ни малейшей разницы между рынками Вальраса и Эджуорта, не считая национальных традиций.

Затем Вальрас выводит свои кривые спроса из предельной полезности. Он подробно обсуждает экстенсивную и интенсивную полезность, а затем приходит к выводу, что по мере увеличения количества блага его полезность сокращается.

Перейдя к вопросу обмена, Вальрас формулирует то, что Визер (Wieser, 1893) называет вторым законом Госсена: обмен продолжается до тех пор, пока предельная значимость блага для каждого участника рынка пропорциональна цене. Не то чтобы на рынке происходит какая-то коллективная кристаллизация полезности. Полезность — это индивидуальное явление; в терминах австрийской школы, это просто порядок, в котором разные товары выстроены на субъективной шкале ценности. Так что Вальрас доходит до точки, до которой Джевонс доходит в главе об обмене, хотя Джевонс, в отличие от Вальраса, не осознал полностью, что, если он не зафиксировать условия чистой конкуренции, как это сделал Эджуорт и собирался сделать Вальрас, его уравнение обмена оставит цену неопределенной внутри заданных границ.

Все это написано в работе, которую Вальрас (Walras, 1874b) переслал Джевонсу и которая была опубликована вскоре после «Теории политической экономии» Джевонса. В первом издании «Элементов чистой политической экономии», в 1874 году, Вальрас расширил свой анализ в дополнительных уроках (уроками он называет главы). Продолжая рассматривать ценность благ, он расширяет анализ, включив в него много благ, и делает спрос функцией не только цены одного блага, но и цен всех рассматриваемых благ.

Эта черта (множественная функция спроса) стала типичной для последователей Вальраса, так называемой Лозаннской школы. Эти последователи всегда жалуются на англоязычных экономистов, особенно на Маршалла, которые сосредоточились на анализе частичного равновесия, вместо того чтобы заниматься анализом общего равновесия. В этом отношении члены Лозаннской школы сослужили себе медвежью услугу. Осознание множественной функциональной зависимости было, безусловно, шагом вперед, но из пытавшихся решить конкретные проблемы никто никогда не пробовал сделать спрос функцией количества n благ. При попытке выйти за пределы рынка конкретного блага, все остальные блага просто сливаются, и тогда мы имеем дело с двумя благами. Особенно часто к этому трюку прибегал Джон Хикс.

Теоретически это интересная тема, но Маршалл, который об этом отлично знал, отмахнулся от нее. Маршалл хотел заниматься тем, что объясняло реальный мир. Хотя система

Вальраса и представляет определенные проблемы реально-го мира в их простейшей форме, именно постоянный упор на общее равновесие так отрезал Вальраса и его последователей от большинства остальных экономистов, что это нанесло ущерб обеим группам.

Однако система Вальраса на этом не заканчивается. Он подвергает своему анализу производство, и вокруг этого-то и началась ссора. В первых двух изданиях «Элементов» Вальрас рассматривал ценообразование производственных услуг на основании того, что мы назвали бы фиксированными технологическими коэффициентами. Иначе говоря, для производства одного любого товара требуется фиксированное сочетание необходимых факторных услуг, поэтому для получения определенной системы цен на факторные услуги необходимо провести коррекцию, стимулом к которой является желание прибыльно произвести конечное потребительское благо. Если только все соотношения не одинаковы (при этом проблема ценообразования не имеет решения), есть причины предположить, что в определенных условиях при помощи технологических коэффициентов можно чего-то достичь. В третьем издании «Элементов» Вальрас, упрекнув Уикстида за выводы о том, что было достаточно не очевидно в первых изданиях, ввел изменяющиеся технологические коэффициенты. Так предельная производительность проникла в его третью, и последнюю, систему.

Не удовлетворенный и этим, Вальрас перешел к собственно капитальной ценности: к проблеме капитализации. Его подход был раскритикован Вискелем, считавшим, что Вальрас решил проблему только для основного капитала. После многих попыток других авторов доказать, что Вискель был неправ, Вискель согласился с тем, что Вальрас добился большего. Однако я далек от того, чтобы считать теорию капитализации Вальраса удовлетворительной.

После этого Вальрас обращается к проблеме денег. В первых изданиях своей книги он просто постулирует, что деньги — это единица для выражения цен, но постепенно, вначале в отдельных статьях, а затем и в более поздних изданиях «Éléments», он развивает идею желаемого остатка (*encaisse désirée*). Он также независимо от всех разрабатывает кембриджский подход к количественной теории денег — кембриджский подход 1920-х годов.

Теперь вы понимаете, почему я оставил Вальраса на самый конец. Его слава основывается на широте его концепции, на полноте его системы, неважно, прав он или ошибался в деталях статической системы. Джевонс и Менгер ничего подобного не сделали. Вальрас это сделал, и в 1930-е годы его систематический подход стал очень популярен.

Вальрас основал школу, самым известным представителем которой был Вильфредо Парето (1848–1923), сменивший его на посту руководителя кафедры в Лозанне. В 1896 году Парето издал книгу «Курс политической экономики» (Pareto, 1896/1897). Она состояла из системы, унаследованной у Вальраса, и дополнительной терминологии Парето. В 1906 году на итальянском, а в 1909 на французском вышел «Учебник политической экономики» Парето (Pareto, 1927), который был переведен и на английский язык (Pareto, 1971), хотя профессор Жаффе (Jaffé, 1972) раскритиковал этот перевод как неадекватный.

Итак, Парето возглавил Лозаннскую школу и за свою жизнь привлек к себе куда больше внимания, чем Вальрас. Парето отказался от некоторых элементов анализа Вальраса. В самом конце, вдохновившись Эджуортом, он ввел кривые безразличия. Не забудьте, что это Эджуорт, а не Парето, ввел в обиход кривые безразличия. Парето утверждал, что пытается исключить любые разговоры о субъективном факторе; он обращался с кривыми безразличия как с основанными на наблюдениях. Бог знает, какие понадобились бы наблюдения, чтобы обнаружить хоть сколько-нибудь обширный набор кривых безразличия. Он также отверг идею измеряемой полезности. Те предпочтения, которые обозначали кривые безразличия, носили, по мнению Парето, не кардинальный, но ординальный характер. Их можно было выстроить по порядку, но не придать им точные численные значения.

Парето также сказал новое слово в процессе отказа от термина «полезность». Он считал, что это слово несет неоправданную психологическую нагрузку, и поэтому он предложил слово «*orhelimity*» («предпочитаемость»), нейтральное, но после него никем не употреблявшееся.

Парето, конечно, известен в связи с изобретением из области прикладной экономики, которое обсуждается и по сей день: я говорю о кривой Парето. Некоторые говорили о су-

ществовании закона Парето, который гласил: если собрать цифры о населении и о получающих доход и прологарифмировать их, мы получим кривую, стабильную для разных сообществ. Но не дай нам бог вмешаться в этот продолжающийся спор.

Среди членов Лозаннской школы были малоизвестные авторы, которых читать куда проще, чем Парето и Вальраса. О Вальрасе лучше всего написано у Антонелли, в книге «Чистая экономическая наука» (Antonelli, 1914), на французском языке. Кроме того, после выхода книги Парето появилось еще несколько книг, лучшая из них была написана Владимиром Завадским (Zawadzki, 1914) в 1914 году, а следующая за ней португальским математиком Осорио (Osorio, 1913). Было много других книг: сегодня утром я осмотрел полки перед тем, прийти на лекцию. Все они более или менее написаны по одной схеме. Они подробно расписывают, почему экономическая наука должна быть математической, приводят немало примеров более ранних попыток создания математической экономической науки. Затем они переходят к объяснению системы Вальраса и тем изменениям, которые внес в нее Парето.

Время лекции истекло. Уверен, что преданные последователи Парето считают, что я недостаточно уделил ему времени, но завтра мы закончим с маржиналистскими революционерами, утверждавшими, что они перевернули классическую теорию с ног на голову, и перейдем к Маршаллу, который видел себя в некоторой степени продолжателем классической традиции.

Лекция 32

Маршалл

МЫ БЛИЗКИ к окончанию курса. В следующей лекции я расскажу о современном курсе развития монетарной теории и отклонениях от него, но сегодня мы поговорим об Альфреде Маршалле.

Все прочие ведущие участники маржиналистской революции были очень не добры по отношению к классической политической экономии, выросшей из трудов Юма, Адама Смита и авторов XIX века. Иногда их жалобы были лучше обоснованы, иногда хуже. Джевонс, например, возражал против идей Адама Смита, человека, как ему казалось, заблуждавшегося, а также против идей его ученика Джона Стюарта Милля, но это касалось только вопросов элементарной теории ценности и капитала. В вопросах заработной платы, издержек производства и ренты Джевонс, писавший куда более живо, чем большинство классических экономистов, хотя и не на уровне Адама Смита и Рикардо, более или менее следовал классической традиции. Менгер в своих работах время от времени почтительно ссылается на Адама Смита. В том, что касается центральной доктрины теории производства Адама Смита — идеи о том, что координация экономики и разделение труда происходят при помощи рынка, а не планируются на сознательном уровне, — Менгер откровенно неправ. Он критикует Адама Смита, не жалея сил. Вальрас знал немного о классической политической экономии, развивавшейся в Англии, и считал, что его теория с ней покончила.

Однако теперь мы добрались до Маршалла, который сильнее прочих подчеркивал, что он — преемник классической теории. Можно сказать, что он был излишне скромн в отношении собственного вклада в экономическую науку, довольно существенного. Хорошая статья о Маршалле на-

писана Джеральдом Шоувом (Shove, 1942), одним из самых выдающихся представителей поколения кембриджских экономистов после Пигу, среди которых были Шоув, Робертсон, Кейнс и Лавингтон. Статья Шоува вышла в сборнике тематических эссе (Gherity, 1965) и в специальном выпуске «Economic Journal» по случаю столетнего юбилея Маршалла.

Не знаю, кто читал Маршалла и насколько скучна вам будет лекция, посвященная его «Принципам», но Маршалл является важной фигурой. В истории экономической мысли со времен XVIII века цепочка главных авторов выглядит следующим образом: Адам Смит—Рикардо—Джон Стюарт Милль—Маршалл. Многие годы Маршалл пользовался огромным влиянием на англоязычный мир. Было ли это влияние благом — вопрос, к которому я еще вернусь.

Не стану рассказывать о его жизни. Маршалл родился в 1842 году, а умер в 1924. Он прожил тихую академическую жизнь. В Кембридже сначала он был блестящим математиком, а затем стал скромным преподавателем. Затем он возглавил Бристольский университет, короткое время провел в Оксфорде, а после получил профессорское звание в Кембридже, где и оставался до ухода на пенсию, после которого его место занял Пигу.

Маршалл написал несколько основных работ. В 1879 году Лондонская школа экономики переиздала главы «Чистой теории международной торговли», в том числе раздел «Чистая теория внутренней ценности продукта». Вместе со своей женой, Мэри Маршалл, которой он был обязан спокойствием своей карьеры и тем обожанием, которое его окружало, Маршалл написал книгу «Экономика промышленности» (Marshall, Marshall, 1881). К концу жизни он стыдился этой книги и отрекся от нее, что было с его стороны не слишком галантно. В этой книге были очень хорошо представлены самые продвинутые экономические идеи того времени.

После «Экономики промышленности» Маршалл отдался работе над «Принципами», которые вышли в 1890 году. При его жизни эта книга переиздавалась восемь раз. Затем в 1961 году вышел двухтомник «Principles» под редакцией господина Гийбо, который я рекомендую пролистать всем аспирантам в аудитории. В этом издании сохранена та же нумерация страниц, что и в восьмом издании, а второй том

посвящен изменениям в тексте и комментариям этих изменений. Гийбо был прекрасно квалифицирован для этой работы; он был племянником Маршалла.

Затем в 1892 году Маршалл выпустил еще одну книгу «Economics of Industry», с точно таким же названием, как и у книги, написанной в соавторстве с Мэри Маршалл. Но не дайте одинаковым названиям вас запутать — это две абсолютно разные книги. Книга, написанная вместе с Мэри Маршалл, читается легко, а «Экономика промышленности», которая является сокращенной, якобы популяризированной версией «Принципов», написана очень сухо. Маршалл не способен к краткому изложению мыслей, я не рекомендую читать эту книгу, но должен сказать, что в ней есть глава, которой нет в «Принципах»: мысли Маршалла о профсоюзах и их влияния на распределение. Это *locus classicus* кембриджского подхода к этой очень важной теме и самая интересная глава в книге.

Итак, старина Маршалл продолжал трудиться, и в 1919 году, изучив немало литературы, пообщавшись со множеством людей и поучаствовав в работе Королевской комиссии по вопросам труда, он написал второй том своего великого экономического труда «Промышленность и торговля» (Marshall, 1923). Эта книга и сегодня заслуживает того, чтобы ее прочесть. Кейнс был прав, когда писал в своем эссе о Маршалле (Keynes, 1933/1972), что в «Промышленности и торговле» описывается состояние промышленности на начало XX века. До некоторой степени эта книга устарела уже тогда, когда публиковалась впервые. Но это хорошая книга, и ссылки на изложенные в ней мысли Маршалла смогли бы разнообразить многие современные курсы прикладной экономики.

В 1923 году, когда Маршалл был уже стар и начал сдавать, он издал книгу «Деньги, кредит и торговля». Это очень многообразная книга. В ней излагается почти революционный подход Маршалла к международной торговле. Впервые этот текст был опубликован в виде эссе по предложению Сиджуика в 1879 году, потому что его неофициальные копии пошли по рукам, и Сиджуик побоялся, что Маршалл не получит признания за свой оригинальный аппарат кривых и пояснения к нему. Отчасти «Money, Credit, and Commerce» это повторение более ранних работ, особенно в при-

ложениях, а отчасти это собрание банальностей, которых можно ожидать от человека в возрасте. Их вообще не стоит читать.

После смерти Маршалла сборник его работ «Official Papers» (Marshall, 1926) был издан Королевским экономическим обществом. В этом сборнике содержатся некоторые важнейшие работы, написанные им о прикладной экономической науке (о деньгах, финансовых делах Индии) и хорошо раскрывающие смысл международной торговой политики.

Несколько лет назад профессор Уайтэкер покопался в ранних работах Маршалла в библиотеке им. А. Маршалла и издал книгу «Ранние экономические труды Альфреда Маршалла» (Marshall, 1975). Ее стоит прочесть всем будущим профессиональным экономистам, а также докторантам. Она проливает некоторый свет на то, когда Маршалл придумал свою теорию предельной полезности, но она не обязательна для чтения.

Шоув в своем эссе, опубликованном в «Economic Journal» в 1942 году, открыто пишет, что «Principles» Маршалла — не что иное, как перевод Рикардо и Милля на язык алгебры и геометрии. Шоув прав — основными источниками вдохновения для Маршалла были Рикардо, Милль и, конечно, Адам Смит. Кроме того, сам Маршалл в восьмом издании «Принципов» благодарит Курно и фон Тюнена. По непонятной мне причине он не благодарит Дюпюи, возможно, из-за нежелания нагружать книгу для непрофессиональной аудитории слишком большим количеством примечаний.

Думая о корнях Маршалловой теории, необходимо помнить, что Маршалл, хотя и не во всем соглашался с представителями немецкой исторической школы, в некотором смысле ужасно боялся их. В «Основах» множество скучных уточнений, написанных специально на случай нападков со стороны членов немецкой исторической школы. Нападки действительно случались, я рассказывал вам о том, как Маршалла раскритиковал Каннингем (Cunningham, 1892), этим Маршалл был так сильно задет, что даже написал ответ (Marshall, 1892b), хотя обычно игнорировал критику, и выиграл спор.

Маршалл был одарен всесторонне. Буду говорить в основном о его вкладе в область чистого экономического анали-

за, но вообще Маршалл был талантливым экономическим историком. Он сильно интересовался экономическим развитием и даже написал в предисловии к «Принципам», что «Меккой экономиста является скорее экономическая биология, а не экономическая динамика».

Теперь я очень кратко перечислю некоторые ошибочные идеи системы Маршала. Раньше считалось, что его система — это синтез классической и современной экономической науки. В некотором смысле аналитически это верно, но исторически верны и притязания Маршалла, что его вклад нельзя сводить к классическому наследию в версии Рикардо.

С точки зрения анализа книга Маршалла представляет куда больше, чем просто синтез работ его современников и классиков. Он внес свой вклад в теорию: мастерски сформулированные, исключительно важные принципы. Это были принцип замещения, который он разработал отдельно от Менгера и применил по-другому, принцип эластичности спроса (можно найти авторов, предвосхитивших эластичность спроса, но измерял ее только Маршалл), анализ периодов, а также внешняя и внутренняя экономия и разработки в области теории фирмы. Все это есть в «Принципах» Маршалла; есть основания полагать, что все это порождения его ума. Конечно, помимо «Принципов» есть еще «Промышленность и торговля», в которой Маршалл излагает свой значительный вклад в теорию денег, теорию международной торговли, исключительно важные наблюдения об организации промышленности...

Второе распространенное заблуждение о Маршалловой теории раздражает меня особо сильно. Лозаннская школа, о которой я уже рассказывал, любит поболтать о том, как под влиянием Маршалла британская школа ограничивается анализом частичного равновесия. Ерунда! Если вы заглянете в «Математическое приложение» (*ibid.*, с. 792), вы увидите, что Маршалл прекрасно понимал те обобщения, над которыми работали Вальрас и его школа. Но, будучи профессиональным математиком, он считал, что есть более важные занятия, и поскольку он интересовался прикладной экономической наукой, частичное равновесие было для него удобным инструментом исследований. Мне непонятно, как вообще можно было прийти к подобному выводу, прочитав первую и вторую главы шестой книги «Принципов», в ко-

торых Маршалл широко описывает экономическую систему, предпосылки которой содержатся в третьей, четвертой и пятой книгах. Думаю, ученые Лозаннской школы навредили себе заверениями о том, что являются единственными владельцами анализа общего равновесия. Очень жаль. Мы могли бы избежать многих ошибок, если бы авторы периода ранней современности лучше понимали друг друга.

Почему Маршалл был менее формален в изложении своих мыслей, чем представители Лозаннской школы? Не стану рассуждать о его отношении к австрийской школе, которое было обусловлено особенностями характера, хотя до некоторой степени, особенно в отношении Визера и Бём-Баверка, объяснялось доктринальными расхождениями. Однако довольно спокойный Маршалл раздражался, когда его работу представляли как выросшую из трудов австрийцев, но менее формальным он был по причинам, о которых стоит упомянуть. Читая вам неполную лекцию о Маршалле, я рассчитываю, что все вы прочтете Маршалла, во всяком случае, главные части «Принципов».

Первая причина была достаточно неоднозначной. Маршалл хотел, чтобы его читали. Он хотел, чтобы его читали так же, как читали Адама Смита — просто образованные люди. Я когда-то принадлежал к «Клубу реформ», владеющему знаменитой библиотекой, которую начал собирать еще Фрэнсис Плейс. В экономической секции этой библиотеки было много памфлетов и книг XIX века, но на Маршалле она заканчивалась. Экономическая наука в том виде, в котором она развивалась в XIX веке, не была предметом, книги по которому входили в программу обязательного чтения каждого образованного человека. А Маршалл хотел писать не только для профессиональных экономистов, которых в его время было мало, но и для просто образованных людей, поэтому свои предпосылки и уточнения он помещал в сноски и приложения. Я стал изучать экономическую науку в начале 1920-х годов и сильно путался в полемике того времени, к тому же меня ужасно раздражали друзья по Кембриджу, которые говорили: «Все это есть у Маршалла». Теперь я пришел к выводу, что действительно почти все это есть у Маршалла. Однако если бы Маршалл писал хоть немного более формально, я пролил бы намного меньше пота и избежал бы интеллектуальных мук!

Вторая причина заключалась в том, что, по мнению Маршалла, стационарное равновесие, которое преимущественно рассматривали его современники, было слишком простым случаем. Его, талантливого кембриджского математика, не интересовали простые дифференциальные уравнения, в которых заключалась полная система стационарного равновесия. Его интересовали изменения и экономическая система в процессе изменений. В математическом приложении к «Принципам» он пишет, очевидно имея в виду Вальраса, хотя и не называет никаких имен, чтобы не возбуждать споров:

Можно было бы расширить приведенные выше системы уравнений до таких пределов, когда они полностью охватили бы проблему спроса как часть проблемы распределения.

Обратите внимание на это аккуратное уточнение: именно проблему спроса, а не проблему предложения.

Однако, хотя математическая иллюстрация взаимодействия определенной группы причин может быть совершенной сама по себе и абсолютно точной в рамках своих ограничений, любая попытка отразить рядом уравнений какую-либо сложную проблему реальной жизни целиком или хотя бы значительную ее часть обречена на неудачу, поскольку многие важные аспекты, особенно те, которые связаны с разнообразным влиянием фактора времени, выразить математически нелегко, поэтому их приходится или опускать полностью, или ужимать и обрезать таким образом, что они становятся похожими на условных птичек и животных декоративного искусства. Это порождает тенденцию к неправильному отражению экономических пропорций, поскольку наибольшее внимание уделяется тем элементам, которые легче исследовать с помощью аналитических методов (*ibid.*, с. 807).

Сейчас, будучи стариком, я соглашаюсь с Маршаллом.

В-третьих, Маршалл искал реалистичные способы применения своих теорий. Вот доказательство того, что он игнорировал осложнения, о которых с тех пор так много говорится. Он пишет: «Попытка проф. Эджуорта представить U и V (полезность двух товаров) как общие функции x и y очень привлекательна для математиков» (*ibid.*, p. 800). Вальрас рассматривал свои уравнения только как функции цен

товаров, доступных на рынке. Парето поставил полезность в зависимость от владения разными товарами. Но автором этой идеи был именно Эджуорт, и Маршалл продолжает: «Попытка проф. Эджуорта <...> очень привлекательна для математиков, но менее пригодна для отражения повседневных фактов экономической жизни, чем представление предельных полезностей яблок функцией x , как делал Джевонс» (ibid.). Маршалл хотел видеть как его теория спроса будет применяться в статистике. Прав он был или нет — вопрос открытый, но Маршалл не терпел теоретических уточнений, которые не давали ему перейти к примерным количественным приближениям.

Теперь очень кратко о содержании «Принципов».

Первая глава пятой книги (ibid., с. 337), в которой говорится об анализе частичного равновесия, посвящена рыночной ценности — обмену определенных количеств товаров с учетом их полезности для владельцев и потенциальной полезности для покупателей. О натуральном обмене, бартере, Маршалл пишет в приложении (ibid., приложение F, с. 744). Вместо сложной системы перезаклучения контрактов Эджуорта или аукциона Вальраса Маршалл использует математический трюк, которого с его точки зрения достаточно. Обсуждая формирование цены конкретного товара, он предполагает, что в первом приближении предельная полезность денежного дохода (он называет ее предельной полезностью денег, но это неудачный термин) постоянна. Если вы хоть немного знакомы с геометрической экономической наукой, вы знаете, что предполагая, что предельная полезность денег — это константа, то контрактная кривая превращается в прямую, параллельную оси денег, и, какие бы движения не происходили на рынке, конечная цена предопределена. Маршалл настойчиво объясняет, что предпосылка о постоянстве предельной полезности дохода не применима к теории распределения. Его собственная теория заработной платы основывается, верно или ошибочно, на предпосылке о том, что предельная полезность денег не является постоянной для одной стороны рынка труда. Об этом сэр Джон Хикс написал несколько очень интересных статей: главы в «Теории заработной платы» (Hicks, 1932) и просто журнальные статьи. Теория потребительского излишка Маршалла зависит от предпосылки, что пре-

дельная полезность дохода постоянна, а если учитывать, что предельная полезность дохода меняется, необходима более сложная теория потребительского излишка. Опять же об этом писал в основном сэр Джон Хикс.

В пятой книге говорится о ценности и распределении, скорее в терминах потоков, чем запасов. В связи с этим Маршалл немало внимания уделяет теории фирмы — сочетанию факторных услуг того или иного рода, предельному замещению, размеру фирмы и взаимоотношениями между фирмой и отраслью. Он соглашается с Курно в том, что в ситуации, когда издержки убывают до конца, существует тенденция к постепенному образованию полной монополии. Маршалл, глядя на промышленность своего времени, мог привести много примеров фирм, у которых были убывающие издержки, но тенденция к образованию монополии как-то не прослеживалась. Соответственно, он решил ввести различие между внутренней экономией для фирмы и внешней экономией для отрасли. И пока экономия была внутренней, убывающие издержки необязательно означали тенденцию к образованию монополии.

Теория фирмы Маршалла несколько нереалистична, не потому что ошибочна, а потому что неполна. Теория внешней экономии, возможно, и применима к фирмам в некоторых отраслях производства, но общая концепция внешней экономии зависит от разделения труда. Гораздо лучше эта идея представлена у Адама Смита, процитированного Эллином Янгом в статье «Возрастающая отдача и экономический прогресс» (Young, 1928). Внешняя экономия, как правило, достигается при дезинтеграции фирм: вспомните историю автомобильной промышленности. Так что теория Маршалла неполна, но его предположения стали почвой для очень интересных размышлений.

Во-вторых, в рассуждениях Маршалла о производстве содержится очень важный анализ долгих и коротких периодов. Это не изобретение Маршалла. У классических экономистов есть намеки на анализ периодов. Но Маршалл его переиначил. Краткосрочный период в теории ценности и цены применительно к производству он назвал периодом, в который факторные услуги не имели времени ни для того, чтобы войти в производство, если оно было необычно прибыльным, ни для того, чтобы выйти из производства, если

оно было чрезмерно убыточным. А долгосрочным периодом Маршалл называл время, необходимое факторным услугам, чтобы разобраться и с непроизводительностью, и с направлением движения нового капитала, и с мобильностью. В некотором смысле эта идея перекликается с теориями стационарного состояния у классических экономистов.

Теперь сравним Маршалла с классиками. Маршалл, как и все остальные участники маржиналистской революции, опирается на понятия спроса и полезности, внося новые элементы в теорию. Анализ Маршалла очень четко показывает, что необходимо учитывать спрос и полезность всегда, когда вы не рассматриваете случай постоянных издержек, и даже в этом случае спрос определяет точку, в которой количество (если не цена) будет детерминировано.

В вопросах, касающихся спроса на производительные услуги, Маршалл всегда настаивал, что предельная производительность не является полной теорией распределения, причем иногда он использует термин «предельная производительность», а иногда «предельный чистый продукт»¹. Очевидно, он знал о существовании производственной комбинации, в которой технические коэффициенты были фиксированы, а не менялись.

В отношении классической теории ренты Маршалл был скорее консервативен. Джон Стюарт Милль и Джевонс указывали, что рента входит в производственные издержки при наличии фактора, который можно было бы использовать более чем одним способом в пространстве, времени или отрасли промышленности. Маршалл очень неохотно причислял издержки, связанные с землей, к производственным издержкам, хотя и писал, что мудрее не говорить, что они не принадлежат к производственным издержкам².

Однако когда мы доходим до анализа периодов со стороны распределения, который, в отличие от анализа со стороны спроса, во многом вырос из классической теории, нам неясно, намеревался ли Маршалл ввести количество работающего населения как функцию цены. Но он определенно

1. См.: Marshall (1920/1961, book 6).

2. Письмо Маршалла Эджуорту от 28 августа 1902 года, воспроизводится в: Pigou (1925, pp. 435–438, at 436). См. также: Marshall (1961, 2:439).

намеревался ввести гибкий график спроса в свои рассуждения о распределении, чего некоторые из современных экономистов с их стационарным состоянием делать не хотят.

Кроме того, в анализе периодов Маршалл также ввел свое важнейшее понятие квазирента. Что такое квазирента? По Маршаллу, квазирента — это весь доход со сделанных человеком орудий производства — весь доход, а не разница между фактическим доходом и долгосрочным равновесным доходом. Немного об истории происхождения этого понятия. Классические экономисты, за исключением Джона Стюарта Милля, утверждали, что в долгосрочном периоде процент и прибыль определяются со стороны издержек. Затем появился Маклеод с превосходными идеями, но, к сожалению, он не сумел их четко изложить. Маклеод сказал, что прибыль или убытки, принесенные станками, происходят вследствие самого существования этих станков и что прибыль или убытки определяются ценой, а не определяют цену³.

Маршалл признал неопровержимость определения Маклеода и решил эту трудность при помощи своего анализа периодов. В краткосрочном периоде весь доход с искусственных орудий производства (квазирента) не должен, как и рента у классических экономистов, входить в производственные издержки, но определяться, как рента, со стороны спроса. Однако в долгосрочном периоде, после выравнивания факторов производства, Маршалл считал, что при прочих равных условиях квазирента приближается к норме процента (с учетом разных допущений, о которых мы не будем говорить) и что в долгосрочном периоде квазирента больше похожа на процент. В краткосрочном периоде квазирента ведет себя как рента, а в долгосрочном как процент, отсюда и название — квазирента.

В этом отношении значение анализа периодов Маршалла невозможно преувеличить. Если вы пойдете дальше и углубитесь в современную экономическую теорию, которую мы не будем проходить в этом курсе лекций, вы увидите, что в общей теории Кейнса анализ периодов применя-

---

3. См.: Marshall (1920/1961, appendix 1, p. 821) и письмо Маршалла Дж. Б. Кларку от 11 ноября 1902 г., воспроизводится в: Pigou (1925, pp. 413–14).

ется ко многим макроэкономическим проблемам. Конечно, Кейнс сделал немало неформальных замечаний, которые принадлежат скорее к области истинной динамики, отслеживающей траекторию движения системы при переходе с одной позиции на другую. Но формальная кейнсианская теория — это не что иное, как временной анализ Маршалла в применении к макроэкономическим проблемам.

О денежной теории Маршалла я скажу несколько слов на следующей неделе. Об отношении Маршалла к международной торговле все сказано в «Чистой теории», которую, если вас не слишком напрягает геометрия, можно прочесть за один вечер. На этом мы закончим.

Лекция 33

Деньги: Фишер, Маршалл, Виксель

БОЛЬШАЯ часть этой лекции, последней в нашем курсе, будет посвящена прояснению различных сложностей, связанных с местом денежной теории в маржиналистской революции и ранней современной экономической теории. Если останется время, скажу несколько слов о литературе по теории флуктуаций.

Прежде всего хочу обратить ваше внимание на то, что в ходе развития экономической теории, которое кто-то называл маржиналистской революцией, экономисты стали более внимательно относиться к месту денег в этой теории. Но нужно учитывать, что и тогда, и теперь существовали два разных подхода к денежной теории, и оба, по моему мнению, могут быть названы количественной теорией денег.

Я хочу еще раз похвалить Ирвинга Фишера за то, что он внес ощутимый вклад в экономическую мысль периода до 1914 года. Он умер не в 1914 году, а позже и до самой смерти продолжал развивать экономическую теорию.

Вклад Фишера в денежную теорию содержится в его знаменитом третьем трактате, который он закончил в 1912 году. Я сейчас говорю не о «Математических исследованиях теории ценности и цен» (1892), великолепной докторской диссертации Фишера, и не о монографии «Оценка и процент» (1896), к которой еще вернусь. Я говорю о трех знаменитых трактатах Фишера: «Природа капитала и дохода» (1906), о котором мы уже говорили, «Норма процента» (1907), о котором я тоже подробно рассказывал, и о трактате «Покупательная сила денег» (1925). Как вы помните, я сказал, что подходов к количественной теории денег было два; так вот «Покупательная способность денег» — это типичный пример первого подхода. Это изложение наибо-

лее популярного подхода к теории ценности денег: того, который рассматривает количество денег, определяемых тем или иным способом, и их скорости обращения. Фишер изложил эту теорию в элементарных символах. Знаменитая формула Фишера выглядит как $MV=PT$, или в расширенной версии, где учитываются кредитные инструменты, как $MV+M'V'=PT$. Нет сомнений в том, что за эти формулы Фишера нельзя обвинить в тавтологии. Он сам признавал, что в таком виде они тавтологичны, но его книга посвящалась причинам изменений M , M' и V , V' . Он написал больше, чем уравнение, дважды описывающее одно и то же с разных точек зрения.

После публикации книги формулы и исследования Фишера вдохновили многочисленных авторов на самостоятельные научные исследования. Этот подход к теории денег остается самым популярным в Соединенных Штатах Америки. Наиболее современными представителями этого подхода являются Фридмен и его последователи.

Однако количественную теорию денег можно сформулировать и другим образом, применив так называемый кембриджский подход наличных остатков. Я говорю так называемый, потому что намеки на этот подход встречаются еще у Петти. Этот же подход прекрасно излагается в трактате Нассау Сениора «Ценность денег» (Senior, 1829b), который не был опубликован при его жизни, а вышел в свет в начале 1930-х годов.

Тем не менее применение к этому подходу прилагательного «кембриджский» отчасти оправданно. Кейнс в своем эссе о Маршалле, великолепном и с литературной, и с экономической точки зрения, приводит отрывок из ранней рукописи Маршалла. Полностью эта работа воспроизводится в издании неопубликованных ранних трудов Маршалла, вышедшем под редакцией профессора Уайтэкера при финансовой помощи Королевского экономического общества (Marshall, 1975). Это очень интересная книга. Как я уже говорил, эта книга вызывает сомнения в словах Маршалла относительно того, когда он сделал некоторые свои экономические открытия. Однако о том, когда был написан этот отрывок, гадать не приходится, потому что на нем рукой Маршалла написано: «Теория денег, рукопись около 1871 года» (Marshall, 1871).

Это Маршалл в своем лучшем виде, так что я зачитаю длинный отрывок:

Ценность всех товаров определяется уравнением предложения и спроса. Это обычный метод выражения следующего факта: для каждого конкретного количества товара существует цена, по которой он может в среднем предлагаться, и есть цена, по которой от каждого конкретного количества этого товара в среднем можно избавиться. То количество товара, которое в реальности продается, в среднем является тем количеством, у которого средняя цена, по которой он может предлагаться, точно совпадает со средней ценой, по которой от него можно избавиться. Здесь причины, которые определяют цены, выражены в терминах желаний индивидов... Мы видели, что готовность продавца продавать [товар] по любой цене зависела от его ожиданий относительно возможности употребить его самому. Соответственно, если мы рассматриваем среднестатистические условия очень длинного периода по сравнению со временем, необходимым для производства товара в достаточно большом объеме, то цены, по которым товар склонны продавать продавцы, должны быть таковы, чтобы покрыть издержки производства той части товара, которая, если считать, что его должно быть произведено определенное количество, будет дороже всех... Но когда мы доходим до теории денег, нам говорят, что их ценность зависит от их количества вкупе со скоростью обращения. И, хотя с этой точки зрения нам было бы логично сделать вывод о существовании каких-то еще регулирующих условий — хотя, читая изложение теории *in extenso* в том виде, в каком ее излагает Милль, мы находим эти условия четко сформулированными — мы не находим

(поэтому лично я склоняюсь к кембриджскому подходу)

четкого изложения того уравновешивания преимуществ, которое в конечном анализе должно быть приведено, для того чтобы определить величину каждого количества, зависящего от желаний человека. В его поисках мы находим, что «скорость обращения» является не самым удобным основанием для наших исследований. Мы покажем, что их можно с большим удобством вывести из других факторов и что скорость обращения лучше применять в целях иллюстрации, а не в целях объяснения (*ibid.*, pp. 165–66).

Маршалл продолжает развивать свою теорию, и, поскольку эта работа не была опубликована, я собираюсь изложить

эту теорию в том виде, в каком Маршалл ее сформулировал на заседании Комиссии по денежному обращению в Индии в конце 1890-х годов. Она также была изложена в докладе «Evidence Before the Gold and Silver Commission» (Marshall, 1887), написанном им в 1880-е годы, но самая четкая формулировка все же находится в начале его беседы с комитетом в 1899 году (Marshall, 1899): «*Председатель*: Вы — профессор политической экономии в Кембриджском университете? — Да». Затем следует скромный отрывок, в котором Маршалл говорит, что размышлял, как наилучшим образом устроить денежную систему в Индии.

Узнав о том, что интересы комитета охватывают не только практические вопросы и что комитет поднял и некоторые крупные экономические проблемы, так что я могу не выражать мнения по вопросам, которые требуют близкого знания Индии, а только высказать мнение по вопросам, связанных с общими отношениями между деньгами и торговлей, я отважился принять приглашение, которым почтил меня комитет.

Председатель: Тогда, задавая Вам вопросы, мы ограничимся теми пределами, которые Вы сами себе поставили. Вначале я спрошу Вас, каково, по вашему мнению, отношение между объемом денежных средств и общим уровнем цен в стране?

Ответ: Я считаю, что цены изменяются напрямую вместе с количеством денежных средств при прочих равных условиях, однако прочие условия постоянно изменяются. Так называемая количественная теория ценности денег правдива так же, как правдиво утверждение, что температура изменяется вместе с длительностью дня при прочих равных условиях, но другие равные условия редко бывают одинаковыми. Эта теория вызвала немало споров, однако ее никогда не отрицал всерьез никто, кто изучил бы ее целиком, и она никогда не излагалась без слов «при прочих равных условиях». Факт в том, что

(мы подошли к основанию кембриджской теории)

в каждом состоянии общества существует какая-то доля дохода людей, которую они считают необходимым хранить в форме денежных средств; это может быть пятая часть, десятая или двадцатая. Располагая значительными ресурсами в форме денежных средств, люди могут с простотой и удобством вести дела, а также имеют преимущество при торге; однако,

с другой стороны, хранение наличных денег ограничивает бесплодной формой те ресурсы, которые могли бы принести доход в виде удовлетворенности, будучи инвестированными, например, в дополнительную мебель; они могли бы также принести денежный доход, будучи инвестированными в дополнительные станки или скот. В примитивном обществе, даже таком развитом, как в Индии

(речь идет об Индии того времени),

только богатые люди утруждают себя тем, чтобы хранить свои ресурсы в форме денежных средств. В Англии все, кроме самых бедных граждан, откладывают значительную их часть; низы среднего класса откладывают очень большие суммы; самые же богатые граждане, которые платят всем торговцам чеками, тратят относительно мало. Однако каким бы ни было состояние общества, существует определенный объем ресурсов, который люди разных классов в среднем предпочитают хранить в форме наличных денег; при прочих равных есть прямое отношение между объемом денежных средств и уровнем цен... Конечно, чем меньше та часть ресурсов, которую люди откладывают в форме денежных средств, тем ниже будет совокупная ценность денежных средств, то есть тем выше будут цены с учетом конкретного объема денежных средств (ibid., pp. 267–68).

Вот вам основание кембриджской теории кассовых остатков. Весьма авторитетно кембриджский подход изложен у Пигу в эссе «Обменная ценность законных платежных средств» (Pigou, 1923). Еще более знаменитое изложение содержится в первых главах а «Трактата о денежной реформе» (Keynes, 1923). Этот же подход вы найдете у Робертсона в учебнике по теории денег (Robertson, 1922) и в незаслуженно забытой книге Лавингтона «Рынок капитала в Англии» (Lavington, 1921).

Маршалл и его последователи были не единственными попытавшимися разрешить осложнения приблизительной количественной теории денег при помощи подхода кассовых остатков. Как мы уже убедились, в третьем и четвертом изданиях своей книги, а также в монографии по теории денег Вальрас аналогично дополнил свою систему, сделав то, что он называл *encaisse désirée* (количество денег, которое люди желают откладывать) функцией ценности денег (Walras, 1886).

Подробнее, чем любой другой автор, о связи между общей теорией предельной полезности (в ее австрийском изложении) и денежным остатком писал Людвиг фон Мизес, представитель второго поколения австрийской школы, великий учитель Хаберлера, Махлупа, Хайека и Моргенштерна, в своей первой книге «Теория денег и средств обращения» (Mises, 1912; 1934; Мизес, 2012, с. 3–534).

Мизес — очень неоднозначная фигура из-за своих взглядов на методологию, а также из-за своей идеи о невозможности экономического расчета в чисто коллективистском государстве. По поводу этих крайне сложных вопросов разумные люди не придерживаются единого мнения даже теперь, по прошествии времени, Мизес же своей репутацией обязан наиболее спорным своим идеям. Но «Теория денег», переведенная Лондонской школой экономики и использовавшаяся в ней как учебник, вовсе не является спорной, хотя, конечно, все вопросы, связанные с деньгами и макроэкономикой, сохраняют оттенок спорности даже сегодня. Впрочем, работы Мизеса о деньгах определенно заслуживают внимания, особенно если вы планируете преподавать экономическую теорию.

Должен замолвить слово о первом профессоре экономической теории в этом университете, о своем учителе Эдвине Кэннани. Кэннан имеет среди людей вашего поколения дурную славу, потому что он совершил одну теоретическую ошибку. Он отрицал возможность создания дополнительной покупательной силы при помощи должным образом регулируемых банков. В мои дни эта теория называлась кулуарной теорией банковского дела, и надо сказать, что многие банкиры за сотню лет до Кэннана обнаружили, что кулуарная теория банковского дела облекла в академическую форму то, что им давно было известно. Но, конечно, Кэннан был неправ. Можно определенно сказать, что есть условия, при которых все банки, действуя вместе, могут увеличить запас фактической массы денег в обращении, и так же это могут делать центральные банки.

Однако научные труды Кэннана заслуживают куда большего внимания, чем сейчас получают. Его издание «Богатства народов» является эталонным, хотя некоторые говорят, что его потеснило издательство Университета Глазго. Общая история экономической мысли Кэннана (Саппан,

1929) — это вдохновляющее и информативное чтение. Кроме того, его общее введение в экономическую науку под названием «Wealth», «Богатство» (Cannan, 1919), хотя в нем и попадаются спорные разделы, полно глубокого анализа и мудрых, просто изложенных идей. Однако вернемся к истории денег. На заседании Британской экономической ассоциации в начале 1920-х годов Кэннан прочел доклад под названием «Применение теоретического аппарата спроса и предложения к единицам денежных средств» (Cannan, 1921). В этой статье он весьма мастерски использует этот аппарат и самостоятельно приходит к подходу кассовых остатков.

Разница между временами моей молодости и вашей может быть проиллюстрирована следующей историей. Я стал младшим преподавателем Лондонской школы экономики, когда все эти вопросы были предметом бурной полемики. Для студентов это была страшная головная боль, потому что второй преподаватель денежной теории и банковского дела, Фоксуэлл, считал, что банки могут создавать кредит, и мы с ним постоянно спорили о том, какими должны быть ответы на экзаменационные вопросы. По моему опыту, если вы дадите обоснованный ответ, противореча экзаменатору, он скорее поставит вам высокую оценку, чем если вы просто повторяете его мнению. Этот опыт основывается на проверке тысяч экзаменационных работ вместе с людьми, имевшими на многие вопросы самые разные взгляды. В 1930-е годы я принимал экзамены вместе с Морисом Доббом, который состоял в коммунистической партии. Мы совершенно расходились во взглядах на будущее общества, но при этом мы очень редко расходились во взглядах на то, какую оценку поставить студенту. Если же наши мнения все же не совпадали, нам хватало пяти минут дружеской беседы, чтобы привлечь внимание к тому, что один из нас пропустил, и принять общее решение. Не помню, чтобы за все то время, что я принимал экзамены вместе с Морисом Доббом, как в Лондоне, так и в Кембридже, мы хоть раз обращались к третьему экзаменатору, чтобы разрешить свой спор.

В те годы я близко познакомился с Кэннаном: я работал в Оксфорде, он там жил и я заходил к нему на чай. Однажды он сказал мне: «Вы знаете, мне сказали, что вся моя количественная теория есть в Маршалле. Я прочел те доклады, что он писал для государственных комитетов, и дей-

ствительно обнаружил всю свою количественную теорию». Думаю, теперь все изменилось. Невозможно представить, чтобы лондонский профессор оказался не в курсе устной кембриджской традиции. Я говорю устной, потому что в письменной форме этот подход был изложен только ближе к концу 1910-х годов Артуром Пигу, а затем в начале 1920-х Кейнсом. Маршалл же изложил его в частном письме еще в 1871 году. Он также сформулировал его в докладе для Комиссии по золоту и серебру в 1880-е годы и в докладе для Комиссии по денежному обращению в Индии в 1890-е, а его ученики сохранили его в устной традиции.

А теперь перейдем к развитию теории. Я уже упоминал в связи с маржиналистской революцией имя Викселя. Висксель принадлежит к величайшим именам маржиналистской революции, таким как Джевонс, Менгер, Бём-Баверк, Визер, Вальрас и Маршалл. Висксель занялся экономической теорией в достаточно зрелом возрасте. Но его книга «Ценность, капитал и рента» (Wicksell, 1893; 1954) — это, вероятно, лучший из ранних синтезов Вальраса, австрийской и британской школ. «Лекции» Вискселя, переведенные в Лондонской школе экономики, я считаю лучшим введением в экономическую теорию на 1925 год.

Не стану перечислять тот вклад, который Висксель внес в теорию капитала и распределения, но хочу сказать несколько слов о его превосходной книге, суть которой воспроизводится во втором томе «Лекций» (Wicksell, 1934–1935). Это книга «Процент и цены», переведенная на английский профессором Ричардом Каном (Wicksell, 1936) и изданная Королевским экономическим обществом.

Висксель признает оба подхода к количественной теории денег, превосходно их формулирует и показывает, в чем они различаются и что их различие — это своего рода дело вкуса. Однако у него есть сомнения насчет количественной теории денег, независимо от подхода к ней. Висксель не подвергает сомнению количественную теорию денег при отсутствии кредита. Он совершенно удовлетворительно обсуждает вопрос скорости обращения и прочего — подход кассовых остатков. Но противопоставляя идею чистой системы металлических денег чистой кредитной системе, в которой мы сейчас живем, Висксель приходит к мысли, что в изложении количественной теории денег не хватает важного причинного элемента.

Виксель считает, что, если изложить количественную теорию и с точки зрения денежных остатков, и с точки зрения скорости обращения и не включать в нее денежную норму процента, то чисто кредитная система не будет детерминирована. К такому же выводу пришел Хоутри в своей знаменитой книге «Денежные средства и кредит» (Hawtrey, 1919), написанной позже. Таким образом, Виксель в своей книге о проценте и деньгах заново открывает классическое предположение, сделанное когда-то Торнтоном и принятое Рикардо, о том, что спрос на займы зависит от нормы процента, которая, в свою очередь, зависит от прибыльности реальных инвестиций.

Так Виксель приходит к идее естественной нормы процента, к идее нормальной ставки процента, определяемой так, как ее определял Бём-Баверк, и упрощенной, популяризованной и усовершенствованной самим Вискелем, а также к идее денежной нормы процента, определяемой банковской политикой. Он считает, что объем кредита можно контролировать при помощи процентной ставки на деньги и что в случае расхождения между денежной нормой процента и реальной нормой процента или прибыльностью, если денежная норма превышает естественную норму, то ситуация имеет тенденцию к дефляции, что может иметь кумулятивный характер, а если она ниже нормальной ставки, то ситуация имеет тенденцию к инфляции, которая так же может иметь кумулятивный характер. Такова чистая теория денег Вискеля. Примеряя ее к реальности, в частности к банковской системе, связанной с металлическими деньгами, Виксель считал, что кумулятивные процессы рано или поздно будут остановлены, однако он настаивал, что именно центральные банки, следящие за долгосрочной прибыльностью инвестиций, должны удерживать деньги в относительной стабильности.

Дойдя до этого места, Виксель сделал ошибку. Он считал, что, если денежная и естественная нормы процента совпадают, то ценность денег держится на стабильном уровне. Это чрезмерное упрощение, потому что на ценность денег влияют и другие факторы. Однако здравомыслие самого подхода — идея, что, намеренно контролируя объем кредитных денег или влияя на норму процента, можно удержать ценность денег на разумно стабильном уровне — была важ-

ным шагом в истории экономической мысли. Более глубоко ее развили кембриджские экономисты в 1920-е годы: Кейнс, на которого Виксель оказал влияние, и Хоутри, который, хотя и закончил Кембридж, не был кембриджским экономистом. Он был экономистом министерства финансов. Он умер совсем недавно, прожив очень долгую жизнь: ему было больше девяноста лет. Самая знаменитая книга Хоутри — «Денежные средства и кредит» (Hawtrey, 1919) наряду с «Банковской политикой и ценовым уровнем» Робертсона (Robertson, 1926), «Трактата о деньгах» (Keynes, 1930) и «Общей теории занятости, процента и денег» (Keynes, 1936; Кейнс, 2007) Кейнса должна считаться главным исследованием теории денег в Великобритании наших дней.

У меня не хватит времени, чтобы перечислить все литературные источники о колебаниях ценности денег, считайте, что эта тема не вошла в курс лекций, так же как и классическая теория налогообложения. Возвращаясь к Торнтону. Маршалл в своих докладах и в первом издании «Принципов» показывает, как влияют изменения ценности денег на норму процента. Он показывает, что, если ценность снижается, то люди, ссужающие деньги взаймы под стабильный процент, получают нулевой или даже отрицательный процент, как происходило в Англии много лет. Норма процента сейчас при существующих номинальных ставках является нулевой, если учесть современную норму инфляции.

Однако главная фигура здесь все же не Маршалл, а Фишер, что признает сам Маршалл. Перед тем как написать свои трактаты, Фишер написал превосходную монографию «Оценка и процент» в 1896 году. В ней он исследует проблему, которая в его время была крайне актуальной из-за разнообразия металлических денег, которые существовали параллельно друг другу: где-то это были системы с использованием только золота, где-то только серебра, а где-то биметаллические. В первую очередь Фишер показывает, как можно измерять норму процента при помощи пары любых товаров. Излагая свое видение этого довольно сложного вопроса, он использует всего два товара: зерно и шерсть. Предположим, что сегодня сто бушелей зерна эквивалентны ста фунтам шерсти. Учитывая норму процента как обмен между настоящим и будущим, а также предполагая, что через год 104 бушеля зерна будут обмениваться на 104 фунта шер-

сти, норма отдачи зерна и норма отдачи шерсти одинаковы. Теперь предположим, что зерно повышается в цене относительно шерсти. Например, бушель зерна стоит 1,01 фунта шерсти, так что цена 104 бушелей равна 104 умноженному на 1,01, то есть 105,04. Таким образом, норма отдачи зерна составляет 4%, а норма отдачи шерсти — 5,04%.

Фишер показывает, что между нормой отдачи золота и серебра могут быть расхождения, в то время как люди не понимают, что происходит. Когда же они понимают, что у разных металлов различные нормы отдачи, если этому ничто не мешает, среди населения возникает тенденция переключаться на металл, который приносит наивысшую отдачу. Так же происходит с бумажными деньгами. Если бы в последние тридцать лет не существовало валютного контроля, мало кто из нас предпочел бы получать зарплату в фунтах стерлингов. Еще Авраам Линкольн сказал, что можно обманывать нескольких людей некоторое время, но нельзя постоянно обманывать всех людей.

Вот и все. При той достойной сожаления ситуации, которая сложилась в Великобритании с денежными средствами, я рекомендую всем вам прочесть книгу «Оценка и процент» Фишера.

Это конец наших лекций, спасибо всем вам за терпение, с которым вы слушали мой неформальный и нелинейный рассказ. [Звучат аплодисменты.]

Я всегда считал, что нынешнее поколение студентов гораздо лучше, чем были мы в 1920-е годы. Всего хорошего.

Послесловие

Дальнейшая эволюция предмета

ЛЕКЦИИ Лайонела Роббинса по истории экономической мысли были мастерскими. Тем не менее это были лекции именно Роббинса, а не кого-либо еще. История экономической мысли не пишет себя сама: ее пишут историки и другие ученые, причем каждый из них имеет более или менее уникальную точку зрения на предмет. Эта точка зрения определяет, что они включают в рассказ, что исключают из него, каким темам придают большее или меньшее значение. Точка зрения определяет и общую канву повествования, и его детали.

В послесловии мы хотим рассказать о развитии экономической мысли с того момента, на котором Роббинс останавливается. Мы не можем поручиться, что, если бы Роббинс продолжал работать сегодня, он написал бы то же, что и мы. В конце концов ни один из нас не является Роббинсом, кроме того, Роббинс несколько раз менял мнение по поводу ключевых вопросов и мог бы внести в свой рассказ изменения, которых мы не можем предвосхитить.

Можно примерно представить себе, о чем стал бы рассказывать Роббинс, изучив, о чем он рассказывал на протяжении своих лекций. Роббинс говорил о древних греках, о схоластах, об авторах, живших за век до Кантильона или около того, о физиократах и Смите, о главных фигурах классической английской политической экономии, о Сен-Симоне и Марксе, об исторической школе, истоках маржиналистского анализа, о маржиналистах в Европе и Англии, о Маршалле и нескольких специалистах по теории денег начала XX века. Тут можно сделать несколько замечаний. Во-первых, эти люди и группы людей существовали и нуждались в обсуждении; практически единодушно они считаются центральными действующими лицами истории

экономической мысли. Во-вторых, Роббинс был склонен делать акцент на теорию ценности и распределения. В-третьих, несмотря на этот акцент, курс требовал, чтобы Роббинс освещал и другие вопросы: не только деньги, международную торговлю и основания экономического развития и роста (например), но и роль моральной системы, теорию собственности, роль правительства в экономической системе, организацию экономической системы и контроль за ней, системную эволюцию и критику современной экономической системы.

Мы сталкиваемся здесь с несколькими сложностями. Во-первых, Роббинс был приверженцем неоклассического мейнстрима и сторонником идеи о том, что экономическая наука изучает распределение редких ресурсов, имеющих разные способы использования. Роббинс тяготел бы к рассказу о дальнейшем развитии теории ценности и распределения, учитывая, что она становится теорией о распределении ресурсов при помощи ценового механизма на более или менее конкурентном рынке, то есть к рассказу о микроэкономике. Он наверняка сконцентрировался бы на неоклассической экономической теории как теории распределения ресурсов, рынков, чистой логики выбора, условной максимизации и так далее. Скорее всего, он вышел бы за пределы неоклассической парадигмы абстрактной, чистой экономической теории, не имеющей дела с институтами, а также за пределы неоклассического протокола исследования, требующего нахождения решений по достижению уникального определенного оптимального равновесия, и соответственно, за рамки использования предпосылок о фиксированных предпочтениях и максимизации полезности или прибыли, необходимых для получения таких решений. Всему этому Роббинс уделил бы основное внимание, но он наверняка также стал бы рассказывать и о других методах неоклассической экономической теории, таких как статическое частичное равновесие в духе Маршалла, поиск объяснения явлений с использованием некой версии анализа рыночного спроса и предложения и так далее.

Во-вторых, обратим внимание на то, что Роббинс рассказывает о европейской и британской экономической мысли. Единственный американский экономист в его лекциях — это Ирвинг Фишер (Фридриха Листа можно не считать). С не-

которыми важными исключениями, особенно после Второй мировой войны, история неоклассической экономической теории представляет собой преимущественно американскую историю.

В-третьих, практика экономической науки в целом, равно как и каждой из школ, из которых состояла экономическая наука в XX веке, гетерогенна. Неоклассика в ней доминирует, особенно после Второй мировой войны, но то, что все это время считалось как ортодоксией, так и гетеродоксией, принимало самые разные формы.

В-четвертых, количество экономистов, а значит, и способы практики экономической науки, многократно возросло в течение XX века. Для примера, первый том алфавитного указателя «Economic Journal» покрывает период с 1886 по 1924 год, почти сорок лет. Страницы, на которых располагается алфавитный указатель журнальных статей, пронумерованы 1–156. Страницы, на которых перечислены авторы, пронумерованы 157–270. Страницы, отведенные под список журналов, пронумерованы xvii–xx. Всего получается 156, 114 и 4 страницы соответственно. В восьмом томе алфавитного указателя, в котором перечислены как журналы, так и сборники статей только за один 1966 год, эти же разделы занимают 232, 193 и 5 страниц. В тридцать шестом томе они занимают 1300, 882, и 30 страниц. Как мы видим, в ходе XX века мир экономической мысли и ее истории стал значительно шире, сложнее и разнообразнее.

В-пятых, Роббинс, скорее всего, придерживался бы пространенной практики необсуждения «современной» экономической теории. На это могут быть разные причины, но одна из них очевидна: историк слишком близко стоит к современным авторам и разработкам, чтобы объективно на них смотреть.

Таким образом, мы стоим перед следующими вопросами: как много внимания Роббинс уделил бы многообразию неоклассической экономической теории? Много ли времени он посвятил бы развитию неоклассической теории до Хикса и Самуэльсона? Сосредоточил бы он внимание на британских или британских и европейских авторах? Стал бы он отдельно рассматривать развитие австрийской школы? Как бы он подошел к развивающейся социалистической традиции, американскому институционализму, неорикар-

дианству и так далее, и стал бы вообще о них рассказывать? Как бы он подошел к хиксианской и постхиксианской экономической теории общего равновесия, особенно в отношении к Маршаллу? Что бы он сказал о Джоан Робинсон и Джоне Мейнарде Кейнсе, а также о посткейнсианской экономической теории, как в США так и в Англии/Италии? Были бы ответы иными, если бы он читал лекции по этим темам, например, в 1997–1998 годах (Роббинс, который родился в 1898 году, умер в 1984), а не в 1979–1981?

Мы считаем, что будет вполне справедливо предположить, что Роббинс бы сконцентрировал основное внимание на избранных фигурах неоклассического мейнстрима, уделив более или менее существенное время нескольким избранным авторам других школ. Мы также считаем, что он поднял бы основные темы, интересовавшие неоклассическую школу: теорию цен, теорию капитала, денежную теорию и т. д.

Помня обо всем вышесказанном, давайте пунктирной линией разметим развитие экономической науки в XX веке так, как мы его видим, обращая особое внимание на новаторскую неоклассическую теорию, на то, что обратил бы внимание Роббинс, и на то, что еще произошло в практике экономической науки за этот период.

1. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Широкие рамки неоклассической микроэкономики были заданы Альфредом Маршаллом в его «Принципах экономической науки». Ее центральный предмет — анализ цен и количеств на более или менее конкурентных рынках, соответствующие экономические характеристики факторов производства, соответствующие роли домохозяйств и фирм в создании спроса и предложения, роль времени в смысле разных периодов, необходимых разным факторам и силам для того, чтобы стать результативными, а также, *inter alia*, влияние всего вышеперечисленного на компенсацию факторов производства. Крупные социальные вопросы, такие

как отношения между капиталом и трудом, природа и источник экономического прогресса, а также проблемы общей организации экономики, неоклассическая теория не игнорирует, но и не придает им центрального значения. Маршалл занял инструменталистскую позицию, создавая разные концепции, которые могут быть использованы вместе как аналитический механизм, и не рассматривая их как самостоятельные, истинные спецификации реальной экономики. В некоторой степени Маршалл занимался синтезом, комбинируя теорию ценности, основанную на предельной полезности, с теорией ценности, основанной на издержках производства. Его творческая роль заключалась отчасти в конвертации теории ценности в теорию цен и включении в нее временного анализа периодов. Но Маршалл не мог включить все интересующие его вопросы в то, что позднее стало называться микроэкономикой, и не мог избежать дальнейшего анализа тем, историческую конфликтность которых он, возможно, пытался сгладить.

Рассматривая механизм рыночной цены со стороны спроса, экономисты впоследствии задались вопросом о том, является ли полезность ординальной или кардинальной. Решения этого вопроса искали в использовании кривых безразличия и в выявленных предпочтениях. Вопрос был отчасти переформулирован, когда экономисты начали определять объекты покупки и продажи в терминах их социально-психологических характеристик, а не как специфические товары. Со временем спецификация экономических проблем как вопросов условной максимизации привела к широкому использованию функций полезности различных уровней специфичности. Кроме того, со временем экономисты при помощи психологов переформулировали идею «рациональности», дополнив ее различными осложнениями и влиянием социальных факторов.

Со стороны спроса экономисты стремились работать с моделями чистой конкуренции. Однако они также рассматривали и развивали модели неконкурентных условий: теории монополии, дуополии, олигополии, несовершенной конкуренции и монополистической конкуренции. В этих теориях возрастающее значение приобретала роль экономики на масштабе. Экономисты также продолжали работать с максимизацией прибыли как с целью фирмы. Но некото-

рые экономисты исследовали область моделирования фирмы при помощи других целевых функций, таких как доля рынка, ограниченная рациональность, долгосрочные доходы менеджеров и ценность ценных бумаг фирмы. Аналогично большинство экономистов большую часть времени предполагали, что экономическим акторам свойственно нечто близкое к совершенной определенности; но некоторые исследовали ситуации неопределенности, например, по линии субъективных вероятностей. Разные, совсем не похожие друг на друга концепции «издержек» противопоставлялись друг другу с различными выводами. Создавались сложные теории производства. Иногда фирмы рассматривались как пассивно реагирующие на рыночные силы, а иногда как активные факторы изменений. Отрасли экономики обычно рассматривались как производящие в основном однородные или почти однородные товары, но иногда как группы производителей товаров с высокой перекрестной эластичностью замещения.

Так же как теория цены (ценности) Маршалла была более техничной и сложной, чем теории большинства экономистов до него, появляющиеся теории становились все более техничными и более сложными. Работа экономистов также становилась все более математической и квантитативной, то есть эконометрической и формалистичной.

Эта растущая техничность и сложность, возможно, даже большая утонченность и, определенно, большая противоречивость наблюдались и в других, родственных областях экономической теории. К таким областям принадлежали: 1) экономическая теория благосостояния, в которой на фундаментальном уровне боролись концепции максимизации благосостояния по Пигу и по Парето; 2) теории нестабильности, разнообразные и конфликтующие, однако находящиеся в противоречии с законом Сэя, который, как считалось, исключает экономические циклы малейшей значимости; 3) разнообразные теории роста и динамики, которые необходимо было обосновывать и отличать от доминирующей неоклассической статики; 4) развитие и коррекция теории общего равновесия Вальраса-Парето (Роббинс рассказывает о ней в лекции 21); 5) теории капитала и процента, различающиеся по природе и обоснованию, равно как и по способу их детерминации; 6) теории распределения до-

хода, включая расхождения по поводу того, что должна объяснять теория распределения, и сути теории; 7) более того, помимо обобщенной теории предельной производительности в той или иной форме, существовали еще отдельные теории заработной платы, процента, ренты и прибыли.

Некоторые проблемы монетарной экономической теории также были спорными (а многие таковыми и остаются). Среди таких проблем было определение денег в отношениях между металлическими монетами и бумажными деньгами, а также в отношениях между денежными средствами и банковским кредитом; отношение долга к деньгам вообще, а также к банковским балансам, природа и роль резервов, множественные процессы расширения и сжатия, определение предложения денег, природа и роль коммерческих банков и центрального банка в создании денег и управлении ими, соответствующие роли заменителей денег и небанковых финансовых учреждений, а также прочих институтов, цели монетарной политики и отношение монетарной и банковской системы к государству и обществу.

Несмотря на все различающиеся спецификации и конфликтующие теории, со временем сформировалась каноническая неоклассическая теория, так или иначе связанная с понятием чистой абстрактной неинституциональной концептуальной экономики и с протоколом исследований, нацеленных на поиск уникальных детерминированных вариантов оптимального равновесия.

2. НЕКОТОРЫЕ ЭКОНОМИСТЫ, КОТОРЫМ РОББИНС МОГ БЫ УДЕЛИТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ

Эссе Роббинса «Эволюция современной экономической теории», впервые прочитанное в 1960, а опубликованное в 1970 году в одноименной книге, позволяет сделать вывод о том, что Роббинс бы включил в свои лекции следующие темы: развитие и усовершенствование постмаршаллианской неоклассической теории (теории спроса, фирмы, рынка и международной торговли), кейнсианскую революцию и ее последствия, а также формальную динамическую теорию.

Значительная часть лекций Роббинса посвящалась отдельным личностям. В других лекциях говорилось об общих вопросах, а рассказы об отдельных авторах служили для иллюстрации. Поэтому можно представить себе, что Роббинс посвятил бы одну или две лекции широкому и подробному исследованию развития неоклассической экономической теории в XX веке, более или менее в соответствии с темами, изложенными в первой части этого послесловия и в первом абзаце второй части. Одну лекцию он, возможно, прочел бы о развитии теории цен *per se*, другую — о развитии общей теории рынков, прочие он посвятил бы статике и динамике, теории капитала, теории распределения, теории денег, макроэкономике, экономическому росту и так далее, возможно, включив в свои темы и теорию экономической политики (теорию роли правительства в экономике). Но мы подозреваем, что Роббинс бы сконцентрировал свое внимание на нескольких выдающихся личностях, чья работа либо имела прямое отношение к этим темам, либо была показательна для целой группы ученых и их области исследований. Поскольку Роббинс читал лекции о Джоне Бейтсе Кларке, Карле Менгере, Фридрихе фон Визере, Филиппе Уикстиде, Ойгене фон Бём-Баверке, Ирвинге Фишере, Леоне Вальрасе, Вильфредо Парето и Альфреде Маршалле, мы представляем себе возможный список этих выдающихся личностей следующим образом.

Фрэнк Найт: теория риска, неопределенности и прибыли была призвана объяснить существование прибыли в условиях совершенной конкуренции на основании непредсказуемых и неизмеряемых изменений, от которых невозможно застраховаться. Найт расходился во мнении с австрийцами насчет того, что период производства и норма прибыли с капитала обусловлены ожиданием, выделяя отдельно проблемы измерения и причинной связи. Его теория социальных издержек предвосхищала анализ Парето-Коуза, подчеркивая возможность рыночных решений проблем, связанных с экстерналиями. Он значительно обогатил концептуальные основы микроэкономической теории. Большую часть второй половины своей карьеры Найт посвятил философии экономической науки, общей теории социоэкономической организации и общей теории экономической политики, при этом неизменно концентрируясь на отноше-

ниях между знанием (или тем, что принимается за знание) и социальными действиями, особенно на границах направленной социальной инженерии. Роббинс разделял многие интересы Найта и его идеологию.

Деннис Х. Робертсон и Ральф Дж. Хоутри: Робертсон и Хоутри занимались монетарной экономической теорией и развивали теории экономического цикла и экономической политики до Джона Мейнарда Кейнса и иначе, чем это делал Кейнс. Хоутри подчеркивал монетарную природу экономического цикла и ключевую роль денежной политики в контроле за ним, уделяя центральное внимание спросу на кассовые остатки и ставке дисконтирования центрального банка. Он постепенно отказался от своего мнения о том, что правительственные расходы вытесняют затраты на частные инвестиции, но так и не стал адептом кейнсианской макроэкономики. Робертсон был одновременно союзником и критиком Кейнса. Он занимался денежными и неденежными причинами экономических циклов и был родоначальником современного анализа периодов и анализа отношений между сбережениями и инвестициями. Он критиковал некоторые элементы Кейнсово́й модели, особенно отношение сбережения и инвестирования к доходу и теорию денег, основанную на предпочтении ликвидности. Он оставался ближе к традиционной денежной теории, и в то же время внес значительный вклад в современную макроэкономику.

Йозеф А. Шумпетер: один из наиболее заметных экономистов своего времени. Шумпетер внес свой вклад в теории цены, экономического развития, экономических циклов, а также отчасти, наподобие Макса Вебера, в общую социальную теорию капиталистических экономических систем. Шумпетер скомбинировал теорию равновесия, теорию общественно-экономических формаций и теорию социоэкономической эволюции, что заставляет вспомнить ту работу, которую вели в этом же направлении Вебер и Парето. Шумпетер подчеркивал ключевую роль предпринимателя, инноваций, изначальной монополистической прибыли от инноваций и механизма цен. Он развил многоцикловую модель неустойчивости и свой собственный анализ трансформации капитализма в социализм. Его парадигма была, вероятно, самой широкой и гетерогенной среди всех мейнстримовых экономистов-ортодоксов XX века. Шумпетер разделял

с Роббинсом глубокий интерес к истории экономической мысли и глубокие познания в этой области.

Джон Мейнард Кейнс: Кейнс и Роббинс, первый скорее радикал, а второй скорее консерватор (в значении либерализма XVIII и XIX века), в течение многих лет более или менее соперничали за «титул» ведущего публичного экономиста – эксперта Великобритании. Кейнс, хотя и не без посторонней помощи, создал область макроэкономики, разработав как теорию определения совокупного уровня доходов, так и теорию его нестабильности, обращая особое внимание на детерминанты тех расходов, которые генерируют новую продукцию. Кейнс помог трансформировать денежную теорию и политику, а также по-новому осмыслил роль фискальной политики, нормы заработной платы, сбережений в отношении к инвестициям, нормы процента и так далее. Его общая модель определения дохода, его нестабильности и контроля за ним противоречила многим традиционным экономическим понятиям. Начав как монетарный теоретик, считавший, что монетарная политика играет активную роль в экономической системе, Кейнс затем сместил внимание с уровня цен на уровень дохода и с количества денег на уровень расходов и многочисленные влияющие на него факторы.

Фридрих А. фон Хайек: Хайек внес фундаментальный вклад в австрийскую экономическую теорию и в неоклассическую теорию вообще в таких областях, как цены, производство, теория капитала, субъективизм и общая теория рынков, особенно в отношении знания и незнания. Хайек подчеркивал роль ценового механизма и, соответственно, цен в различных областях: в области накопления капитала, экономических циклов, границ социалистического планирования и роли распределенного знания в формировании спонтанного порядка. Как и Найт, Хайек постепенно двигался от технической стороны экономической теории к вопросам общей социальной теории, концентрируясь на роли ценовых механизмов и рынков, отношениях между знанием и формами социальных действий, теории спонтанного порядка, принципах непреднамеренных и неожиданных последствий и отношениях между общим правом, законодательством и свободой. В процессе этого перехода он работал над позитивными и нормативными аспектами общей теории того, что он считал свободной экономикой и свобод-

ным обществом. Хайек, друг Роббинса и его коллега по Лондонской школе экономики, был антагонистом Кейнса.

Рагнар Фриш и Ян Тинберген: Фриш был мыслителем широкого профиля, но лучше всего известен благодаря своим пионерским трудам в области эконометрики производственных и макроэкономических показателей, а также, хотя и в меньшей степени, благодаря работам в области теории и практики экономического планирования. Тинберген также был автором многих теоретических и эконометрических исследований, посвященных не только производству и планированию, но и экономической теории труда в макроэкономике. Оба эти автора писали как технические труды, так и работы о нетехнических аспектах экономической политики. Оба активно участвовали в планировании экономической политики в своих родных странах, Норвегии и Голландии.

Рой Ф. Харрод: Харрод писал преимущественно о теориях конкурентных и неконкурентных рынков, международной торговле, экономических циклах и общей макроэкономике. Он писал также о том, что можно назвать экономической динамикой и теорией экономического роста. Харрод был увлеченным сторонником высокой теории и обычно работал на уровне неоклассической модели чистой, лишенной институтов, экономики. Это подтверждает его модель роста, впоследствии соединенная с абстрактной моделью Евсея Домара, которая прослеживает зависимость скорости роста от отношений между балансом сбережений и дохода, а также балансом капитала и продукта. При этом Харрод был очень активен в мире экономической политики. Он был одним из главных сторонников кейнсианской революции в макроэкономике; он также был биографом Кейнса.

Джон Р. Хикс: Хикс писал на самые разные темы, и его влияние на практику экономической науки можно сравнить с влиянием Кейнса и Поля Самуэльсона. Его наиболее влиятельные труды касаются теории общего равновесия, макроэкономики, теории заработной платы, теории капитала, а также экономической динамики, но при этом он писал и о теории экономической истории, причинности и методологических вопросах.

Поль А. Самуэльсон: Самуэльсон, без сомнения, является самым главным экономистом XX века. Он автор работ практически во всех областях экономической теории, в том

числе в области теории капитала, поведения потребителя, роста, экономики благосостояния, теории государственных расходов, международной торговли, макроэкономики, фискальной политики и так далее. Наиболее заметные вклады Самуэльсона в экономическую науку — подход к экономическим проблемам как к проблемам условной максимизации, математизация экономической науки, а также его неоклассический синтез, сочетание неоклассической микроэкономики с кейнсианской макроэкономикой, сыгравший ключевую роль в принятии кейнсианской теории в Соединенных Штатах и других странах.

Саймон Кузнец и Ричард Стоун: и Кузнец, и Стоун много работали в области учета национального дохода и его анализа. Стоун занимался экономическим исследованием целого ряда важных тем, таких как измерение потребления, но также изучал теорию и проблемы измерения *per se*. Кузнец изучал циклические и прочие экономические изменения и разработал подход к экономическому росту, одновременно искусный с точки зрения техники и богатый с точки зрения социального, демографического и исторического наполнения.

Милтон Фридмен: Фридмен известен прежде всего тем, что переформулировал и изложил эконометрическим языком количественную теорию денег, а также своей теорией потребительской функции, основанной на постоянном доходе, и несколькими вкладами в микроэкономiku, в том числе, в теорию полезности. Его монетаристская контрреволюция, протест против Кейнсовой и кейнсианской макроэкономики, против неоклассического синтеза Самуэльсона, была одной из основных тем профессиональной и общественной полемики как минимум в течение тридцати лет после окончания Второй мировой войны.

Среди других персонажей, которые, возможно, заинтересовали бы Роббинса, можно назвать Артура Сесила Пигу и Джоан Робинсон. Пигу сформулировал подход к экономике благосостояния, основание которого заложили еще Генри Сиджуик и Альфред Маршалл. Пигу также внес свой вклад в большинство, если не во все основные области экономической науки своего времени, в том числе в теории труда, государственного бюджета, экономических циклов и так далее. Робинсон рано прославилась благодаря своей теории несо-

вершенной конкуренции и геометрическим методам ее исследования. Поскольку Робинсон была англичанкой, Роббинс почти наверняка выбрал бы рассказ о ее работе, а не о трудах ее научного соперника, американца Эдуарда Х. Чемберлина. Однако Роббинсу вряд ли бы захотелось рассказывать о большей части поздних трудов Робинсон, в которых она принижала неоклассическую экономическую теорию и пользовалась аргументами, весьма далекими от ортодоксии, если не сказать радикальными. Робинсон была основателем европейской посткейнсианской экономической теории, идеи которой о распределении, макроэкономике и производстве сильно отличались от неоклассической теории.

Весьма вероятно, что Роббинс взялся бы освещать развитие австрийской или австрийско-чикагской школы, возможно, подробно рассказал бы о Хайеке и Фридмене, а возможно, что и о полемике вокруг экономического расчета при социализме. Менее вероятно, что он подробно остановился бы на теме эконометрической революции, хотя, безусловно, он привлек бы к ней особое внимание своих студентов. Возможно, он посвятил бы несколько лекций теориям экономического развития и экономической политики, равно как и новой экономической теории благосостояния (по этим темам он издал несколько книг), а также различным вариациям неоклассической теории.

Возможно также, что Роббинс бы решил включить в свои лекции одну или несколько специализированных областей, которые выкристаллизовались и/или распространились в XX веке, хотя он и не был знаком с этими темами так же близко, как с перечисленными выше. Среди таких тем — международная экономическая теория, экономика труда, государственных финансов, экономическая теория народонаселения, организация промышленности, технологический прогресс, городская и региональная экономика, экономическая теория финансов, экономический рост и развитие. Весьма вероятно, что он решил бы посвятить свои лекции двум областям, в которые внес наиболее ощутимый научный вклад: истории экономической мысли и методологии экономической науки.

Остается неясным, включил ли бы Роббинс в лекции некоторые нововведения, появившиеся в экономической теории в конце XX века, и если да, то как бы он освещал их. Это

относится к теории игр, теории рациональных ожиданий, теории реального экономического цикла, теории общественного выбора, новой институциональной экономической теории, новой классической макроэкономике, новой кейнсианской теории, экспериментальной экономике, экономической психологии и так далее.

3. ПРОЧИЕ НОВШЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Значительная часть того, что перечислено в качестве предположений во второй части этого послесловия, составляет основу неоклассической экономической теории — школы, которую Роббинс очевидно ассоциировал с научной дисциплиной «экономическая теория». Но экономическая наука шире, чем неоклассическая теория, и в нее входит больше, чем то, что мы перечислили выше. Вряд ли Роббинс стал читать лекции об этих школах и предметах, хотя он, вероятно, упомянул бы их походя.

Можно перечислить несколько таких тем:

1. Вариации марксистской и прочей социалистической и радикальной экономической теории.
2. Посткейнсианская теория в ее британско-итальянской и/или американской форме, а также неорикардиянская экономическая теория.
3. Вариации старой американской институциональной и эволюционной экономической теории Торстейна Веблена, Джона Р. Коммонса, Уолтона Хамильтона, Уэсли К. Митчелла и других.
4. Вариации экономической истории.
5. Теории планирования.
6. Начальные стадии теоретического и эмпирического анализа технологической и экономической организации.
7. Разные виды теоретизирования об общих экономических системах.

Мы бы удивились, если бы Роббинс решил включить в лекции, например, Джона Р. Коммонса, Торстейна Веблена,

Джона Кеннета Гэлбрейта, Гуннара Мюрдаля, Николаса Калдора, Михала Калецки, Пола Суизи, Мориса Добба или, среди прочих, Пьеро Сраффу.

Дело в том, что никто из перечисленных авторов, или очень немногие из них, не соответствует взглядам Роббинса на суть экономической науки и истории экономической мысли. Так сложилось, что история экономической мысли не пишет себя сама. И какие бы темы ни отобрал для своих лекций Роббинс, его выбор способствовал бы созданию в нашем сознании образа истории экономической мысли.

Стивен Г. Медема и Уоррен Дж. Самуэльс

Список литературы

Книги по общей истории экономической теории

- Backhouse, Roger.* A History of Modern Economic Analysis. New York: Blackwell, 1985.
- Blaug, Mark.* Economic Theory in Retrospect. 5th ed. New York: Cambridge University Press, 1995.
- Dasgupta, A. K.* Epochs of Economic Theory. New York: Blackwell, 1985.
- Done, Takuo.* History of Economic Theory: A Critical Introduction. Brookfield: Elgar, 1994.
- Ekelund, Robert B., Jr. and Robert F. Herbert.* A History of Economic Theory and Method. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 1990.
- Negishi, Takashi.* History of Economic Theory. New York: North Holland, 1989.
- Niehans, Jürg.* A History of Economic Theory: Classic Contributions, 1720–1980. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990.

Некоторые экономисты, о которых с большой вероятностью стал бы рассказывать Роббинс

МИЛТОН ФРИДМЕН (Milton Friedman)

- with Simon Kuznets, *Income from Independent Professional Practice*, New York: NBER, 1945.
- Essays in Positive Economics*, Chicago: University of Chicago Press, 1953.
- A Theory of the Consumption Function*, Cambridge: Harvard University Press, 1957.
- A Program for Monetary Stability*, New York: Fordham University Press, 1959.
- Capitalism and Freedom*, Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- with Anna J. Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867–1960*, Princeton: Princeton University Press, 1963.
- The Optimum Quantity of Money and Other Essays*, Chicago: Aldine, 1969.

РАГНАР ФРИШ (Ragnar Frisch)

Theory of Production, Dordrecht: Reidel, 1965.
Economic Planning Studies, Dordrecht: Reidel, 1976.

РОЙ Ф. ХАРРОД (Roy F. Harrod)

The Trade Cycle, London: Macmillan, 1936.
Towards a Dynamic Economics, London: Macmillan, 1948.
Life of John Maynard Keynes, London: Macmillan, 1951.
Economic Dynamics, London: Macmillan, 1975.

РАЛЬФ Г. ХОУТРИ (Ralph G. Hawtrey)

Currency and Credit, London: Macmillan, 1919.
Economic Aspects of Sovereignty, London: Longmans, 1930.
The Art of Central Banking, London: Macmillan, 1932.
A Century of Bank Rate, London: Longmans, 1938.
Capital and Employment, London: Longmans, 1939.
Bretton Woods: For Better or Worse, London: Longmans, 1946.
Incomes and Money, London: Longmans, 1967.

ФРИДРИХ А. ФОН ХАЙЕК (Friedrich A. Von Hayek)

Prices and Production, New York: Macmillan, 1931.
The Pure Theory of Capital, New York: Routledge & Kegan Paul, 1941.
Individualism and Economic Order, London: Routledge & Kegan Paul, 1949.
The Constitution of Liberty, New York: Routledge & Kegan Paul, 1960.
The Sensory Order, Chicago: University of Chicago Press, 1963.
Studies in Philosophy, Politics and Economics, New York: Routledge & Kegan Paul, 1967.
Law, Legislation and Liberty, 3 vols., New York: Routledge & Kegan Paul, 1973, 1976, 1979.
New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas, New York: Routledge & Kegan Paul, 1978.
Money, Capital and Fluctuations, New York: Routledge & Kegan Paul, 1984.
The Fatal Conceit, Chicago: University of Chicago Press, 1988.

ДЖОН Р. ХИКС (John R. Hicks)

Theory of Wages, London: Macmillan, 1932.
Value and Capital, Oxford: Oxford University Press, 1939.

- The Social Framework, Oxford: Oxford University Press, 1942.
 Capital and Growth, Oxford: Oxford University Press, 1965.
 Critical Essays in Monetary Theory, Oxford: Oxford University Press, 1967.
 The Crisis in Keynesian Economics, Oxford: Basil Blackwell, 1975.
 Collected Essays in Economic Theory, 3 vols., Oxford: Basil Blackwell, 1981, 1982, 1983.

ДЖОН МЕЙНАРД КЕЙНС (John Maynard Keynes)

- A Treatise on Money, 2 vols., London: Macmillan, 1930.
 The General Theory of Employment, Interest and Money, London: Macmillan, 1936.
 The Collected Writings of John Maynard Keynes, 30 vols., London: Macmillan, 1971-1983.

ФРЭНК Х. НАЙТ (Frank H. Knight)

- Risk, Uncertainty and Profit, London: London School of Economics, 1921.
 The Ethics of Competition, Chicago: University of Chicago Press, 1935.
 Freedom and Reform, New York: Harper, 1947.
 On the History and Method of Economics, Chicago: University of Chicago Press, 1956.
 Intelligence and Democratic Action, Cambridge: Harvard University Press, 1960.

САЙМОН КУЗНЕЦ (Simon Kuznets)

- Secular Movements in Production and Prices, Boston: Houghton Mifflin, 1930.
 with Milton Friedman, Income from Independent Professional Practice, New York: NBER, 1945.
 National Product since 1869, New York: NBER, 1946.
 National Income: A Summary of Findings, New York: NBER, 1946.
 Modern Economic Growth, New Haven: Yale University Press, 1966.
 Economic Growth of Nations, Cambridge: Harvard University Press, 1971.
 Population, Capital and Growth: Selected Essays, New York: W. W. Norton, 1973.
 Growth, Population, and Income Distribution: Selected Essays, New York: W. W. Norton, 1979.

АРТУР СЕСИЛ ПИГУ (Arthur Cecil Pigou)

Principles and Methods of Industrial Peace, New York: Macmillan, 1905.

Unemployment, New York: Holt, 1914.

The Economics of Welfare, London: Macmillan, 1920.

The Political Economy of War, London: Macmillan, 1921.

Industrial Fluctuations, London: Macmillan, 1927.

A Study in Public Finance, London: Macmillan, 1928.

The Theory of Unemployment, London: Macmillan, 1933.

The Economics of Stationary States, London: Macmillan, 1935.

Socialism versus Capitalism, London: Macmillan, 1937.

Employment and Equilibrium, London: Macmillan, 1941.

Income: An Introduction to Economics, London: Macmillan, 1946.

The Veil of Money, London: Macmillan, 1949.

Essays in Economics, London: Macmillan, 1952.

ДЕННИС Х. РОБЕРТСОН (Dennis H. Robertson)

A Study of Industrial Fluctuations, London: P. S. King, 1915.

Banking Policy and the Price Level, London: P. S. King, 1926.

Utility and All That, London: George Allen, 1950.

Essays in Monetary Theory, London: P. S. King, 1940.

ДЖОАН РОБИНСОН (Joan Robinson)

Economics of Imperfect Competition, London: Macmillan, 1933.

Essays in the Theory of Employment, London: Macmillan, 1937.

An Essay on Marxian Economics, London: Macmillan, 1942.

Accumulation of Capital, London: Macmillan, 1956.

Economic Philosophy, London: C. A. Watts, 1962.

Aspects of Development and Underdevelopment, Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Collected Economic Papers, 5 vols., Oxford: Basil Blackwell, 1951-1973.

ПОЛ А. САМУЭЛЬСОН (Paul A. Samuelson)

Foundations of Economic Analysis, Cambridge: Harvard University Press, 1947.

Economics, 1st ed., New York: McGraw-Hill, 1948.

Collected Scientific Papers, 4 vols., Cambridge: MIT Press, 1966-1977.

ЙОЗЕФ А. ШУМПЕТЕР (Joseph A. Schumpeter)

Theory of Economic Development, Cambridge: Harvard University Press, 1934 (1912).

Business Cycles, 2 vols., New York: McGraw-Hill, 1939.

Capitalism, Socialism and Democracy, New York: Harper, 1942.

History of Economic Analysis, New York: Oxford University Press, 1954.

РИЧАРД СТОУН (Richard Stone)

with James E. Meade, National Income and Expenditure, Oxford: Oxford University Press, 1944.

The Role of Measurement in Economics, Cambridge: Cambridge University Press, 1951.

with J.A.C. Brown, A Computable Model of Economic Growth, London: Chapman & Hall, 1962.

Mathematics in the Social Sciences and Other Essays, London: Chapman & Hall, 1966.

Mathematical Models of the Economy and Other Essays, London: Chapman & Hall, 1970.

ЯН ТИНБЕРГЕН (Jan Tinbergen)

Statistical Testing of Business Cycle Theories, 2 vols., Geneva: League of Nations, 1939.

On the Theory of Economic Policy, Amsterdam: North-Holland, 1952.

Economic Policy: Principles and Design, Amsterdam: North-Holland, 1956.

Income Distribution, Amsterdam: North-Holland, 1975.

Другие авторы
по экономической теории

ДЖОН Р. КОММОНС (John R. Commons)

Trade Unions and Labor Problems, Boston: Ginn, 1905.

Industrial Government, New York: Macmillan, 1921.

The Legal Foundations of Capitalism, New York: Macmillan, 1924.

Institutional Economics, New York: Macmillan, 1934.

The Economics of Collective Action, Madison: University of Wisconsin Press, 1950.

МОРИС ДОББ (Maurice Dobb)

Political Economy and Capital: Some Essays in Economic Tradition, London: Routledge & Kegan Paul, 1937.

Studies in the Development of Capitalism, London: Routledge & Kegan Paul, 1946.

On Economic Theory and Socialism, London: Routledge & Kegan Paul, 1955.

Welfare Economics and the Economics of Socialism, Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

Theories of Value and Distribution since Adam Smith, Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

ДЖОН КЕННЕТ ГЭЛБРЕЙТ (John Kenneth Galbraith)

American Capitalism, Boston: Houghton Mifflin, 1952.

The Affluent Society, Boston: Houghton Mifflin, 1955.

The New Industrial State, Boston: Houghton Mifflin, 1967.

Economics and the Public Purpose, Boston: Houghton Mifflin, 1973.

НИКОЛАС КАЛДОР (Nicholas Kaldor)

Collected Economic Essays, 8 vols., London: Duckworth, 1960–1980.

The Scourge of Monetarism, Oxford: Oxford University Press, 1982.

Economics without Equilibrium, New York: M. E. Sharpe, 1985.

МИХАЛ КАЛЕЦКИ (Michal Kalecki)

Essays in the Theory of Economic Fluctuations, London: Allen & Unwin, 1939.

Studies in Economic Dynamics, London: Allen & Unwin, 1943.

Theory of Economic Dynamics: An Essay on Cyclical and Long-run Changes in Capitalist Economy, London: Allen & Unwin, 1954.

Studies in the Theory of Business Cycles, 1933–1939, Oxford: Basil Blackwell, 1966.

Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy, 1933–1970, Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

Selected Essays on the Economic Growth of the Socialist and the Mixed Economy, Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

ГУННАР МЮРДАЛЬ (Gunnar Myrdal)

Monetary Equilibrium, London: Hodge, 1939.

An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy, New York: Harper, 1944.

The Political Element in the Development of Economic Theory, London: Routledge & Kegan Paul, 1953.

Economic Theory and Underdeveloped Regions, London: Duckworth, 1957.

Value in Social Theory, London: Routledge & Kegan Paul, 1958.

Beyond the Welfare State, New Haven: Yale University Press, 1960.

Challenge to Affluence, New York: Pantheon, 1963.

Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations, New York: Twentieth Century Fund, 1968.

Objectivity in Social Research, New York: Pantheon, 1969.

Against the Stream, New York: Pantheon, 1972.

ПЬЕРО СРАФФА (Piero Sraffa)

The Works and Correspondence of David Ricardo, 11 vols., Cambridge: Cambridge University Press, 1951-1973.

Production of Commodities by Means of Commodities, Cambridge: Cambridge University Press, 1962.

ПОЛЬ М. СУИЗИ (Paul M. Sweezy)

The Theory of Capitalist Development: Principles of Marxian Political Economy, New York: Monthly Review Press, 1942.

with Paul A. Baran, Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order, New York: Monthly Review Press, 1966.

Modern Capitalism and Other Essays, New York: Monthly Review Press, 1972.

ТОРСТЕЙН ВЕБЛЕН (Thorstein Veblen)

The Theory of the Leisure Class, New York: Macmillan, 1899.

The Theory of Business Enterprise, New York: Charles Scribner's Sons, 1904.

The Instinct of Workmanship, New York: Huebsch, 1914.

Imperial Germany and the Industrial Revolution, New York: Macmillan, 1915.

An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation, New York: Macmillan, 1917.

The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Businessmen, New York: Huebsch, 1918.

The Vested Interests and the Common Man, New York: Huebsch, 1919.

The Place of Science in Modern Civilization, New York: Huebsch, 1919.

The Engineers and the Price System, New York: Huebsch, 1921.

Absentee Ownership and Business Enterprise in Recent Times, New York: Huebsch, 1923.

Приложение А

Список книг для чтения

Лайонела Роббинса

ЛЕКЦИИ ЛОРДА РОББИНСА ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1. Библиография

Приведенный здесь список является руководством по внеклассному чтению для студентов, готовящихся сдавать экзамены по истории экономической мысли для получения степени бакалавра или магистра экономических наук. В нем приведено значительно больше книг, чем студент или даже аспирант может прочитать за время, отведенное для подготовки к экзаменам. Однако этот список не является списком книг, обязательных к прочтению, скорее, он служит путеводителем по области, в которой чтение чрезвычайно полезно — библиотекой избранных работ. Каждый студент должен сам выбирать книги из этой библиотеки согласно своим интересам и способности к ассимиляции.

Универсальным ключом к успеху в этой области знаний служит изучение оригинальных текстов. Большинство коротких книг по истории экономической мысли, написанных наподобие учебников, с упрощенными обобщениями и аккуратными классификациями, стоит избегать. В этой области немало второсортных работ, которые не полезны никому, а особенно вредны они новичку. Ниже приведен список авторитетных вторичных авторов, с трудами которых на определенной стадии учебы можно консультироваться с пользой. Студент, который ничего не знает об истории экономической науки, может начать с чтения *Economics in Retrospect* Блауга — эта книга сама по себе выдающаяся. Однако никакой вторич-

ный автор не заменит контакта с оригинальными текстами. Книги о книгах, как правило, бывают полезны только тем, кто знаком с теми книгами, о которых в них говорится.

В моем списке оригинальные тексты перечислены отдельно от комментариев.

Тексты

А. Истоки экономической науки.

Книга Монро *Early Economic Thought* (Harvard University Press) содержит исключительно ценную подборку отрывков из текстов со времен Аристотеля и до момента выхода «Богатства народов» Адама Смита. Компиляция отрывков лучше избегать: они способствуют поверхностному подходу и неглубокому погружению в тему. Однако к компиляции Монро это не относится. Он приводит обширные отрывки или целые работы, и от того, что они объединены под одной обложкой, а не напечатаны в виде отдельных книг или памфлетов, студенту только удобнее.

Дополнительно работы этого периода можно почитать в бесценном сборнике *Scarce Tracts* под редакцией Маккуллоха, в издании либо Лондонского клуба политической экономики, либо лорда Оверстоуна. В них входят следующие тексты:

Early Tracts on Commerce
Old and Scarce Tracts on Money
Select Tracts on Paper Currency, etc.
Select Tracts on the National Debt
Select Tracts on Commerce
Miscellaneous Economic Tracts

Оригинальные тексты нелегко найти. Однако сборник *Early Tracts on Commerce* был переиздан Обществом экономической истории, кроме того, полный набор трактатов недавно был переиздан в Америке.

Некоторые пробелы этого сборника восполняет книга: *W. A. Shaw, Select Tracts, etc., Illustrative of English Monetary History.*

Другая серия памфлетов и трактатов, относящихся преимущественно к этому периоду, но включающая также некоторые классические работы, — это знаменитая серия Университета им. Джонса Хопкинса, что в Балтиморе: *A Reprint*

of *Economic Tracts*. Многие из книг этой серии все еще в печати, в хороших университетских библиотеках их нетрудно найти. Они содержат ценные предисловия и примечания.

Полезным сборником является также *Écrits notables sur la monnaie de Copernic à Davanzati* под редакцией Дж. Ле Браншю (Alcan, 1934).

Книга *Economic Writings of Sir William Petty* под редакцией Халла — ценное издание трудов первого англичанина, который применил к экономической теории по-настоящему научный подход. Особенно важны *Treatise on Taxes* и *Quantulumcunque Concerning Money*.

Само собой разумеется, что никто не ждет от студента чтения всех трактатов и памфлетов, напечатанных в этих сборниках. Каждый студент должен сам выбирать, что читать. Но он, безусловно, должен прочесть все отрывки, приведенные у Монро; *The Discourse of the Commonwealth* авторства У.С. (эта работа не вышла ни в одной из упомянутых выше серий; она есть у Ле Браншю, а также вышла в издательстве Cambridge University Press под редакцией Мисс Ламонд), а также *Some Considerations of Lowering the Interest and Raising the Value of Money and Further Considerations, etc.* Джона Локка. Напротив, аспирант, нацеленный на профессиональную карьеру в нашей области, со временем должен прочесть все перечисленные здесь труды. Но даже он должен выбирать, с чего ему начать; мои лекции могут стать в этом некоторым подспорьем.

Б. Французская и прочая небританская экономическая мысль XVIII века

В этом разделе необходимо знать две работы: *Essai sur la nature du commerce* Кантильона, под редакцией Генри Хиггса, в издании Королевского экономического общества, где оригинальному тексту сопутствует перевод. Можно найти также современное французское издание под редакцией Сове.

Tableau économique Кенэ, под редакцией Кучински и Мика (Королевское экономическое общество). Эта работа также воспроизведена с бесценными комментариями Мика в его книге *Economics of Physiocracy*. Монро воспроизводит ее без комментариев.

Помимо этих трудов, полезно также прочесть *L'ordre naturel* Мерсье де ла Ривьера и *Origins et progres d'une science*

nouvelle Дюпона де Немура. (Обе работы изданы в серии *Économistes et réformateurs sociaux de la France*.)

Работа *Réflexions sur la formation et distribution des richesses* Тюрго (переводы есть в серии *Harvard Economic Reprints* и в книге Мика *Turgot: Progress Sociology and Economics*) отчасти связана с физиократией, но сама по себе является важным вкладом в науку. *Le commerce et le gouvernement* Кондильяка безусловно заслуживает внимания.

Della Moneta Галиани является одной из самых выдающихся работ в экономической мысли XVIII века. Наиболее важные отрывки можно найти в переводе на французский язык под названием *De la monnaie*, под редакцией Буске и Крисафалли.

Сэр Джеймс Стюарт, *An Inquiry into the Principles of Political Economy*. Сокращенное издание этой редкой работы вышло под редакцией доктора Скиннера.

В книге Мика *Precursors of Adam Smith 1750-1775* есть полезные отрывки из французской и английской мысли XVIII века.

В. Классические английские экономисты и Жан-Батист Сэй

В этом разделе обязательны к прочтению три работы: *Economic Essays* Юма (их можно найти в *Writings on Economics* Юма под редакцией Ротвайна), *Wealth of Nations* Адама Смита и *Principles* Рикардо. Если не изучить как следует эти книги, вы, скорее всего, не сможете адекватно продолжать работу над этим периодом.

Лучшее издание *Wealth of Nations* это издание под редакцией Кэмпбелла, Скиннера и Тодда, вышедшее в Университете Глазго, но издание Кэннана также весьма полезно, и его можно недорого купить в американской серии *Modern Library Edition* либо в издательстве *Methuen*.

The Law of Nature and Natives Пуфендорфа и *System of Moral Philosophy* Фрэнсиса Хатчесона служат полезной основой для понимания экономической мысли Адама Смита.

Principles Рикардо вышли в недорогом издании в серии *Everyman Library*, но традиционно я рекомендую первый том великолепного труда доктора Сраффы *Works of Ricardo* (издание Королевского экономического общества). Студентам, которые всерьез относятся к изучению Рикардо, имеет

смысл прочесть основные его экономические эссе, которые помещены в третий и четвертый том этого издания, кроме того, письма, приведенные в томах с седьмого по девятый, проливают свет на различные аспекты экономической мысли того времени.

Помимо этих работ есть еще несколько важных трудов, с которыми стоит ознакомиться, хотя и не предполагается, что у студента будет время прочесть их все:

Кэрнс, *Scope and Logical Method of Political Economy, Some Leading Principles of Political Economy*.

Мальтус, *Essay on Population*. Нужно читать первое издание, переизданное Королевским экономическим обществом. Но необходимо также ознакомиться с сутью важных изменений доктрины, внесенных Мальтусом во второе издание. *Political Economy* (переиздание Лондонской школы экономики) Мальтуса также важна для подробного изучения истории экономической мысли.

Джеймс Милль, *Selected Economic Writings*, под редакцией Уинча.

Джон Стюарт Милль, *Principles of Political Economy*. Издание Торонтского университета содержит лучший текст и лучшие комментарии. Сборник *Essays on Economics and Society* (Торонто, 1967) содержит эссе, первоначально вышедшие под названием *Unsettled Questions of Political Economy*. Сборник *Unsettled Questions* также был переиздан в серии ЛШЭ Reprints of Scarce Works, etc.

Жан-Батист Сэй, *Traite d'économie politique*. Не дайте себя отвратить от прочтения этой книги ни тому, что вы слышали о законе Сэя, ни тому факту, что традиция Сэя много лет сдерживала развитие экономической науки во Франции.

Сениор, *Political Economy* (переиздание вышло в 1938 году в издательстве Allen and Unwin) и три сборника лекций, вышедшие в серии LSE Reprints.

Торнтон, *Paper Credit* (издание под редакцией Хайека). Лучшая работа по теории денег, написанная до XX века.

Тук, *An Inquiry into the Currency Principle* (серия LSE Reprints).

Фуллартон, *On the Regulation of Currencies*. Это лучшее изложение позиции представителей так называемой банковской школы.

Торренс, *Letters on Commercial Policy* (серия LSE Reprints), и третье издание *Act of 1844* Сэра Роберта Пиля («Акт» явля-

ется лучшим существующим изложением позиции представителей так называемой денежной школы CURRENCY School).

Доклад *The Bullion Report*, под редакцией Кэннана вышедший под названием *The Paper Pound* (недавно был переиздан издательством Cass).

Г. Экономическая мысль социалистов

Необходимо уделить некоторое внимание идеям социалистов XIX века в той мере, в которой они касаются экономических вопросов. Исследование части этой области можно найти у Антона Менгера в книге *Right to the Whole Produce of Labour* под редакцией Фоксуэлла, обратите внимание на длинное предисловие Фоксуэлла. Некоторые из работ, на которые он ссылается, например, *Essay on Human Happiness* Грэя и *Labour's Wrongs and Labour's Remedies* Брэя, вышли в серии LSE Reprints. Подборка трудов Сен-Симона под редакцией Маркхэма вышла в издательстве Blackwell, а основополагающий труд Базара и Анфантена *Exposition du Doctrine de St. Simon* под редакцией Бугля и Галеви вышел в серии *Économistes et réformateurs sociaux de la France*.

Что касается марксистской теории, то первый том «Капитала» является *locus classicus* самых известных доктрин Маркса, но глубокие знания о его системе можно приобрести только при более обширном чтении, в том числе знакомства со вторым и третьим томами «Капитала» и более ранними трудами *Critique of Political Economy* и *Theorien über den Mehrwert*, частично переведенными Боннером и Бернсом в книге *Theories of Surplus Value*.

Д. Экономический национализм и историческая школа

Студенты должны быть знакомы с обоими этими источниками критики в адрес классической английской школы. По теме экономического национализма классическими трудами считаются *Report of Manufacturers* Гамильтона, переизданный Columbia University Press, 1936, и *System of National Economy* Листа.

Критику, высказанную представителями так называемой исторической школы в адрес классической системы, мож-

но найти преимущественно в трудах немцев, особенно у Рощера, Хильдебранда, Книса и Шмоллера. Англоязычные труды, авторы которых высказывают схожую точку зрения, — это *An Introductory Lecture* Р. Джонса, вышедшая в его сборнике *Literary Remains* под редакцией Хьюэлла в 1859 году, а также *Essays on Political and Moral Philosophy* Клиффа Лесли. См. также *Postulates of English Political Economy* У. Бейджгота. Сбалансированный обзор основных тем в этой области можно найти в Кейнсовой работе *Scope and Method of Political Economy*.

Е. Предшественники современного анализа

В середине XIX века было написано несколько не связанных друг с другом работ, которые предвосхищали ключевые аспекты более поздних теоретических построений. К важнейшим из них относятся:

Курно, *Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses*, 1938. (Перевод на английский был сделан Ирвингом Фишером в 1927 году. Эта работа является основой современных теорий функции спроса и монополии.)

Лонгфилд, *Lectures on Political Economy*, 1834 (серия LSE Reprints). Этот труд предвосхищает теории распределения, основанные на предельной производительности, так же как и следующая работа:

Фон Тюнен, *Der isolierte Staat*, 1826 (переиздана в Йене, 1921). Это еще и *locus classicus* ранней теории местоположения. Выборочно эта книга была переведена под редакцией профессора Холла (Pergamon Press).

Джон Рэ, *New Principles of Political Economy*, 1834. Эта книга известна преимущественно изложением теории процента, основанной на временном предпочтении. Но не менее важны идеи Рэ об изобретениях и его общая критика в адрес Адама Смита. Книга была переименована и переиздана С. У. Микстером в 1905 году под совершенно не подходящим названием *The Sociological Theory of Capital*, но теперь она доступна в нормальном переиздании Kelley или Toronto University Press, причем последнее издание снабжено вводным томом, в котором собраны биографические данные и неопубликованные письма и эссе под редакцией доктора Уоррена Джеймса.

Ф. Херманн, *Staatswirtschaftliche Untersuchungen*.

Г. Г. Госсен, *Entwicklung der Gesetze der menschlichen Verkehr*, 1854 (переиздана с предисловием Ф. Хайека). Первое систематическое изложение теории ценности, основанной на предельной полезности.

Х. фон Мангольдт, *Der Unternehmervergewinn*, 1855. Эта книга является предвестником современной теории прибыли.

Ж. Экономический анализ после 1870-х годов

Переходя к истории более современного экономического анализа, нужно отметить, что основы так называемой революции семидесятых были заложены Джевонсом в его *Theory of Political Economy*, в *Elements* Вальраса, а также в *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* Менгера. Вальрас был переведен профессором Жаффе и издан Королевским экономическим обществом и издательством Allen and Unwin, Менгер был переведен Дингуоллом и Хозелитцем и издан Free Press, что в Иллинойсе. Письма и дневники Стэнли Джевонса, *The Letters and Journals of W. Stanley Jevons*, под редакцией его жены и профессора Коллисона Блэка, а также письма Леона Вальраса, *Correspondence of Leon Walras*, под редакцией Жаффе, имеет смысл прочесть, чтобы пролить дополнительный свет на идеи этих авторов.

Что касается англоязычной литературы, важные достижения содержатся в *Mathematical Psychics* Эджуорта и в работе Уикстида *Essay on the Coordination of the Laws of Distribution*. Стоит также заглянуть в Эджуортову *The Papers Relating to Political Economy* и Уикстидову *Commonsense of Political Economy*.

За развитием так называемых австрийских теорий можно проследить в книге Фридриха Визера *Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes* и его же *Natural Value*, а также у Бём-Баверка в *Capital and Interest*.

В качестве источника информации о развитии Вальрасовой теории полезен *Manual* Парето; смесь австрийской и вальрасианской теории с классическим влиянием можно найти в *Lectures* Викселя и его же *Interest and Prices*.

С развитием американской теории можно ознакомиться в *Distribution of Wealth* Дж. Б. Кларка; в ранних трудах Ирвинга Фишера, *The Nature of Capital and Income*, *The Rate of Interest* и *Mathematical Investigations of the Theory of Value and Price*,

а также необходимым чтением является первый том *Economic Principles* Ф. А. Феттера.

Однако прежде всего остального нужно внимательно прочесть *Principles of Economics* А. Маршалла. Эту книгу нужно читать в восьмом издании либо в издании под редакцией Гийбо, содержащем разные варианты текста и комментарии, выпущенном Королевским экономическим обществом. «Принципы» служат мостиком между историей экономической мысли и современным экономическим анализом, так что, посвятив им внимание, студент сразу убивает двух зайцев. Студенту также имеет смысл прочесть биографию Маршалла и его переписку в сборнике *Memorials of Alfred Marshall*, под редакцией Пигу. Доклады Маршалла на заседаниях Комиссии по золоту и серебру и Комиссии по денежному обращению в Индии, переизданные Королевским экономическим обществом, будет интересно прочесть тем, кто занимается историей денежной теории. Его труд *Pure Theory of the International Domestic Value* (серия LSE Reprints) содержит начала современной геометрической экономической теории. Работы в сборнике *Early Economic Writings of Alfred Marshall*, вышедшем под редакцией Дж. М. Уайтекера, интересно сравнить с воспоминаниями пожилого Маршалла.

Книга Баумоля и Голдфельда *Precursors in Mathematical Economics*, вышедшая в серии LSE Reprints, является антологией работ по этой теме начиная с Бернулли и до наших дней, крайне тщательно отобранных и представленных читателю.

Комментарии

Самым полным исследованием в этой области является *History of Economic Analysis* Шумпетера. Однако это очень объемный труд, который мы не рекомендуем читать студентам в начале обучения. Начинаящие, желающие быстро ознакомиться с темой, могут прочесть более краткую историю Шумпетера, вышедшую по-английски под названием *Economic Doctrine and Method. Economics in Retrospect* Марка Блауга — великолепное введение в экономическую мысль начиная с середины XVIII века; оно содержит обширные биографические данные и, вероятно, в этом смысле является самой полезной книгой для студентов. *Philosophy and Political Economy* Джеймса Бонара — полезное исследование темы, заяв-

ленной в названии. *History of Economic Thought* О. Тейлора — написанная легким языком, но при этом глубокая книга об основных направлениях развития экономической мысли; идеология в ней обсуждается наряду с анализом. *Aspects of the Rise of Economic Individualism* Х. М. Робертсона исследует ошибочные взгляды, встречавшиеся в истории идеологии. Исследование общего характера, в котором автор скорее переходит от темы к теме, чем от мыслителя к мыслителю, содержится в *Review of Economic Theory* Эдвина Кэннана. Ценна также *Geschichte der Wirtschaftstheorie* Шнайдера, особенно в части, посвященной европейским авторам XIX века.

Эссе, посвященные различным областям истории экономической мысли, вы найдете у Боули в *Studies in the History of Economic Theory before 1870*; в *Essays in Economic Thought* под редакцией Спенглера и Аллена; *The Development of Economic Theory* под редакцией Шпигеля, а также в *Economic Thought: A Historical Anthology* под редакцией Герити. Я рекомендую сборник *Essays in the History of Economic Thought* Стиглера. Кроме того, можно заглянуть в *The Evolution of Modern Economic Theory* Роббинса и его же *Theory of Economic Development in the History of Economic Thought*.

Отдельные периоды истории экономической области освещены в следующих трудах:

Economic Analysis before Adam Smith Барри Гордона (название не вполне корректно — описываемый период заканчивается на 1623 году).

Экономическая мысль Платона и Аристотеля в соответствующем разделе «Истории» Шумпетера, вторая часть, вторая глава. См. также *The Political Thought of Plato and Aristotle* Баркера.

Экономическая мысль Средневековья в «Истории» Шумпетера, часть вторая, глава шестая; в *Early British Economics* Макса Бира (здесь отчасти захвачен следующий период), а также в *Interest: A Historical and Analytical Study* Т. Дивайна. Труд Де Рувера *San Bernadino of Siena and Saint Antonino of Florence* исправляет некоторые фундаментальные ошибки, существующие относительно экономической мысли этого периода. *School of Salamanca and Early Economic Thought in Spain* Грайс-Хатчисон содержит первопроходческие эссе по важным темам.

Так называемый меркантилистский период в *Mercantilism* Эли Хекшера, а также в *Economic History* Липсона и *The Position of the Labourer in a System of Nationalism* Фернисса, в *Prede-*

cessors of Adam Smith Джонсона, *Zur Geschichte des englischen Volkswirtschaftslehre* Рошера, *Revisions in Mercantilism* под редакцией Коулмана, *Mercantilism and the East India Trade* П. Дж. Томаса. *British Colonial Theories 1570–1850* Кнорра покрывает как меркантилистский, так и классический период.

Книга Де Рувера *Gresham and the Foreign Exchanges* содержит ценную информацию о дискуссии на тему внешней денежной политики в XVI веке. В третьем томе сборника *Tudor Economic Documents* под редакцией Тоуни и Пауэра напечатан доклад *Royal Commission on the Exchanges* 1564 года; также заслуживает внимания предисловие Тони к *Discourse upon Usury* Томаса Уилсона.

Полезные труды по литературе периода конца XVII — начала XVIII века собраны у Летуина в *Origins of Scientific Economics*.

Книга Карен Иверсон Вон *John Locke: Economist and Social Scientist* — единственная известная мне работа, всецело посвященная экономическому аспекту трудов этого крупного философа.

Economics of Sir James Stewart Сена с сочувствием описывает труды этого отчасти забытого автора XVIII века.

Литературное наследие физиократов описывается в *The Physiocrats* Генри Хиггса, в первом томе *Geschichte der Nationalökonomie* Онкена, а также в *Le mouvement physiocratique en France* Велерсса; *Dupont de Nemours et l'école physiocratique* Шелля; *Economics of Physiocracy* Мика.

Классическая экономическая теория. Лучший обзор по этой теме вы найдете у О'Брайена в *The Classical Economists; Theories of Production and Distribution* Кэннана и *Wages and Capital* Тауссига послужат превосходными дополнениями.

О конкретных авторах вы можете почитать в следующих книгах: *Essays on Adam Smith* под редакцией Скиннера и Уилсона; *The Economics of Adam Smith* и *The Economics of David Ricardo* Сэмюэла Холландера; *Ricardo on Taxation* Шупа; *Nassau Senior and Classical Economics* Боули; *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics* Роббинса; *Studies in the Labour Theory of Value* Мика; *Samuel Bailey and the Classical Theory of Value* Рондера; *McCulloch: A Study in Classical Economics* О'Брайена — см. также его предисловие к переизданию Маккуллохова *Treatise on Taxation (Scottish Economic Classics)*; *The New Political Economy of J. S. Mill* Педро Шварца; *Say's Law* Соуэлла.

Классическая политическая экономия: Стивен Лесли, *The English Utilitarians*; Е. Хэйли, *The Philosophical Radicals*; Роббинс,

The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy и его же *Political Economy: Past and Present*; Д. Уинч, *Classical Political Economy and Colonies*; Блэк, *Economic Thought and the Irish Question 1817–1870*.

История теорий населения: Стрейнджлэнд, *Pre-Malthusian Theories of Population*; Спенглер, *French Predecessors of Malthus*; Макклири, *The Malthusian Population Theory* (в этой книге воспроизводится важная переписка с Сениором).

Социализм Маркса: Бём-Баверк, *Karl Marx and the Close of His System* и Джоан Робинсон, *An Essay in Marxian Economics*. Моришима, *Marx's Economics*, У. Баумоль, *On the Folklore of Marxism* (Proceedings of the American Philosophical Society, Volume 123 Number 2, 1979).

Общая социалистская теория: А. Грэй, *The Socialist Traditions*; Суизи, *The Theory of Capitalist Development*.

Австрийская школа: Уильям Смарт, *An Introduction to the Theory of Value*, а также *Carl Menger and the Austrian School of Economics* под редакцией Хиккса и Уэбба.

История и теория международной торговли: Джейкоб Вайнер, *Studies in the Theory of International Trade*. Эта работа ценна также потому, что содержит историю общей денежной теории.

История денежной и банковской теории: А. Маргет, *The Theory of Prices*, первый и второй том; Ллойд Минт, *History of Banking Theory*; Хорсфилд, *British Monetary Experiments 1650–1700*; Д. Викерс, *Studies in the Theory of Money*; Чарльз Рист, *Histoire des doctrines relatives au-crédit et à la monnaie*, Липманн, *Der Kampf um die Gestaltung der englischen Währungsverfassung 1819–1844*; Корри, *Money Saving and Investment in English Economics, 1800–1850*, и Феттер, *Development of British Monetary Orthodoxy, 1791–1895*.

История теорий процента: Кассель, *Nature and Necessity of Interest*; первый том *Capital and Interest* Бём-Баверка куда толще, чем книга Касселя, но его суждения, хотя и интересные, часто однобоки и несправедливы; Дж. С. Л. Такер, *Progress and Profits in British Economic Thought*.

История теории экономических колебаний: Роберт Линк, *English Theories of Economic Fluctuation*, и Бергман, *Geschichte der Nationalökonomische Krisen-Theorien*.

Ранняя история математической экономической теории: Теохарис, *Early Developments in Mathematical Economics*.

Прекрасное описание развития современной экономической теории от Джевонса до Уикстида дает Джордж Стиглер в книге *Theories of Production and Distribution. A Review of Economic Doctrines, 1870–1929* Т. Хатчисона также является классической работой по этой теме; см. также его интересный труд *On Revolution and Progress in Economic Knowledge. Economic Doctrines of Knut Wicksell* Карла Ура — весьма полезная книга.

Книга Шумпетера *Ten Great Economists* и работа Кейнса *Studies in Biography* проливают свет на эволюцию современной теории. Вторая книга также является шедевром современной прозы. *Political Economy: A Historical Perspective* Ректенвальда содержит интересные биографические данные и критику.

Economic Thought, a Historical Anthology Джеймса А. Герити; *Essays in Economic Thought, Aristotle to Marshall* Джозефа Спенглера, а также *Development of Economic Thought* Шпигеля это полезные сборники эссе, посвященные выдающимся личностям или школам.

Журнал *History Of Political Economy*, издающийся Университетом Дьюка, также содержит полезную информацию.

2. План курса

Приведенный ниже список имен и тем даст вам приблизительное понимание о предстоящем курсе лекций. Однако нет гарантии, что лекции пойдут точно по намеченному плану.

А. Истоки экономической мысли

Вводное слово. Платон;

Аристотель и ранний схоластицизм;

Схоластицизм (продолжение);

Памфлетисты — Деньги (Орезм, Боден, У.С.);

Памфлетисты — Меркантилизм (Серра, Малин, Мун);

Петти;

Чайлд и Локк (процент);

Локк и Лоундс о стандарте. Норт¹.

1. Лекция не была прочитана. Часть материала по этой теме дана в лекциях 7 и 8.

В. Возникновение систематической экономической мысли

Кантильон;

Физиократия;

Физиократия (продолжение);

Тюрго и Галиани;

Локк и Юм о собственности;

Юм о деньгах, проценте и торговле;

Предшественники Адама Смита и общий обзор его намерений;

«Богатство народов» — аналитическая часть;

«Богатство народов» — экономическая политика².

С. Классическая экономическая теория XIX века

Общий обзор: Мальтус о народонаселении;

Ценность и распределение — исторический контекст;

Ценность и распределение — аналитическая часть;

Деньги и банковское дело — исторический контекст³;

Деньги и банковское дело — аналитическая часть⁴;

Равновесие во всей экономике;

Международная торговля;

Джон Стюарт Милль;

Сэй и Германн.

Д. Другие авторы середины XIX века

Маркс;

Лист и историческая школа;

Е. Начала современного анализа

Предвестники перемен (Курно, фон Тюнен);

Предвестники перемен (продолжение: Рэ). Сокращение влияния классической школы. Истоки маржинализма;

Маржиналистская революция: Джевонс — Эджуорт;

---

2. Лекция была прочитана в двух частях.

3. Лекция не была записана.

4. Лекция не была записана.

Маржиналистская революция: Менгер и Визер (издержки);
Маржиналистская революция: цена услуг (австрийцы,
Кларк, Уикстид);

Теория капитала: Джевонс, Бём-Баверк и Фишер;

Вальрас–Парето–Хикс и Аллен;

Маршалл;

Деньги: Фишер, Маршалл, Пигу, Кейнс, Мизес, Хоутри, Робертсон;

Колебания: Джевонс, Жюгляр, Шпитгоф, Хоутри, Робертсон⁵.

Студенты, не знакомые с традициями ЛШЭ, должны понимать, что в противовес сложившемуся образу большинство университетских преподавателей приветствуют вопросы и критические замечания. Я всегда счастлив поговорить со студентами после занятий и договориться о дополнительных встречах.

Август 1981 г.

---

5. Лекция не была прочитана.

Приложение Б
*Труды Роббинса по истории
экономической мысли*

Книги

1935. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan, 1932. 2d edition. London: Macmillan, 1935. 3d edition. London: Macmillan, 1984.
1932. "Introduction". In Philip H. Wicksteed, *The Coordination of the Laws of Distribution*. Edited by Lionel Robbins. London: London School of Economics Reprints of Scarce Tracts on Economics and Political Science No. 12. Revised edition, with an introduction by Ian Steedman. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
1933. "Introduction". In Philip H. Wicksteed, *The Commonsense of Political Economy and Selected Papers and Reviews on Economic Theory*, edited by Lionel Robbins, 1–9. London: George Routledge & Sons. Reprinted as "Robbins on Wicksteed". In *The Development of Economic Thought: Great Economists in Perspective*, edited by Henry William Spiegel, 700–17. New York: Science Editions, 1952. Also reprinted as "Philip Wicksteed as an Economist". In *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 189–209. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1935. "Introduction". In Knut Wicksell, *Lectures on Political Economy*, translated by E. Classen, vii–xix. London: George Routledge & Sons. Reprinted as "Wicksell's Lectures on Political Economy". In *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 210–22. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1952. *The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*. London: Macmillan. 2d edition. London: Macmillan, 1978.
1958. *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics*. London: Macmillan. 1958. "Introduction". In R. Torrens, *Letters on Commercial Policy (1833)*. Reprinted as the London School of Economics Reprints of Scarce Works on Political Economy

No. 14, v-x. London: LSE. Reprinted as "Torrens's Letters on Commercial Policy". In *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 92-96. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970. 1968. *The Theory of Economic Development in the History of Economic Thought* being the Chichele Lectures for 1966, revised and extended. London: Macmillan. 1970. *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*. London: Macmillan and Chicago: Aldine. 1976. *Political Economy: Past and Present, A Review of Leading Theories of Economic Policy*. London: Macmillan.

Статьи в журналах

1930. "The Economic Works of Phillip Wicksteed". *Economica* 10 (1930): 245-58. Также издавалась под названием "The Economic Works" в C. H. Herford, Philip Henry Wicksteed, *His Life and Work*, 228-47. London and Toronto: J. M. Dent & Sons, 1931.
1935. "A Student's Recollections of Edwin Cannan". *Economic Journal* 45: 393-98.
1936. "The Place of Jevons in the History of Economic Thought". *Manchester School* 7: 1-17. Также вышла в *Economic Thought: A Historical Anthology*, edited by J. A. Gherity, 328-45. New York: Random House, 1965. Также вышла под названием "The Place of Jevons in the History of Economic Thought" в *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 169-88. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1938. "Live and Dead Issues in the Methodology of Economics". *Economica* n. s. 5: 342-52.
1955. "Schumpeter's History of Economic Analysis". *Quarterly Journal of Economics* 69: 1-22. Также вышла под названием "Schumpeter on the History of Economic Analysis" в *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 47-72. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1956. "A Letter from David Ricardo". *Economica* n. s. 23: 172-74. 1957. "Pacoe on Mill". *Economica*, n. s. 24: 250-59. Также вышла под названием "The Life of John Stuart Mill" в *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 97-110. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1967. "Malthus as an Economist". *Economic Journal* 77: 256-61. Также вышла под названием "Malthus in Perspective" в *The*

Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought, 85–91. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.

1981. "Economics and Political Economy". Richard T. Ely Lecture. American Economic Review 71, Supplement: 1–10. Также вышла под названием "Economics and Political Economy". в An Essay on the Nature and Significance of Economic Science, 11–33. 3d edition. London: Macmillan, 1984.
1982. "The place of Jevons in the History of Economic Thought". Manchester School 50: 310–25.

Памфлеты и доклады

1965. Bentham in the Twentieth Century: An Address to the Assembly of Faculties, University College, London on 16 June 1964. London: Athlone Press. Также вышел под названием "Bentham in the Twentieth Century" в The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought, 73–84. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1970. Jacob Viner (1892–1970): A Tribute. Princeton: Princeton University Press.

Главы в книгах

1930. "Introduction". In Harold E. Batson, A Select Bibliography of Modern Economic Theory 1870–1929, vii–ix. London: Routledge & Kegan Paul.
1949. "Cannan, Edwin". In Dictionary of National Biography, Supplement 1931–1940, edited by L. G. W. Legg, 141–43. London: Oxford University Press. Также вышла под названием "A Biographical Note on Edwin Cannan" в The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought, 229–33. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1961. "Foreword". In Reghinos D. Theocharis, Early Developments in Mathematical Economics, v–vi. London: Macmillan.
1962. "The Economic Functions of the State in English Classical Political Economy". In Private Wants and Public Needs: Issues Surrounding the Size and Scope of Government Expenditure, edited by Edmund S. Phelps, 94–101. New York: Norton. Сокращенная версия разделов 1–3 лекции № 2, "The Economic Functions of the State". вышла в The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy, 34–46. London: Macmillan, 1962.

1966. "Foreword". In *The Travel Diaries of Thomas Robert Malthus* edited by Patricia James, vii-ix. Cambridge: Cambridge University Press.
1967. "Introduction". In *The Collected Works of John Stuart Mill, Vols. IV and V: Essays on Economics and Society*, edited by J. M. Robson, vii-xii. Toronto: University of Toronto Press. Также вышло под названием "Mill's Essays on Economics and Society" в *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 118-63. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1975. "Foreword". In *David Seckler, Thorstein Veblen and the Institutionalists: A Study in the Social Philosophy of Economics*, ix-xi. London: Macmillan.
1978. "Economists and Trade Unions, 1776-1977". In *Trade Unions: Public Goods or Public "Bads"?* IEA Readings No. 17. London: Institute of Economic Affairs: 5-16 and 19-20.

Рецензии в журналах

1927. "Review of *The Tables Turned: A Lecture and Dialogue on Adam Smith and the Classical Economists*, by James Bonar". *Economica* 7 (December): 391-92.
1929. "Review of *A Review of Economic Theory*, by Edwin Cannan". *Economic Journal* 39 (September): 409-14.
1930. "Review of *Industrial Efficiency and Social Economy*, by Nassau W. Senior (edited by S. Leon Levi)". *Economic Journal* 40 (June): 272-75.
1932. "Review of *A Catalogue of the Library of Adam Smith*, by James Bonar". *Economica* 12 (August): 365.
1940. "Review of *Karl Marx: His Life and Environment*, by I. Berlin". *Economica* n. s. 7 (February): 93-94.
1957. "Review of *On the History and Method of Economics — Selected Essays*, by Frank H. Knight". *American Economic Review* 47 (June): 397-99.
1960. "Review of *Lectures on Economic Principles*, by Sir Dennis H. Robertson". *Economica*, n. s. 27 (February): 71-74. Также вышла под названием "Robertson's Lectures on Economic Principles" в *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 248-52. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1960. "Review of 'Papers on Economic Theory by Knut Wicksell, edited with an Introduction by Erik Lindahl' and 'The Life of Knut Wicksell by Torsten Gardlund, translated by Nancy Adler.' «Eco-

- nomica n.s. 27 (May): 173-77. Также вышла под названием «New Light on Knut Wicksell» в The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought, 223-28. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1960. "Review of The Saint Simonians, Mill and Carlyle: A Preface to Modern Thought, by K. D. Pankhurst". Economica n.s. 27 (August): 278-79.
1961. "Review of Ricardo on Taxation, by C. S. Shoup". Economica n.s. 28 (August): 326-28.
1962. "Review of John Millar of Glasgow, 1735-1801: His Life and Thought and His Contributions to Sociological Analysis, by William C. Lehmann". Economica n.s. 29 (February): 96-97.
1962. "Review of The Early Draft of John Stuart Mill's Autobiography, edited by Jack Stillinger". Economica n.s. 29 (May): 202-4. Также вышла как приложение к "The Life of John Stuart Mill". In The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought, 110-13. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1962. "Review of Progress and Profits in British Economic Thought, 1650-1850, by G. S. L. Tucker". Economic Journal 72: 374-76.
1963. "Review of Jeremy Bentham: An Odyssey of Ideas, 1748-1792, by Mary P. Mack". Economica n.s. 30 (May): 196-97.
1965. "Review of The Collected Works of John Stuart Mill, Vols. XII-XIII: The Earlier Letters of John Stuart Mill, 1812-1845, edited by Francis E. Mineka". Economica n.s. 32 (November): 458-60. Также вышла как приложение к "The Life of John Stuart Mill" в The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought, 113-17. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1966. "Review of The Collected Works of John Stuart Mill, Vols. II-III: Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy, edited by J. M. Robson". Economica n.s. 33 (February): 92-94. Также вышло под названием "Mill's Principles of Political Economy" в The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought, 164-68. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1966. "Review of Economics of Physiocracy: Essays and Translations, by Ronald L. Meek". Economica n.s. 33 (February): 94-96.
1966. "Review of A History of Marginal Utility Theory, by Emil Kauder". Economica n.s. 33 (August): 347-48.
1966. "Review of Life of Adam Smith, by John Rae, with introduction by Jacob Viner". Economica n.s. 33 (August): 348-49.

1967. "Review of *On the Logic of the Moral Sciences*, by John Stuart Mill, and edited by Henry M. Magid". *Economica* n. s. 34 (February): 90.
1967. "Review of John Rae, *Political Economist: An Account of His Life and a Compilation of His Main Writings*, edited by R. Warren James". *Economica* n. s. 34 (August): 335-37.
1969. "Review of *Economic Theory in Retrospect*, by Mark Blaug". 2d edition. *Economica* n. s. 36 (November), 442-43.
1970. "Review of *The Improvement of Mankind: The Social and Political Thought of John Stuart Mill*, by John M. Robson". *Economica* n. s. 37 (May): 194-95.
1970. "Review of *The Collected Works of John Stuart Mill, Vol. X: Essays on Ethics, Religion and Society*, edited by J. M. Robson". *Economica* n. s. 37 (November): 422-24.
1971. "Review of J. R. McCulloch: *A Study in Classic Economics*, by D. P. O'Brien". *Economica* n. s. 38 (August): 321-22.
1973. "Review of *Essays in Biography: Volume X of the Collected Writings of John Maynard Keynes*". *Economic Journal* 83 (June): 530-31.
1974. "Review of *The Collected Works of John Stuart Mill, Vols. XIV-XVII: The Later Letters of John Stuart Mill, 1849-1873*, edited by Francis E. Mineka and Dwight N. Lindley". *Economica* n. s. 41 (August): 336-38.
1976. "Review of *The Collected Works of John Stuart Mill, Vols. VII-VIII: A System of Logic Ratiocinative and Inductive*, edited by J. M. Robson". *Economica* n. s. 43 (November): 446-47.
1977. "Review of *The Early Economic Writings of Alfred Marshall (1867-1890)*, edited by J. K. Whitaker". *Economica* n. s. 44 (February): 91-92.
1978. "Review of *The Economic Advisory Council, 1930-1939: A Study in Economic Advice during Depression and Recovery*, by Susan Howson and Donald Winch". *Journal of Economic Literature* 16 (March): 114-15.
1979. "Review of *The Collected Works of John Stuart Mill, Vols. XVIII and XIX: Essays on Politics and Society*, edited by J. M. Robson". *Economica* n. s. 46 (February): 89-90.
1980. "Review of *Population Malthus: His Life and Times*, by Patricia James". *Economica* n. s. 47 (November): 471.
1980. "Review of *Religious Thought and Economic Society, Four Chapters of an Unfinished Work* by Jacob Viner, edited by Jacques Melitz and Donald Winch". *Economica* n. s. 47 (November): 489-90.

1980. "Review of The Collected Works of John Stuart Mill, Vol. XI: Essays on Philosophy and the Classics, edited by J. M. Robson". *Economica* n. s. 47 (November): 490-91.

Рецензии в популярной прессе

1951. "Review of The Life of John Maynard Keynes, by Roy F. Harrod". *The Times*, 26 January, 7f-g. Также вышла под названием "Harrod on Keynes" в *The Evolution of Modern Economic Theory and Other Papers on the History of Economic Thought*, 243-47. London: Macmillan and Chicago: Aldine, 1970.
1972. "Review of The Correspondence of Lord Overstone, edited by D. P. O'Brien". *Financial Times*, 6 January, 20.
1975. "Review of The Classical Economists by D. P. O'Brien and Classical Economics Reconsidered by T. Sowell". *Times Literary Supplement*, 1 August.

Библиография

- Аристотель. Никомахова этика* // Аристотель. Сочинения Т. 4. М.: Мысль, 1983а.
- Аристотель. Политика* // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983б.
- Бём-Баверк, Ойген фон. Избранные труды о ценности, проценте и капитале.* М.: ЭКСМО, 2009.
- Бём-Баверк, Ойген фон. Капитал и процент. Т. 2. Позитивная теория капитала. Т. 3. Экскурсы.* Челябинск: Социум, 2010.
- Бентам, Иеремия. Введение в основания нравственности и законодательства.* М.: РОССПЭН, 1998.
- Вольтер, Ф.М.А. Избранные произведения в одном томе.* М.: Политиздат, 1938.
- Джонс, Ричард. Опыт о распределении богатства и об источниках налогов.* М.: УРСС, 2011.
- Кейнс, Джон Мейнард. Общая теория занятости, процента и денег.* М.: ЭКСМО, 2007.
- Кларк, Джон Бейтс. Распределение богатства.* М.: Экономика, 1992.
- Кэрнс, Джон Эллиот. 2012. Основные принципы политической экономии: Ценность. Международная торговля.* М.: УРСС.
- Лист, Фридрих. Национальная система политической экономии.* М.: Европа, 2005.
- Локк, Джон. Сочинения. Т. 3.* М.: Мысль, 1988.
- Макиавелли, Никколо. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; Государь.* М.: РОССПЭН, 2002.
- Мандевиль, Бернард. Басня о пчелах.* М.: Мысль, 1974.
- Маркс, Карл. К критике политической экономии* // Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
- Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. Сочинения. Т. 23.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
- Маршалл, Альфред. Принципы экономической науки. Т. 1–3.* М.: Прогресс, 1993.

- Менгер, Карл.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Карл Менгер. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.
- Мизес, Людвиг фон.* Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012.
- Милль, Джон Стюарт.* Утилитаризм. О свободе. СПб., 1882.
- Милль, Джон Стюарт.* О подчинении женщин. СПб., 1896.
- Милль, Джон Стюарт.* Основы политической экономии. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1980–1981.
- Милль, Джон Стюарт.* О свободе // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.
- Милль, Джон Стюарт.* Размышления о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006.
- Милль, Джон Стюарт.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007.
- Монтескье.* О духе законов. М.: Мысль, 1999.
- Платон.* Законы // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1994а.
- Платон.* Государство // Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1994б.
- Поппер, Карл.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.
- Поппер, Карл.* Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
- Петти, Вильям.* Экономические и статистические работы. В 2-х тт. М.: Соцэкгиз, 1940.
- Рикардо, Давид.* Сочинения. Т. 1–3. М.: Госполитиздат, 1955.
- Смит, Адам.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
- Смит, Адам.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.
- Тюрго, Жак.* Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1961.
- Хайёк, Фридрих Август фон.* Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008.
- Шумпетер, Йозеф.* Десять великих экономистов. От Маркса до Кейнса. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.
- Шумпетер, Йозеф.* История экономического анализа в 3 тт. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004.
- Юм, Давид.* Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1996а.
- Юм, Давид.* Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996б.

- Antonelli, Étienne.* Principes d'Économie pure. La théorie de l'échange sous le régime de la libre concurrence. Paris: Rivière, 1914.
- Aquinas, St. Thomas.* Summa Theologica. In Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith, edited by Arthur E. Monroe, 51-77. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- Aristotle.* The Nichomachean Ethics of Aristotle. Translated with an analysis and critical notes by James Edward Cowell Welldon. London: Macmillan, 1892.
- . "Politics — Ethics". In Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith, edited by Arthur E. Monroe, 1-29. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- . Topica. Translated by E. S. Forster. Cambridge: Mass.: Harvard University Press, 1960.
- Ashley, William James.* An Introduction to English Economic History and Theory. London: Longmans, Green, 1901.
- Bain, Alexander.* John Stuart Mill; A Criticism: With Personal Recollections. London: Longmans, Green, 1882.
- Bainfield, Thomas Charles.* The Organization of Industry. 2d ed. London: Longman, Brown, 1848.
- Barone, Enrico.* Grundzüge der theoretischen Nationalökonomie. Übersetzt und mit einem Anhang versehen von Hans Stachle Bonn. Bonn: Schroeder, 1927.
- Barton, John.* Condition of the Labouring Classes of Society by John Barton (1817). A Reprint of the Economic Tracts edited by Jacob H. Hollander. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1934.
- Baumol, William J.* "Say's (at Least) Eight Laws, or What Say and James Mill May Really Have Meant". *Economica* 44 (May 1977): 145-62.
- Becker, Gary S., and William J. Baumol.* "The Classical Monetary Theory: The Outcome of the Discussion". *Economica*, n. s. 19 (November 1952): 355-76.
- Bentham, Jeremy.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. 1st ed. London: T. Payne and Son, 1789.
- . Manual of Political Economy (1793-95). In The Works of Jeremy Bentham, Vol. 3, edited by John Bowring, 31-84. Edinburgh: William Tait, 1843.
- . Rationale of Judicial Evidence, Specially Applied to English Practice. 5 vols. London: Hunt and Clarke, 1827.
- . Essay on the Influence of Time and Place in Matters of Legislation (1843). In The Works of Jeremy Bentham, edited by John Bowring, 1:169-94. Edinburgh: William Tait, 1843.

- Bodin, Jean.* Jean Bodin's Reply to the Paradoxes of Malestroit Concerning the Dearness of All Things and the Remedy Therefor (1568). In *Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith*, edited by Arthur E. Monroe, 121-41. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- . *Les six livres de la République* (1576). Abridged and translated by M. J. Tooley as *Six Books of the Commonwealth*. Oxford: Basil Blackwell, n. d. (c. 1952).
- Böhm-Bawerk, Eugen von.* Grundzüge der Theorie des Wirtschaftlichen Güterwerts (1886). L.S.E. Reprints of Scarce Tracts in Economics No. 11. London: London School of Economics.
- . *Capital and Interest: A Critical History of Economical Theory*. Translated with a preface and analysis by William Smart. London: Macmillan, 1890.
- . *The Positive Theory of Capital*. Translated by William Smart. London: Macmillan, 1891.
- Boisguilbert, Pierre le Pesant.* Le détail de la France. 1707.
- Bowley, Marian.* "Utility, the Paradox of Value and 'All That' and Classical Economics". In *Studies in the History of Economic Theory before 1870*, edited by M. Bowley, 133-57. London: Macmillan, 1973.
- Bukharin, N. I.* *Economic Theory of the Leisure Class*. New York: International Publishers, 1927.
- Cairnes, John Elliot.* *The Slave Power; Its Character, Career and Probable Designs: Being an Attempt to Explain the Real Issues Involved in the American Contest*. 2d ed. London: Macmillan, 1863.
- . *Essays in Political Economy: Theoretical and Applied*. London: Macmillan, 1873.
- . *Some Leading Principles of Political Economy Newly Expounded*. London: Macmillan, 1874.
- Cannan, Edwin.* *Wealth: A Brief Explanation of the Causes of Economic Welfare*. 2d ed. London: P. S. King, 1919.
- . "The Application of the Theoretical Apparatus of Supply & Demand for Units of Currency". *Economic Journal* 31 (December 1921): 453-61.
- . *A History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848*. 3d ed. London: King, 1924.
- . *Wealth: A Brief Explanation of the Causes of Economic Welfare*. 3d ed. London: P. S. King, 1928.
- . *A Review of Economic Theory*. London: King, 1929.
- . *A History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848*. 3d ed. London: Staples Publishing, 1953.

- Cantillon, Richard.* Essai sur la nature du commerce en général (1755). Edited with an English translation and other material by Henry Higgs. London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1931.
- . Essai sur la nature du commerce en général. Texte de l'édition originale de 1755, avec des études et commentaires par Alfred Sauvy, Amintore Fanfani, Joseph J. Spengler, Lois Salleron. Paris: Institute National d'Études Démographiques, 1952.
- . Essai de la nature du commerce en général. Texte manuscrit de la Bibliothèque municipale de Rouen. Avec le texte de l'édition originale de 1755 et une étude bibliographique par Takumi Tsuda. Economic Research Series No. 18, the Institute of Economic Research, Hitotsubashi University. Tokyo: Kinokuniya Bookstore, 1979.
- Cassel, Gustav.* The Nature and Necessity of Interest. London: Macmillan, 1903. Chalmers, Thomas. On Political Economy in Connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society. 2d ed. Glasgow: William Collins, 1832.
- Chamberlin, Edward Hastings.* The Theory of Monopolistic Competition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1933.
- Chapman, Sydney J.* Outlines of Political Economy. 2d ed. London: Longmans, Green, 1913.
- Child, Sir Josiah.* Brief Observations concerning Trade and Interest of Money (1668). In Josiah Child, Selected Works 1668–1697. Republished from originals in the Goldsmiths' Library of Economic Literature, the University of London. Farnborough: Gregg Press, 1968.
- . A New Discourse of Trade. London: Sam. Crouch, 1693. In Josiah Child: Selected Works, 1668–1697. Republished from originals in the Goldsmiths' Library of Economic Literature, the University of London. Farnborough: Gregg Press, 1968.
- Clark, John Bates.* The Philosophy of Wealth: Economic Principles Newly Formulated. Boston: Ginn and Company, 1886.
- . "Possibility of a Scientific Law of Wages". Publications of the American Economic Association 4 (March 1889).
- . The Essentials of Economic Theory as Applied to Modern Problems of Industry and Public Policy. New York: Macmillan, 1918.
- . The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits. London: Macmillan, 1925.
- Coleman, Donald Cuthbert,* ed. Revisions in Mercantilism. London: Methuen, 1969.
- Condillac, Étienne Bonnot de.* Le commerce et le gouvernement. Amsterdam: Jombert and Cellot, 1776.
- Cournot, Antoine Augustin.* Researches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth (1838). Translated by Nathaniel T. Bacon. With an essay on Cournot and mathematical economics and

- a bibliography of mathematical economics by Irving Fisher. New York: Macmillan, 1927.
- Cranston, Maurice.* John Locke: A Biography. London: Longmans, Green, 1957.
- Culpepper, Sir Thomas.* A Tract Against Usurie, Presented to the High Court of Parliament (1621). London. Reprinted in Josiah Child, Brief Observations Concerning Trade, And Interest of Money. London: Calvert & Mortlock, 1668. In Josiah Child: Selected Works, 1668–1697. Farnborough: Gregg Press, 1968.
- Cunningham, William.* The Growth of English Industry and Commerce. 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1890.
- . "The Perversion of Economic History". *Economic Journal* 2 (September 1892): 491–506.
- Davenport, Herbert Joseph.* Value and Distribution: A Critical and Constructive Study. Chicago: University of Chicago Press, 1908.
- de Roover, Raymond.* "The Concept of the Just Price: Theory and Economic Policy". *Journal of Economic History* 18 (1958): 418–34. Reprinted in *Economic Thought: A Historical Anthology*, edited by James A. Gherity, 23–41. New York: Random House, 1965.
- . San Bernardino of Siena and Sant' Antonino of Florence: The Two Great Economic Thinkers of the Middle Ages. Boston: Baker Library, Harvard Graduate School of Business Administration, 1967.
- Dewar, Mary.* "The Authorship of the 'Discourse of the Commonweal'". *Economic History Review* 19 (August 1966): 388–400.
- Divine, Thomas F.* Interest: A Historical and Analytical Study in Economics and Modern Ethics. Milwaukee, Wis.: Marquette University Press, 1959.
- Dryden, John.* "To My Honored Friend, Dr. Charleton" (1663). In *The Works of John Dryden*, edited by Edward Niles Hooker and H. T. Swedenberg Jr., 43–44. Berkeley: University of California Press, 1961.
- Dumoulin, Charles* (Carolus Molinaeus). A Treatise on Contracts and Usury (1546). In *Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith*, edited by Arthur E. Monroe, 103–20. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- Dupuit, Jules.* "On the Measurement of the Utility of Public Works". *Annales des Ponts et Chaussées*, 2d series, 8 (1844). Reprinted in *Readings in Welfare Economics*, edited by Kenneth J. Arrow and Tibor Scitovsky, 255–83. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin for the American Economic Association.
- . De l'utilité et de sa mesure: Écrits choisis et republiées par Mario Bernardi Turin: La Riforma Sociale, 1933.
- Dutot, Charles Ferrare de.* Reflexions politiques sur les finances, et le commerce. The Hague: Vaillant & Nicolas Prevost, 1738.

- Edgeworth, Francis Ysidro.* Mathematical Psychics: An Essay on the Application of Mathematics to the Moral Sciences (1881). L.S.E. Reprints of Scarce Tracts No. 10. London: London School of Economics, 1932.
- . "Review of Natural Value, by Professor Friedrich von Wieser" (1893?). In F. Y. Edgeworth, Papers Relating to Political Economy, 3:50–58. New York: Burt Franklin, 1925.
- . "The Laws of Increasing and Diminishing Returns". Economic Journal (1911). Reprinted in F. Y. Edgeworth, Papers Relating to Political Economy, 1:61–99. New York: Burt Franklin, 1925.
- Fanfani, Amintore.* Storia Economica. Torino: Unione Tipografico-Editrice Torinese, 1961.
- Fetter, Frank A.* The Relations between Rent and Interest. New York: Macmillan, 1904.
- Fisher, Irving.* Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices (1892). Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Reprint. New Haven: Yale University Press, 1925.
- . Appreciation and Interest. New York: Macmillan for the American Economic Association, 1896a.
- . "What Is Capital?" Economic Journal 6 (December 1896b): 509–34.
- . "The Senses of Capital". Economic Journal 7 (June 1897a): 199–213.
- . "The Role of Capital in Economic Theory". Economic Journal 7 (December 1897b): 511–37.
- . "Precedents for Defining Capital". Quarterly Journal of Economics 18 (May 1904): 386–408.
- . The Nature of Capital and Income. New York: Macmillan, 1906.
- . The Rate of Interest: Its Nature, Determination and Relation to Economic Phenomena. New York: Macmillan, 1907.
- . The Purchasing Power of Money: Its Determination and Relation to Credit Interest and Crises. Assisted by Harry G. Brown. New and revised edition. New York: Macmillan, 1925.
- . Prohibition at Its Worst. New York: Macmillan, 1926.
- . The Theory of Interest as Determined by Impatience to Spend Income and Opportunity to Invest It. New York: Macmillan, 1930.
- Fitzmaurice, Lord Edmond.* The Life of Sir William Petty: 1623–1687. London: John Murray, 1895.
- Fourier, Charles.* Selections from the Works of Fourier. Translated by Julia Franklin. London: Swan Sonnenschein, 1901. Reprinted as Design for Utopia: Selected Writings of Charles Fourier, with a new forward by Frank E. Manual. New York: Schocken Books, 1971.
- Galiani, Ferdinando.* De la monnaie (1751). Introduction and notes by G. H. Bousquet and J. Crisafulli. Paris: Marcel Rivière, 1955.
- . Dialogues sur le commerce des blés. 1770.

- Gherity, James A.* Economic Thought: A Historical Anthology. New York: Random House, 1965.
- Godwin, William.* An Enquiry concerning Political Justice, and its Influence on General Virtue and Happiness. London: G. G. J. and J. Robinson, 1793.
- Gossen, Hermann Heinrich.* Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln (1854). Auflage mit einem Vorwort von Dr. F. A. Hayek. Berlin: Prager, 1927.
- Green, David I.* "Pain-Cost and Opportunity-Cost". Quarterly Journal of Economics 8 (January 1894): 218-29.
- Grice-Hutchinson, Marjorie.* Early Economic Thought in Spain, 1177-1740. London: George Allen & Unwin, 1978.
- Hamilton, Alexander.* Report on Manufacturers, Communicated to the House of Representatives December 5, 1791 (1791). In Alexander Hamilton, Papers on Public Credit, Commerce, and Finance, edited by Samuel McKee Jr., 175-276. New York: Columbia University Press, 1934.
- Hawtrey, Ralph George.* Currency and Credit. London: Longmans, Green, 1919.
- . Currency and Credit. 4th ed. London: Longmans, Green, 1950.
- Hayek, Friedrich A.* Prices and Production. London: Routledge, 1931.
- Heckscher, Eli F.* Mercantilism. Translated by Mendel Shapiro. London: George Allen & Unwin, 1935.
- Hewins, William Albert Samuel.* English Trade and Finance. Chiefly in the Seventeenth Century. London: Methuen, 1892.
- Hicks, Sir John R.* The Theory of Wages. London: Macmillan, 1932.
- Hicks, J. R., and W. Weber,* eds. Carl Menger and the Austrian School of Economics. Oxford: Clarendon Press, 1973.
- Hollander, Jacob H.* David Ricardo: A Centenary Estimate. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1910.
- Hollander, Samuel.* The Economics of Adam Smith. Toronto: University of Toronto Press, 1973.
- . The Economics of David Ricardo. Toronto: University of Toronto Press, 1979.
- Hollander, Samuel, and Sir John Hicks.* "Mr. Ricardo and the Moderns". Quarterly Journal of Economics 91 (August 1977): 351-69.
- Hornick, Philipp Wilhelm von.* Austria Over All If Only She Will (1684). In Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith, edited by Arthur E. Monroe, 221-43. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- Horsefield, J. Keith.* British Monetary Experiments 1650-1710. London: G. Bell and Sons, London School of Economics, 1960.

- Hume, David.* A Treatise on Human Nature (1739-40). Edited, with preliminary dissertations and notes, by T. H. Green and T. H. Grose. London: Longmans Green, 1882.
- . An Enquiry Concerning Human Understanding, and Other Essays (1748). Edited by Ernest C. Mossner. New York: Washington Square Press, 1963.
- . An Enquiry Concerning the Principles of Morals (1751). In David Hume, Essays Moral, Political, and Literary, edited, with preliminary dissertations and notes, by T. H. Green and T. H. Grose, 2:167-287. London: Longmans, Green, 1907.
- . "My Own Life" (1776). In David Hume, Essays Moral, Political, and Literary, edited, with preliminary dissertations and notes, by T. H. Green and T. H. Grose, 1:1-8. London: Longmans, Green, 1907.
- . Essays Moral, Political, and Literary. Edited, with preliminary dissertations and notes, by T. H. Green and T. H. Grose. London: Longmans, Green, 1907.
- . The Letters of David Hume. Edited by J. Y. T. Greig. Oxford: Clarendon Press, 1932.
- . New Letters. Edited by Raymond Klibansky and Ernest C. Mossner. Oxford: Clarendon Press, 1954.
- . Writings on Economics. Edited and introduced by Eugene Rotwein. London: Nelson, 1955.
- Hutcheson, Francis.* An Essay on the Original of our Ideas of Beauty and Virtue; in two treatises. 3d ed. London: J. and J. Knapton, 1729.
- . A System of Moral Philosophy, in Three Books (1755). Glasgow and London: R. and A. Foulis. Reprinted in Francis Hutcheson, Collected Works, vols. 5-6. New York: G. Olms, 1990.
- Hutchison, Terence W.* A Review of Economic Doctrines, 1870-1929. Oxford: Clarendon Press, 1953.
- . "Review of An Inquiry into the Principles of Political Economy, by James Steuart, edited by A. S. Skinner (1966 reissue)". Economic Journal (1967): 645-47.
- . "Some Themes from Investigations into Method". In Carl Menger and the Austrian School of Economics, edited by J. R. Hicks and W. Weber, 1-37. Oxford: Clarendon Press, 1973.
- Jaffé, William.* "Pareto Translated: A Review Article". Journal of Economic Literature 10 (December 1972): 1190-1201.
- Jennings, Richard.* Natural Elements of Political Economy. London: Longman, Brown, 1855.
- Jevons, W. Stanley.* A Serious Fall in the Value of Gold Ascertained, and Its Social Effects Set Forth. London: Edward Stanford, 1863.
- . "Brief Account of a General Mathematical Theory of Political Economy". Journal of the Royal Statistical Society 29 (June 1866): 282-87.

- . *The Theory of Political Economy*. London and New York: Macmillan, 1871.
- . *The Theory of Political Economy*. 2d ed., revised with new preface and appendices. London and New York: Macmillan, 1879.
- . "Richard Cantillon and the Nationality of Political Economy". *Contemporary Review* (January 1881). Reprinted in *Richard Cantillon, Essai sur la nature du commerce en général*, edited with an English translation and other material by Henry Higgs, 331–60. London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1931.
- Jevons, W. Stanley*. *The State in Relation to Labour*. London: Macmillan, 1882.
- . *Letters and Journal of W. Stanley Jevons*. Edited by Harriet A. Jevons. London: Macmillan, 1886.
- . *The Coal Question: An Inquiry Concerning the Progress of the Nation, and the Probable Exhaustion of Our Coal-mines*. 3d ed. Edited by A. W. Flux. London: Macmillan, 1906.
- . *Money and the Mechanism of Exchange*. 24th ed. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1920.
- . *The Theory of Political Economy*. Edited by R. D. Collison Black. Harmondsworth: Penguin, 1970.
- . *Papers and Correspondence of William Stanley Jevons*. 6 vols. Edited by R. D. Collison Black et al. London and New York: Macmillan and Augustus M. Kelley, 1972–81.
- Jones, Richard. *An Essay on the Distribution of Wealth, and on the Sources of Taxation* (1831). New York: Kelley and Millman, 1956.
- . *Literary Remains, Consisting of Lectures and Tracts on Political Economy of the Late Rev. Richard Jones*. Edited by the Rev. William Whewell. London: John Murray, 1859.
- Joplin, Thomas*. *An Illustration of Mr. Joplin's Views on Currency, and Plan for Improvement; Together with Observations Applicable to the Present State of the Money-market; in a Series of Letters*. London: Baldwin, Cradock, and Joy, 1825.
- Kaldor, Nicholas*. *An Expenditure Tax*. London: Allen & Unwin, 1955.
- Keynes, John Maynard*. *A Tract on Monetary Reform*. London: Macmillan, 1923.
- . *The End of Laissez-Faire*. London: Leonard and Virginia Woolf at the Hogarth Press, 1926. Reprinted in *Essays in Persuasion, The Collected Writings of John Maynard Keynes*, 9: 272–94. London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1972.
- . *A Treatise on Money*. London: Macmillan, 1930.
- . *Essays in Biography*. London: Macmillan, 1933. Reprinted in *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, vol. 10. London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1972.

- . *The General Theory of Employment Interest and Money*. London: Macmillan, 1936.
- Keynes, John Neville*. *The Scope and Method of Political Economy*. London: Macmillan, 1890.
- Knies, Karl Gustav Adolf*. *Die Politische Oekonomie vom Standpunkt der Geschichtlichen Methode*. Braunschweig: C.A. Schwetschke, 1853.
- . *Das Geld: Darlegung der Grundlehren von dem Gelde, insbesondere der wirtschaftlichen und der rechtsgiltigen Functionen des Geldes, mit einer Erörterung über das Kapital und die Übertragung der Nutzungen*. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. Berlin: Weidmannsche, 1885.
- Kraus, Oskar*. "Die aristotelische Werttheorie in ihren Beziehungen zu den Lehren der modernen Psychologenschule". *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* 61 (1905): 573-92.
- La Bruyere, Jean de*. *The Characters* (1698). London: John Bullard, 1699. Reprinted with an introduction by Denys C. Potts. London: Oxford University Press, 1963.
- Langenstein, Heinrich von*. *Tractus bipartitus de contractibus emptionis et venditionis*. Part 1, cap. 12. Published in Johannes Gerson, *Opera omnia*, 4. Cologne, fol. 191, 1484.
- Lauderdale, James Maitland*. 8th Earl of. *An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth, and into the Means and Causes of Its Increase*. Edinburgh: For Archibald Constable, 1804.
- Lavington, Frederick*. *The English Capital Market*. London: Methuen, 1921.
- Law, John*. *Money and Trade Considered* (1705). Glasgow: R. & A. Foulis, 1750.
- Le Branchu, Jean-Yves*. *Écrits notables sur la monnaie XVIIe siècle de Copernic à Davanzati*. Paris: Félix Alcan, 1934.
- Leslie, Thomas Edward Cliffe*. *Essays in Political Economy*. 2d ed. Dublin: Hodges, Figgis, 1888.
- Letwin, William*. *The Origins of Scientific Economics: English Economic Thought 1660-1776*. London: Methuen, 1963.
- List, Friedrich*. *The National System of Political Economy* (1841). Translated by Sampson S. Lloyd. New edition. Introduction by J. Shield Nicholson. London: Longmans, Green, 1904.
- Lloyd, W.F.* *Lecture on the Notion of Value* (1833). Reprinted in R. F. Harrod, "An Early Exposition of 'Final Utility': W.F. Lloyd's Lecture on 'The Notion of Value' (1833) Reprinted". *Economic History* (Supplement to the *Economic Journal*) 1 (May 1927): 168-83.
- Locke, John*. *Two Treatises of Government* (1690). In *The Works of John Locke*, 9th ed., vol. 4, 207-485. London: T. Longman, B. Law, 1794.

- . Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money (1691). In *The Works of John Locke*, 9th ed., vol. 4, 1–116. London: T. Longman, B. Law, 1794. Reprinted in William Letwin, *The Origins of Scientific Economics: English Economic Thought 1660–1776*, appendix 5, 273–300. London: Methuen, 1963.
- . Further Considerations Concerning Raising the Value of Money (1695). In *The Works of John Locke*, 9th ed., 4:131–206. London: T. Longman, B. Law, 1794.
- . *The Works of John Locke*. 9 Vols. 9th ed. London: T. Longman, B. Law, 1794.
- Longfield, Mountfort*. Lectures on Political Economy: Delivered in Trinity and Michaelmas Terms, 1833. Dublin: Richard Milliken and Son, 1834. Reprinted in L.S.E. Reprints of Scarce Tracts No. 8. London: London School of Economics, 1931.
- . Three Lectures on Commerce, and One on Absenteeism, Delivered in Michaelmas Term, 1834, before the University of Dublin. Dublin: Milliken and Son, 1835. Reprinted in L.S.E. Reprints of Scarce Works, No. 4. London: London School of Economics. 1938.
- Lowndes, William*. A Report Containing an Essay for the Amendment of the Silver Coins. London: Charles Bill, and the Executrix of Thomas Newcomb, 1695.
- Machiavelli, Niccolo*. *The Prince and The Discourses*. With an introduction by Max Lerner. New York: Modern Library, 1950.
- Malestroict, Jehan Cherruyt de*. Paradoxes inédites du Seigneur de Malestroict touchant les monnoyes (1566). Turin: Giulio Einaudi, 1937.
- Malthus, Thomas Robert*. First Essay on Population (1798). With notes by James Bonar. London: Royal Economic Society and Macmillan, 1926.
- Malthus, Thomas Robert*. An Essay on the Principle of Population: Or, a View of Its Past and Present Effects on Human Happiness; with an Inquiry into Our Prospects Respecting the Future Removal or Mitigation of the Evils Which It Occasions. A new (second) edition, very much enlarged. London: J. Johnson, 1803.
- . Observations on the Effects of the Corn Laws, and of a Rise or Fall in the Price of Corn on the Agriculture and General Wealth of the Country. London: John Murray, 1814. Republished as A Reprint of Economic Tracts, edited by Jacob H. Hollander. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1932.
- . An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by Which It Is Regulated. London: John Murray, 1815.
- . Principles of Political Economy Considered with a View to Their Practical Application. London: John Murray, 1820.

- . "Population" (1823). In Supplement to the Fourth, Fifth, and Sixth Editions of the Encyclopaedia Britannica. Reprinted as A Summary View of the Principle of Population. London: John Murray, 1830.
- . The Travel Diaries of Thomas Robert Malthus. Edited by Patricia James. Cambridge: Cambridge University Press for the Royal Economic Society, 1966.
- Malynes, Gerard de.* A treatise of the Canker of England's Common wealth (1601). In Tudor Economic Documents, edited by Richard H. Tawney and Eileen Power, 386–404. London: Longmans, 1951.
- . The Maintenance of Free Trade. London: William Shefford, 1622. Reprints of Economic Classics. New York: Augustus M. Kelley, 1971.
- . Lex mercatoria. 3d ed. London: T. Basset, R. Chiswell, M. Horne, and E. Smith, 1686.
- Mandeville, Bernard de.* The Grumbling Hive, or, Knaves Turn'd Honest, 1705.
- . The Fable of the Bees: or, private vices, publick benefits. 6th ed. London: J. Tonson, 1732.
- . The Fable of the Bees: or, private vices, publick benefits. With a commentary critical, historical, and explanatory by F. B. Kaye. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Marshall, Alfred.* Theory of Money — Manuscript about 1871 (1871). In The Early Economic Writings of Alfred Marshall, 1867–1890, edited and introduced by J. K. Whitaker, 1:164–76. London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1975.
- . The Pure Theory of Foreign Trade. The Pure Theory of Domestic Values (1879). L.S.E. Series of Reprints of Scarce Tracts No.1. London: London School of Economics, 1930.
- . "Memoranda and Evidence before the Gold and Silver Commission" (1887). In Official Papers by Alfred Marshall, edited by J. M. Keynes, 17–195. London: Macmillan, 1926.
- . Principles of Economics. London: Macmillan, 1890.
- . Elements of Economics in Industry (1892a). London: Macmillan, 1920.
- . "A Reply to 'The Perversion of Economic History' by Dr. Cunningham". Economic Journal 2 (1892b): 507–19.
- . "Evidence before the Indian Currency Committee" (1899). In Official Papers by Alfred Marshall, edited by J. M. Keynes, 263–326. London: Macmillan, 1926.
- . Principles of Economics. 8th ed. London: Macmillan, 1920.
- . Industry and Trade. 4th ed. London: Macmillan, 1923a.

- . *Money, Credit, and Commerce*. London: Macmillan, 1923b.
- Marshall, Alfred*. *Official Papers by Alfred Marshall*. Edited by J. M. Keynes. London: Macmillan, 1926.
- . *Principles of Economics*. 9th (variorum) edition with annotations by C. W. Guillebaud. London: Macmillan for the Royal Economics Society, 1961.
- . *The Early Economic Writings of Alfred Marshall, 1867–1890*. 2 vols. Edited and introduced by J. K. Whitaker. London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1975.
- Marshall, Alfred, and Mary Paley Marshall*. *The Economics of Industry*. 2d ed. London: Macmillan, 1881.
- Marx, Karl*. *A Contribution to the Critique of Political Economy (1859)*. Translated from the second German edition by N. I. Stone. Chicago: Charles H. Kerr, 1911.
- . *Capital. A Critique of Political Economy (1867)*. Translated from the third German edition by Samuel Moore and Edward Aveling and edited by Frederick Engels. Revised and amplified according to the fourth German edition by Ernest Untermann. Chicago: Charles H. Kerr, 1918.
- . *Theories of Surplus Value: Selections*. Translated by G. A. Bonner and Emile Burnes. New York: International Publishers, 1952.
- Massie, Joseph*. *An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein the sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that head, are considered*. London: W. Owen, 1750.
- McCulloch, J. R.*, ed. *A Select Collection of Early English Tracts on Commerce (1859)*. Reprinted for the Economic History Society as *Early English Tracts on Commerce*. Cambridge: Cambridge University Press, 1952.
- Meek, Ronald Lindley*. *The Economics of Physiocracy: Essays and Translations*. London: George Allen and Unwin, 1962.
- Melou, Jean Francois*. *A Political Essay on Commerce*. Translated by David Bindon. Dublin: T. Woodward, 1739.
- Menger, Anton*. *The Right to the Whole Produce of Labour*. Translated by M. E. Tanner with an introduction and bibliography by H. S. Foxwell. London: Macmillan, 1899.
- Menger, Carl*. *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre (1871)*. Zweite Auflage mit einem Geleitwort von Richard Schüller aus dem Nachlass herausgegeben von Karl Menger. Vienna and Leipzig, 1923.
- . *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*. Berlin: Duncker & Humboldt, 1883. Translated as *Menger (1950)*.
- . *Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie*. Vienna: Alfred Hölder, 1884.

- . The Collected Works. L.S.E. Reprints of Scarce Tracts Nos. 17, 18, 19, and 20. London: London School of Economics, 1933–36.
- . Principles of Economics. Translated and edited by James Dingwall and Bert F. Hoselitz. With an introduction by Frank H. Knight. Glencoe, Ill.: Free Press, 1950.
- . Problems of Economics and Sociology. Edited and with an introduction by Louis Schnieder. Translated by Francis Nock. Urbana: University of Illinois Press, 1963.
- Mill, James.* Commerce Defended. London: C. and R. Baldwin, 1808.
- . Elements of Political Economy. 3d ed. London: Baldwin, Cradock, and Joy, 1826. Reprinted in James Mill: Selected Economic Writings, edited by Donald Winch, 203–366. Chicago: University of Chicago Press, 1966.
- Mill, John Stuart.* Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. London: John W. Parker, 1844.
- . Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy. London: John W. Parker, 1848.
- . On Liberty. London: John W. Parker, 1859.
- . Considerations on Representative Government. London: Parker, Son and Bourn, 1861.
- . “Thornton on Labour and Its Claims”. *Fortnightly Review*, n. s. 5 (May 1869): 505–18; (June 1869): 680–700. Reprinted in J. S. Mill, *Collected Works*, 5:631–68. Toronto: University of Toronto Press, 1967.
- . The Subjection of Women. 3d ed. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1870.
- . Principles of Political Economy. 7th ed. London: Longmans, Green, 1871.
- . Autobiography. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1873.
- . Utilitarianism. 6th ed. London: Longmans, Green, 1877.
- . Early Essays of J. S. Mill. Selected from the original sources by J. W. M. Gibbs. Bohn’s Library. London: G. Bell & Sons, 1897.
- . *Lettres inédites de John Stuart Mill a Auguste Comte.* Publiées avec les réponses de Comte et une introduction par L. Lévy-Bruhl. Paris: Germer Bailliére et Cie, Felix Alcan, 1899.
- . Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy. Edited with an introduction by W. J. Ashley. London: Longmans, Green, 1909.
- . On Bentham and Coleridge. With and introduction by F. R. Leavis. London: Chatto and Windus, 1950.
- . Principles of Political Economy. 2 vols. Reprinted as vols. 2–3 in J. S. Mill, *Collected Works*. Toronto: University of Toronto Press, 1965.

- . Collected Works. 14 vols. Toronto: University of Toronto Press, 1965-77.
- . Essays on Economics and Society. In J. S. Mill, Collected Works, vols. 4-5. Toronto: University of Toronto Press, 1967.
- Mirabeau, Victor Riquetti, Marquis de.* Philosophie rurale ou économique générale et politique de l'agriculture, réduite à l'ordre immuable des loix physiques & morales, qui assurent la prospérité des empires. Amsterdam: Les Libraires Associés, 1764.
- . L'ami des hommes ou traité de la population. Avec une préface et une notice biographique par M. Rouxel. Paris: Guillaumin, 1883.
- Mises, Ludwig von.* Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel (1912). Munich and Leipzig: Duncker & Humblot, 1924.
- . The Theory of Money and Credit. Translated by H. E. Batson. London: Jonathan Cape, 1934.
- Misselden, Edward.* Free Trade; or, The Meanes to Make Trade Flourish Wherein the Causes of the Decay of Trade in this Kingdom are discovered (1622). Reprints of Economic Classics. New York: Augustus M. Kelley, 1971.
- . The Circle of Commerce or the Ballance of Trade (1623). Reprints of Economic Classics. New York: Augustus M. Kelley, 1971.
- Monroe, Arthur Eli.* Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- Montesquieu, Charles de.* De l'esprit des lois (1748). Translated as The Spirit of the Laws, translated and edited by Anne M. Cohler, Basia Carolyn Miller, and Harold Samuel Stone. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Mossner, Ernest Campbell.* The Life of David Hume. London: Nelson, 1954.
- Mun, Thomas.* A Discourse of Trade from England unto the East-Indies (1621). Reproduced from the first edition. New York: Facsimile Text Society, 1930.
- . England's Treasure by Forraign Trade (1664). Reprinted from the first edition. Oxford: Published for the Economic History Society by Basil Blackwell, 1928.
- Newman, John Henry.* Apologia pro Vita Sua. London: Longmans Green, 1864.
- North, Sir Dudley.* Discourses upon Trade (1691). A Reprint of Economic Tracts, edited by Jacob H. Hollander. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1907.
- O'Brien, Denis P. J. R. McCulloch:* A Study in Classical Economics. London: George Allen & Unwin, 1970.
- Oresme, Nicholas* (1360). Traictie de la première invention des monnoies (1360). Reprinted in part in Early Economic Thought: Se-

- lections from Economic Literature Prior to Adam Smith, edited by Arthur E. Monroe, 79-102. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- . The De Moneta of Nicholas Oresme and English Mint Documents. Translated with introduction and notes by Charles Johnson. London: Thomas Nelson and Sons, 1956.
- Osorio, Antonio.* Théorie mathématique de l'échange. Paris: Giard and Briere, 1913.
- Owen, Robert.* A New View of Society and Other Writings. London: J. M. Dent, 1949.
- Pareto, Vilfredo.* Cours d'économie politique professé à l'Université de Lausanne. 2 vols. Lausanne: F. Rouge, 1896-97.
- . Manuel d'économie politique. Translated by Alfred Bonnet. Paris: Marcel Giard, 1927.
- . Manual of Political Economy. New York: Augustus M. Kelley, 1971.
- Pattison, Mark.* Memoirs. London: Macmillan, 1885.
- Pentey, A. J.* Old Worlds for New: A Study of the Post-Industrial State. London: G. Allen and Unwin, 1917.
- Petty, Sir William.* A Treatise of Taxes and Contributions (1662). In The Economic Writing of Sir William Petty, edited by Charles Henry Hull, 1:1-97. Cambridge: Cambridge University Press, 1899.
- . Verbum Sapienti (1664). In The Economic Writing of Sir William Petty, edited by Charles Henry Hull, 1:99-120. Cambridge: Cambridge University Press, 1899.
- . The Political Anatomy of Ireland (1672). In The Economic Writings of Sir William Petty, edited by Charles Henry Hull, 1:121-231. Cambridge: Cambridge University Press, 1899.
- . Political Arithmetick (1676). In The Economic Writing of Sir William Petty, edited by Charles Henry Hull, 1:233-313. Cambridge: Cambridge University Press, 1899.
- . Quantulumcunque Concerning Money (1682). In The Economic Writing of Sir William Petty, edited by Charles Henry Hull, 2:437-48. Cambridge: Cambridge University Press, 1899.
- . The Economic Writing of Sir William Petty, 2 vols. Edited by Charles Henry Hull. Cambridge: Cambridge University Press, 1899.
- Pigou, Arthur Cecil.* Essays in Applied Economics. London: P. S. King, 1923.
- . Memorials of Alfred Marshall. London: Macmillan, 1925. Reprint. New York: Augustus M. Kelley, 1966.
- Place, Francis.* Illustrations and Proofs of the Principle of Population. London: Longman, Hurst, 1822.

- Plato. Laws.* In *The Dialogues of Plato*, vol. 4, 4th ed., translated by B. Jowett. Oxford: Oxford University Press, 1953a.
- . *Republic.* In *The Dialogues of Plato*, vol. 2, 4th ed., translated by B. Jowett. Oxford: Oxford University Press, 1953b.
- Pope, Alexander.* "The Rape of the Lock" (1792). In *The Works of Alexander Pope*, edited by Rev. Whitwell Elwin, 2:113–93. New York: Gordian Press, 1967.
- Popper, Sir Karl R.* *The Open Society and Its Enemies.* London: Routledge, 1952.
- . *The Poverty of Historicism.* London: Routledge & Kegan Paul, 1960.
- Postlethwayt, Malachy.* *Great Britain's True System.* London: A. Millar, 1757a.
- . *The Universal Dictionary of Trade and Commerce.* 2d ed. London: John Knapton, 1757b.
- Quesnay, Francois.* *Tableau économique* (1758). Edited by Margeruite Kuczynski and Ronald Meek. London and New York: Macmillan and Augustus M. Kelley for the Royal Economic Society, 1972.
- . *Oeuvres économiques et philosophiques de ... fondateur du système physiocratique.* Frankfurt: Joseph Baer and Paris: Jules Peelman, 1888.
- . *Francois Quesnay et la physiocratie.* Paris: Institut National d'Études Démographiques Presses, Universitaires de France, 1958.
- Rae, John.* *Statement of Some New Principles on the Subject of Political Economy* (1834). Reprinted as volume 2 of R. Warren James, John Rae: *Political Economist.* Toronto: University of Toronto Press, 1965.
- . *The Sociological Theory of Capital, Being a Complete Reprint of the New Principles of Political Economy, 1834.* Edited, with biographical sketch and notes, by Charles Whitney Mixter. New York: Macmillan, 1905.
- . *Life of Adam Smith.* London: Macmillan, 1895.
- Ricardo, David.* *The High Price of Bullion.* London: John Murray, 1810. Reprinted in *The Works and Correspondence of David Ricardo*, edited by Piero Sraffa, 3:47–127. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
- . Reply to Mr. Bosanquet's "Practical Observations" on the Report of the Bullion Committee. London: John Murray, 1811. Reprinted in *The Works and Correspondence of David Ricardo*, edited by Piero Sraffa, 3:155–256. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
- . *An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock.* London: John Murray, 1815.
- . *On the Principles of Political Economy and Taxation.* London: John Murray, 1817.

- . *On the Principles of Political Economy and Taxation*, 3d ed. London: John Murray, 1821. Reprinted in *The Works and Correspondences of David Ricardo*, edited by Piero Sraffa, vol. 1. Cambridge: University Press for the Royal Economic Society, 1951.
- . *Notes on Malthus' "Principles of Political Economy"*. Edited with an introduction and notes by Jacob H. Hollander and T. E. Gregory. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1928. Reprinted in *The Works and Correspondence of David Ricardo*, edited by Piero Sraffa, vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
- . *The Works and Correspondences of David Ricardo*. Edited by Piero Sraffa. Cambridge: Cambridge University Press for the Royal Economic Society, 1951–73.
- Robbins, Lord*. "Philip Wicksteed as an Economist" (1970). In Lionel Robbins, *The Evolution of Modern Economic Theory*, 189–209. Chicago: Aldine, 1970.
- Robertson, Sir Dennis Holme*. *Money*. Introduction by J. M. Keynes. London: Nisbet and Cambridge University Press, 1922.
- . *Banking Policy and the Price Level: An Essay in the Theory of the Trade Cycle*. London: P. S. King, 1926.
- Roscher, Wilhelm G. F.* *Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre*. Aus dem III. Bande der Abhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig: Weidmannsche, 1851.
- . *Geschichte der National-Oekonomie in Deutschland*. Munich: R. Oldenbourg, 1874. *Principles of Political Economy*. From the thirteenth (1877) German edition, translated by John J. Lalor, A. M. Chicago: Callaghand, 1878.
- Saint-Simon, Claude Henri de Rouvroy*. *Doctrine de Saint-Simon: exposition première année* (1829). Nouvelle édition publiée avec introduction et notes par C. Bouglé et Elie Halévy. Paris: Marcel Rivière, 1924.
- . *Henri Comte de Saint-Simon (1760–1825). Selected writings*. Edited and translated with an introduction by F. M. H. Markham. Oxford: Basil Blackwell, 1952.
- Samuelson, Paul A.* *Economics: An Introductory Analysis*. New York: McGraw-Hill, 1948.
- San Bernardino*. *De Evangelio Aeterno (The Eternal Gospel)*. Spires, 1484.
- Sant' Antonino*. *Summa Theologica*. Basel, 1511.
- Say, Jean-Baptiste*. *Traité d'économie politique*, 2 vols. 3d ed. Paris: Deterville, 1817. (1821), *A Treatise on Political Economy*. 2 vols. Translated from the fourth edition by C. R. Prinsep. London: Longman, Hurst, 1821.
- Schmoller, Gustav von*. *The Mercantile System and Its Historical Significance: Illustrated Chiefly from Prussian History*. New

- York: Macmillan, 1902. Reprint. New York: Augustus M. Kelley, 1967.
- Schneider, Erich.* Einführung in die Wirtschaftstheorie. IV Teil. Ausgewählte Kapitel der Geschichte der Wirtschaftstheorie. Tübingen: Mohr, 1962.
- Schumpeter, Joseph A.* History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press, 1954.
- . Ten Great Economists from Marx to Keynes. London: George Allen and Unwin, 1956.
- Schwartz, Pedro.* The New Political Economy of J. S. Mill. First edition in English. London: London School of Economics, 1972.
- Scott, William Robert.* Adam Smith as Student and Professor. Glasgow: Jackson, Son and Co., Publishers to the University, 1937.
- Senior, Nassau W.* Three Lectures on the Transmission of the Precious Metals from Country to Country, and the Mercantile Theory of Wealth, Delivered before the University of Oxford in June, 1827 (1827). L.S.E. Reprints of Scarce Tracts No. 3. London: London School of Economics, c. 1930.
- . Three Lectures on the Cost of Obtaining Money, and on Some Effects of Private and Government Paper Money; Delivered before the University of Oxford, in Trinity Term, 1829 (1829a). L.S.E. Reprints of Scarce Tracts No. 5. London: London School of Economics, c. 1930.
- . Three Lectures on the Value of Money; Delivered before the University of Oxford, in 1829 (1829b). L.S.E. Reprints of Scarce Tracts No. 4. London: London School of Economics, 1931.
- . A Letter to Lord Howick, on a Legal Provision for the Irish Poor, Commutation of Tithes, and a Provision for the Irish Roman Catholic Clergy. London: John Murray, 1831.
- . An Outline of the Science of Political Economy (1836). London: George Allen & Unwin, 1938.
- . "Free Trade and Retaliation". Edinburgh Review 157 (July 1843).
- Serra, Antonio.* A Brief Treatise on the Causes which can make Gold and Silver Plentiful in Kingdoms where there are no Mines (1613). In Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith, edited by Arthur E. Monroe, 143-67. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- Shoup, Carl S.* Ricardo on Taxation. New York: Columbia University Press, 1960.
- Shove, Gerald F.* "The Place of Alfred Marshall's Principles in the Development of Economic Theory". Economic Journal 52 (December 1942): 294-329. Reprinted in Economic Thought: A Historical Anthology, edited by James A. Gherity, 432-70. New York: Random House, 1965.

- Smith, Adam.* The Theory of Moral Sentiments (1759). 7th ed. London: A. Strahan; and T. Cadell, 1792.
- . An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations (1776). Edited with introduction, notes, marginal summary, and enlarged index by Edwin Cannan. 3d ed. London: Methuen, 1922.
- . An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Glasgow edition, edited by R. H. Campbell and A. S. Skinner. Oxford: Clarendon Press, 1976.
- . Lectures on Jurisprudence. Edited by R. L. Meek, D. D. Raphael, and P. G. Stein. Oxford: Clarendon Press, 1978.
- Spence, William.* Britain Independent of Commerce. 4th ed. London: W. Savage for T. Cadell and W. Davies, 1808.
- Sraffa, Piero.* "The Laws of Returns under Competitive Conditions". Economic Journal 36 (December 1926): 535–50.
- Stangeland, Charles Emil.* Pre-Malthusian Doctrines of Population: A Study in the History of Economic Theory. New York: Columbia University Press, 1904.
- Steuart, Sir James Denham.* An Inquiry into the Principles of Political Economy (1767). 2 vols. Edited with an introduction by Andrew S. Skinner. Edinburgh: Oliver and Boyd for the Scottish Economic Society, 1966.
- Stewart, Dugald.* Biographical memoirs, of Adam Smith, LL.D. of William Robertson, D.D. and Thomas Reid, D.D. read before the Royal Society of Edinburgh. Edinburgh: For W. Creech, Bell and Bradfute, 1811.
- Stigler, George J.* Production and Distribution Theories. New York: Macmillan, 1941.
- . "Ricardo and the 93 Per Cent Labor Theory of Value". American Economic Review 48 (June 1958): 357–67. Reprinted in George J. Stigler, Essays in the History of Economics, 326–42. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Stigler, George J.* Essays in the History of Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Taussig, Frank William.* Wages and Capital. New York: Appleton, 1897. Reprinted in L.S.E. Reprint of Scarce Tracts No. 13. London: London School of Economics, 1932.
- . "Wages and Prices in Relation to International Trade". Quarterly Journal of Economics 20 (1906): 497–522.
- . International Trade. New York: Macmillan, 1927.
- Tawney, Richard Henry.* Religion and the Rise of Capitalism. London: John Murray, 1926.
- Tawney, Richard Henry, and Eileen Power, eds.* Tudor Economic Documents: Being Select Documents Illustrating the Economic and Social History of Tudor England. London: Longmans, 1951.

- Taylor, William Leslie.* Francis Hutcheson and David Hume as Predecessors of Adam Smith. Durham, N.C.: Duke University Press, 1965.
- Theocharis, Reghinos D.* Early Developments in Mathematical Economics. London: Macmillan, 1961.
- Thornton, Henry.* An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain. London: J. Hatchard, 1802.
- . Substance of Two Speeches of Henry Thornton, Esq. in the Debate in the House of Commons, on the Report of the Bullion Committee, on the 7th and 14th of May, 1811. London: J. Hatchard, 1811.
- . An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain (1802). Together with His Evidence Given before the Committees of Secrecy of the Two Houses of Parliament in the Bank of England, March and April, 1797, Some Manuscript Notes, and His Speeches on the Bullion Report, May 1811. Edited with an introduction by Friedrich A. von Hayek. London: George Allen & Unwin, 1939.
- Thornton, William Thomas.* On Labour: Its Wrongful Claims and Rightful Dues. Its Actual Present and Possible Future. London: Macmillan, 1869.
- Thünen, Johann Heinrich von.* Von Thünen's Isolated State: An English edition of *Der Isolierte Staat*. Translated by Carla M. Wartenberg. Edited with an introduction by Peter Hall. Oxford: Pergamon Press, 1966.
- Torrens, Robert.* The Economists Refuted. London: S. A. and H. Oddy, 1808.
- . An Essay on the External Corn Trade. London: J. Hatchard, 1815.
- . Letters on Commercial Policy (1833). With an introduction by Lionel Robbins. L.S.E. Reprints of Scarce Works No. 14. London: London School of Economics, 1958.
- . The Budget: On commercial and Colonial Policy. London: Smith, Elder, 1844.
- . The Principles and Practical Operation of Sir Robert Peel's Bill of 1844 Explained, and Defended against the Objections of Tooke, Fullarton, and Wilson. London: Longman, Brown, 1848.
- Tucker, Graham Shardalowe Lee.* Progress and Profits in British Economic Thought, 1650–1850. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
- Turgot, Anne Robert Jacques.* Reflections on the formation and distribution of Wealth (1770). In *Turgot on Progress, Sociology and Economics*, translated, edited, and with an introduction by Ronald L. Meek, 119–82. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Vauban, Sébastien le Prestre de.* Projet d'une dixme. Translated as *An Essay for a General Tax*. 2d ed. London: John Matthews for Geo. Strahan, 1710.

- Vickers, Douglas.* Studies in the Theory of Money 1690–1776. London: Peter Owen, 1960.
- Viner, Jacob.* Studies in the Theory of International Trade. London: Allen and Unwin, 1937.
- Voltaire.* The Man of Forty Crowns (L'homme aux quarante écus) (1768). In The Works of Voltaire, translated by William K. Fleming, 2:244–308. New York: E. R. DuMont, 1901.
- Wakefield, Edward Gibbon.* A View of the Art of Colonization, with Present Reference to the British Empire; in Letters between a Statesman and a Colonist. London: John W. Parker, 1849.
- Walras, Auguste.* De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur augmenté de notes inédites de Jean-Baptiste Say (1831). Reprinted with an introduction by Gaston Leduc. Paris: Félix Alcan, 1938.
- Walras, Leon.* Éléments d'économie politique pure ou théorie de la richesse sociale. Lausanne, Paris, Bale: L. Corbaz, 1874a.
- . "Principe d'une théorie mathématique de l'échange". Journal des Économistes, 3d series, 34 (1874b), 5–21.
- . Théorie de la monnaie. Paris: Bureau des Revues, 1886.
- . Elements of Pure Economics or the Theory of Social Wealth. Translated by William Jaffé. London: George Allen and Unwin, 1954.
- . Correspondence of Léon Walras and Related Papers. 3 vols. Edited by William Jaffé. Amsterdam: North-Holland, 1965.
- Weber, Max.* "Roscher und Kneis und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie". In Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, 1–145. Tübingen: Mohr, 1922.
- West, Sir Edward.* An Essay on the Application of Capital to Land, with Observations Shewing the Impolicy of any Great Restriction of the Importation of Corn, and That the Bounty of 1688 Did Not Lower the Price of It. London: T. Underwood, 1815. Reprinted as A Reprint of Economic Tracts, edited by Jacob H. Hollander. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1934.
- Whewell, William.* On the Mathematical Exposition of Some Doctrines of Political Economy. From the Transactions of the Cambridge Philosophy Society. Cambridge: J. Smith, Printer to the University, 1829. Republished from the originals in the Goldsmiths' Library of Economic Literature, University of London. Farnborough: Gregg International Publishers, 1968.
- Wicksell, Knut.* Über Wert, Kapital und Rente nach den neueren Nationalökonomischen Theorien (1893). L.S.E. Reprints of Scarce Tracts No. 15. London: London School of Economics, 1933.
- . Interest and Prices. (Geldzins und Güterpreise): A Study of the Causes Regulating the Value of Money. Translated by R. F. Kahn

- with an introduction by Professor Bertil Ohlin. London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1936.
- . Lectures on Political Economy. Translated by E. Classen and edited with an introduction by Lionel Robbins. London: George Routledge, 1934–35.
- . Value, Capital and Rent. Translated by S. H. Frowein and with a foreword by Professor G. L. S. Shackle. London: George Allen and Unwin, 1954.
- Wicksteed, Philip H.* An Essay on the Co-ordination of the Laws of Distribution. London: Macmillan, 1894. L.S.E. Reprints of Scarce Tracts No. 12. London: London School of Economics, 1932.
- . The Common Sense of Political Economy Including a Study of the Human Basis of Economic Law. London: Macmillan, 1910.
- Wieser, Friedrich von.* Über den Ursprung und die Hauptgesetze des Wirthschaftlichen Werthes. Vienna: Alfred Hölder, 1884.
- . Natural Value. Edited by William Smart. Translated by Christian A. Malloch. London: Macmillan, 1893. Reprint. New York: Augustus M. Kelley, 1971.
- Wilson, Thomas.* A Discourse Upon Usury by way of Dialogue and Orations, for the better Variety and more Delight of all Those that shall read this Treatise (1572). With an historical introduction by R. H. Tawney. London: G. Bell and Sons, 1925.
- Wordsworth, William.* "The Prelude" (1805). In The Poetical Works of Wordsworth, 124–222. Boston: Houghton Mifflin, 1982.
- . "French Revolution" (1809). In The Poetical Works of Wordsworth, 340. Boston: Houghton Mifflin, 1982.
- W. S.* A Discourse of the Common Weal of this Realm of England (1581). Edited by Elizabeth Lamond. First printed in 1581 and commonly attributed to W. S. Cambridge: Cambridge University Press, 1929.
- Xenophon.* On the Means of Improving the Revenue of the State of Athens. In Early Economic Thought: Selections from Economic Literature Prior to Adam Smith, edited by Arthur E. Monroe, 31–49. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948.
- Young, Allyn Abbott.* "Increasing Returns and Economic Progress". Economic Journal 38 (December 1928): 527–42.
- Young, Arthur.* Travels during the Years 1787, 1788, & 1789; undertaken for particularly with a view of ascertaining the cultivation, wealth, resources, and financial prosperity of the Kingdom of France. 2 vols. 2d ed. London: Richardson, 1794.
- Zawadzki, Wladyslaw Marian.* Les mathématiques Appliquées à l'économie politique. Paris: Rivière, 1914.

Научное издание

Лайонел Роббинс
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Лекции в Лондонской школе экономики

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Елена Макеева
Художник серии Валерий Коршунов
Верстка СЕРГЕЯ Зиновьева

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

✠

Подписано в печать 15.03.2013 Тираж 1000 экз.
Формат 60×90/16. Гарнитура Баскервиль. Заказ №418
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chprd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Лайонел Роббинс

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Лекции в Лондонской школе экономики

ЛАЙОНЕЛ РОББИНС (1898–1984) — выдающийся британский экономист и глава Лондонской школы экономики. Во время Второй мировой войны возглавлял экономическую часть кабинета Уинстона Черчилля, а после ее окончания долгое время руководил газетой «Financial Times». Наибольшую известность принесли его работы по экономической теории, методологии и анализу экономической политики.

Публикуемые лекции, читавшиеся в Лондонской школе экономики в 1979–1981 годах, освещают экономические идеи многих мыслителей, начиная с Платона, Аристотеля и Фомы Аквинского. Роббинс подробно останавливается на работах Адама Смита, Томаса Мальтуса, представителей классической политической экономии, Карла Маркса и Альфреда Маршалла. Лекции объединены убежденностью Роббинса в том, что современные институты и общественные науки невозможно по-настоящему понять без осознания идей, стоявших за их развитием.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙ ДАРА

ISBN 978-5-9325-5365-7

9 785935 553657